

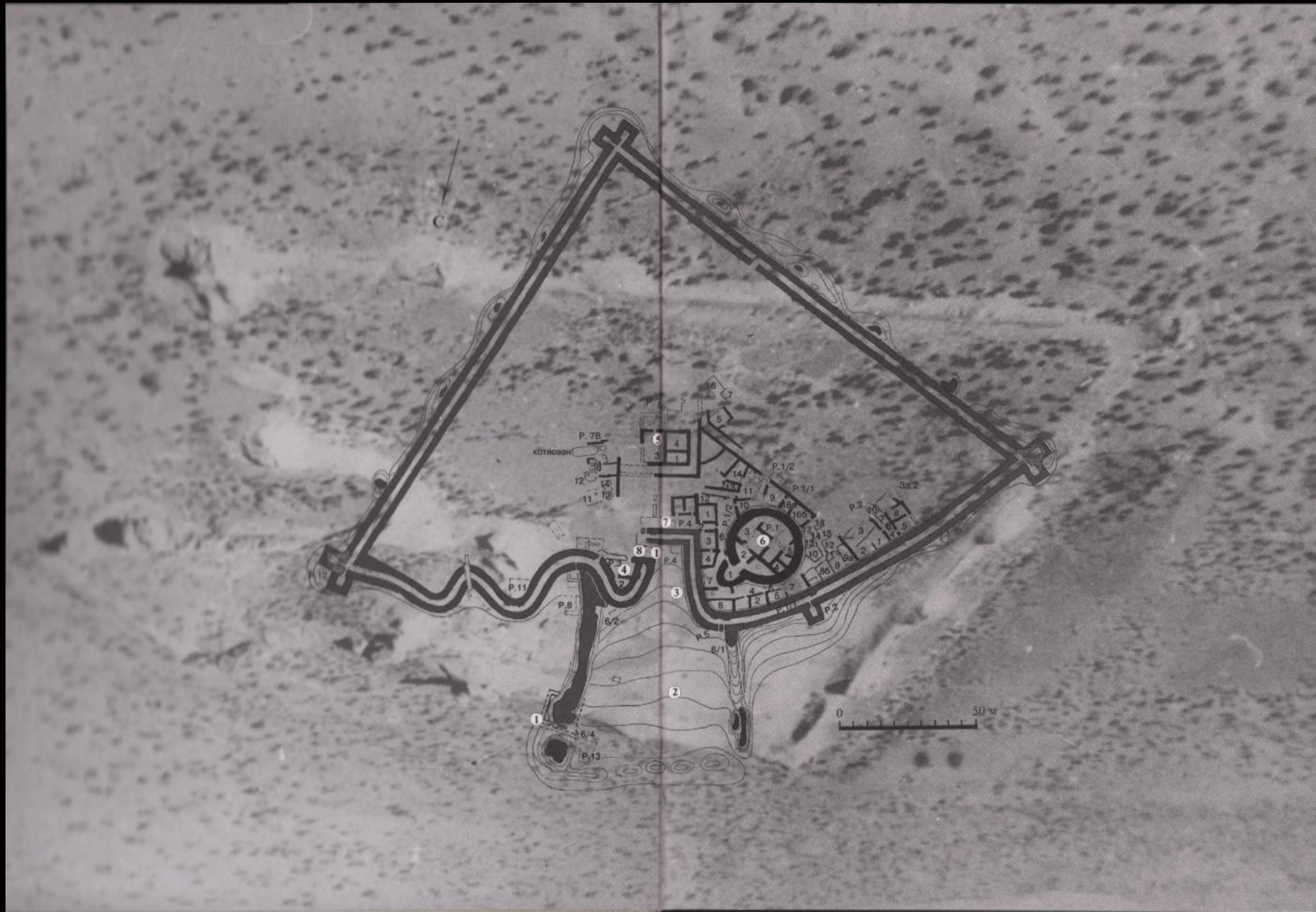
СС-9628
K14

КАЛАЛЫ-ГЫР 2

СС-9628
K-17

Культовый
центр
в Древнем
Хорезме

С6-902.6

К14

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ВОСТОКА

КАЛАЛЫ-ГЫР 2

Культовый
центр
в Древнем
Хорезме
IV-II вв. до н.э.

Ответственный редактор Б.И.Вайнберг

*В Библиотеку
Российского
Музея Востока
от автора*

Государственный
музей искусства
народов Востока
№ _____

Государственный
музей искусства
народов Востока
№ 56675

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2004

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
К17

Издание осуществлено при финансовом содействии
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 03-01-00305

Издательство благодарит за содействие в издании книги
Институт практического востоковедения (г. Москва)

На первой стороне переплета: крышка керамического сосуда с рельефным изображением Гопатшаха

На четвертой стороне переплета: роговое навершие с гравированной сценой

На форзацах: общий план Калалы-гыр 2 (после раскопок)

Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. / Отв. ред. Б.И.Вайнберг; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая; Гос. музей Востока. — М.: Вост. лит., 2004. — 286 с.: ил., карт. — ISBN 5-02-018389-X (в пер.).

Монография содержит первую полную публикацию и исследование материалов из раскопок уникального памятника, относящегося к концу ахеменидской эпохи и постахеменидскому времени. Выявлены культурные и торговые связи Хорезма в этот период, осуществлявшиеся вверх по Амударье (Оксу), вниз по ней и Узбою вплоть до Каспия и прилегающих к нему областей Мидии и других регионов Ахеменидской империи. При анализе археологических находок особое внимание уделено керамическим рельефам с мифологическими сценами, статуэткам, культовой посуде. Специальный раздел посвящен памятникам древнехорезмийской письменности на керамике и кости. Книга богато иллюстрирована, значительная часть иллюстраций публикуется впервые.

ББК 63.4(2)

ТП-2004-1-267
ISBN 5-02-018389-X

© Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии
Издательская фирма «Восточная литература»,
2004
© Государственный музей Востока, 2004

Введение

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа подводит итоги исследования уникального памятника IV–II вв. до н.э. в древнем Хорезме — культового центра Калалы-гыр 2. Раскопки памятника, проводившиеся в течение девяти полевых сезонов, завершились в 1991 г. в связи с прекращением финансирования. Многие вопросы остались еще не выясненными, но полученные результаты дают достаточно ясное представление не только о материальной, но и духовной культуре Хорезма в это время. Нами предпринята попытка на основании полученных материалов реконструировать ряд основных мифов древних хорезмийцев этого времени, а также ритуалы, связанные с эксплуатацией культового комплекса.

Учитывая нынешние реалии, мы даже в отдаленной перспективе не видим возможности опубликовать полностью все результаты раскопок с детальным описанием проработанной работы, вследствие чего нам пришлось в настоящей монографии отдать предпочтение анализу полученных материалов и их интерпретации. Сами археологические находки, особенно те, что хорошо известны по другим памятникам Хорезма, не всегда получали детальную характеристику, определялась, как правило, лишь их тип и особенности. Предложенные реконструкции ритуалов, культов и мифов, представленные в материалах культового центра, предпринимались в науке и ранее. Памятники искусства, найденные на Калалы-гыре 2 в немалом количестве, подверглись детальному анализу и иллюстрируются многочисленными фотографиями (выполнены С.Н. Ивановым) и рисунками (художник Г.М. Баев).

В ходе выполнения исследования авторы обработали огромный объем полевых чертежей, на основании которых в монографии представлены планы, разрезы и детали многочисленных археологических объектов с памятника, этот документальный материал сам по себе представляет большой интерес для специалистов.

Материалы топографической съемки и ежегодных обмеров на памятнике использованы для составления и уточнения генплана Калалы-гыра 2.

Некоторые разночтения с первоначальным планом С.П. Толстова объясняются тем, что нами выполнен инструментальный план, а первоначальный был глазомерным. Съемка памятника (его генплана) проводилась в основном архитектором А.С. Дубовским и топографом Д.Н. Луцмановым при участии Г.М. Баева и др.

На памятнике в разные годы работало большое количество разных специалистов, да и просто энтузиастов, искренне преданных этому уникальному археологическому объекту, всех их нельзя и перечислить. Постоянная команда археологов состояла из сотрудников Института этнологии и антропологии РАН: Б.И. Вайнберг (научный руководитель работ), С.М. Колякова (с 1986 г. — начальник отряда), М.Ю. Полон-

Посвящается всем участникам
раскопок Калалы-гыра 2

ской и научного сотрудника Государственного исторического музея Е.В. Перводичковой. Дважды по месяцу в раскопках принимал участие А.Н. Гертман, один сезон — С.Б. Болелов (Музей искусства народов Востока).

В ходе подготовки данной работы менялся и состав авторов. В связи с отъездом из страны С.М. Колякова и М.Ю. Полонской многие разделы пришлось заново выполнять другим специалистам.

Большая часть работы выполнена Б.И. Вайнберг, главой о керамике написал С.Б. Болелов, главу о надписях — В.А. Лившиц (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН). При описании раскопок использованы материалы С.М. Колякова и М.Ю. Полонской. Особо следует отметить большую работу, проведенную в свое время ими при обработке материалов с памятника и подготовке планов и разрезов раскопок в окончательном виде. Топографический план окрестностей памятника составлен на основании аэрофотосъемки Б.И. Вайнберг, съемка винюградника — топографа О. Алиходжина. Дешифровка всех вариантов аэрофотосъемки принадлежит Б.И. Вайнберг. Палеографические таблицы выполнены ею же, съемка надписей — А.Б. Никитина.

Работа выполнялась при постоянной поддержке Российского гуманитарного научного фонда, предоставлявшего Б.И. Вайнберг в составе коллектива сектора этноархеологии Института этнологии и антропологии РАН в 1997 г. по гранту № 97-01-0045а «История и культура древнего Хорезма»; в 1999–2001 гг. по гранту № 99-01-00302а «Мелкая пластика древнего Хорезма». Завершение работы и подготовка книги выполнены в рамках гранта № 02-01-224а.

В тексте рисунки имеют довольно сложную нумерацию: первая цифра обозначает номер главы, за чертой — порядковый номер рисунка в пределах главы.

Отдельная нумерация дана для цветных иллюстраций.

На форзаце помещен сводный план памятника с обозначением раскопок, помещений и функциональных зон. Легенду к ним см. в Списке иллюстраций, рис. 24.

История изучения Калалы-гыра 2

Калалы-гыр 2, известный у местного населения под названием Кюзеги-гыр или Айртан, был открыт С.П. Толстовым в 1939 г. во время его первого маршрута по левобережью Хорезму. Тогда же, напомним, был снят и первый глазомерный план памятника. В архиве Хорезмской экспедиции (ХЭ) сохранились кроки этой съемки в альбоме художника экспедиции Н.П. Толстова. На основании этих обмеров был сделан общий план, который С.П. Толстов опубликовал даже без

дополнительного описания в монографии «Древний Хорезм» (1948). В довоенные же годы памятник посетил С.А. Вязигин, который нашел здесь, как и на Калалы-гыре 1, оссуарные захоронения, они попали в Музей г. Ташауза, а черепа были отправлены на обработку антропологу Т.А. Трофимовой (см. о них [Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 100 и сл.]).

Во время маршрутных поездок С.П. Толстова и других сотрудников экспедиции памятник неоднократно осматривался археологами, с него привозился небольшой подземный материал.

В 1953 г. во время раскопок на Кюзели-гыре, расположенном в 6 км к юго-западу от Калалы-гыра 2, небольшие разведочные раскопки на памятнике произвел этнограф Г.П. Снесарев. В его задачу входило предварительное обследование монументального здания в западной части памятника, которое в некоторых работах по Хорезму (С.П. Толстов) называлось «цитаделью». Вместе с тем в связи с наличием в его развалинах оссуариев (находки С.А. Вязигина) предполагалось, что это погребальное сооружение (Ю.А. Рапопорт). Г.П. Снесарев провел поверхностную зачистку в северной части здания, окопав ряд стен, вскрыл одно из помещений в западной части здания (№ 4 по нашей нумерации), начал раскопки в его северо-восточной части, где попал в ряд порубок и ям позднего времени (одна из них разрушила проход из пом. 1 в здание, в другой им были найдены в перевернутом виде два чернолощенных сосуда VII–IX вв. н.э. с витыми ручками). Среди других находок были отмечены фрагменты оссуариев, в том числе и статуарного. На полу пом. 4 отмечался слой, обильно насыщенный костями рыб, что заставило Г.П. Снесарева отказаться от точки зрения Ю.А. Рапопорта о погребальном характере памятника (см. дневник в архиве ХЭ). Во время раскопок был найден фрагмент керамического рельефа (от плоской стороны фиалки) с изображением всадника на верблюде (см. публикацию его во II томе ТХАЭЭ в статье С.П. Толстова).

Дальнейшее исследование памятника не планировалось, но после раскопок круглого здания на поселении Гур 3 в 1980 г. (работы Б.И. Вайнберг, см. АО за 1980 г.) автор стал искать аналогии среди известных памятников в Хорезме. Среди кроков М.С. Лапирова-Скобля случайно были обнаружены замеры тех «обрывков» стен внутри круглого здания на Калалы-гыре 2, которые расчистил Г.П. Снесарев. Знание внутренней планировки круглого сооружения на Гуре 3 позволило сразу понять, что на Калалы-гыре 2 представлена идентичная застройка, совпадающая даже по размерам. Поэтому после маршрутных работ Присарикамшишского отряда в 1981 г. были проведены в течение одного месяца раскопки круглого здания на Калалы-гыре 2. В наши планы тогда в силу ограниченности финансовых возможностей не входили раскопки на памятнике вообще, предполагалось раскопать хотя бы одну половину круглого здания (раскоп 1), чтобы выяснить, идентична ли его планировка гуркалинскому. Естественно, что попутно решались и задачи стратиграфии и хронологии. В связи с этим мы провели траншею между круглым зданием и крепостной стеной и раскопали ближайшую к нему башню (раскоп 2). Но благодаря хорошей команде, которая подобралась на раскопках памятника в том сезоне, нам удалось раскопать круглое здание целиком, окопав его снаружи и заложить раскоп на верхней площадке входного комплекса (втянутый вход на крепость — раскоп 4). Начаты были работы и в комплексе помещений к северу от ворот в крепость

(раскоп 3). Кроме того, мы расчистили внутри входного комплекса место смыкания стены крепости и входного комплекса (раскоп 5, еще в 1968 г. во время маршрута мы здесь обнаружили большое гнездо орла).

Результаты проведенных раскопок дали очень интересный материал, прежде всего — древнейшие в Хорезме и Средней Азии острак и надписи на хуме. Большой интерес вызвал и двуручный амфоровидный ритон, явно сделанный в подражание металлическим ахеменидским образцам.

Стал вопрос о продолжении этих раскопок, но необходимо было еще и завершить раскопки круглого здания на поселении Гур 3. В 1982 г. предполагалось весной провести раскопки именно там (С.М. Коляков), а осенью — на Калалы-гыре 2. Но непревиденные обстоятельства (автомобильная авария) заставили нас отказаться от обоих проектов в том году. В 1983 и 1984 гг. С.М. Коляков завершал исследования на поселении Гур 3, и лишь в 1985 г. мы смогли вновь вернуться к раскопкам Калалы-гыра 2.

С 1985 по 1991 г. раскопки проводились ежегодно (работал отряд в 20–25 человек, но каждый сезон мы не знали, будут ли средства на их продолжение; это обстоятельство заставляло нас вести работы в «пожарном порядке», на первоочередных, по нашему представлению, объектах. См. общий план на форзаце и рис. 2/4).

Постоянным объектом в течение всех сезонов была застройка вокруг круглого здания (раскоп 1), для удобства обозначения объектов и исходя из опыта раскопок и публикации Кой-кырган-калы мы разделили всю застройку вокруг круглого здания на два раскопа: 1/1 — к западу от входной башни и 1/2 — к востоку и северу от нее. В пределах каждого из этих раскопов велась своя нумерация помещений. Сомкнулись эти раскопы на юге к западу от промоины, разрушившей южную часть круглого здания.

В ходе раскопок выяснилось, что застройка у этого здания с запада-юго-запада была ограничена улицей-коридором, проходившей параллельно крепостной стене памятника, что сразу поставило вопрос о единой, заданной заранее планировке внутренней застройки памятника.

В 1985 г. А.Н. Гертманом была проведена работа по исследованию конструкций стен и их оснований в пределах входного комплекса [Гертман, 1991], все эти расчистки получили наименование «раскоп 6», но с пояснением в значительной дробной порядковом номере участка (6/1–5).

Раскоп 7 занял весь центр памятника, здесь проводились многократные расчистки поверхности для выявления остатков планировки центрального здания. Несмотря на скептицизм подавляющего большинства наших коллег, удалось выявить планировку большей половины здания и ряда помещений, примыкающих к этому комплексу с запада. Совсем уж неожиданным подарком для всех нас была находка остатков сюжетной живописи на обломках штукатурки в одном из помещений центрального здания. Улица-коридор сомкнула раскопы 7 и 1/2.

Весь участок плохо сохранившейся каркасной застройки к востоку от центрального здания получил наименование «раскоп 7а», он отделялся от центрального здания глухой стеной (с-ю).

Застройка по обеим сторонам торцовой стены втянутого входа на верхней площадке крепости отнесена к раскопу 4.

Раскоп 3 был расширен, он охватил пом. 1 и 2 в петле извилистой стены на севере крепости, огибавший их стрельчатый коридор и выходящий на него пандус.

Раскоп 8 — это участок, примыкавший с внешней стороны (с востока) к восточной стене входного комплекса, на стыке ее с крепостной стеной и ниже по склону.

Раскоп 9 охватил небольшой участок внутренней застройки у восточной стены крепости. Его задача была выявить следы этой застройки и ее характер.

Раскоп 10 возник в результате расчистки восточной стены входного комплекса вблизи его примыкания к крепостным стенам. Здесь были обнаружены разные массивы кирпичной кладки (приклады и т.д.) и большая, заложенная впоследствии ниша, вероятно, культового назначения.

Раскоп 11 занял половину площади одной из «петель» внутри крепости у северной ее стены. Обнаружены остатки хозяйственной застройки и очаги.

Раскоп 12 — северо-восточный фортификационный узел с двумя башнями в виде ласточкиного хвоста на углу крепостной стены.

Между раскопами 11 и 12 в крепостной стене проводилась расчистка на месте обнаруженного здесь строительного прохода — «калитки» в цокольной части крепостной стены. Нам обнаружено три таких прохода: два практически симметричных в северной стене, один — в юго-западной, все они по завершении строительства на памятнике были заложены. Раскопы их не получили специальных обозначений.

Без обозначений остались и расчистки башен на южном и западном углах крепости.

Раскоп 13 был заложен как продолжение одного из участков раскопа 6 с правой стороны ворот на входной комплекс Калалы-гыра 2. Здесь расчищен большой очаг с серым леплосом у самого прохода на памятник, помещение типа алтана у северной стены входного комплекса, перекрытое мощным слоем песчаных намывов. Проводились и дополнительные зачистки в пределах входного комплекса, но отсутствие техники для снятия и транспортировки большого количества песка, к сожалению, не позволило нам провести необходимые работы на этом очень важном для интерпретации памятника участке.

Раскоп 2 с крепостной стены был расширен внутрь крепости, в него вошла застройка к западу от улицы-коридора, ограничивавшего эту застройку у стен круглого здания, и продолжающие ее стены, упирающиеся в крепостную стену в районе строительной калитки.

Таким образом, раскопы 2, 1/1, 1/2, 1, 3, 4, 7, 7а, 8, 10 и частично 5, 6 сомкнулись в одну большую площадь раскопок на памятнике, что, несомненно, помогло нам в интерпретации всего культового комплекса, унитывая к тому же его небольшие размеры. На памятнике известны и две конструкции ворот — при входе на входной комплекс и при входе на крепость, два сохранившихся пандуса, ямы-землянки, связанные с производственными комплексами периода строительства.

К этому же периоду относятся и некоторые производственные сооружения внутри цокольной части стрельчатого крепостного коридора.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ

К ахеменидской эпохе оазис в низовьях Амударьи бесспорно назывался Хорезмом, он занимал в эту эпоху максимальную территорию, орошаемую всеми руслами реки (см. [Вайнберг, 1999, ч. I]). В пределах страны, окруженной пустынями, выделяются три природно-хозяйственные зоны: правобережье (Акчадарынская дельта, рис. 1/1), левобережье (Присарыкамьшская дельта, рис. 1/3, 1/2) и Приаральская дельта у Аральского моря. Довольно сложной была и этническая история оазиса на ранних этапах его освоения [Вайнберг, 1999].

Следует отметить, что жизнь всех регионов Хорезмского оазиса всегда зависела от вод Амударьи. Никаких полезных ископаемых в стране практически не было. Основу ее хозяйства составляло земледелие и дельтовое скотоводство (разведение преимущественно крупного рогатого скота и лошадей). Большое место в разные эпохи занимала торговля с соседними кочевниками и скотоводами, поселившимися внутри оазиса.

В связи с историей Калалы-гыра 2 нас прежде всего интересует левобережный Хорезм, где он был расположен.

С VI в. до н.э. начался новый этап в хозяйственном освоении территории левобережного Хорезма — Присарыкамьшской дельты. Появились ирригационные сооружения, началось строительство крепостей, наряду с каркасным строительством распространяются постройки жилья из сырца, появляется сырцовая архитектура, широко распространяется гончарный круг. В пределах дельты, а иногда и в непосредственном соседстве существуют кюсайские комплексы VI–V вв. до н.э. и даже более поздние, а также памятники древнехорезмийской цивилизации (архаическая, или кюзелигырская культура).

На протяжении всего периода от VI в. до н.э. до V в. н.э. большая часть протоков Присарыкамьшской дельты продолжала функционировать и, как показали исследования последних лет, доносила свои воды до Сарыкамьшской впадины.

Крупнейший памятник этого времени в Присарыкамьшской дельте — крепость Кюзели-гыр, с которой связано начало древнехорезмийской цивилизации и градостроительства [Вишневецкая, Рапопорт, 1997]. Несмотря на большую роль земледелия в хозяйстве кюзелигырцев, преобладание в их стаде крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов дало основание С.П. Толстову сделать вывод о господстве и в это время типа полукочевого скотоводства [Толстов, 1962, с. 104].

Известны развешанные поселения в русле Присарыкамьшской дельты и укрепления на мысах возвышенностей (см. [Вайнберг, 1991]).

Следующий период — вторая половина V — первая половина IV в. до н.э. К самому концу его относятся уже опубликованные памятники — поселение на юго-западном мысу

Тарым-кая I и могильник с захоронениями очищенных костей в сосудах¹.

Не совсем еще ясны все стороны взаимодействия кюсайской и кюзелигырской культур в этот период, хотя факт этого взаимодействия не вызывает сомнения.

Все обнаруженные до сих пор поселения кюсайцев на равнине по берегам русел (вблизи крепости Кюзели-гыр в том числе) не сохранили культурного слоя. Но в подземном материале на них наряду с преобладающей лепной кюсайской посудой с красной поверхностью встречается в некотором количестве гончарная кюзелигырская керамика.

Большие изменения происходят на территории Присарыкамьшской дельты в конце ахеменидского периода (середина — вторая половина IV в. до н.э.). Городище Кюзели-гыр не доживает до этого времени. Причины запустения его не совсем ясны. Каких-либо следов явной катастрофы при раскопках не было обнаружено. Не исключено, что памятник был оставлен населением в связи с изменением режима обводнения. Вероятно, в боковой проток русла Даудана, на котором расположен Кюзели-гыр, вода постепенно перестала поступать в связи с его заиливанием. Не исключено, что широкий, но короткий магистральный канал этого времени, который обнаружен около памятника [Андрянов, 1969, с. 151–154], был сооружен в основном для переброса воды из хорошо обводнявшейся части русел к Кюзели-гыру, но и это мероприятие могло лишь отсрочить катастрофу для жителей городища, а не предотвратить ее полностью.

И.В. Пьянков на основе анализа письменных источников предположил, что при ахеменидском царе Артаксерксе II (404–359 гг. до н.э.) Хорезм становится отдельной сатрапией Ахеменидского государства [Пьянков, 1965, с. 42]. Предполагается, что предпосылка этого кроется не только в политической ситуации этого времени. Археологические работы в Присарыкамьшской дельте показывают, что сток воды в нее активно осуществлялся на протяжении всего периода античности. Даже наиболее южные протоки Даудана, отмиравшие в первую очередь, обводнены еще в IV–II вв. до н.э. Они доносят воду до Сарыкамьшского озера. Заполнявшееся с VII в. до н.э., оно какое-то время спускало давало сток в Узбой. Первоначально это, очевидно, были лишь отдельные прорывы. В VI в. до н.э., когда Кир II шел походом на массагетов [Дандамаев, 1985, с. 52 и сл.], судя по описанию источников, поселений массагетов на берегах Узбоя, где была уже

¹ Вайнберг, 1979, с. 25–27, 37–38. Считаем необходимым подчеркнуть, что дата этих памятников — рубеж V–IV вв. до н.э. — требует пересмотра в сторону омоложения на полвека в связи с уточнением хронологии «кянгуйской культуры» Хорезма на основании материалов из раскопок Калалы-гыра 2.

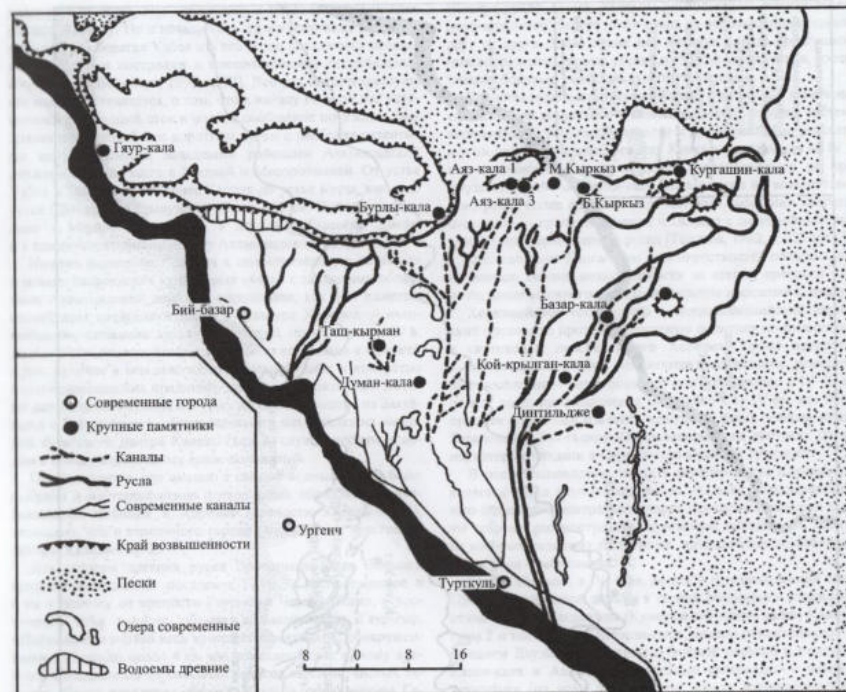

Рис. 1/1. Карта правобережного Хорезма. Памятники второй половины I тыс. до н.э.

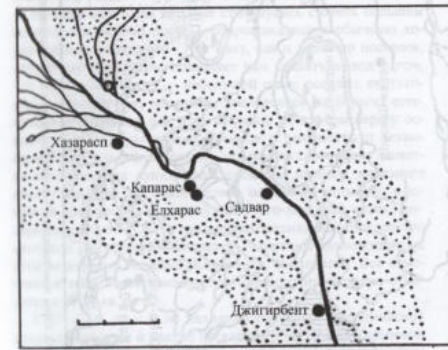

Рис. 1/2. Карта южного Хорезма. Памятники второй половины I тыс. до н.э.

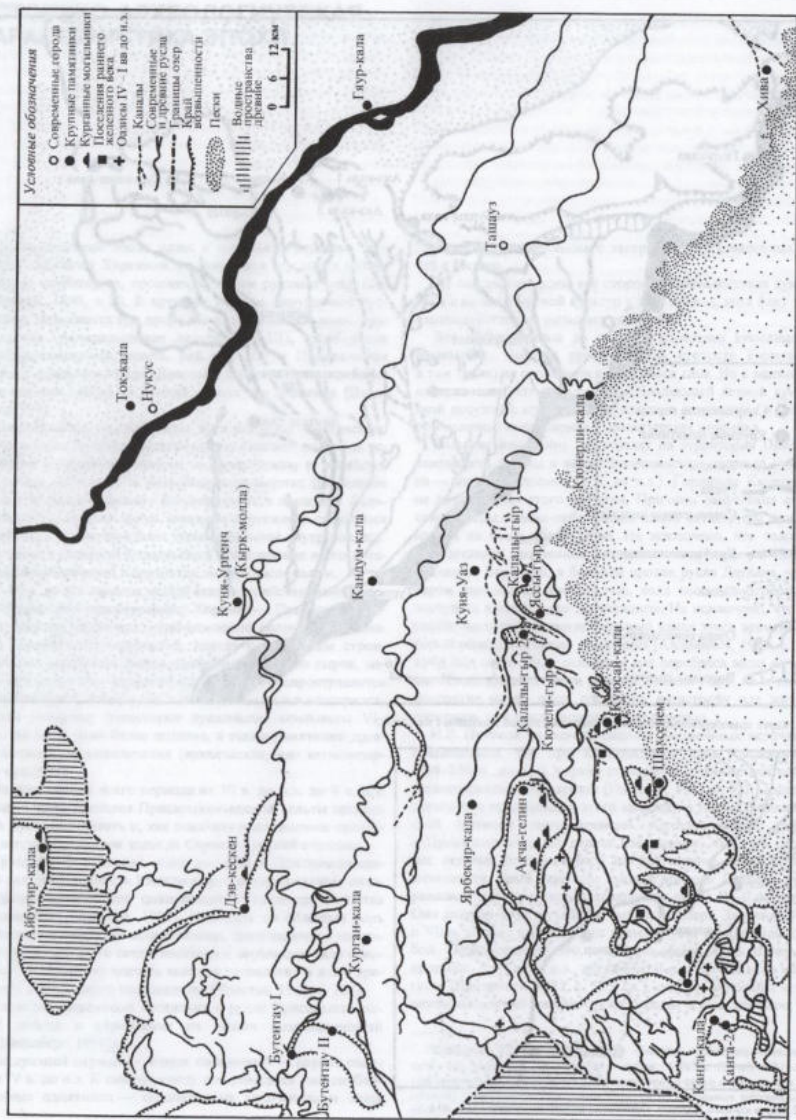

Рис. 1/3. Карта левобережного Хорезма. Памятники и город показаны Г. Гаме, до н.э.

вода, еще не было, они находились в нескольких переходах от него к северу. Но к началу IV в. до н.э. ситуация резко изменилась, на берегах Узоя и в его устье появляются поселения, культовые постройки и многочисленные погребальные сооружения [Вайнберг, 1999, ч. III]. Все это свидетельствует, как нам представляется, о том, что к началу IV в. до н.э. установился регулярный сток и водное сообщение по Узюю, связывавшее Хорезм более коротким путем с наиболее развитыми центральными и западными районами Ахеменидской державы, прежде всего с Мидией и Месопотамией. От устья Узоя в Туркменском заливе Каспия до устья Куры, как и до устья Сефидруда (Кзылузья), около 350 км. Пути эти вывели в Мидию Атропату, а отсюда к бассейну Диалы и к административному центру Ахеменидского государства.

Именно выделение Хорезма в самостоятельную сатрапию и новые направления культурных связей с западными областями Ахеменидской державы определили, как нам кажется, своеобразие следующей эпохи в культуре Хорезма — «кангуйской», сложение культуры которой происходит в IV в. до н.э. Уникальность этого культурного комплекса в Средней Азии, наличие в нем многих переднеазиатских и конкретно поднеахеменидских традиций, зачастую характерных именно для Западного Ирана, и к тому же просто импорт из Закавказья и Месопотамии, обнаруженный в материалах из раскопок культового центра Калалы-гьра 2, служат веским доводом в пользу высказанных выше положений.

Представляется, что именно в связи с водным путем было выбрано и местоположение центра вновь образованной ахеменидской сатрапии в Хорезме (крепости Калалы-гьр 1), возможно, что и столичного города (Куна-Уаб) и культового центра (Калалы-гьр 2).

Для истории древних русел Присарыкамьшья большой интерес представляет поселение Гяур 3, расположенное в 6 км к востоку от крепости Гяур-кала Черменьянская, у восточного края южного обрыва возвышенности Гяур-гьр. «Поселением» назван весь комплекс памятников, обнаруженных на площади около 4 кв. км, относящихся к одному времени и отделенных от соседних оазисов полосой чистых такыров. Центр поселения образует усадьба, обозначенная Гяур-кала 3 в силу монументальности развалин, окруженных стенами. В усадьбе Гяур-кала 3 выделяется круглое здание.

На Гяур-кале 3 мы впервые столкнулись с очень большим комплексом лентной посуды, сопровождавшим обычную хорезмийскую гончарную. Этот факт, как и характер построек, отсутствие ирригации, позволяет нам сделать вывод о том, что поселение Гяур-3 — небольшой оазис оседлых скотоводов, занимавшихся, возможно, земледелием на берегах естественных протоков и в зоне разливов на другом берегу основного русла, куда плавно понижается местность от возвышенности Гяур-гьр. Очевидно, эта группа скотоводов является наследниками кюсайской культуры раннего железного века. Подобные, но более мелкие поселения потомков кюсайцев сохранились в ряде пунктов юго-западной части Присарыкамьшской дельты, где древнехорезмийское государство основало ряд крупных крепостей — центров цивилизации на этой периферии Хорезма (Канга-кала, Шахсенем). Все отмеченные выше памятники послеахеменидского времени относятся к IV–II вв. до н.э.

К IV–II вв. до н.э. по находкам гончарной хорезмийской посуды относятся и ранние поселения у подножья Тарым-каа против юго-западного мыса, от возвышенности его отделяло

мощное русло Атысы. Усадьбы располагались вблизи левого (юго-западного) берега этого русла на небольшом расстоянии друг от друга. Здесь также нет никаких следов ирригационных сооружений, кроме узких (до 50 см) каналчиков, соединявших боковые параллельные протоки русла.

Представляется, что именно в связи с активным включением населения западных окраин Хорезмского оазиса в систему хорезмийской государственности и культуры была заложена в этом районе крупная крепость Канга-кала, ставшая до IV в. н.э. несомненным центром этого скотоводческого по преимуществу района. Канга-кала расположена на возвышенности против более древнего укрепленного поселения местного населения — крепости Канга 2 и связана с системой действовавших протоков древних русел [Толстов, 1962, с. 227 и сл.].

Обследование Канга-калы и ее окрестностей показало, что на южном склоне возвышенности за стеной крепости есть нечто вроде «нижнего города» и открытое поселение к западу.

Хорезмийское государство в послеахеменидский период явно проводило протекционистскую политику по отношению к скотоводам левобережного Хорезма. Кроме крепостей в скотоводческой зоне появляются специальные ремесленные поселения — микрооазисы, существовавшие с IV–III вв. до н.э. до конца обводнения местности в IV–V вв. н.э. В настоящее время нам известно несколько таких оазисов между Тарым-каа и Туз-гьром, базировавшихся на протоках Даудана, которые впадали в Сарыкамьш в районе Тунокла.

В постахеменидскую эпоху в левобережном Хорезме появляется новая группа скотоводов. На всех возвышенностях юго-западной и центральной части Присарыкамьшской дельты широко распространены курганные могильники, многие из которых содержат подобные катакомбные погребения в различных комбинациях.

Таким образом, в IV–II вв. до н.э. в пределах южной части Присарыкамьшской дельты в тесном соседстве и взаимодействии жили земледельцы (Кунаузский оазис, район Калалы-гьра 2 и поселения у Кюзели-гьра, оазис ремесленников на Среднем Даудане, Шахсенем с близкой округой и городища Канга-кала и Акча-гелин), оседлые скотоводы — потомки кюсайцев (на всем пространстве между возвышенностями Канга-гьр, Тарым-каа и Зенги-баба во всяком случае) и кочевники-скотоводы (практически по всей южной части дельты). Представляется, что фиксируемые в Хорезме не позже III в. до н.э. курганы с подобно-катакомбными погребениями свидетельствуют о появлении здесь первой группы собственно кочевого населения. Возможно, она состояла из ряда родственных племен, если вслед за рядом исследователей связывать погребения в подбоях с северной и южной ориентировкой, как и катакомбы описанного типа, с разными племенами (см. [Вайнберг, 1999, ч. III, IV]).

Рассматривая проблему взаимоотношений кочевников с земледельческими поселениями Хорезмского оазиса, следует отметить, что границы Хорезма на западе с IV в. до н.э. и до конца античности довольно четко определяются по пограничным крепостям, расположенным на возвышенностях. С юга на север — это Канга-кала, Бутенту I и II и ранний Девексен.

Все отмеченные выше памятники скотоводов в Присарыкамьшской дельте расположены внутри границ Хорезмского оазиса.

Нет каких-либо оснований связывать отмеченные курганные могильники с оседлым земледельческим населением, так

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК
НА КАЛАЛЫ-ГЫРЕ 2

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Крепость Калалы-гыр 2 расположена в 6 км на северо-восток от городища Юзели-гыр у северного мыса самой западной из возвышенностей Яссы-гыр, у левого берега Южного Даудана. В плане она представляет собой почти правильный прямоугольный равнобедренный треугольник (длина боковых стен 195 м) с дугообразным основанием, идущим по краю возвышенности, т.е. практически это в плане четверть круга, к которому примыкает с северной стороны по склону возвышенности большой прямоугольный входной комплекс. Перепад высот от такыра достигает 20 м. К настоящему времени сохранность памятника очень различная в разных его частях. Наиболее высокими (4,5–5 м) являются останцы крепостных стен во входном комплексе и у стыка его стен со стенами крепости, внутри которых был стрелковый коридор на засыпанном цоколе. В остальной части крепостные стены разрушены до уровня пола стрелкового коридора и даже ниже. По склону возвышенности к западу от входного комплекса хорошо сохранилась одна из башен на цоколе (со стреловидными бойницами при высоте развалин стен над полом до 5–5,5 м — башня раскопана). Остальные башни, располагавшиеся через регулярные промежутки на прямых участках стен и сдвоенно, в виде «ласточкина хвоста» на трех углах крепости, сильно разрушены. Лучшие других сохранились башни на восточном и западном углах. Особое внимание привлекал участок крепостной стены на склоне возвышенности между восточным углом и входным комплексом — здесь отсутствуют башни, а стена в плане извилиста. Еще до раскопок было видно, что рельеф местности здесь достаточно ровный, т.е. стена не следовала каким-либо обрывистым участкам, а рисунок изгибов ее не имеет четкого ритма. Внутри крепости до раскопок были развалины только одного монументального здания, расположенного в укромном месте в изгибе крепостной стены. На остальной площади следы застройки почти не были заметны, поверхность памятника изобилует каменной материковой крошкой и фрагментами керамики. Поэтому без раскопок характер застройки был неясен.

Раскопки памятника начались с монументального здания и прилегающих участков крепостных стен, а затем они были расширены и охватили значительную часть входного комплекса, застройку вокруг монументального здания, центральную, наиболее смытую часть крепости и частично застройку по сторонам изгибающегося участка крепостной стены как внутри крепости, так и за ее пределами.

Сразу же удалось установить, что гибель памятника была связана с очень большим пожаром, следы которого есть во всех раскопках. При пожаре, вероятно, удалось спасти только монументальное здание — скорее всего потому, что оно было

поднято на двухметровый цоколь и кровля его значительно возвышалась над остальными постройками, но в проходе этого здания, заложенного после того, как оно было оставлено окончательно, на стенах есть следы интенсивного горения. Во всяком случае, на полах и в культурном слое этого здания следов пожара нет. Несмотря на гибель памятника от пожара, здесь сохранился довольно богатый комплекс бытовой и художественно оформленной керамики и других категорий инвентаря.

Раскопки показали, что постройки на крепости, как и вся она в целом, связаны с культовыми церемониями. Через входной комплекс по пандусу посетители попадали на площадку перед «втиснутым» входом в саму крепость, где в основании западного участка крепостной стены устроены культовые ниши. Перед одной из них был подиум, рядом с которым собраны фрагменты разбитого и затем уже обгоревшего амфоровидного ритона (рис. 5/4) с двумя ручками с оббитыми головками фантастических животных с гривами и остатками парных фигурок животных, наклепанных на плечи сосуда. Фигурки этих животных украшались насечками и пунонным орнаментом (на конце лапок). Ниже плечиков шел нарезной орнамент в виде вертикальных изгибающихся линий, возможно имитирующих воду.

Внутри входного комплекса перед воротами в саму крепость, от которых сохранилась часть сгоревшей деревянной обвязки и металлические детали (болты и оковки) ворот, как и вблизи ниш, были обнаружены миниатюрные культовые сосуды и мелкие сосуды со сгоревшим зерном, вероятно приношения посетителей.

За воротами в крепость слева (к северу) в стреловидном изгибе крепостной стены со стрелковым коридором на двухметровом цоколе располагается комплекс из двух помещений, северное из которых, закрывавшееся двойной дверью, было, вероятно, хранилищем культового напитка. Сохранились сосуды, стоявшие вдоль стен, и амфоровидный ритон с двумя ручками, украшенными налепами из львиных голов (подобные налпы до сих пор встречались только на ручках крупных одноручных красноглиняных кувшинов, они встречены в большом количестве и на Калалы-гыр 2). Южное помещение имело в центре между двумя базами колонн, вырубленных из каменистого материкового грунта, открытый очаг, а в восточной стене был пандус, выходящий через проход с дверью (проем с «четвертями» для дверной коробки) на уровень пола стрелковой галереи крепостной стены. В этом же комплексе найдены специально положенные в яму стебли злаков (снопы с обрезанными колосьями) и женские терракотовые статуэтки.

Поднявшись по пандусу в стрелковый коридор и обогнув описанные помещения с севера и запада и далее через перекидной мост у ворот в крепость можно было попасть в тор-

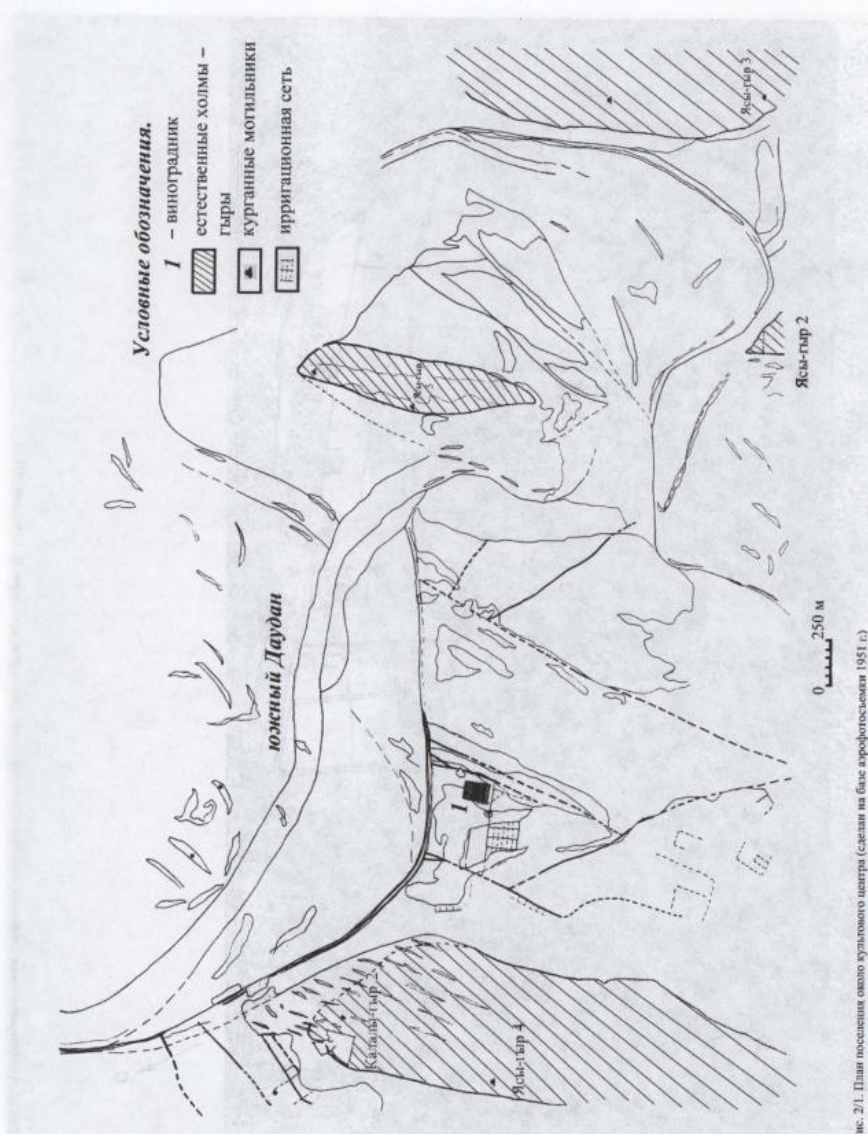

Рис. 2/1. План поселения около культового центра (сделан на базе аэрофотоизображения 1951 г.)

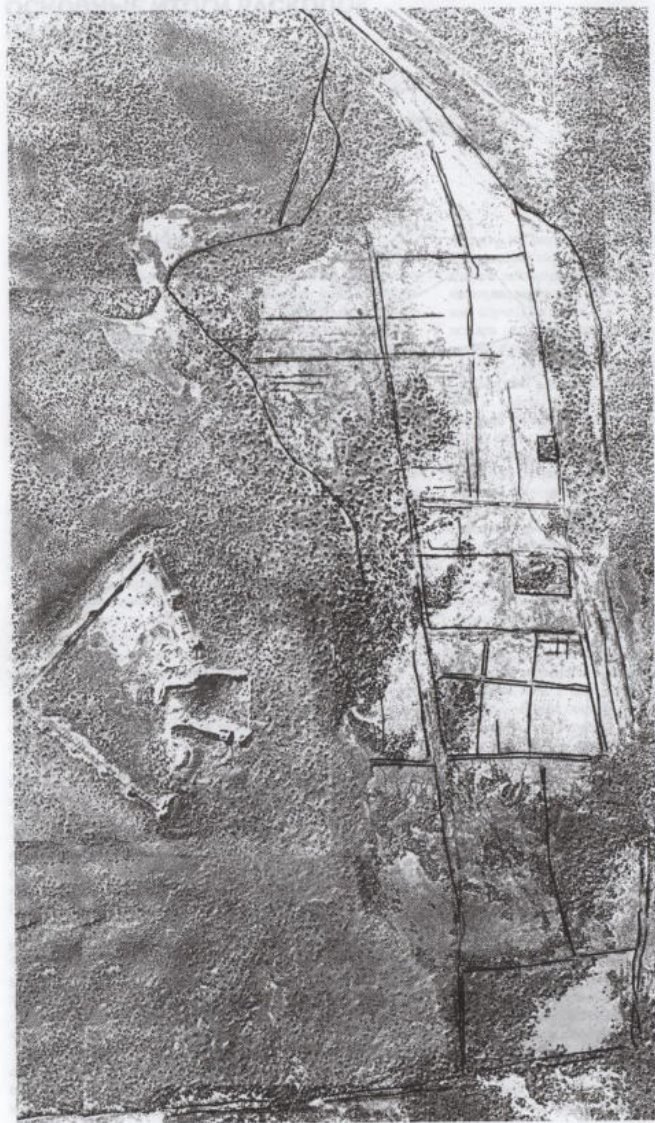

Рис. 2.2. Аэрофото плангитца и ближайших окрестностей к северу от него (вид до раскопок. Съемка Н.И. Игошина 1971 г.)

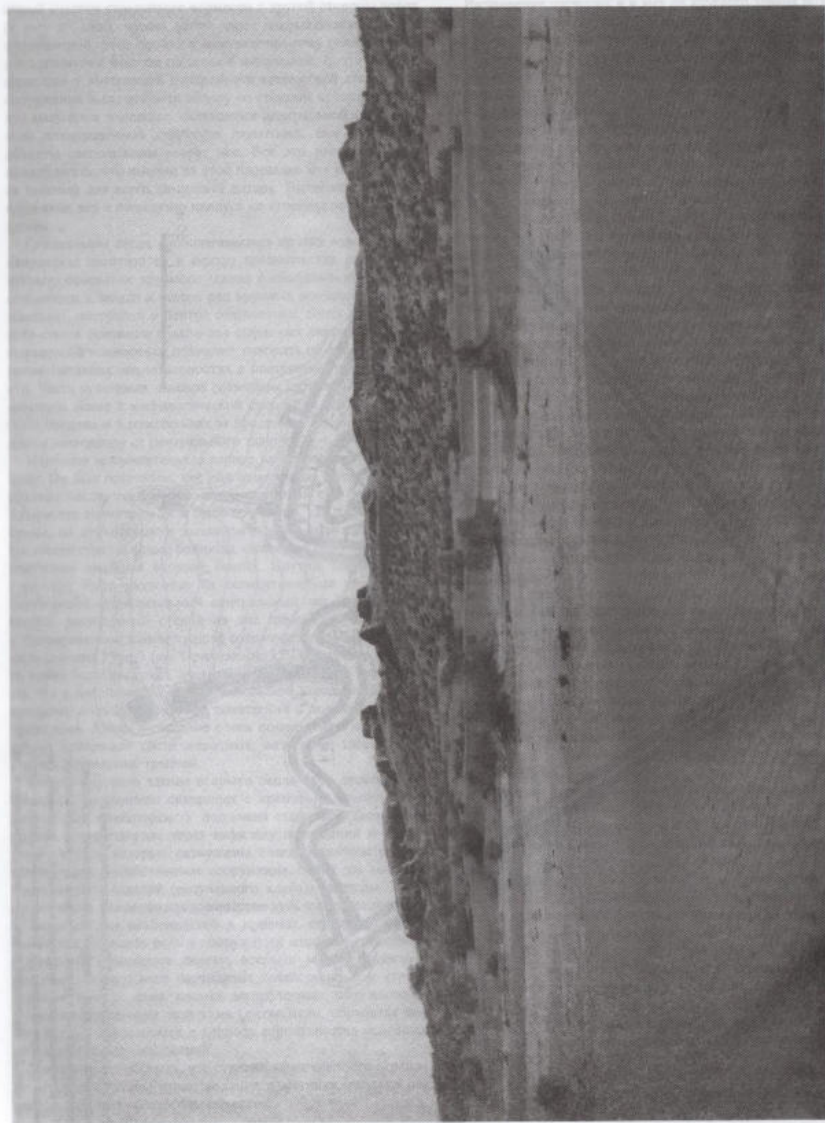

Рис. 2.3. Вид с севера на плангитца с урочища таларов

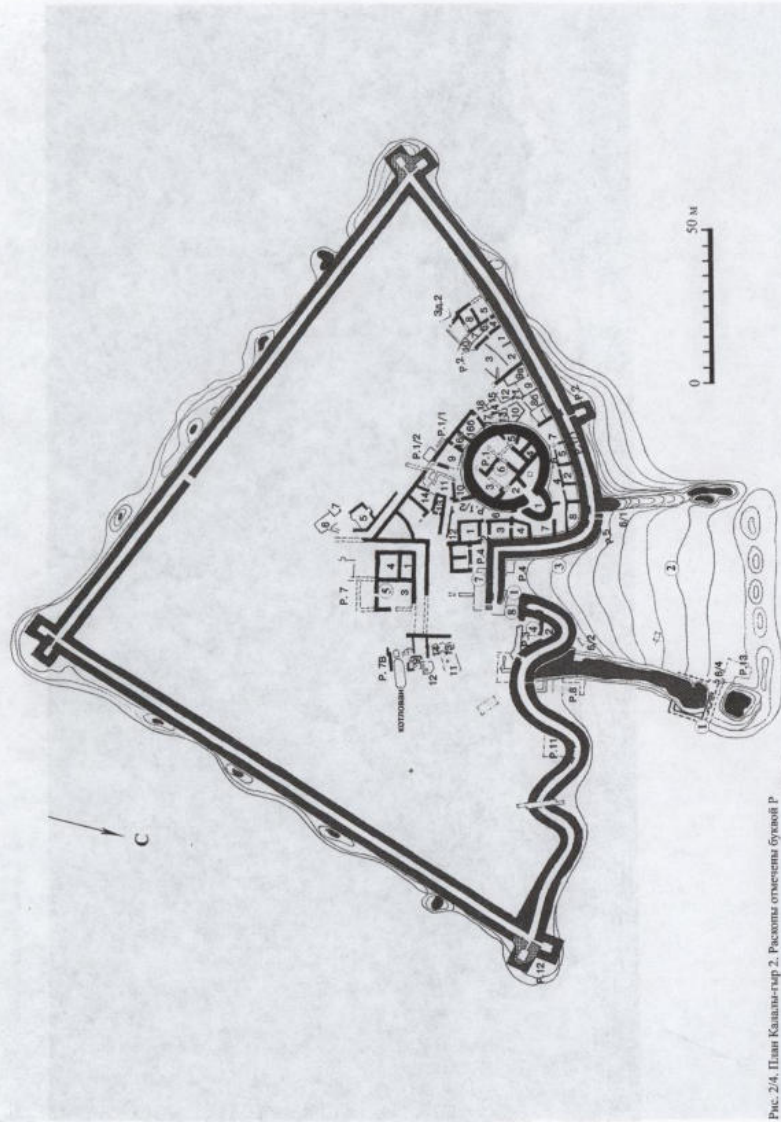

Рис. 2/4. План Калалы-гыр 2. Раскопы отмечены буквой Р и номером, помещения — цифрой. Функциональные зоны имеют номер, помещения в кружке: 1 — ворота; 2 — входной комплекс; 3 — вершина площадки с алтарными нишами; 4 — помещения, связанные с храмовым комплексом (?); 5 — центральное здание; 6 — круглый храм; 7 — центральный алтарь; 8 — место перемалывания зерна.

новый участок стрелкового коридора с другой стороны ворот (к югу от них), чтобы затем через закрывавшуюся дверь в крепостной стене пройти к монументальному пандусу, поднимающемуся с востока на запад к небольшой, почти смытой площадке у внутренней поверхности крепостной стены. Это сооружение было открыто обзору со стороны крепости. Пандус выходил к площадке, являвшейся центральной точкой во всей планировочной структуре памятника. Все культовые объекты расположены вокруг нее. Все это дает основание предполагать, что именно на этой площадке мог располагаться главный для всего комплекса алтарь. Возможно, что еще один вход вел к подножию пандуса со стороны центрального здания.

Специальная стена, располагавшаяся против ворот, как бы направляла посетителей к центру крепости, где расчищенной открыто основание крупного здания с обводным коридором, огнивавшим с запада и севера ряд крупных помещений. К сожалению, постройки в центре сохранились очень плохо, высота стен в основном в один-два сырцовых кирпича. Анализ выявленной планировки позволяет говорить об определенных геометрических закономерностях в построении плана крепости. Часть культовых находок (навершие алтаря, ритон, керамическая фляга с мифологической сценой на рельефе и др.) была найдена и в помещениях за пределами обходного коридора к юго-западу от центрального здания.

Наиболее монументальное здание на крепости — круглый храм. Он был поставлен, как уже отмечалось, в наиболее укромном месте, крепостные стены скрывали его полностью. Здание это диаметром 24 м было возведено, как и крепостные стены, на двухметровом бойнице, с севера к нему примыкает массивная овальная входная башня. Внутри здание рядом стен-хорд было разделено на сегментовидные помещения, окружающие прямоугольный центральный зал, в последний период разделенный стеной на два помещения. Подобное и одновременное здание худшей сохранности было раскопано на поселении Гаур-3 (см. Приложение 1). Помещение круглого храма было доступно, очевидно, ограниченному кругу лиц, так как в него попадали через небольшой парадный айван, к которому подводила система помещений с довольно узкими проходами. Айван и соседние с ним помещения в отличие от других содержали кости животных, возможно, здесь совершались ритуальные трапезы.

Вокруг круглого здания открыто около двух десятков помещений, несомненно связанных с храмовым хозяйством и ритуальным инвентарем. У подножия стены круглого храма проход осуществлялся через анфиладу помещений и «перелук», в ряде которых размещены очаги и камни разных конструкций, хозяйственные сооружения, печи для выпечки очень мелких изделий (ритуального хлеба), тандыры. Здесь же получено значительное количество культовых предметов.

Выявлен ряд особенностей в приемах строительства на памятнике, большая роль в сооружении жилых и подсобных помещений отводилась дереву, открыто много каркасных построек. В ряде мест расчищены хозяйственные и строительные ямы и даже сильно заглубленные полуземлянки с производственными остатками (литье меди, обработка железа и т.д.), относящиеся к периоду строительства основных монументальных сооружений.

Здесь уместно сказать, что стратиграфия крепости отражает не столько этапы существования памятника, сколько последовательность постройки объектов.

Расширение раскопок и к югу от круглого здания позволило стратиграфически увязать в единую систему всю застройку, включая центральное здание. Первоначально строились крепостные стены и круглое здание. Между ними были выделены крупные материковые ямы хозяйственно-производственного назначения и отдельные каркасные помещения. К югу от круглого здания обнаружены и частично раскопаны крупные полуземлянки (глубина котлована 1–1,5 м) с каркасными стенками над древней дневной поверхностью, появившейся в период строительства крепости (первый строительный период). Внутри одной из них обнаружены небольшие производственные печи, внутри другой — железные шлаки. После завершения наиболее масштабных строительных работ материковые ямы и землянки были засыпаны. Вокруг круглого здания были возведены помещения с сырцовыми и каркасными стенами (второй строительный период). И лишь через некоторый, очень продолжительный промежуток времени было возведено центральное прямоугольное здание и стены огнивающей его улицы-коридора (третий строительный период).

Слой большого пожара связан с гибелью памятника, но выявлены и иные очаги пожара, относящиеся к концу первого или началу второго строительного периода.

Весь богатый керамический инвентарь относится к одному археологическому раннекангойскому комплексу, который прежде наиболее полно был известен по нижнему слою Койкылган-калы. Обоснование нижней даты этого комплекса мы дали специально [Вайнберг, 1991, и Заключение]. В связи с его верхней датой следует отметить, что выявленные в ряде помещений три-четыре этажа в постройках с каркасными стенами на протяжении жизни памятника в целом (преднамеренная замена одноэтажного деревянного каркаса) позволяют уточнить общую продолжительность построек — около 150 лет, что укладывается в хронологический период от середины IV в. до начала II в. до н.э.

Встреченные на памятнике датирующие предметы инвентаря (за исключением керамики) — бронзовые наконечники стрел, костяные ложки и пряжка прохоровского типа — не выходят из этих хронологических пределов.

По сравнению с койкылганским комплексом бытовой и парадной посуды отличается не только количеством целых форм, но иногда и их своеобразием. Например, не встречено совсем бокалов на тонкой высокой ножке, но есть несколько экземпляров усеченно-конических кубков на дисковидном поддоне-ножке.

Культовые или парадные сосуды представлены ритонами с протомами животных местного производства и импортными (чернолощенными с прорезным зонным орнаментом, заполненным красной пастой), фрагментами сосудов с львиночелювными ручками, богато украшенными амфоровидными ритонами (возможно, от них происходят и фрагменты ручек с напелами в виде женской головки — типа хорезмийских терракот), керамическими флягами с рельефами на уплощенной стороне, флягами с ангобной росписью со сложными композициями; богатой коллекцией терракотовых статуэток (есть несколько новых типов), найдена керамическая форма для изготовления терракот, форма, очевидно, для ритуального хлеба в виде крупной статуэтки (женщина, кормящая ребенка в высокой «короне»), сосуд с граффити, изображающим пляшущего персонажа, навершие алтаря, ряд фрагментов от курительниц и т.д.

К числу особо значительных находок следует отнести остраки и изделия с древнехорезмийскими надписями: кроме

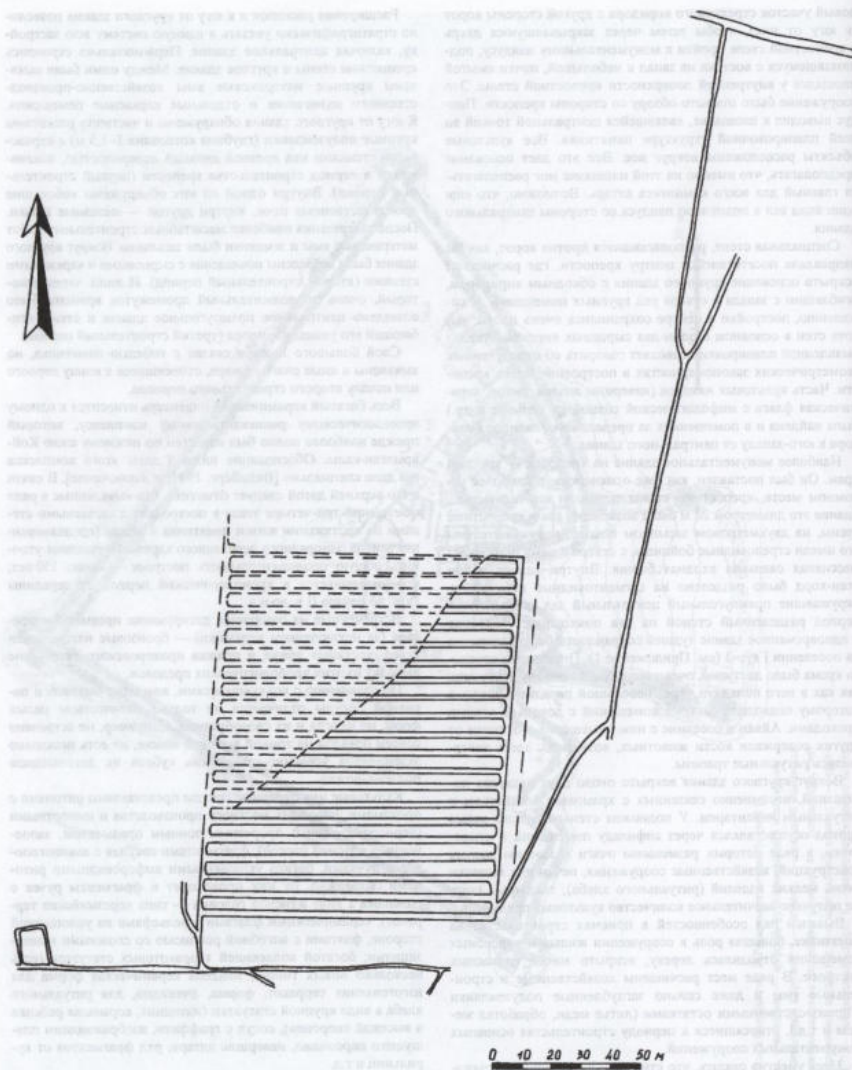

Рис. 2/5. Виноградник в окрестностях культового центра

большого количества сильно обгоревших черепков со следами надписей были найдены несколько остраконов с надписями хорошей сохранности, немного пострадавших от пожара, несколько однострочных надписей, хум с четырьмя или пятью одновременными надписями, фляга с надписью под рельефом, прощарпанная до обжига надпись на сосуде. Дешифровка этих надписей проводилась В.А. Лившицем. Почти все надписи найдены в помещениях вокруг круглого здания и, скорее всего, носят учетно-хозяйственный характер.

Особую серию находок, требующих глубокого отдельного анализа, составляют рельефы на флягах. На памятнике найдено значительное количество (около десятка) неизвестных ранее в Хорезме композиций и сюжетов (впервые встречены и рельефы на средних и маленьких посных фляжках): всадник на двугорбом верблode, едущий влево к дереву; всадник на богатой украшенной лошади с пикой и кинжалом на боку; сцена единоборства человека, вооруженного пикой, и, вероятно, фантастического животного на фоне деревьев и в окружении гор; олень, стоящий (вырастающий) на ветке раскидистого дерева; изображение календарного мифа о божестве умирающей и воскресающей природы в виде оленя, которого поражает стрелой из лука соларное божество.

Надо обратить внимание, что в ближайших окрестностях памятника нет одновременных с ним поселений, кроме хозяйственной зоны самого культового центра, он не связан ни с одним оазисом, но по руслу Даудана мог сообщаться практически со всей южной частью Присырькамской дельты, в религиозной жизни которой этот культовый центр играл, вероятно, большую роль. Большинство культовых предметов и находок из слоя памятника связаны с культом плодородия, который, скорее всего, был основным в системе религиозных церемоний, совершавшихся здесь. Как и всякий культовый центр в древнем государстве, он мог совмещать религиозные функции с фискальными, тем более что здесь встречены надписи хозяйственного содержания. Большой интерес представляет и сам факт наличия такого специального культового центра вблизи одновременного города и с точки зрения истории социальной жизни в Хорезме в послехакемидское время.

В петле русла Даудана к северу от памятника, как можно понять по аэрофоту (см. рис. 2/2), находились поля и какие-то постройки, следы которых сейчас перекрыты большим слоем намывов. С восточной стороны возвышенности (см. рис. 2/5) были обнаружены планировка виноградника, обводившегося из обвалованного русла Даудана, и, вероятно, садовые ирригационные планировки.

МЕТОДИКА

Особенности памятника определили и некоторые особенности методики раскопок. Применяемая обычно при раскопках сырцовых памятников Хорезмской экспедиции методика поверхностных расчисток и раскопок по помещениям и слоям (полам) с разрезами по слоям до материка дополнялась раскопками по квадратам на тех участках памятника, где не различались какие-либо остатки сырцовых построек. Нам пришлось выработать особые методы раскопок каркасных построек для данного памятника, при этом был учтен опыт раскопок каркасных построек на поселении Кюсауй 2 и городище Кюзеги-гир (раскопки 1953 г.), а также некоторые приемы, выработанные при раскопках памятников, построенных из камня с сырцовой штукатуркой и без нее (Игды-кала,

Гараул-депе, Ичянлы-депе в Восточном Прикаспии). Ничтожная сохранность построек на центральной площадке памятника заставила нас проводить неординарные последовательные поверхностные зачистки такырной поверхности. При этом каждый раз срезалась только минимальная толщина такырного слоя, так как уничтожение его могло привести к полной потере всяких следов кирпичей и следов застройки, поскольку большая часть их вообще смыта. В связи с этим следует отметить, что сохранность разных частей памятника сильно отличается. Лучшее всего сохранился входной комплекс, расположенный на склоне возвышенности, хотя он обращен к северу, откуда дуют господствующие ветры. Здесь стены достигают 4–5 м высоты, особенно при стыке его стен с крепостными. Несколько хуже сохранились угловые башни (типа «ласточкина хвоста») и северные участки крепостной стены, расположенные по краю возвышенности. Почти совсем смыты крепостные коридоры на остальной части памятника. Как правило, от них сохраняется только поволокая часть с засыпкой между стен. Смыты и башни на боковых крепостных стенах, от них остались небольшие возвышения.

Хуже всего сохранилась застройка внутренней части памятника. Исключение составляет только круглое здание, с основными кирпичными внутренними стенами, запущенными в засыпку цоколя, оно, несмотря на частичную порубку в первые века н.э., сохранилось выше уровня цоколя (для сравнения — аналогичное здание на поселении Гаур-3, расположенное на равнине и в более открытых условиях, сохранилось только в нескольких помещениях чуть выше цоколя). Соответственно застройка между круглым зданием и крепостной стеной, захвачая между двумя массивами сырцовых стен приличной сохранности и высоты, дошла до нас в очень неплохом состоянии (и на высоту до 1 м в среднем). Этому способствовало и то обстоятельство, что остатки построек на этом участке, огражденные двумя высокими сырцовыми стенами, довольно быстро были перекрыты намывами, законсервировавшими культурный слой.

Самая южная часть памятника занесена в настоящее время большими барханами песка, песчаный массив простирается и на восточной части крепости, где к тому же прошла большая промоина, разрушившая и часть крепостной стены вблизи восточного угла. Трудно предположить, что под песком могло сохраниться что-либо существенное.

Западная часть памятника занята плотным такыром, где еще есть следы водосбора в недавнее время. Раскопки, как и предшествовавшая им шурфовка, показали, что материк в этой части понижается, а постройки с культурным слоем, сохранившиеся на высоту около полуметра (а вблизи крепостной стены и выше), перекрыты довольно солидным слоем глиняных намывов.

Больше всего пострадала та часть застройки, которая занимала центральную часть памятника. Уже зачистка такырной корки показала, что мы практически имеем дело с «отпечатками» построек. Дальнейшие работы показали, что это справедливо для самой высокой части центральной площадки (на юге ее). Севернее же постепенное углубление дало возможность выявить планировку и культурный слой северной и северо-западной части центрального здания. При исследовании этого участка строители часто использовали подсыпки из материкового «рыжего» песка с мелкими камешками, что создавало иллюзию материкового слоя, который первоначально мы не разрушали. Позднее выяснилось, что под слоем

подобной подсыпки может быть и культурный слой небольшого насыщения или обмазки полов нижнего уровня. Для получения максимально полной картины мы стремились вскрыть все остатки культурного слоя на этом объекте. Итоги этой работы изложены в соответствующих разделах (особо отметим, что в 25-сантиметровом слое намывов одного из помещений центрального здания были обнаружены остатки настенной сюжетной живописи).

Исследование материка и связанных с ним конструкций представляло особую заботу при раскопках памятника. Именно зачистка материковой поверхности позволила не только выяснить полную стратиграфию памятника, но и определить последовательность этапов строительства отдельных объектов, остатки строительных лесов и разметок, «землянки» котлованы, сооружавшиеся в период строительства.

Раскопки на Калалы-гыр 2 показали, что в IV–II вв. до н.э. в леобережном Хорезме довольно часто в строительстве употреблялось дерево, и не только для сооружения перекрытий. Обычными были каркасные стены, известные до сих пор по этнографическим материалам, например из Хивы. Материалы эти не уникальны, первые каркасы мы встретили при раскопках поселения Куюсай-2 (VII–VI вв. до н.э.), известны они и на Кюезли-гыр (VI–V вв. до н.э.), косвенные данные о существовании каркасных построек были и на поселении Гяур-3 (раскопки Б.И. Вайнберг и С.М. Колякова). Остатки каркасных стен отмечены также при обследовании поселений скотоводов на юго-западной периферии Присарыкаммышской дельты и на поселении в Нурумском оазисе.

Расчистка каркасных построек на большой площади позволила выявить определенные закономерности в их конструкциях (см. раздел о строительных конструкциях) и в связи с этим наметить основные методические приемы их раскопок. Прежде всего здесь требуется особая тщательность: работы велись всегда только ножом и кистями, при этом удавалось выявлять не только ямки-углубления от столбов (как правило, каркас вставлялся в грунт и переплетался ветками и камышом), но и часть обмазок от нижней части стен. Если помещение подвергалось воздействию огня (а большая часть построек на Калалы-гыр 2 горела), то обмазки эти сохранялись вполне отчетливо в виде низкого «валика». Сложнее всего было определять места разрезов культурных наслоений. Но после определения ритма планировки (примерная длина помещений) мы довольно уверенно смогли установить места разрезов слоев между крепостной стеной и круглым зданием. В местах скопления каркасных конструкций мы делали дополнительные разрезы слоев. Выявилась определенная закономерность: в силу конструктивных особенностей полы двух соседних каркасных помещений, связанных проходом, различались по высоте в 20–25 см. Это обстоятельство (перепад в расположении культурных наслоений и полов) давало дополнительную информацию о расположении каркасных стен, разграничивавших эти помещения.

Особо следует оговорить, что разнообразие очагов на памятнике тоже определяло методы их зачистки. Традиционные очаги в центре помещения между двумя опорами (базами) колон не представляли сложности. Довольно легко зачищались очаги типа тандыров, несколько сложнее обстояло дело с каминными без дымоходов, которые встречались почти во всех помещениях вокруг круглого здания. Они, как правило, располагались в сырцовых массивах стен — чаще всего в паховом основании крепостной стены и определялись по небольшому горелому пятну на стене на полу помещения

(иногда это могли быть и просто участки обгоревшей стены при пожаре). Со стороны помещения такой камин отгораживался поставленным на ребро сырцовым кирпичом, часто этот кирпич-экран находился в завале внутри разрушенного очага. Судя по характеру слоя внутри каминов, они регулярно вычищались и служили для обогрева помещения.

Для определения месторасположения каминов требовалась тщательная расчистка всех горелых пятен на стенах у пола и разборка всех опалывов паховых стен. В одном помещении иногда встречалось несколько каминов, вероятно функционировавших в разное время.

Встречены и приставленные к кирпичной и даже каркасной стене очаги типа камин, но сооруженные в виде приставной конструкции из кирпича. Похоже, что такие очаги перекрывались тоже кирпичом в отличие от каминов, вырубленных в толще сырцовой стены.

Детальное исследование всех сырцовых развалов, сопровождавших каменные зернотерки, позволило нам выявить конструкцию подставок под них с тщательно обмазанными желобками, по которым сыпалось уже размолотое зерно и мука. По хорошо сохранившимся экземплярам мы полностью восстановили эту конструкцию, на основании этого реконструировались и остальные подобные сооружения, особенно на раскопе 7а, где сохранение слоя была очень плохой.

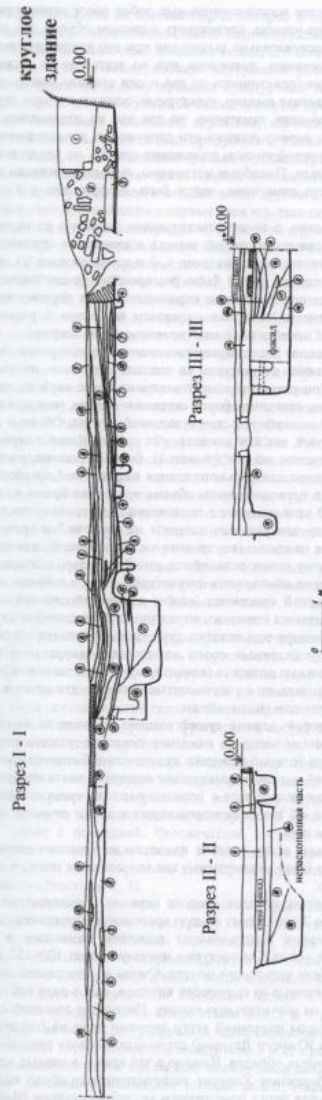
В пом. 1 раскопа 1/1 в 1985 г., в начальной стадии наших раскопок, был обнаружен разрушенный очаг в самой верхней части восточной стены, но пола, соответствующего ему, обнаружено не было. Первый же пол в этом помещении был примерно на метр ниже. Получалось, что очаг находился где-то на уровне пояса стоящего человека. Позднее, проводя зачистку стен (наружной поверхности) круглого здания, на уровне тоже одного метра над полом были обнаружены небольшие горелые пятна (размером около 10–15×5–7 см). Мы приняли вначале за пятна от пожара, но после тщательного исследования оказалось, что это сходные отверстия от небольших очагов, устроенных в толще сырцовой стены. Конструкция их описывается ниже.

При расчистке ям и котлованов в материке большое внимание уделялось выяснению времени их сооружения, перекрывающему слою и т.д. Все они увязывались с постройками, находящимися на той же территории.

Методика исследования памятника тоже совершенствовалась в ходе раскопок. Одновременно с раскопками памятника проводилось изучение верований древних иранцев, сооружений зороастрийцев и т.п. по литературным источникам. Это позволило уточнить стратегию раскопок, тем более что финансовые возможности наши были весьма ограниченными. Именно в связи с этим кроме центральной площадки и круглого здания с окружающей его застройкой мы довольно много внимания уделили входу комплекса, конструкциям его стен, площадке на верху его у «втянутого» входа на крепость, где были культовые ниши и где могли совершаться некоторые ритуальные действия. Сильно помог в этом плане и анализ конструктивных особенностей памятника в целом и принципов построения его плана (см. разд. «Приемы строительства и планировки»).

СТРАТИГРАФИЯ

Наши представления о стратиграфии памятника продолжали уточняться до самого конца раскопок, по мере обнаружения новых фактов.

Условные обозначения.

1 - аморфный кирпичный завал	7 - подсыпка материкового грунта	14 - подбутовка
2 - кирпичный завал с песком	8 - слои обмазок пола с культурными остатками	15 - рыхлый культурный слой с включениями зеленого цвета
3 - кирпичная конструкция	9 - пепельно-золотистый слой с мелкими угольками	16 - плотные глиняные обмазки
4 - заполнение материковых ровиков в виде плотной суспензии с керамикой	10 - песчаная подсыпка под обмазку пола	17 - серо-зеленый комковатый слой засыпки
5 - такжиро-горелый слой с костями и керамикой	10а - песчаная подсыпка под обмазку пола с добавлением суспензии и культурными включениями	18 - крупнопористый рыхлый слой засыпки
6 - рыхлый культурный слой коричневого цвета с костями и керамикой	11 - плотный слой суспензии с угольками и известковыми включениями	19 - суспензия с примесью песка и редкими культурными включениями
6а - рыхлый слоистый культурный слой коричневого цвета с костями и керамикой	12 - рыхлое глинисто-песчаное заполнение	20 - деформированный кирпично-песчаный завал с песком
/// - стены в разрезе	13 - рыхлая суспензия	21 - горелый культурный слой с углями и турдуком
	— - Материк	

Рис. 2/6. 1–4 — основной стратиграфический разрез (с юго-запада от круглого здания); II–III — разрезы по линиям с остатками живописи.

Сейчас мы твердо можем выделить следующие периоды:

1. Строительство крепостных стен, круглого храма, определяющие планировку и частичная застройка внутри крепости.

2. Первый период существования культового комплекса, культурные наслоения которого практически не сохранились. Возможно, что с этим периодом связано заполнение ряда крупных ям (например, котлованы в раскопе 7в), но доказательств этому у нас нет. Завершение этого этапа жизни на памятнике связано с большим пожаром. Первоначально все следы большого пожара на памятнике мы относили к его гибели, но постепенно стали накапливаться факты, свидетельствующие, что больших пожаров было два. Следы первого пожара имеются в проходе в круглое здание, после чего он был обужен дополнительной кладкой кирпича (следы пожара были не только под этой прикладкой). В том же круглом здании в центральном зале были следы прокала под более поздней стеной, перегородившей помещение на две части. После того как мы разобрали торцы этой стены, примыкавшей к основной северной стене помещения, выяснилось, что это остатки сильно обгоревшей до красного цвета штукатурки самой северной стены. Слой сильно обгоревшей (тоже часто до ярко-красного цвета) штукатурки внешней части крепостной стены в культовых нишах во входном комплексе, на верхней площадке, не получил иного объяснения еще в первый сезон раскопок без допущения более раннего сильного горения и на этом участке памятника. В один из последних сезонов, проводя исследование участка крепостного коридора и прохода из него к пандусу, выходящему на предполагаемую центральную алтарную площадку, мы вскрыли в проходе слой толстой внешней штукатурки, под ним обнаружилась интенсивно обгоревшая штукатурка. Остатки подобной обгоревшей штукатурки более раннего периода были нами зафиксированы и в 1985 г. на раскопе 4, на торцовом участке крепостной стены перед входом на основную территорию крепости, но тогда они не получили объяснения.

Окончательные доказательства не только того факта, что больших пожаров на памятнике было два, но и того, что культовый центр до его окончательного разрушения уже подвергался сильному разгрому, мы получили при исследовании пом. 1-3 на раскопе 7, где были открыты следы штукатурки с покраской и росписью, упавшие на пол, а остатки цветной штукатурки были обнаружены даже в углублениях от бывших здесь некогда баз колонн. Кроме того, здесь же были выявлены остатки подтеков на стенах, переходящие в затеки на полу (типа высохших лужиц), один из таких затеков в пом. 2 перекрывал небольшой сосудик (типа лексиды), вкопанный в слой ниже уровня первого пола.

В раскопе 12 (северо-восточные башни типа «ласточкина хвост» на углу крепости) выяснилось, что восточная башня, после того как была разгромлена и сожжена, не восстанавливалась в полном объеме. Вместо этого ее камеру отгородили от крепостного коридора новой стенкой из сырцового кирпича на глиняном растворе, таким образом большая часть башни уже не использовалась. В этой новой стенке было сделано треугольное отверстие, похожее на бойницу, но без предполагаемого расширения ее наружу, подобное отверстие могло играть только роль смотрового выду для очень малых размеров.

Все отмеченные факты достаточно убедительно свидетельствуют, что культовый центр на Калалы-гыр 2 пережил за период своего существования два разгрома, после первого он был восстановлен, а второй привел его к окончательной гибели.

Характер восстановительных работ после первого разгрома нам не удалось представить в полном объеме, так как памятник основательно вычистили при его реконструкции. Как уже отмечалось, возможно, что во вскрытом на раскопе 7в котловане (практически их два и они связаны между собой), представлены именно культурные остатки первого периода существования памятника, но так как не сохранилось даже обломок, перекрывавших эти сооружения, точные выводы об их стратиграфическом положении сделать не представляется возможным. Подобные котлованы, судя по просадкам на поверхности памятника, могут быть обнаружены и в других местах.

Вероятно, с восстановительными работами на памятнике можно связать и второй период в каркасном строительстве вокруг круглого здания (пом. 1, 2 и др. на раскопе 1/1, например), тогда же пом. 1 было разгорожено на две части. Если это наше предположение справедливо, то к первому периоду надо отнести материал с первого пола пом. 1 раскопа 1/1 (в пом. 2 аналогичный слой практически не вскрыт).

В раскопе 7 следы первоначального культурного слоя, за исключением штукатурки со следами живописи, не сохранились. При реконструкции памятника после первого пожара, вероятно, ставились более скромные задачи, чем при первоначальном строительстве культового центра. Об этом свидетельствуют, как нам кажется, уже упоминавшиеся перестройки в круглом здании (раскоп 1), более скромное, очевидно, оформление центрального здания на раскопе 7, не восстановленная в первоначальном объеме восточная башня на раскопе 12. В этот же период производится застройка пространства между центральным зданием на раскопе 7 и крепостной стеной с пандусом (внутренняя часть раскопа 4), для прохода к круглому храму оставляется узкий коридор; в аялаке круглого храма обновляется штукатурка, поверх побелки со следами черной «просписи» (скорее всего, это обшивки панели) накладывается глиняная штукатурка. В ряде мест в стрельковом коридоре есть остатки двух уровней культурной поверхности, разделенных слоем накиданного хвороста и других растительных остатков (камыш), но так как здесь вообще нет обломков пола, то с уверенностью относить эти остатки к разным периодам мы не можем.

3. Второй период существования культового комплекса, с разгромом которого памятник перестал существовать. Сохранился богатый комплекс культового и бытового инвентаря (большей частью керамические изделия), часть которого несомненно дошла еще с первого периода существования памятника, об этом свидетельствуют и следы ремонта на многих изделиях.

Меньше всего повезло находкам из круглого здания, так как они были перемерены, как мы покажем ниже, в первые века н.э.

Комплекс находок второго периода существования Калалы-гыра 2 определяет общую хронологию памятника.

4. Период использования развалин памятника в более позднее время. Он наступил минимум через 100-150 лет после гибели культового центра. Стены во внутренней застройке, сложенные из сырцового кирпича, еще в ряде мест сохранились на значительную высоту. Население соседних оазисов (есть следы поселений этого времени даже на близлежащих берегах Южного Даудана) стало использовать развалины для похоронных обрядов. Именно в это время, в первые века н.э., в левобережном Хорезме распространяется обряд выставления трупов перед помещением костей в ossuaries [Вайнберг,

1991]. Круглое здание на Калалы-гыр 2, которое к тому времени еще хорошо сохранилось, было переоборудовано под дахму. Сохранив полностью внешние стены, его пользователи срубили, судя по всему, остатки внутренней планировки до уровня замытого к тому времени культурного слоя. Не была разобрана закладка входа, а также закладка прохода в западные помещения комплекса, игравшие, вероятно, роль щелы этого храма. Проход был прорублен в южной части внешней стены, по нему позднее прошла глубокая промина, разрушившая значительную часть цоколя и полностью планировку и культурный слой в южной части круглого здания. Возможно, что пользователи в первые века н.э. еще осознавали связь его с культом плодородия и, во всяком случае, явно могли связать его с погребальными постройками и оссуариями типа круглых башен, распространившимися в этот период в Хорезме [Рапопорт, Лапиров-Скобко, 1983]. Круглый храм на Калалы-гыр 2, приспособленный под дахму в это время, больше всего походил на эти оссуарии — это была башнеобразная постройка с бойницами во внешней стене. Сохранились ли частично верхние части стен храма, мы не знаем, но это вполне возможно, так как за прошедшие 100-150 лет разрушения были еще не столь катастрофические. Внутри круглого здания первые находки оссуариев и человеческих костей сделал еще в довоенные годы С.А. Вязигин, затем С.П. Толстов (см. [Гизбург, Трофимова, 1972, с. 100 и сл.]). Во время раскопок Г.П. Снесарева в 1953 г. были тоже обнаружены фрагменты костей человека и обломки оссуариев. Нам достался сильно потрепанный слой на круглом здании, тем не менее поздний период в его освоении восстанавливается довольно хорошо. Отдельные человеческие кости (особенно длинные) были встречены в намывах в верхних частях заполнения, иногда даже были пола (если ранний слой отсутствовал), но особенно много характерных для дахмы остатков мы обнаружили в бойницах здания. Из них лучше всего сохранились бойницы в его восточной половине, все они были заполнены рядами деформированных черепов, у которых чаще всего нижняя челюсть отсутствовала. В одной из бойниц, выходящей в проход круглого здания (она как бы предназначалась для стрельбы по ногам входившего), заложены в нее остатки костей скелета были закрыты со стороны внутренней камеры крупным фрагментом сосуда первых веков н.э. с волнистым прочерченным орнаментом. Черепок был словно вставлен в стену здания. Подобная керамика, как и небольшое количество других находок, сопровождала также несколько погребений, совершенных по обряду трупоположения к западу от круглого здания, между ним и крепостной стеной, ближе к последней. Человеческие кости, а иногда и захоронения очищенных костей в бойницах и проломах крепостных стен вблизи круглого храма фиксировались нами неоднократно (раскопы 2, 4).

С этим периодом связано и несколько траншей, еще в древности нарушивших культурный слой памятника и позднее заполненных намывами или завалами. Вряд ли их сделали в поисках каких-то сокровищ, скорее всего они могут быть связаны с организацией дахмы, когда выяснялись условия для ее функционирования. Наиболее четкая и явная траншея была обнаружена на месте стыка пом. 6 и 7 раскопа 1/1, здесь она полностью разрушила часть каркасных стен, прорубила даже кирпичную стену между пом. 7 и 8, в раскопе она четко выделяется, так как на всю высоту была заполнена плотными глиняными намывами (стояла долго открытой). Нижний пол помещений траншея не повредила. Все построй-

ки между круглым зданием и крепостной стеной сохранились на высоту от полуметра до метра (максимально), выше шли сплошные плотные намывы, включавшие местами небольшие участки завала крепостной стены. Именно в слое этих намывов и были обнаружены поздние захоронения.

Вторая ярко выраженная траншея была обнаружена в восточной части пом. 11 раскопа 1/2. Здесь картина несколько отличалась от описанной выше. Вблизи сильно разрушенных остатков кирпичной стены были обнаружены отдельные фрагменты человеческих костей и траншея, частично прорубившая полы помещения (врезана в материк примерно на 15 см). Траншея, очевидно, прошла вдоль еще сохранявшейся в каком-то виде стены, так как позднее завал этой стены перекрывал траншею.

Именно этот поздний период освоения развалин памятника под погребения и выставления трупов может объяснить отдельные находки керамики первых веков н.э. в подземном материале с Калалы-гыр 2 (в том числе одной мужской терракоты).

Раскопки на участке между крепостной стеной и круглым зданием в намывах над пом. 7-9 раскопа 1 дали материалы вторичного использования памятника. При снятии верхних завальных слоев на уровне +88 у крепостной стены появились горизонтально лежащие сырцовые кирпичи — остатки какой-то конструкции, приложенной к стене. Конструкция связана с поверхностью на уровне +37. В 45 см к востоку от кирпичной конструкции расчищена круглая в плане ямка диаметром 30 см и глубиной 6 см, в которой было обнаружено скорченное погребение младенца, ориентированное головой на юг, лицом на восток. На расстоянии 70 см от крепостной стены в кирпичной кладке вырублена яма шириной 90 см, ориентированная с севера на юг. Восточный край ямы отступает от лица кладки на 18 см к востоку, размеры ямы с запада на восток — 72 см, глубина ее 40 см. Выявленная кладка постепенно переходит в беспорядочное нагромождение кирпичей типа завала, который тянется на запад на расстояние около 3 м. Поверхность, с которой связана кирпичная «выкладка», четко прослеживается на всем пространстве вплоть до круглого здания. Над этой поверхностью в кирпичном завале в полмьтой части крепостной стены были обнаружены беспорядочно лежащие и смешанные с завалом человеческие кости и обломки оссуария. В слое завала над этой поверхностью встречены фрагменты «хангойской» керамики и бесспорно более поздней, датирующейся первыми веками н.э. Последняя, очевидно, и датирует остатки захоронений. К этому же периоду, судя по стратиграфии, относятся и траншея шириной около 75-80 см, затянута плотными намывами и песком и прорезавшая западную стену помещения № 7 и всю его территорию с запада на восток.

Учитывая, что все находки остатков оссуарных захоронений связаны с уже заброшенным памятником (преобладают черепа и отдельные кости в бойницах круглого здания и прилегающих к нему участках крепостной стены), можно предположить, что само круглое здание в период совершения погребений могло рассматриваться или, вернее, использоваться как дахма — место выставления трупов. К этому времени внутренние стены круглого здания либо уже были сильно разрушены, либо специально были срублены в связи с его новыми функциями. В пользу второго предположения, как представляется, свидетельствует одинаковая высота всех внутренних стен круглого здания, выявленная нами при раскопках в 1981 г. Во всяком случае, последний период освоения

ния развалин крепости, как и на Калалы-гыре 1, связан с погребениями первых веков н.э. Остатки поселений этого времени с полностью размытым слоем были обнаружены нами к северу и северо-востоку от возвышенности, на которой находится памятник, у берега крупного русла.

ПРИЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПЛАНИРОВКИ

При раскопках Калалы-гыра 2 мы столкнулись с довольно разнообразным набором строительных приемов. Многие из них известны только в монументальных постройках. Строительство производилось из сырьевых материалов (пахса, кирпич) и дерева, которое применялось не только при возведении перекрытий, но и для сооружения стен. Впервые в условиях древней дельты Амударьи мы столкнулись не только с таким широким применением деревянных конструкций, но и повсеместным распространением каркасного строительства. В этом отношении Калалы-гыр 2 вряд ли является исключительным памятником, даже небольшие по объему работы на поселении Гаур 3 показали, что там тоже при сооружении жилых и хозяйственных построек за пределами круглого здания широко практиковалось каркасное строительство. Из работ этнографов по Средней Азии [Писарчик, 1954; Сухарева, 1976] известно, что правило, каркасные постройки распространялись в разных районах Средней Азии в связи с сильным увлажнением грунтов (например, в оазисах Ферганы) или при большой тесноте в городской застройке (Бухара, Хива). В ряде случаев стены даже небольших квартальных мечетей были каркасными [Сухарева, 1976, с. 98, 112–114, 120–122 и сл.], и лишь при наличии хорошего земельного участка и достаточных средств они сооружались из кирпича (как правило, обожженного, хотя бы в основании стен).

Раскопки на нашем памятнике показали большое разнообразие в строительной технике и принципах использования строительных материалов и конструкций.

Строительные материалы, очевидно, готовились заранее и вне пределов крепости, так в трех стенах (северной и западной) внутри комплекса они и доставлялись (раскоп 2, между раскопами 11 и 12, например). Эти проходы сооружались в основании крепостных стен, в их цокольной части, а после завершения строительства они закладывались. Период строительства длился, судя по тому, что наиболее удобный вход со стороны реки и уплощенной части возвышенности, на которой сооружался памятник, ремонтировался и около него скопились в большом количестве культурные отложения, довольно продолжительное время.

Как мы постараемся показать и доказать ниже, существовал не только общий первоначальный замысел планировки, но она была тщательно продумана и следовала определенным общим принципам, связанным или диктуемым некоторыми особенностями мировоззрения строителей и заказчиков.

Крепостные стены и круглое здание сооружались по одним принципам. При расчистке основания крепостной стены на ее севе в раскопе 3 (в пределах входного комплекса) удалось выяснить, что первоначально замысел планировщиков был выложен на материковом грунте рядами кирпичей, следовавших направлению внешней и внутренней стен окружающей крепость стрельковой галереи. Эти ряды кирпичей несколько выступают внутрь цоколя этой галереи. После такой

разбивки плана крепостных сооружений их цокольная часть возводилась из рядов пахсы на высоту 2 м; поскольку цокольная часть стрельковых коридоров на хорошо сохранившихся участках нами не раскалывалась, разбивка пахсы на блоки не была зафиксирована, так как наружная поверхность всех стен покрывалась толстой глиняной штукатуркой с саманом, что препятствовало разрушению их от атмосферных осадков. По нашим наблюдениям, кладка пахсы осуществлялась рядами, три таких ряда и давали высоту в два метра. Общая ширина цокольной части коридоров примерно 7,5 м, она делится на три равные части: две внешние паховые «оболочки», пространство между которыми заполнялось засыпным грунтом на всю высоту. Грунт на разных участках различался. Преобладал, как об этом можно судить и по сметам до уровня цокольной части участкам крепостных стен, материковый грунт возвышенности — мелкокомковатый ярко-оранжевый песок или слегка каменный грунт с большим содержанием того же песка оранжевого цвета. Вблизи строительной «калитки» на северо-востоке крепости и около ворот на верхней площадке, как мы установили, еще в период строительства крепостных стен, до засыпки цоколя внутреннее пространство его (после сооружения паховых «оболочек») использовалось для производственных и хозяйственных нужд. От упомянутой «калитки» по сторонам внутри цоколя, поднимаясь полого, вверх шел культурный слой, насыщенный керамикой, костями животных. У ворот к западу от двери, ведущей к пандусу и алтарю, в цоколе была сооружена печь для обжига извести (употреблялась при изготовлении керамики в качестве примеси и, вероятно, при побелке и росписи стен парадных помещений центрального здания).

С высоты двух метров от паховой кладки переходили к кирпичной, так как с этого уровня уже требовалось соорудить наружную часть бойницы. Последние располагались ритмично примерно через два метра (это расстояние между осями бойниц). Со стороны коридора бойница — это небольшое отверстие, перекрытое двумя наклонно наставленными кирпичами, образующими «стрелку» перекрытия. Верх этого перекрытия выдерживался на одном уровне во всей толще стены (2,5 м). Надо напомнить, что с этого уровня образовывались две стены коридора (внешняя и внутренняя), продолжавшие вверх «оболочки» цоколя. От входного отверстия бойницы дно ее резко, но плавно спускалось вниз (см. рис. 2/7). Поскольку мы расчистили целиком лишь ограниченное количество бойниц, вряд ли стоит обобщать данные о величине уклона их дна. Там, где удалось установить (раскоп 5, например), наружные размеры бойницы достигали 1,5 м.

Пол стрелькового коридора шел поверху засыпного цоколя, он не покрывался обмазкой, а просто утрамбовывался и застилался камышом, иногда, возможно, и хворостом (если это не остатки обрушившегося перекрытия). Бойницы со стороны коридора, как правило, сооружались на высоте около метра (см. рис. 2/8), но в раскопе 3, где они изначально были закрыты стеной входного комплекса, приставленной в этом месте торцом, это расстояние было значительно больше. Практически из этих бойниц человеку среднего роста стрелять из лука было невозможно. Скорее всего, зная это, что эти бойницы не будут функционировать, строители на этом участке соорудили их с чисто декоративной целью.

Насколько удалось установить, каких-либо дополнительных входов в стрельковой коридор крепости, кроме того, что раскопан нами у ворот в раскопе 3 (из пом. 10) нет. Возмо-

но, был проход и со стороны пандуса от алтаря, если там существовал выход к центральному зданию, что, впрочем, маловероятно, так как для эффективной обороны крепости это представляло известные сложности, хотя затрудняло и проникновение врагов. Но последние находили, как показали раскопки, другие выходы. Так, они явно проникли внутрь крепости через разрушенную восточную башню на северо-восточном углу крепости при первом ее разгроме (раскоп 12).

Для обеспечения успешной обороны внутри стрелькового коридора при проникновении противника уже непосредственно в него использовался интересный прием: вблизи проходов из башен, поворотов (изгибов) коридора у внутренней стены его сооружался пилон около двух метров ширины, выступавший из плоскости стены примерно на 60 см. Размеры этой конструкции определялись размерами кирпича (в крепостных стенах фиксировалось только кирпич 40×40×10–12 см). Кладка пилонов велась вперевязку с кладкой внутренней части стены коридора (ее стрелькового коридора), ширина его равнялась пяти кирпичам, а глубина (выступание) — полутора. По сторонам пилонов, в углах при перевязке в кладке выступали через ряд углы кирпичей, которые строители не срубали. На изгибах стен пилоны размещались попарно, на расстоянии тех же двух метров друг от друга. Описанные пилоны давали возможность защитникам укрыться от проникнувших в коридор врагов (см. рис. 2/9).

Стены стрелькового коридора не покрывались штукатуркой в отличие от внешних поверхностей стен крепости. В восточной и западной стенах ритмично располагались по четыре башни, вход в которые шел из стрелькового коридора. На трех углах крепости находились спаренные башни типа «ласточкина хвоста» (см. рис. 2/10–11, 12–14). Они тоже были связаны только с коридором. Северная стена крепости, проходившая у склона возвышенности, как уже отмечалось, имела только две башни на ее западном отрезке. Восточная половина ее имеет сложную конфигурацию в виде трех разновеликих плавных изгибов. Об особенностях этой планировки мы будем писать ниже.

Размеры угловых башен и рядовых несколько различаются, но все они имели прямоугольную камеру внутри (на раскопе 2 размеры ее 4×2,5 м). В каждой стене башни располагались по три бойницы, размещавшиеся с некоторым сдвигом по высоте (см. рис. 2/10). Проход в башню находился по середине ее камеры. Вряд ли такое сооружение могло иметь большое фортификационное значение, проходы в угловые башни находились практически по оси стрельковых коридоров и в связи с этим скорее могли сослужить службу при появлении противника уже внутри крепостных сооружений. Защитных пилонов вблизи угловых башен не встречено.

Перекрытия стрельковых коридоров были плоские, деревянные. Нужно подчеркнуть, что на Калалы-гыре 2 вообще не встречено ни сводов, ни завалов от них, хотя в это же время в Хорезме возводились огромные сводчатые перекрытия (Кой-кылган-кала, Елхарас) и техника возведения их была хорошо известна строителям. Это заставляет нас с осторожностью относиться ко всяким обобщениям в связи с датировками и ареалами строительных конструкций и приемов. Представляется, что особенности экологии (наличие строительного леса в увлажненной Присарыкамьшской дельте) сыграли свою роль не только в широком распространении каркасного строительства, но и в выборе конструкций перекрытия. Для строителей легче и дешевле, очевидно, было получить дерево

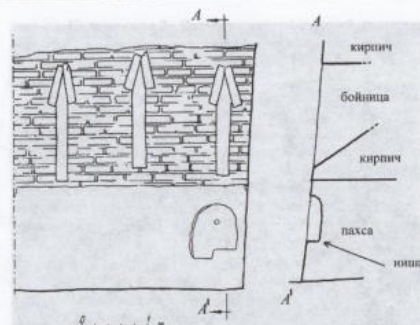

Рис. 2/7. Раскоп 5. Фасад и разрез стены. Вид снаружи

Рис. 2/8. Вид участка стрелькового коридора крепости у места стыка с западной стеной входного комплекса

Рис. 2/9. Контрфорс у внутренней стены стрелькового коридора

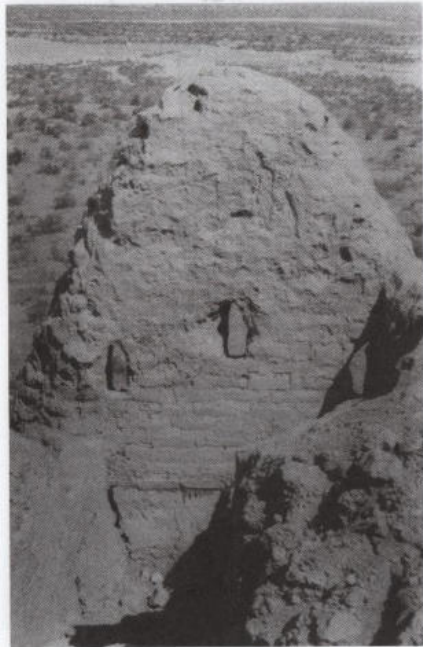

Рис. 2/10. Раскоп 2. Башня — вид изнутри

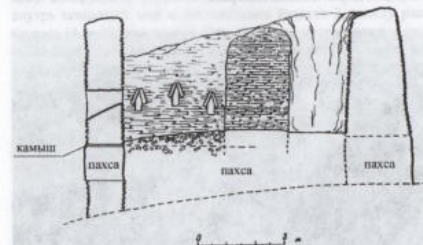

Рис. 2/11. Раскоп 2. Разрез через башню и стрелковый коридор

для строительства, чем изготовить огромное количество кирпичей, особенно для перекрытий. Следует отметить, что на кирпиче из нашего памятника не встречено знаков, что может свидетельствовать и об особенностях подготовки строительных материалов на Калалы-гыре 2 (ср. работы В.Л. Ворониной, А.Н. Гертмана).

Нами обнаружены следы от балок перекрытия стрелкового коридора в виде круглых гнезд, видимых на наиболее полно сохранившемся участке крепостной стены, в месте примыкания к ней восточной стены входного комплекса. Находилось перекрытие на высоте 4,5 м над уровнем пола стрелкового коридора. Гнезда от балок расположены на расстоянии около 30 см друг от друга, что давало возможность сооружать довольно прочный настил, на котором и находились защитники верхней стрелковой галереи, или волгана (рис. 2/15). На этом же участке в толще кирпичной кладки нам удалось расчистить сильно размытые, но четкие нижние части двух бойниц верхнего горизонта. Они шли наклонно к внешней стороне стены крепости и были закрыты приставленной в этом месте восточной стеной входного комплекса. Бойницы эти были расположены вдвое реже, чем в нижнем ряду. Мы не знаем, каково было их перекрытие и сооружался ли здесь верхний стрелковый коридор, может быть, это были бойницы в зубцах крепостной стены, на что как будто указывает их более широкий ритм.

После расчистки верхних бойниц у восточной стены входного комплекса, где сохранился наиболее высокий и мощный остец стен, мы с помощью верхолаза предприняли попытку исследовать хотя и несомненно более тонкой, но тоже очень высокий остец у места примыкания к крепостной стене западной стены входного комплекса. Наша попытка была успешной, здесь также сохранилась нижняя часть ложа бойницы верхнего уровня. Расположена она на той же высоте, что и на описанном участке.

Круглое здание возведено с помощью тех же строительных приемов, что и крепостные стены: стена цоколя его — двухметровой высоты, выложена из пахсы, ряды кладки ее были хорошо видны в шурфе внутри здания, в пом. 3. С уровня пола стены сложены из квадратного сырцового кирпича. В них тоже были сооружены стреловидные бойницы с наклонным наружу дном, хотя реальное использование их было затруднено в связи с отсутствием доступа ко многим из них (часто они находились около внутренней перегородки восточной стены). Представляется, что сооружение бойниц в круглом здании было данью традиции, когда подобные сооружения имели традиционно обходной коридор с бойницами. Сохранилось стреловидное перекрытие одной из бойниц на юго-западном участке стены.

По наблюдению архитектора А.С. Дубовского, бойницы разбивались по кругу из единой точки в центре здания и размещались так, что линия их разметки проходила по диагонали через каждую из сохранившихся бойниц. Очень интересными оказались бойницы вблизи входа в здание. Здесь уровень расположения их постепенно понижался, так что в проход были обращены бойницы, через которые можно было поражать идущего человека в колени и ступни ног.

По аналогии с крепостными стенами можно реконструировать и высотные параметры круглого здания. На перекрытии первого этажа скорее всего могла располагаться открытая площадка, возможно, тоже окруженная стеной с зубцами или просто зубцами. Подобное сооружение представлено в обли-

ке башнеобразных оссуариев первых веков н.э. в Хорезме (см. [Рапопорт, Лапироз-Скобло, 1963]).

Именно с верхней площадки круглого здания, внешняя сторона которого была разбита на фиксируемые участки бойницами, могли вести наблюдения за звездами жрецы культового комплекса. Напомним, что ал-Беруни отмечал давние традиции магов Хорезма в наблюдениях «звездных и лунных стоянок» [Беруни, I, III]. Если же предположить, что здесь же могли осуществляться и календарные наблюдения за солнцем (восходам, солнцестояния и т.д.), то для полного обзора горизонта в таком случае высота круглого здания должна была превышать крепостные стены. На это тоже как будто указывают вытянутые пропорции башнеобразных оссуариев. Но при диаметре (внешнем) круглого здания в 24 м трудно представить, что его высота превзошла эти цифры, скорее всего, она должна (или могла) была достигать примерно 10 м (эти цифры складываются из двух метров высоты цоколя, 4,5 м высоты стрелковой галереи и как минимум двухметровой высоты верхнего оборонительного сооружения плюс толщина перекрытия). При высоте круглого здания в 12 м (половина его диаметра) и шестиметровой высоте помещений в нем верхняя площадка этого здания оказывалась на уровне верха стен или зубцов крепостной стены, с нее открывался полный обзор неба и горизонта в любое время суток, обеспечивалась и фиксация всех наблюдаемых точек с помощью бойниц. Так могла создаваться обсерватория, отвечавшая всем нуждам местных жрецов.

В связи с этим хотелось бы вспомнить предлагавшиеся в печати реконструкции Кой-крылган-калы [Лапироз-Скобло, 1979, с. 265 и сл.; Булатов, 1988, с. 46 и сл.]. Во всех них авторы при реконструкции верхней площадки памятника исходили из умозрительных соображений, иногда весьма далеких от понимания верований древних иранцев вообще. Сейчас мы можем вернуться к этому вопросу, потому что круглые храмы Калалы-гыра 2 и Гаур-3 практически являются подобными же сооружениями, но только более скромными. Наличие двух идентичных построек свидетельствует, что это были традиционные храмы в древнем Хорезме. Отметим несколько их основных особенностей: круглый план, цоколь с засыпкой, в пределах которого располагались и нижние части основных стен внутренней планировки, что указывает на неременную их связь с землей, а также несомненное трехчастное вертикальное членение (цоколь, помещения, верхняя площадка). Перед нами бесспорно отвечающее иранским традициям сооружение с четкой ориентацией по четырем сторонам света (центральный прямоугольный зал в обходе сегментовидных помещений) и трехчленной структурой по вертикали. Ниже, при анализе планировки, мы еще вернемся к этому вопросу, а сейчас отметим, что здесь отражен и более древний принцип культовых сооружений индоевропейцев, связанный с культом плодородия и возрождения природы.

Сохранившиеся в нижнем этаже Кой-крылган-калы монументальные помещения соответствуют уровню цоколя наших круглых сооружений. Здесь присутствует строгая симметрия при ориентации по четырем сторонам, четкая связь с землей и даже водой (колодезь). Верхняя площадка соответствует уровню наших помещений и, возможно, может быть реконструирована по аналогии с ними (прямоугольный зал в обходе сегментовидных помещений), только на Кой-крылган-кале на этом уровне имеется еще и обходной стрелковый коридор, репликой которому можно считать бойницы в круглом зда-

нии на Калалы-гыре 2. Остатки стен на верхней площадке Кой-крылган-калы не противоречат предлагаемой реконструкции, тем более что нет уверенности, что часть из них не сооружена в более позднее время.

В реконструкции М.С. Лапироза-Скобло (к тому же основанной на одном разрушенном участке стены) стрелковый коридор представляется неоправданно низким.

Верхняя площадка с помещениями, как и скорее всего стрелковый коридор, должны были быть перекрыты, на это указывает и характер археологических остатков. Тогда на крыше над этим вторым этажом тоже образовывалась круглая площадка, которую, вероятно, окружала стена с бойницами или зубцами (или с тем и другим вместе). Именно с этой площадки, а не из глубины здания, через малоприспособленные для этого окна и двери, велись или могли вестись любые астрономические наблюдения, фиксируемые точки которых отмечались на бойницах в стенах третьего по вертикали уровня постройки.

Учитывая опыт предлагаемой реконструкции круглого здания Калалы-гыра 2, можно предположить, что высота центрального здания Кой-крылган-калы, которое, собственно, и являлось храмовым сооружением, была тоже равна половине его диаметра.

Особого внимания в связи с анализом приемов строительства на Калалы-гыр 2 заслуживает входной комплекс, расположенный на склоне возвышенности с северной стороны памятника. Уже после первого сезона раскопок, когда мы обнаружили на его верхней площадке культовый инвентарь и ниши, стало ясно, что нельзя за всем этим комплексом считать традиционное название — ворота. Тем более что обращали на себя внимание необычайно большие размеры этой части памятника по сравнению со всей его площадью. Поэтому мы и остановились на нейтральном, по нашему мнению, названии — входной комплекс. Исследование его нами далеко не завершено по ряду причин. Во-первых, территория его на большей части перекрыта песками, а мы не располагали техникой для их уборки (ближайший колхоз находился в 20 км от памятника, а трактора, как показал опыт, такого перегона не выдерживали).

Во-вторых, первоначально большая часть входного комплекса по результатам шурфовки нам представлялась полностью смытой. На месте подъема на верхнюю площадку к воротам в крепость находилась огромных размеров промонна, которая, вероятно, разрушила находившийся здесь пандус.

В-третьих, вследствие указанных причин мы стали транспортировать во входной комплекс отвалы из соседних раскопок, полностью засыпав промонну и укрепив грунтом размываемые основания стен на уже исследованных участках верхней площадки. Часть отвалов занкла и более пониженные участки склона (под раскопом 10, например). Но по мере исследования памятника и в особенности культовых комплексов на его территории мы пришли к выводу, что входной комплекс должен был играть ведущую роль в культовых церемониях, когда в них должно было участвовать значительное количество людей. Тогда мы попытались восполнить пробелы в его изучении, но, к сожалению, у нас уже не оставалось времени для осуществления задуманного. Тем не менее ряд существенных моментов нам удалось выяснить.

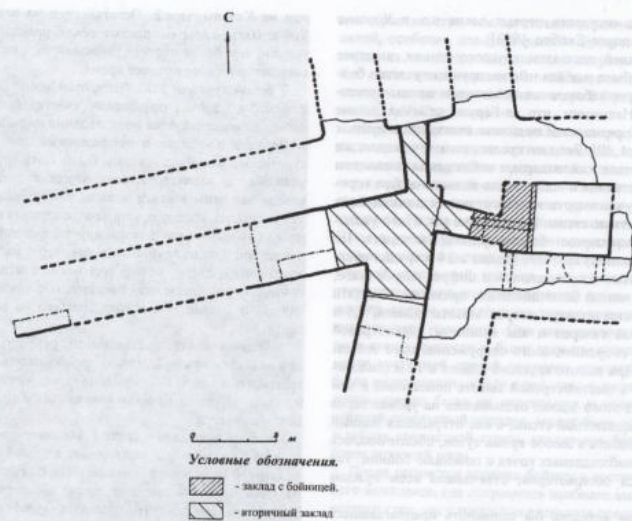

Рис. 2/12. План восточных угловых башен (раскоп 12)

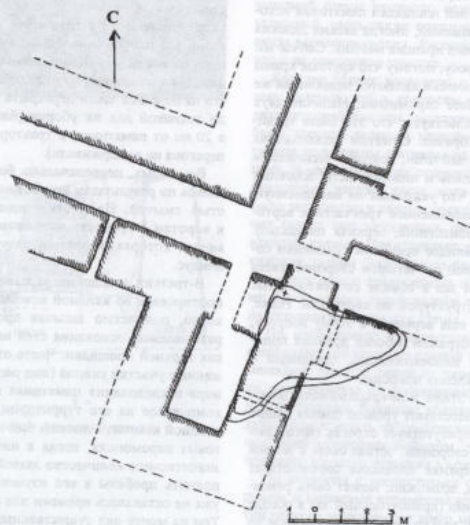

Рис. 2/13. План южных башен

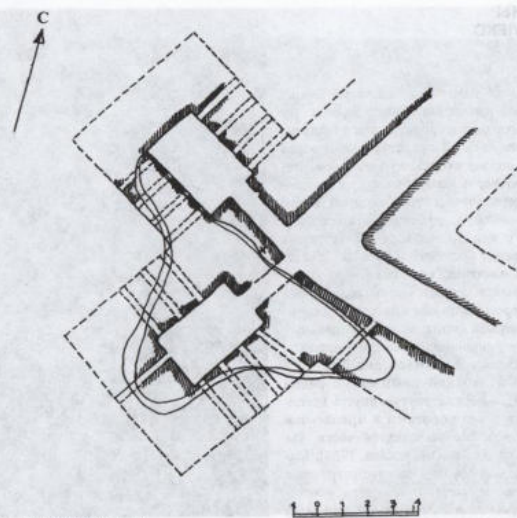

Рис. 2/14. План западных башен

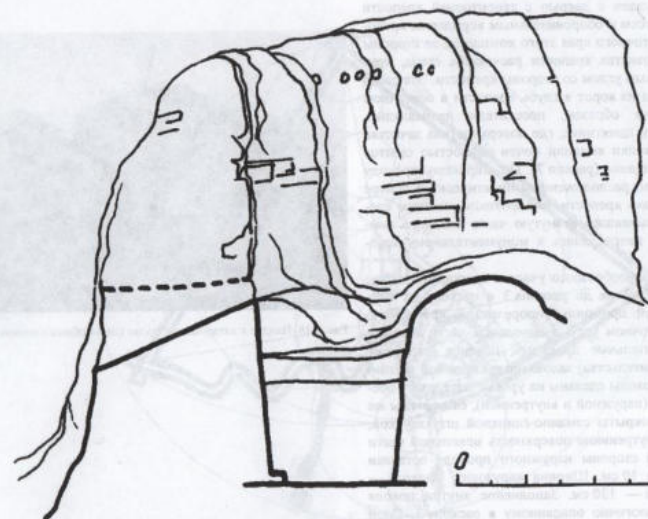

Рис. 2/15. Разрез стрелкового коридора крепости у места стыка с восточной стеной входного комплекса

КРЕПОСТНЫЕ СТЕНЫ И ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС

Общая планировка

Анализ общей планировки памятника после уточнения генплана позволяет говорить о наличии общего замысла застройки памятника и четких закономерностях в его построении. В плане крепость Калалы-гыр 2 представляет четверть круга с приставленным на склоне входным комплексом. Основная ось-радиус проходит через центральное здание, пандус у крепостной стены, середину втянутой входной части. К точке, делящей эту ось пополам и, вероятно, находившейся на стене, ограничивавшей с юга центральное здание (стена эта в настоящее время смыта), подходит и «улица», разделявшая юго-западную часть памятника пополам.

Размеры входного комплекса кратны частям радиуса-оси памятника. Вероятно, на пересечении оси или хорды, соединяющей угловые башни северной стены, лежал центральный алтарь комплекса, к которому поднимался пандус у крепостной стены с внутренней стороны крепости (см. рис. 2/18).

Пройдя монументальный входной комплекс с рядом культовых сооружений, а затем через втянутую внутрь крепости его часть, оказывающуюся перед воротами в крепостной стене. Они располагались не в центре втянутой части, как можно было предполагать (ср. Ток-кала [Гудкова, 1964], Малая Кыркыз-кала), а в восточной боковой части конструкции. Внутри крепости за воротами, к северу от коридора, в который открывались ворота, раскопан комплекс (раскоп 3) из двух, вероятно, культовых помещений, заключенных в петлеобразный изгиб крепостной стены с коридором и сообщавшихся одним проходом с дверью с территорией крепости и другим — с пандусом и оборонительным коридором крепостной стены. У восточного края этого комплекса со стороны внутреннего пространства крепости расчищена стена, прилегавшая под прямым углом со стороны крепости. Эта стена преграждала проход из ворот в глубь крепости в восточном направлении. Таким образом, посетители направлялись к центральной части памятника, где поверхностная зачистка и разведочные раскопки выявили почти полностью смытое большое парадное здание (раскоп 7). По широкому проходу между этим зданием, расположенным практически в центре треугольной площадки крепости, и широким участком крепостной стены, замыкавшим втянутую часть входного комплекса, посетители направлялись к монументальному круглому зданию.

При расчистке волнообразного участка крепостной стены от северо-восточного угла до раскопа 3 в нескольких метрах южнее большой промоины, прорезавшей крепостную стену в северо-восточном углу, в цокольной части ее были обнаружены «строительные проходы», позднее (вероятно, при окончании строительства) заложённые кирпичом на глиняном растворе. Проходы сделаны на уровне материка в обеих стенах коридора (наружной и внутренней), сами стены же в проходах были покрыты саманно-глиняной штукатуркой, переходившей на внутреннюю поверхность цокольной части стен. С внутренней стороны наружного прохода оставлен порожек высотой в 10 см. Ширина наружного прохода — 140 см, внутреннего — 130 см. Заполнение внутри цоколя стены крепости аналогично описанному в раскопе 3. Слой на этом участке у крепостной стены вскрывались траншеями. С внутренней стороны крепости наслоения дали следующую

Рис. 2/16. Раскоп 1 — круглое здание. Панорама со стороны помещений 6, 4 и 5

Рис. 2/18. Пандус к алтарной площадке (снята обложка «пола» пандуса)

Рис. 2/19. План помещений в раскопе 3

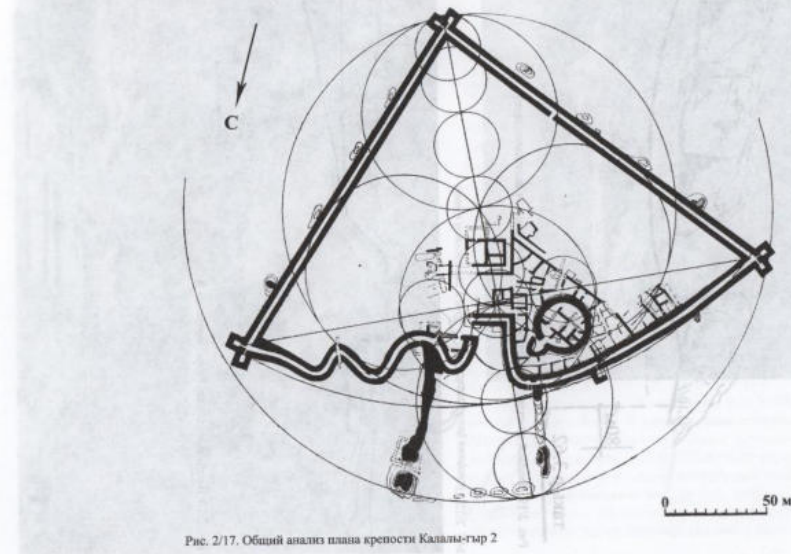

Рис. 2/17. Общий анализ плана крепости Калалы-гыр 2

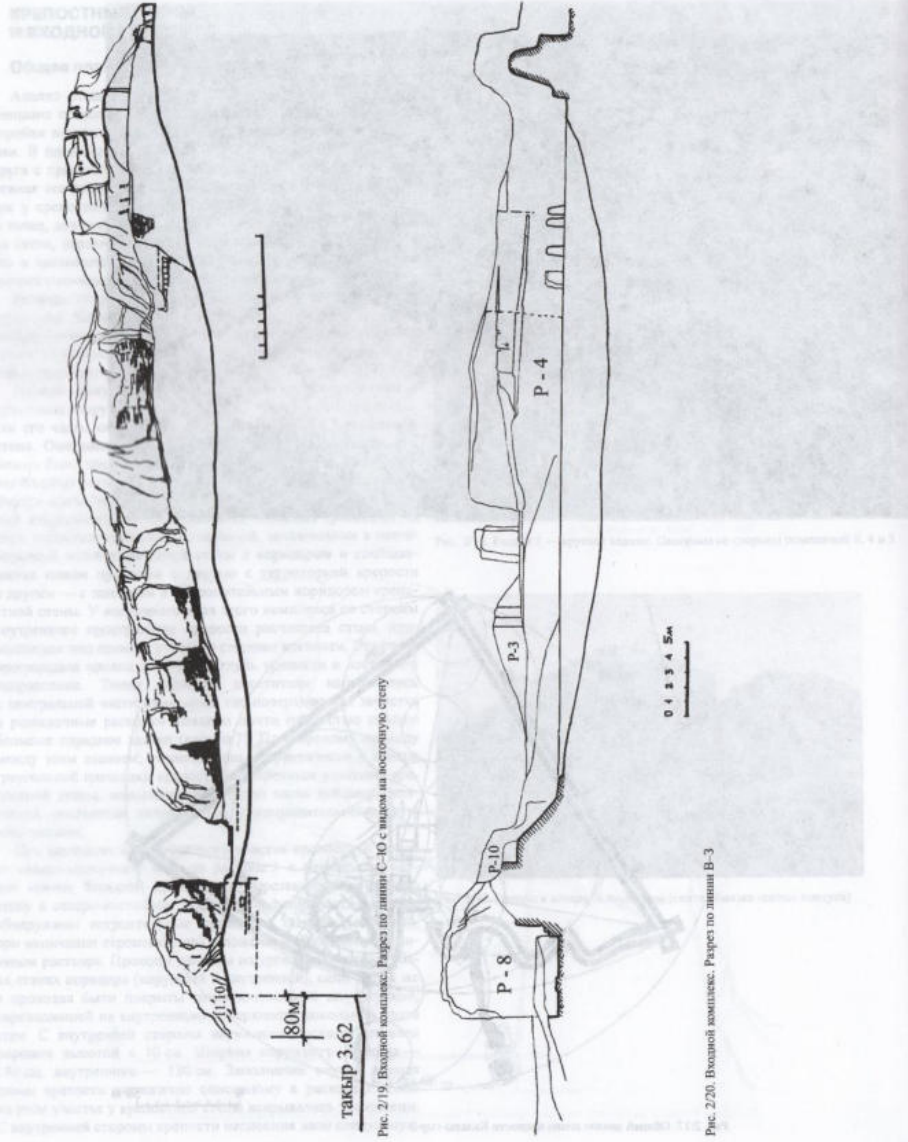

Рис. 219. Восточный комплекс. Разрез по линии С-Ю с видом на восточную стену

Рис. 220. Восточный комплекс. Разрез по линии В-3

Рис. 222. Панорама раскопок 1, 1/1, 1/2. Вид с крепостной стены

Рис. 221. Раскоп 10. Культовая ниша в восточной стене восточного комплекса. Справа раскоп 3

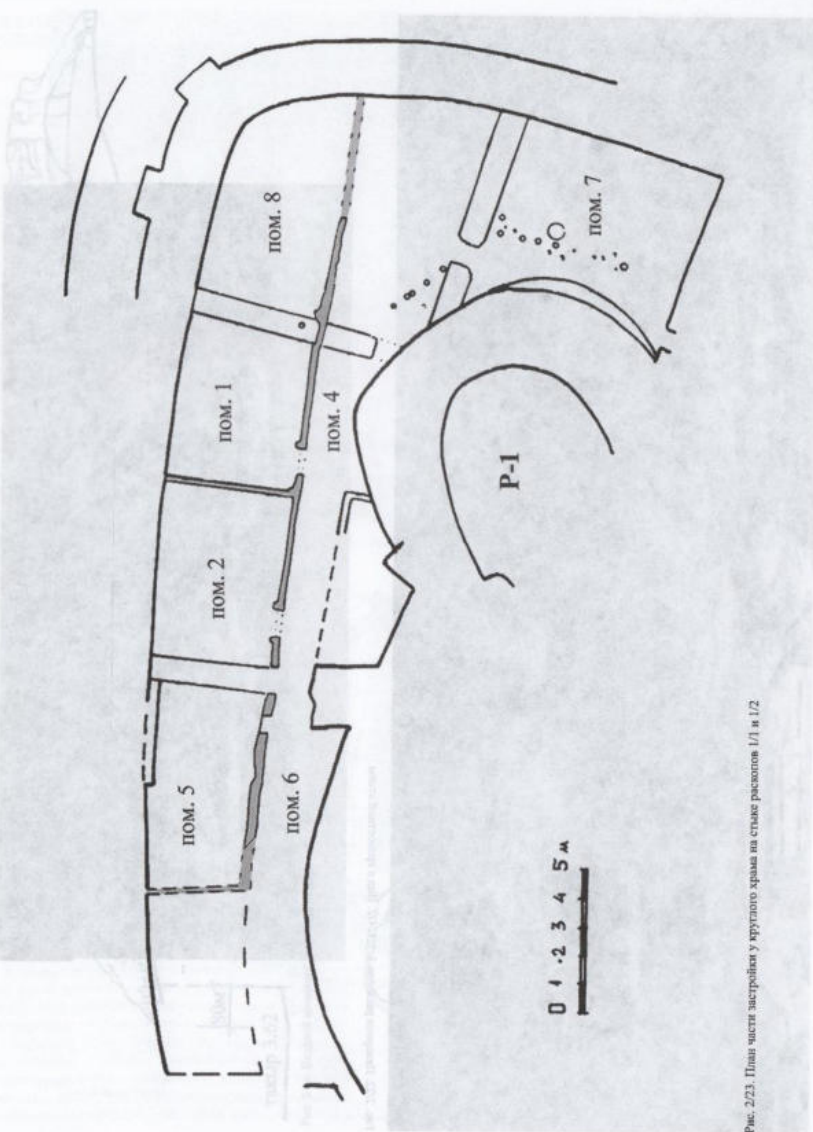

Рис. 2/23. План части застройки у круглого храма на этапе раскопок 1/1 и 1/2

картину: под серым надувным песком с прослойками натеклов шла угольная прослойка (слой пожара, связанного с гибелью памятника) и серый культурный слой. В шурфе перед стеной было вскрыто пять материковых ям, две из них по размерам (диаметр по 20 см и такая же глубина) могут быть признаны столбовыми, остальные, вероятно, связаны, как и на других раскопах, с периодом строительства, позднее они были засыпаны мусором.

Зачистка крепостной стены снаружи у заложеного прохода показала, что в ходе эксплуатации прохода стена укреплялась дополнительными кирпичами-прикладками по сторонам от прохода и вторично покрывалась обмазкой.

Внутри крепостной стены на участках сильного изгиба ее были зачищены обычные для ее конструкции пилястры у внутренней стены коридора (см. План крепости). На этом же промежуточном участке был произведен траншеей разрез напластований по сторонам крепостной стены. Снаружи было расчищено паховое основание крепостной стены на песчаной подсыпке, культурный слой отсутствовал, толщина наружной стены по паховому основанию — 2,9–3 м, сохранилась на высоту 1,3 м. С внутренней стороны к крепостной стене были сделаны паховые и кирпичные прикладки, положенные поверх культурного слоя, под которым были вскрыты две материковые ямы, заполненные горелым слоем. Комплекс находок у крепостной стены тот же, что и на всем памятнике, преобладали мелкие формы керамики.

Специальные работы были предприняты для выяснения конструкции восточной стены входного комплекса. Часть работ у наружной стороны ее примыкания к крепостной стене была предпринята в 1985 г. А.Н. Гертманом [Гертман, 1991], затем этот раскоп был расширен (раскоп 8) в виде траншеи у основания стены. Протяженность этой траншеи превысила 15 м, окончили мы ее у того участка, где стена перестала изгибаться, а лицевая линия ее соединилась с той, что была зачищена у южной башни ворот (раскоп 6, 1985 г.). В основной части траншеи зачистка доведена до материка. Конструкция стены обычная — кирпичная кладка на глиняном растворе. В силу того, что стена построена на круто спускающемся склоне холма, основание ее местами укреплено дополнительными подпорками из кирпича, а иногда и небольшими отсыпками, выходящими за лицевую линию стены. В месте примыкания стены входного комплекса к крепостной раскоп до основания стен не мог быть доведен, так как здесь на уровне несколько ниже нижнего края входного отверстия бойницы крепостной стены была обнаружена мощная паховая вымостка с обмазкой по верху. В этом углу раскоп был расширен (площадь около 20 кв. м), на расчищенной площадке обнаружены слабые следы обживания и ямки от столбов, на которые могло опираться перекрытие навесов (возможно, это часть конструкции каркасных стен). У северного конца траншеи от основания стены входного комплекса на восток перпендикулярно ей была проведена еще траншея длиной около 6 м, в которой были вскрыты культурный слой с фрагментами хумов и остатки небольших кирпичных конструкций. Кирпичная конструкция в середине траншеи скорее всего была небольшой обложенной кирпичом «нишей», устроенной на склоне возвышенности и открытой частью обращенной в сторону ворот, подобной той, что была обнаружена в 1985 г. на раскопе 6 в юго-восточном углу входного комплекса.

Именно над этой нишей, у внутреннего угла примыкания восточной стены входного комплекса к крепостной стене

была организована тщательная зачистка кладки массива самой стены. Зачистка расширилась в раскоп, который получил порядковый номер 10. Было выяснено, что восточная стена входного комплекса укреплялась дополнительным прикладом. Во время сооружения приклада в его толще вблизи юго-восточного угла входного комплекса на высоте не менее 1,5 м была сооружена большая ниша-балкончик протяженностью 3 м и глубиной не менее 2 м. Постройка ниши явно была связана с отправлением массовых ритуалов во входном комплексе. Материковая ниша, обложенная кирпичами и раскопанная в 1985 г., находилась практически прямо над ней. У зачищенного здесь основания крепостной стены и стены входного комплекса были обнаружены половинки кирпичей от горизонтальной вымостки и остатки поставленных на ребро кирпичей, обкладывавших основание стены под нишей. Ниша раскопа 10 была специально сооружена в кладке кирпичного приклада, стены ее были тщательно оштукатурены (глина с саманом). В период эксплуатации ниша по длине была сужена прикладками из половинок кирпича и стены ее вновь были оштукатурены. Кроме того, в глубине ниши у середины задней стены были зачищены остатки кирпичной вымостки высотой в два кирпича и протяженностью немногим менее двух кирпичей. Конструкция эта квадратная, сложена из половинок кирпича. Внутри нее образовалась забутованная комками глины полость объемом тоже в полкирпича. Возможно, что здесь укреплялся какой-то культовый реквизит. Остаток культурного слоя в нише нет, в последний период она была тщательно заложена. Сохранившаяся высота ниши — более 1,5 м, следов ее перекрытия не обнаружено.

РАСКОПЫ

Раскоп 1

Работы здесь были начаты в 1981 г., когда полностью было раскопано самое монументальное здание на памятнике — круглый храм, поднятый на двухметровый цоколь. Здание это не является уникальным, по планировке и даже по размерам оно идентично одновременно ему круглому зданию на поселении Гур 3. Лучшая сохранность здания на Калалы-гyre 2 позволяет более четко представить внешний вид подобных сооружений в виде круглой башни внешним диаметром около 25 м, стены которой имели стреловидные бойницы, а с северной стороны вход в здание шел через большую овальную башню.

Раскопки 1985 г. показали, что исследование прилегающей к круглому зданию территории дает богатый материал не только для изучения культуры древнего Хорезма IV–II вв. до н.э., но и для определения функций самого храма. В отличие от последнего значительная часть помещений вокруг него сильно пострадала от пожара и сопровождавшего его разрушения, что сохранило для археологии *in situ* значительную часть инвентаря.

Круглый храм, как это выяснено еще в 1981 г., был построен одновременно с крепостными стенами. Здание это было специально поставлено в очень укромном, скрытом от посетителей крепости месте. Поскольку цоколь здания по высоте совпадает с цоколем крепостных стен на соседних участках, храм, скорее всего, не был виден за крепостными стенами ни снизу, от основания возвышенности, на которой стоит памятник, ни со стороны входного комплекса. Но вме-

сте с тем расположение построек внутри крепости как бы намеренно направляло посетителей от ворот к входу в круглый храм.

Как и на Гюур-кале 3, круглое здание имеет внутренний диаметр 20 м, стены его вместе с цоколем сохранились, возвышаются местами над уровнем пола на высоту более 2 м превышающую рост человека. Именно это обстоятельство позволило составить более полное представление о пространстве в целом, чем при раскопках на Гюур-кале 3, так как там, как теперь можно заключить, в основном сохранился цоколь здания и культурный слой над полом, а сами конструкции стен уже смыты.

Здание на Калалы-гьре 2 возведено на двухметровом цоколе. Конструкцию его мы проследили в ряде мест — в специальном шурфе в восточной части постройки у ее внешней стены и в шурфах ее центральной части, подвергшейся разрушению еще в древности, а также во входной башне (пом. 1).

На высоту до 2 м внешняя стена, имеющая толщину около 2 м, возводилась из пахсы, а основные стены внутренней застройки были сложены из кирпича размером 40х40 см без штукатурки, на глиняном растворе, сильно выпиравшем из швов кладки. «Основными» мы называем хордообразные стены, давшие внутреннее пространство круга на сегментовидные помещения, отгибающие центральный прямоугольный зал. Планировка эта весьма своеобразна и полностью повторяется в центральном здании Гюур-калы 3. В пределах цоколя на Калалы-гьре 2 мы не вскрывали эти стены целиком, а проследили их на всех участках, где они сохранились выше уровня пола, а также в южной части здания, где полы уже не сохранились. Здесь особенно разрушению подвергалась юго-восточная часть, где по месту вероятных переколов (возможно, относящихся к VIII в., так как Г.П. Снесаревым были обнаружены здесь закопанные горлом вниз сосуды этого времени) прошла большая промоина. На плане здания отмечены все сохранившиеся участки стен, а также развалы кирпичной кладки от них, обнаруженные в шурфах. До отмеченного уровня 2 м все пространство внутри здания было засыпано либо чистым песком с красноватыми примесями, характерными для материкового слоя возвышенности, на которой стоит памятник, либо глиной с песком. Выше этой засыпки шла обломка полов. Стены помещений, как и внешняя стена здания, выше этого уровня, сложены уже только из сырцового кирпича и всегда имеют глиняную штукатурку. Аналогичная конструкция цоколя обнаружена нами при раскопках различных участков крепостных сооружений на памятнике. При переходе от цоколя к кладке стен в плоскости стены чаще всего отмечается полочка не более 20 см шириной. Внешнюю стену круглого здания прорезывали стреловидные бойницы. Интервалы между бойницами иногда различны, всего нами обнаружено около двух десятков бойниц. Бойницы, как правило, начинались на высоте около метра над полом, входное отверстие их имело высоту около 40 см, а на внешней поверхности стены «растор» бойниц достигал полутора метров и более. Стреловидное перекрытие частично сохранилось в одной из бойниц в западной части здания. Хотя бойницы и выглядят анахронизмом в этом здании (они расположены в изолированных друг от друга помещениях, часто нормальному использованию их мешают впритык к ним расположенные стены), тем не менее часть из них, несомненно, имела оборонительное значение. Прежде всего, это относится к комплек-

су бойниц у входа в здание. Вход расположен с восточной стороны примыкающей к зданию с севера большой овальной башни (пом. 1). После того как здание было покинуто, вход был заложено кирпичом, до этого он перестраивался — проход был сужен. Первоначальная конструкция входа типична для всех дверных проемов, раскопанных на памятнике: с внутренней стороны помещения, там, где располагалась дверь, делались выемки-четверти для дверной коробки. За кладкой в обгоревшей стене входа в круглое здание видны следы сгоревшего дерева, сохранилась и часть порога. Все бойницы по сторонам прохода организовывали оборону этого узкого участка. Одна из бойниц со стороны пом. 1 и 2 защищала подступы к входу, причем бойница из пом. 2 должна была «стрелять» прямо по ногам входящих. Одна или две бойницы простреливали входную башню со стороны пом. 2 уже внутри здания. Большинство бойниц использовались для осуженных захоронений после того, как здание было покинуто. В этих захоронениях встречены сильно деформированные черепа, вместе с одним захоронением было найдено керамическое колесо со втулкой типа моделей колес эпохи бронзы, но много большего размера.

Через входную башню (пом. 1) попадали в само здание, проход в него сильно разрушен еще в древности, на этом месте располагался яма. Сегментовидное помещение на севере здания делилось стеной на два, возможно не совсем изолированных отсека (пом. 2 и 6), разрушение разделяющей их стенки в северной части не позволяет судить об этом точно. Через пом. 2, бесспорно, шел проход в центральный зал. При раскопках Г.П. Снесарева здесь фиксировался проход, в который была врезана более поздняя яма. Все остальные помещения, скорее всего, были изолированы друг от друга и сообщались лишь с центральным залом, который в последний период был перегороден стеной, приставленной к обгоревшей северной стене зала. Юго-восточная часть здания смыта ниже уровня полов, проход в пом. 5 в западной части здания шел из самого южного помещения, так как со стороны пом. 5 есть четверти-выемки от дверной коробки. Проход этот был заложено перед тем, как здание было покинуто, что, возможно, указывает на его особое назначение.

Наибольший культурный слой обнаружен был во входной башне (пом. 1). Здесь вскрыто два пола, над которыми сохранились гумусно-песчаные прослойки с остатками керамики и костей животных. Очень много встречено костей рыб, среди них есть позвонки от довольно крупных экземпляров. Большое количество костей рыб отмечалось Г.П. Снесаревым при раскопках пом. 4 по верхнему слою. Следует вспомнить, что кости рыб в большом количестве встречались и при раскопках центрального зала (пом. 4) на Гюур-кале 3, что может быть связано, как и на Калалы-гьре 2, с особым назначением памятника. Обычно в Хорезме античного периода находки костей рыб малочисленны.

В помещениях над полами расчищен слой завала и намылов, культурные прослойки над полами ничтожны, находок очень мало. Из них следует отметить костяную ложку «пхороховского» типа, найденную на полу пом. 3 вблизи внешней стены. Подобные вещи датируются IV—II вв. до н.э. Среди фрагментов керамики из пом. 2 был обнаружен обломок хума с односторонней надписью. О характере центрального зала судить трудно, так как вся южная часть его смыта, а восточная повреждена перекопами. Стена, разделяющая его пополам, поставлена на полу и северным торцом закрывает

участок сильно обгоревшей первоначальной стены центрального зала. Очагов в здании не обнаружено. В пом. 2, 6, 5 есть небольшие горелые пятна на полу. Они могли образоваться около переносных очагов.

Особый интерес представляют пом. 6 и 5. В первом из них, против входа из предвратной башни в здание, в углу располагается массивная кирпичная выкладка, первоначальная высота которой достигала, очевидно, метра (верхняя плоскость ее сильно размыта, так она практически выходила на поверхность раскопа 1953 г.). С запада от этой выкладки находится более низкая и меньшая по ширине кладка (см. план). Возможно, перед нами алтарное возвышение и кирпичный «столб» под переносной алтарь, подобный тому, что был раскопан в цоколе здания на Гюур-кале 3.

Здание было плотно обстроено с северной стороны (по обеим сторонам входной башни). Застройка располагалась между стенами круглого здания и крепостной стеной. Постройки были возведены с самого начала, часть их потом подверглась перепланировке и перестройке. Наиболее существенной она была в северо-западной части (раскоп 1/1), где вскрыто три строительных периода, несколько помещений с сырцовыми и кирпичными стенами. С юго-восточной стороны к круглому зданию примыкает стена, обнаруженная еще в 1981 г., в которой есть узкий проход, ведущий, очевидно, в хозяйственную зону. Именно здесь за стеной в углу и был в 1981 г. обнаружен хум с надписями, использовавшийся уже в перевернутом виде. Таким образом, посетителям закрывался проход и в западную часть крепости, и в обход круглого здания с юга. Оставался один путь — к входу в круглое здание с востока от него.

В сезоне 1985 г. на этом участке (раскоп 1/2) вскрыта планировка между круглым зданием и крепостной стеной. Вдоль крепостной стены располагался изолированный дом из трех смежных помещений (2, 3 и 4) и айвана (пом. 1). Вход в дом вел через пом. 2 из широкого коридорообразного пом. 6, располагавшегося вдоль стены круглого здания. Пол этого помещения поднимался постепенно с юга на север к массивной суфе-айвану; стены его сохранили следы неоднократно возобновлявшейся беленки по саманной штукатурке (несколько слоев), которой было покрыта внешняя поверхность стены круглого здания. Под верхним слоем побелки на высоте 75–80 см от верха пола суфы-айвана была обнаружена черная полоса краски шириной 7 см, ограничивавшая панель по всему периметру стен. С суфы-айвана через небольшую дверь в стене попадали в трапезничное в плане пом. 5, поднятое, как и суфа, на цоколь, где уже находился вход в круглый храм.

Раскоп 1/1 (см. рис. 2/22 и 2/23)

В первый строительный период на этом участке существовало помещение. В крепостную стену были заглублены крайние столбы подходящих к ней под прямым углом боковых каркасных стен. Этот прием отмечен нами и в раскопе 4 при сочетании в постройке каркасных и сырцовых (тоже крепостных) стен. К востоку от описанного помещения, примыкая к крепостной стене и снаружи к восточной стене помещения, находилась крупная хозяйственная яма. Небольшая яма за западной стеной помещения была перекрыта полом, она относится, вероятно, к периоду застройки крепости.

Во второй строительный период была сооружена уже упомянутая кирпичная стена между крепостной стеной

и круглым зданием, разгородившая наглухо пространство вокруг храма. Но подобная ситуация существовала, очевидно, недолго. Вблизи круглого здания (на данном участке это входная башня) были прорублены в этой стене — одновременно или последовательно — два нешироких прохода. В этот же строительный период вдоль стен круглого здания создавалась конструкция типа коридора-панеда из твердых глиняных прослоек и подсыпок. С ними были связаны, очевидно, и большая яма с кирпичной прикладкой к ней, раскопанная в 1981 г. вблизи стен круглого здания.

Третьему строительному периоду на описываемом участке в раскопе 1/1 предшествует засыпка зеленой суесью. На выровненном таким образом слое были поставлены каркасные из одного ряда столбов стены, разделившие эту часть на четыре помещения. Наибольший интерес представляет пом. 1 (см. рис. 2/24), южная стена его практически попала в бровку, сохранилась нижняя часть ее и основания столбов (сгоревших на месте, см. рис. 2/24). В восточной сырцовый стене на высоте около 1 м над полом был сделан узкий выемчатый (каминообразный) очаг, неоднократно обмытый (сохранился слой обгоревшей обмазки). Вблизи южной стены расчищена глиняная конструкция с устанавливавшейся на ней зернотеркой, в центре помещения и у южной стены были сгоревшие плетеные корзины и сосуды с зерном (много проса). Около зернотерки у южной стены найден глиняный калыб (форма) для оттиска довольно крупного изображения женской статуэтки с ребенком у груди. Учитывая остальные находки в помещении, можно предположить, что это была форма для оттиска ритуального хлеба, выпечка которого могла осуществляться здесь же в очаге в восточной стене. В пом. 1 получен не только интересный комплекс обычных керамических сосудов, но и сделан ряд уникальных находок: 1) фрагменты фляги с рельефом, на котором в окружении условно переданных гор дана сцена единоборства человека, вооруженного копьём, и крупного животного (сказочное животное или бык), стоящих среди деревьев. Под линией, ограничивающей сцену снизу, сохранилась надпись, сделанная невысоким рельефом в этой же форме, что и все изображение. Это первая находка рельефа с надписью вообще. Рельеф при пожаре сильно пострадал, головы фигур отсутствуют; 2) деревянные сгоревшие гребень и небольшой сосуд, оселки, несколько бусин, сгоревшие веревки, обрывки сети и т.п.; 3) в верхнем слое завала среди фрагментов крупных сосудов был найден один с частью надписи тушью.

Пространство к западу от пом. 1 условно названо пом. 2 (см. рис. 2/26). Оно ограничено с севера крепостной стеной, с востока каркасная стена, возможно с проходом, разделяла пом. 1 и 2. Уровень полов этих помещений от +8 до -4. По характеру находок пом. 2 несколько отличается от предыдущего. Здесь отсутствуют крупные сосуды для хранения, корзины, нет каких-либо других хозяйственных конструкций. Но здесь найдено довольно много миниатюрных сосудов, столовой посуды (особенно кубков), фрагменты миниатюрной фляги с рельефом. На рельефе полностью сохранилось изображение, изгибно вписанное в круг фляги без всякого обрамления, — к стоящему в левой части дереву на быстро идущем или бегущем верблюде (двугорбом) подвезает всадник. Судя по другим находкам фрагментов рельефных изображений на флягах Калалы-гьра 2, сюжет этот был очень популярен на нашем памятнике. По этому полному изображению можно понять, что на фрагментах из материалов 1981 г. из пом. 5 раскопа 1/2 изображена шея такого же верблюда с изолодом, который держит рука человека. По обратной стороне изображения можно понять, что оно находилось в центре фляги

Рис. 2/24. Пом. 1 раскопа 1/1. Бронки с каркасными стенками

Рис. 2/25. Застройка около круглого храма. Раскоп 1/1, пом. 1, 2, 5, 7

Рис. 2/26. Раскоп 1/1, пом. 1 и 2. На переднем плане бровка со следами перегородки между помещениями

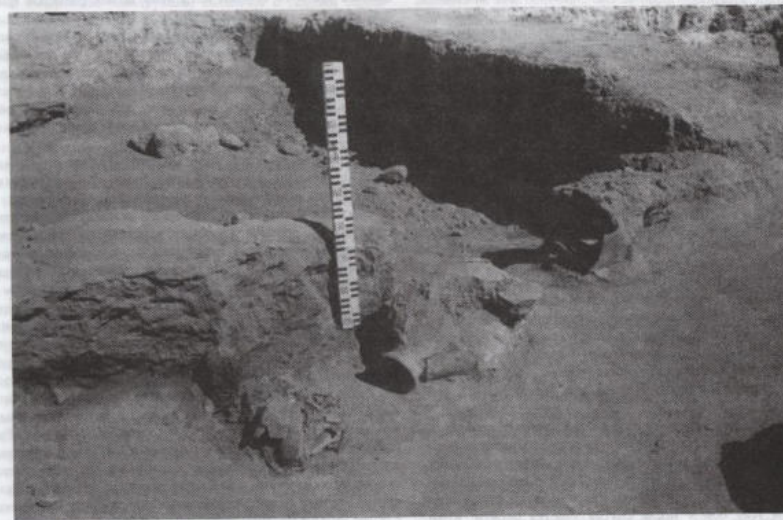

Рис. 2/27. Развал кувшинов у стены пом. 5 раскопа 1/1

или рядом с ним, т.е. композиция была, очевидно, аналогичной. На раскопе 4 в пом. 1 и 2 в сильно горевшем слое найдено два склеившихся фрагмента от фляги с рельефом: задние ноги, круп и шея с поводом — все это осталось от изображения верблюда или коня. В 1953 г. Г.П. Снесаревым был найден неоднократно впоследствии публиковавшийся С.П. Толстовым рельеф от фляги с изображением всадника на двугорбом верблюде, идущем вправо, перед ним фигурка лани, внизу — копыто. Возможно, это более развернутое изображение хорошо известного и популярного в то время сюжета. Здесь же был найден комплекс предметов, находившихся, очевидно, в сгоревшей штатке: глиняная штатка жирновостого барана, четыре или пять маленьких деревянных ветолей, глиняные праслины к ним и деревянный гребень.

Пом. 3 расположено к югу от описанных, оно примыкало к круглому зданию и было огорожено каркасной стеной, от которой сохранились северо-восточный угловой столб, столб у круглого здания и еще один в северной стене, отделенной проходом — коридорчиком шириной 80 см и длиной 1,3 м от южной стены пом. 1. В пом. 3 расчищена прямоугольная выкладка типа очага с бортиком, но без слезов огня (70×70 см, высота 7 см), расположенная вблизи стены круглого здания. Стены пом. 3 сохранились на высоту 0,25 м и имеют ширину в этом уровне 0,3–0,35 м, уровень пола здесь +50. Западная часть этого помещения не сохранилась. Из коридорчика к северу от пом. 3 попадали в пом. 4, расположенное восточнее. В этом помещении были расчищены ямы, очевидно от столбов перекрытия, обнаружены следы перекопа, связанного, вероятно, с изъятием сохранившихся при пожаре столбов. В пом. 4 найдены фрагменты крупных сосудов, возможно, что значительная часть их была сброшена в сгоревшее пом. 1 (на слой пожара) во время, когда вынимались столбы от перекрытия. В помещениях были найдены крупные кости с сохранившимися связками суставов, вероятно, что к моменту пожара это были части туш.

При разборе бровок в пом. 1 и 2 было выяснено, что все они сохранили внутри стены, как каркасные, так и кирпичную (западная бровка пом. 2).

В итоге исследования этого участка раскопа 1/1 выявилась следующая картина.

Первый строительный период: к нему относится сооружение крепостной стены, круглого здания, материковые ямы (пом. 3, яма с хумом, раскопки 1981 и 1985 гг.) и легкие столбовые постройки под пом. 1 и, возможно, под пом. 8 раскопа 1/2. В остальных помещениях раскопа 1/1 этот слой на значительной площади не вскрывался.

Второй строительный период: черз очень незначительный период ямы были засыпаны, каркасные постройки ликвидированы. Было осуществлено строительство «радиальных» (между крепостной стеной и круглым зданием) сырцовых кирпичных стен, вблизи круглого здания в них были оставлены проходы. Раскопками обнаружены пока две таких стены — между раскопами 1/2 и 1/1 и между пом. 2 и 3 и пом. 5 и 6.

Между меридиональными сырцовыми стенами строились широтные каркасные, которые делили все пространство между крепостной стеной и круглым зданием на два ряда помещений. Первоначально на месте пом. 1 и 2 было одно помещение с южной каркасной стеной. Часть ее защищена на юго-восточном углу пом. 1 после снятия участка бровки. Край обмазок пола и ямки от столбов стены около них раскопаны

в юго-восточном углу пом. 2. Проход из этого помещения, бесспорно, выводил к стене круглого здания, но местоположение его неясно. Прямым продолжением каркасной стены была столбовая обмазка дверного проема, соединявшего раскоп 1/1 с пом. 8 раскопа 1/2. На месте пом. 3 и 4 у стены круглого здания тоже было единое помещение.

В восточной стене пом. 1 и в стене круглого здания на территории пом. 3 и 4 были сооружены своеобразные очаги на высоте около 1 м над полом (см. выше). В пом. 1 он раскопан, в пом. 4 зафиксирован в сильно разрушенном виде, а в пом. 3 он обнаружен и раскопан нами вблизи очага верхнего уровня, зафиксированного ранее. Аналогичный очаг на том же уровне раскопан также в стене круглого здания на территории пом. 6. Этот очаг имел ширину до 40 см, высоту около 25 см и глубину до 60 см. От каминов они отличаются не только иными пропорциями и уровнем их расположения, но, вероятно, и функциями, так как все эти очаги (особенно это прослеживается в хорошо сохранившихся экземплярах) тщательно отгораживались от помещения тонкой 5-сантиметровой глиняной стеной на всю высоту, лишь справа оставалось узкое (около 15 см) отверстие — вход в очаг. Стенки и сводчатый верх очага гладкие, плавные, сильно прокалены. В заполнении очагов углей нет, обнаружен только светлый пепел. По внешнему виду эти очаги до разрушения стен помещений были мало заметны — как правило, это небольшие пятно прокала на стене. Их конструкция и то, что они сделаны на уровне пояса человека среднего роста, дают основание предполагать их производственное назначение (удобны для работы). Можно предположить, что это были печи типа каминных тандиров для выпечки лепешек, может быть, в них выпекался какой-то особый хлеб явно малых размеров (ритуальный?), так как на памятнике встречены и печки-тандиры обычного типа — уже отмечавшаяся печь в пом. 7 раскопа 1/2 и у западной стены пом. 1 раскопа 1/1, где при разборе бровки около зернотерки была расчищена нижняя часть хума с сильно прокаленной обмазкой внутри. В пом. 5 раскопа 1/1 у западной стены расчищены два обломка крупного лентного, обгоревшего в ходе употребления цилиндрического сосуда — печки с золой и пеплом внутри.

В пределах второго строительного периода обнаружено всего четыре пола, а в южной стене пом. 1–2 — четыре соответствующие им перестройки каркасной стены, последняя из которых связана со слоем последнего пожара. Следует отметить, что, как правило, столбы от каркаса изымались, а ямки и поверхность над ними засыпались чистым песком, намазывался новый пол и в него вкапывались новые столбы каркасной стены. Размеры ямок от столбов в каркасе стандартны — 12 и 18 см. По верхнему сохранившемуся частично уровню построек удалось установить, что каркасные стены имели толщину с обмазкой 20–22 см, по обмазкам видно, что вертикальные столбы перелетались горизонтально помещенными прутьями. Проходы имеют ширину от 60 до 90 см, в них всегда делался порог либо из поставленных на ребро половинок кирпичей, обмазанных глиной, либо из горизонтально положенного бревна, скрытого глиняной обмазкой. Таким образом, уровень пола соседних помещений, расположенных вдоль стены круглого здания, оказывался на уровне верха порога, что создавало и дополнительную опору столбам каркасной стены. Двери устранились со стороны помещений с более низким уровнем пола (пом. 1 и 2), сохранились следы деревянных дверных коробок. По сторонам прохода стави-

лись столбы (пом. 1, 2, 5), выступавшие внутрь помещения и обмазанные глиной, между столбами у порога лежало бревно или доска.

На уровне третьего снизу пола пом. 1 и 2 были разгорожены каркасной стеной, в которой столбы ставились несколько реже. На уровне четвертого пола часть столбов этой стены была заменена, все они сохранились сильно перегоревшими после пожара (вернее, их основания). В верхнем уровне — слое пожара зачищена по сохранившимся обгорелым обмазкам со стороны пом. 2 вся каркасная стена между пом. 1 и 2, прохода между этими помещениями не было, каждое из них имело автономный выход в сторону круглого здания, в пом. 3 и 4. Последние появились только на уровне четвертого пола. В это же время, очевидно, было выгорожено какое-то хозяйственное помещение в изгибе между стеной круглого здания и его входной башней, в результате чего вдоль стены пом. 2 оставался неширокий коридор. Остатки каркасной стены его, вероятно, были разрушены раскопом 1981 г., когда мы еще не могли предполагать наличие каркасных конструкций на памятнике.

В пом. 2 в нижнем слое найдена разрушенная терракотовая штатка — обнаженная женщина, голова у штатки сохранилась. Здесь же найдены: фрагмент керамического рельефа на уплощенной стороне маленькой лосевой фляги с изображением задней части животного кошачьей породы в ободке из крупных точек; небольшой гончарный сосуд-курильница со штрихами росписи красным ангобом по светлорозовому фону; многочисленные куски от круглого хума в развале у западной стены помещения. В этом месте на нижнем полу проступает пятно прокала — либо это следы очага, либо так проявляется более ранняя обгоревшая конструкция, связанная с первым строительным периодом. Пол в нижнем уровне пом. 2 сильно разрушен. При зачистке западной стены пом. 2 по верхнему горелому слою обнаружены на полу в углу около прохода части разрушенной хозяйственной конструкции.

Территория, занятая пом. 5, 6, 7, вскрывалась в сезоне 1986 г. Был снят мощный слой кирпичного завала крепостных стен и стены круглого здания, который подстилал примерно 50-сантиметровый слой глиняных намазов. Только после снятия этих наслоений мы обнаружили культурный слой с обильными остатками пожара. Общая толщина верхних наслоений от 0,5 до 2–2,5 м (повышается слой с востока на запад).

Пом. 5 находится к западу от пом. 2 и имеет смежную с ним кирпичную стену (толщиной в два с половиной кирпича) (см. рис. 2/25). К крепостной стене на этом участке сделана в уровне верхнего пола кирпичная прикладка толщиной, очевидно, в полтора кирпича. Почти наверняка можно предполагать, что возведение прикладки связано с сооружением в ней в середине помещения камина. Восточная стена помещения над зачищенным верхним полом в настоящее время достигает 80 см. Южная стена — каркасная, с проходом у юго-восточного угла помещения. У этого прохода были найдены куски сгоревших досок, возможно от двери. С этой стороны обмазка стены была сильно повреждена при разрушении, в результате чего обнажились горелые следы каркаса. Юго-западный угол помещения, как и часть пом. 6 и 7 западнее, повреждена большим перекопом, заполненным плотными слоями глиняных натеков, перекоп этот, бесспорно, был осуществлен еще в древности, но после гибели памятника и его основательного разрушения.

Западная стена помещения также была каркасной, сохранились в необожженном виде ямки от столбов каркаса и примыкающие к ним обмазки пола.

Таким образом, камин, сделанный в северной стене-приставке, расположен против входа (с некоторым смещением к западу), против камина в центре помещения — круглое пятно прокала на полу — очаг, по сторонам которого расчищены две ямы хозяйственного типа. В северо-восточном углу помещения сохранились остатки выгородки из поставленных на ребро половинок кирпича с небольшой вымосткой возле нее и возвышающейся конструкцией — подставкой под зернотерку с огнивающим ее желобом, обмазанным плотной саманно-глиняной штукатуркой, переходящей на отгораживающую отмеченную выше выгородку. Верхняя часть подставки под зернотерку была разрушена, одна зернотерка лежала на ребре у кирпичной выгородки, а вторая была найдена на полу западной части помещения. Около выгородки была найдена также крупная пробка из необожженной глины от сосуда, ее наружная верхняя поверхность была закопчена (возможно, при пожаре). Следует отметить, что, несмотря на присутствие «мельнички», остатков зерна в помещении обнаружено не было.

О назначении ям трудно сделать определенное заключение, в их заполнении найдены фрагменты керамики и немного костей животных, грунт внутри ям тот же, что и над полом. Поэтому можно предположить, что к моменту пожара ямы стояли пустыми. В верхней части западной ямы найдена черепная крышка и скула с частью зубов от грашального мужского черепа. Здесь же найдено много сгоревшей и запыленной белковой массы (есть куски со шкуркой). Остальное заполнение ямы обычное, она не была перекрыта. Возможно, что череп попал сюда случайно, при частичной расчистке слоя пожара вокруг круглого здания.

В помещении найден очень интересный комплекс сосудов: не менее четырех бокалов конической формы, один бокал усеченно-конический на дисковидной подставке. Два из конических бокалов найдены целыми, один в перевернутом виде стоял у западной стены возле сосуда-очага, здесь же была найдена необожженная глиняная «лепешка» типа крышки и сырцовый же толстостенный банкообразный сосуд. Практически в этом же месте к западу от камина во фрагментах был найден небольших размеров горшок с четырьмя отверстиями на шейке и уникальным граффити, сделанным до обжига, — изображение танцующего мужчины. Возможно, это был ритуальный сосуд типа курильницы.

В этом же помещении была найдена двусоставная каменная круговая ручная терка, выступ одной ее половинок плотно входит в другую.

Интересный комплекс сосудов был найден и в пом. 6 вблизи прохода из пом. 5: несколько кувшинов, лежащих в разваленном виде на боку, усеченно-конический бокал на поддоне (см. рис. 2/27).

Пом. 6 расположено между пом. 5 и стеной круглого здания. На этом участке сохранился слой самого позднего периода жизни на бoku, усеченно-конический бокал на поддоне (см. рис. 2/27).

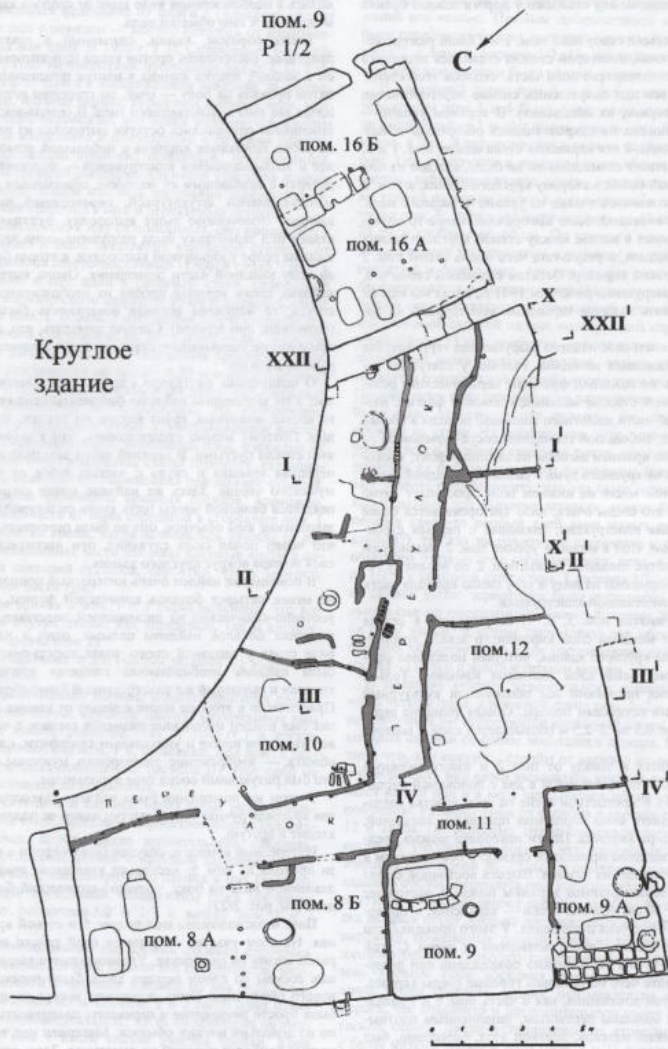

Рис. 2/28. План западного участка застройки между круглым храмом, крепостной стеной и стеной, ограждающей застройку с запада

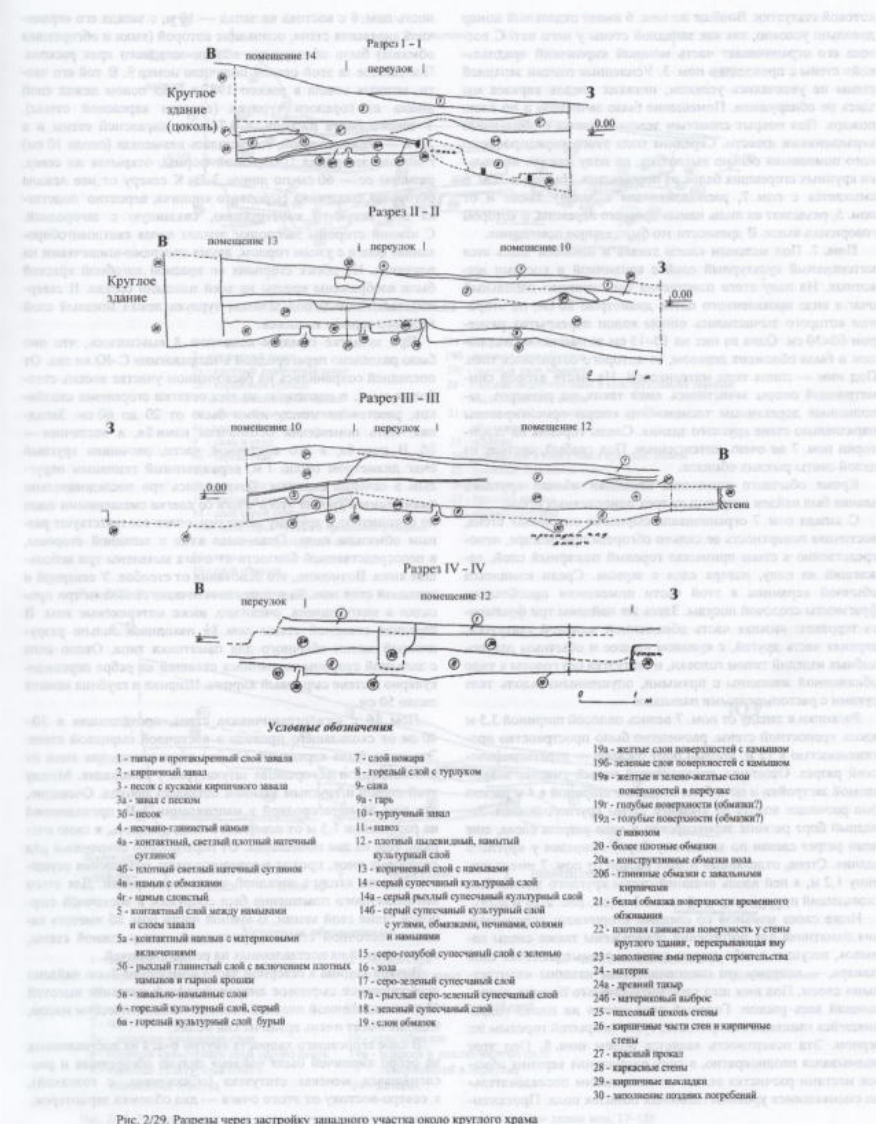

Рис. 2/29. Разрезы через застройку западного участка около круглого храма

ковой статуэтки. Вообще же пом. 6 имеет отдельный номер довольно условно, так как западной стены у него нет. С востока его ограничивает часть мощной кирпичной «радиальной» стены с проходом в пом. 3. Усиленные поиски западной стены не увенчались успехом, никаких следов каркаса мы здесь не обнаружили. Помещение было зачищено и по слою пожара. Пол покрыт слоистым зеленым слоем с обильными вкраплениями извести. Середина пола этого коридорообразного помещения сильно вытоптана, на полу лежало несколько крупных сгоревших балок от перекрытия. На западе пом. 6 смыкается с пом. 7, расположенным к западу также и от пом. 5, разделяет их лишь намыв древнего перекопа, о котором говорилось выше. В древности это было единое помещение.

Пом. 7. Под мощным слоем завала и намывов здесь шел интенсивный культурный слой с керамикой и костями животных. На полу этого помещения был зачищен напольный очаг в виде прокаленного пятна диаметром 80 см, по сторонам которого вычистились опоры колон перекрытия размером 60х30 см. Одна из них на 10–15 см возвышается над полом и была обложена деревом, от которого сохранился тлен. Под ним — глина типа материковой. На месте этой симметричной опоры зачищались ямка таких же размеров, заполненная деревянным тленом. Эти опоры ориентированы параллельно стене круглого здания. Следы горения на территории пом. 7 не очень интенсивные. Пол слабый, состоит из целой свиты рыхлых обмазок.

Кроме обычного комплекса керамики вблизи круглого здания был найден остракон из трех однослойных строк.

С запада пом. 7 ограничивала сырцовая кирпичная стена, восточная поверхность ее сильно обгорела при пожаре, непосредственно к стене примыкал горелый пожарный слой, лежащий на полу, поверх слоя с зерном. Среди комплекса обычной керамики в этой части помещения преобладали фрагменты столовой посуды. Здесь же найдены три фрагмента терракот: нижняя часть обнаженной женской статуэтки, верхняя часть другой, с кулоном на шее и обычным для подобных изделий типом головки, и статуэтка без головы в виде обнаженной женщины с прямыми, опущенными вдоль тела руками с растопыренными пальцами.

Раскопки к западу от пом. 7 велись полосой шириной 3,5 м вдоль крепостной стены, расчищено было пространство протяженностью в 12 м, южный борт раскопа — стратиграфический разрез. От стены, разделяющей новый участок вскрываемой застройки и пом. 7, на площадке шириной в 4 м раскоп был расчищен вплоть до внешней стены круглого здания. Западный борт раскопа зафиксирован в виде разреза слоев, еще один разрез сделан по западному борту прирезки у круглого здания. Стена, отделявшая новый раскоп от пом. 7 имеет ширину 1,2 м, в ней вдоль внешней стены круглого здания был скользящий проход шириной около 1 м (см. рис. 2/28 и 2/29).

Ниже слоев намывов со следами вторичного использования памятника для погребений обнаружены также следы намывов, несущие в себе легкие остатки размазывавшегося слоя пожара, — поэтому эти наслоения были названы «контактным» слоем. Под ним шел слой интенсивного пожара, заполнивший весь раскоп. Горелый слой лежал на плохо сохранившейся глиняной поверхности, густо покрытой горелым же зерном. Эта поверхность является полом пом. 8. Пол этот подымался неоднократно, в силу разрушения верхних обмазок местами расчистка велась по нескольким последовательным сменявшимся уровням глиняных обмазок пола. Протяжен-

ность пом. 8 с востока на запад — 10 м, с запада его ограничила каркасная стена, основание которой (ямки и обгоревшая обмазка) было обнаружено вблизи западного края раскопа. Помещение за этой стеной получило номер 9. В той его части, которая вошла в раскоп 1987 г., над полом лежал слой завала из горелого турлука (остатки каркасной стены). У самого борта раскопа, в 0,75 м от каркасной стены и в 2,2 м — от крепостной, сохранилась невысокая (около 10 см) глиняная загородка П-образной формы, открытая на север, размеры ее — 60 см по линии 3–В. К северу от нее лежала обгоревшая половинка сырцового кирпича, вероятно подставка под какую-то конструкцию, связанную с загородкой. С южной стороны загородки лежала целая светлоангобированная фляга с узким горлом, двумя налпами-шишечками на плечиках. На обеих сторонах ее красной ангобной краской были изображены кресты на всей площади сосуда. В северной части пом. 9 под завалом турлука лежал мощный слой горелого зерна и колосьев.

При зачистке обмазок пола пом. 8 выяснилось, что оно было разделено перегородкой в направлении С–Ю на два. От последней сохранились на раскопанном участке восемь столбовых ямок, в некоторых из них остатки сгоревших столбиков, расстояние между ними было от 20 до 60 см. Западная часть помещения обозначена нами 8а, а восточная — 8б. В пом. 8а, в его восточной части, расчищен круглый очаг диаметром около 1 м, ограниченный глиняным округлым в сечении валиком. Сохранились три последовательно сменявшиеся уровня этого очага со слегка смещенными один по отношению к другому валиками, очаги соответствуют разным обмазкам пола. Очаг имел вход с западной стороны, в непосредственной близости от очага выявлены три просадки в находящейся, очевидно, ниже материковые ямы. В середине северной стены пом. 8а находился сильно разрушенный камин обычного для памятника типа. Около него с западной стороны сохранился стоящий на ребре перпендикулярно к стене сырцовый кирпич. Ширина и глубина каминика около 50 см.

Пом. 8б с юга ограничивала стена, проходившая в 30–40 см от скользящего прохода в восточной сырцовой стене. Эта стена была каркасной. От нее сохранились как ямки от столбов, так и обгоревшая штукатурка у основания. Между этой стеной и круглым зданием оставался проход. Очевидно, что пом. 8б перегородкой в направлении 3–В, проходившей на расстоянии 1,5 м от северной стены, делилось, в свою очередь, еще на два помещения. От перегородки сохранился ряд столбовых ямок, проход в северную часть помещения осуществлялся по входу в западной части перегородки. Для этого выгороженного помещения был сооружен в восточной сырцовой стене свой камин. В южной части пом. 8б имеется камин в восточной стене и приставной очаг у южной стены, сооруженный из поставленных на ребро кирпичей.

Внутри камин в северной части помещения было найдено необожженное сырцовое антропоморфное изваяние высотой 15 см с выделенной плоской головой и схематическим носом, изделие имеет очень архаический облик.

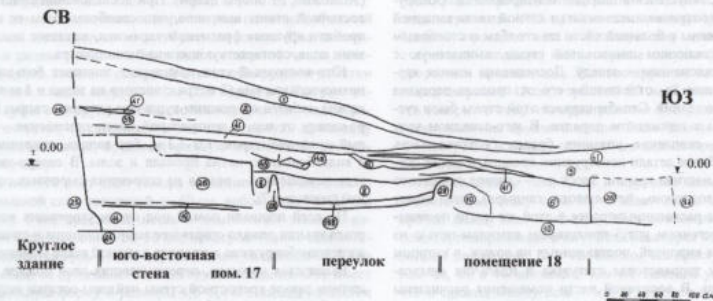
В слое сгоревшего хвороста внутри очага из поставленных на ребро кирпичей была найдена сильно обгоревшая и расколывавшаяся женская статуэтка (обнаженная, с головкой), к северо-востоку от этого очага — два обломка зернотерок,

Условные обозначения

1 - такрная корка	19а - желтые слои обмазок
2 - кирпичный завал	19б - зеленые слои обмазок
2а - плотный кирпичный завал	19с - голубые слои обмазок
2б - кирпичная крошка	20 - плотные полуобтученные и конструктивные обмазки под поверхностью полов
4 - песчано-глинистый намыв	21 - светлая обмазка поверхности временного обвала
4б - плотный светло-натечный суглинок	24 - материк
4г - слоистый намыв	24а - подсыпка и подбетонка красным песком
6 - сажка и углы	25 - паховые основания стен
9а - черная гарь	26 - кирпичные части стен и кирпичные стены
11 - навоз	27 - красный провал
11а - камни с навозом	28 - каркасные стены
12 - плотный пылевидный слой	
14 - слой серой суспензии	
14б - слой серой суспензии с органикой и солями	
14с - слоистый культурный слой	
16 - зола	
19 - слой обмазок	

Рис. 2/30. Разрез наслоений в раскопе 1/1, пом. 16

Условные обозначения

1 - такрная корка	9а - черная гарь	25 - паховые основания стен
2 - кирпичный завал	10 - турлукный завал	26 - кирпичные части стен и кирпичные стены
4б - плотный светлый намыв	11 - навоз	28 - каркасные стены
4с - слоистый намыв	14 - супесчаный культурный слой серого цвета	
5 - плотный намыв	19 - слои обмазок	
5б - завально-намывные слои	19а - зеленые и зелено-желтые слои поверхностей в переулке	
6 - горелый культурный слой серого цвета	19б - зеленые и зелено-желтые слои поверхностей в переулке	
8 - горелый культурный слой с обломками турлука	24 - материк	

Рис. 2/31. Разрезы культурных наслоений около круглого здания в южной части (по линии пом. 17–18)

а к западу — фрагмент обожженного кирпича. К северозападу от очага проявилась яма квадратной формы (1×1 м) со слегка скругленными углами, стенки ее покрыты плотной глиняной обмазкой, в заполнении галь «мелкого помола». У юго-западного угла этой ямы — подставка под зернотерку из сырового кирпича с глиняным валиком. В яме, вероятно, сгоревшая мука, ссыпавшаяся с зернотерки при помоле.

У круглого здания к юго-западу от прохода между пом. 7 и следующим к западу шурфом (3,5×1 м) мы углубились до основания стены круглого храма, лежащего здесь на отметке 70 см. На этом участке ниже «контактного» слоя лежит серый супесчаный культурный слой, отделенный от предыдущего поверхностью обживания, в ряде мест на ней отчетливо виден навоз, местами — прослойки гари. Эта поверхность соответствует поверхности туручюного завала пожарного слоя в соседних помещениях, что подтверждает наши наблюдения о том, что после пожара, с которым была связана гибель памятника, круглое здание, не пострадавшее от него, некоторое время еще функционировало и завал вокруг его стен был расчищен, чтобы открыть проход снаружи вдоль его стены. Помещение же за этим проходом оставалось в развалинах. Ниже была расчищена свита верх, зеленовато-голубых слоев и прослоек, их разделяли поверхности обживания. Под самым нижним зеленым слоем лежит плотная глинистая поверхность на материке. В шурфе обнаружены просадки в две материковые ямы, перекрытые этой поверхностью.

Пом. 8а имело размеры 5,0–6,0 м, с севера на юг (5 м по восточной стене и 6 м по западной) и 4,75 м — 5,0 м, с востока на запад (4,75 м по северной стене и 5 м по южной). Его восточная стена сложена из сырового кирпича. Северной стеной этому помещению служила стена крепости. Западная и южная стены пом. 8а — каркасные. Северо-восточная часть помещения, шириной в 1 м, была отгорожена каркасной же перегородкой, тянувшейся в широтном направлении. Обнаруженные плохо сохранившиеся остатки южной части западной стены прослежены в большей части по столбам и столбовым ямкам, продолжающим линию этой стены, выявленную с некоторым отклонением к западу. Доследована южная каркасная стена пом. 8а, отделяющая его от прохода-переулка вдоль круглого здания. Столбы каркаса этой стены были густо поставлены в шахматном порядке. В юго-западном углу помещения — скопление упавших бревен (верхняя часть опорных столбов и детали конструкции крыши), а также сгоревшие ветки настила крыши. Здесь же — завал сырового сооружения (возможно, небольшого тандыра), что может быть связано с раскопанным ранее в этой же части помещения (в юго-восточном углу) приставным каминно-печью из двух сыровых кирпичей, поставленных на ложок, в котором были найдены терракотовая статуэтка и идоличек «шахсенемского» типа. В восточной части помещения расчищены несколько ям, относящихся к периоду строительства.

Пом. 8б также было пристроено к северной стене крепости. Его ширина с севера на юг 3,65–4,0 м. Раскопана южная часть этого помещения, его южная стена на протяжении 1,3 м от юго-восточного угла имела каркасную конструкцию (прослежено несколько столбовых ям каркаса и туручюные обмазки). Далее к западу стена сложена из половинки сыровых кирпичей. Так как сохранность стены по высоте минимальна, мы можем допустить, что обмазки кирпичей были использованы для ремонта каркасной конструкции. Иначе было бы трудно объяснить такое странное сочетание. В восточной

части помещения — круглый очаг, окруженный валиком (диаметр — 1–1,25 м), рядом с ним — несколько столбовых ямок (возможно, опоры дымоходного отверстия в крыше). Сохранилось три валика очага, соответствующих периодическим подмазкам пола. В помещении — несколько прослоек пола в большие ямы, относящиеся, очевидно, к периоду строительства и перемазанные впоследствии обмазками периода обживания. В северной стене пом. 8б (она же стена крепости) — камин с поперечным экраном из сырового кирпича, поставленного на ложок.

К западу от пом. 8б расположено также пристроенное к стене крепости пом. 9. В 1987 г. была вскрыта часть его восточной стены. Полностью пом. 9 было раскопано в 1988 г. Его размеры — 4,1–4,4 м с севера на юг и 5,2 м — с востока на запад. Все стены, кроме северной, — каркасные. Максимальная их сохранность по высоте (в юго-западном углу) — 45 см. В этой стене, в 75 см к востоку от юго-западного угла помещения, — проход шириной также до 75 см. Сохранилась лицевая обмазка западной «шеки» прохода и сгоревший вертикальный столб восточной «шеки». Далее к востоку стена сохранилась хуже. Четко прослежены заметные остатки столбов ее каркаса диаметром от 8 до 10 см, расположенные на расстоянии 50–80 см друг от друга. Толщина стены, очевидно, была не менее 30 см. Западная стена пом. 9 на протяжении 1 м от юго-западного угла сохранилась на высоту 35 см, далее остатки ее лицевой обмазки обвалились в большую просадку над ямой периода строительства, прилегающую к западной стене в южной ее части. Далее к северу западная стена пом. 9 сохранилась в виде туручюного завала с остатками сгоревших столбов.

В 80 см от северо-западного угла помещения — проход в западную стену порядка 70 см. У его северного края — ямка (возможно, от опоры двери). При доследовании конструкции восточной стены выяснено, что столбовые ямы ее каркаса пробиты крупными фрагментами керамики, лежащие под обмазкой пола, соответствующего времени пожара.

Юго-восточный угол помещения занимает большая подпрямоугольная яма (2 метра с востока на запад и 1 м с севера на юг), забитая сгоревшим туручюком упавшей стены. К северо-западу от нее, в центральной части помещения, — круглый очаг диаметром 1,0–1,1 м, без валика, сохранившийся в виде большого пятна прокала и золы. В северо-западном углу помещения — завал из сгоревших сыровых сооружений (тандыров?).

По всей площади пом. 9 под слоем сгоревших веток настила крыши лежало сгоревшее зерно (пшеница и просо). Это же зерно обнаружено в проходе в южной стене помещения.

Выше слоя намылов, перекрывавших слой пожара, в кирпичном завале крепостной стены найдены остатки оссуарных погребений (кости и обломки оссуариев), устроенных в подмытье крепостной стены и синхронных, по-видимому, оссуарным погребениям Калам-гире 1.

Пом. 9а замыкает с запада ряд помещений раскопа 1/1, примыкающих к северной стене крепости. В плане оно имеет вид вытянутой трапеции, широкое основание которой (по северной стене) — 3,75 м, а узкое (по южной стене) — 2,6 м. Протяженность помещения с севера на юг по западной стене — 6,95 м, по восточной — 6,8 м. Восточная стена пом. 9а — это западная стена пом. 9, описанная выше. Южная стена также каркасная, она сохранилась в виде невысоко-

го (до 5 см) валика со сгоревшими столбиками, стоящими на расстоянии порядка 0,5 м друг от друга. Диаметр столбиков — 8 см.

Западная стена пом. 9 — кирпичная. Это довольно мощное сооружение (толщиной до 1,2 м), приставленное к крепостной стене и тянувшееся от нее к югу под углом 80° с отклонением к востоку на 12 м. Наибольшая сохранность ее по высоте (в месте стыка со стеной крепости) — 45 см (4 кирпича). Именно эта стена и стала границей между раскопами 1/1 и 2.

В южной части помещения у восточной его стены — просадка в большую яму размерами 1,35 см с востока на запад и около 2 м — с севера на юг.

В кирпичных стенах пом. 9а были устроены камини. Один из них — в западной стене в 3,4 м к югу от северо-западного угла. Ширина этого каминя — 40 см, глубина — 45 см, высота — до 50 см. Камин был отделен от помещения экраном из одного сырового кирпича, поставленного на ложок. Другой камин — в 40–45 см к западу от северо-западного угла помещения в северной стене. Ширина его — 45 см, глубина — 40 см, высота — до 55 см. Дно каминя заглублено ниже пола помещения на 15 см. К моменту пожара камин не функционировал — он был заложен кирпичом.

В полуметре к западу от него — мощный провал стены, не исключено, что это следы еще одного каминя. Очевидно, они существовали не одновременно. У западной стены — остатки сырового сооружения (возможно, небольшого тандыра) диаметром 75 см. Рядом с ним, к югу, был установлен хум.

На полу пом. 9а под слоем упавших настилов сгоревшей крыши лежал довольно мощный слой зерен пшеницы.

В пом. 9 и 9а найдено много фрагментов бытовой посуды (в подавляющем большинстве круговой), обломки кругового краснообгориванного ложенного ритона (протома не сохранилась). В пом. 9а — значительное количество развалов круговых сосудов.

Пол пом. 9а ниже слоя пожара покрыт глиняной обмазкой с навозом желтоватого и голубоватого цвета. Под сметенными и раздавленными обмазками в северной части помещения вдоль всей его северной стены обнаружены остатки кирпичной кладки шириной 1 м (2,5 кирпича). Так как наличие суфьи в сооружении кангойского времени маловероятно, остается предположить конструктивную прикладку к крепостной стене, предшествующую последнему предожарному полу.

Над пом. 10 снят слой такыра толщиной 8–10 см, завально-намывной слой толщиной до 60 см, небольшая, толщиной не более 5 см, прослойка песка и контактный завально-намывной слой толщиной 20–30 см, непосредственно под которым находится культурный горелый слой толщиной от 30 до 65 см. Пом. 10 примыкает к стене круглого здания. Оно имеет неправильную форму и размеры 4,0–5,4 м с запада на восток и 4,0–5,0 м с севера на юг. С юга помещение ограничено каркасной стеной, сохранившейся в виде столбовых ямок диаметром 8–10 см, заполненных горелым деревом и расположенных на расстоянии 1,0–1,5 м друг от друга; ширина основания стены в среднем около 25 см, его высота — до 20 см. Пол, предшествующий пожару, в пом. 10 покрыт мощным туручюным завалом, под которым обнаружен слой горелого зерна, керамический бой, а также развалы круговых красноглиняных сосудов и сыровых, обгоревших в пожаре, конструкций (возможно, тоже сосудов), сосредоточенных в юго-западном углу помещения.

Юго-западная часть пом. 10 уходит в борт раскопа. Размеры этого помещения 3,8 м с севера на юг (по восточной стене) и 4,0 м с востока на запад (по северной стене). Северо-восточный угол помещения — тугой, восточная стена примыкает к круглому зданию, южная — также.

Разрушенная каркасная южная стена пом. 10 хорошо читается в западном борту раскопа. Сохранились также сгоревшие столбы этой стены. Северная стена параллельна южной стене пом. 8а — в 2 м южнее ее. Ее сохранность по высоте до 20 см. Расстояние между столбовыми ямками — 50–60 см.

Восточная каркасная стена пом. 10, также сохранностью 20 см, с хорошо сохранившимися основаниями сгоревших столбиков, примыкает к стене круглого здания. Западная стена сохранилась лучше — до 35 см в высоту. Она прослежена на расстояние 1,4 м к северу от южного борта раскопа. Здесь она обрывается. Место ее обрыва окружено несколькими сгоревшими столбами, стоящими кругом. Возможно, это оформление шеки прохода. Слой здесь поднимается вверх. Вблизи северо-западного угла помещения, у северной стены — остатки печи с основой из двух поставленных на ложок сыровых кирпичей, подобно печи в юго-восточном углу пом. 8а. Рядом — прямоугольное пятно сгоревшего деревянного изделия или части какой-то конструкции. Дальше на юго-восток лежал сгоревший рог оленя и рядом с ним — развалы нескольких круговых сосудов.

В 80 см от северной и в 1,7 м от восточной стены — круглый очаг с валиком. Внутренний диаметр его — прямоугольное углубление правильной формы (60×45 см), заполненное белым пеплом. Ближе к южной стене — большая (1×1 м) просадка в яму.

В пом. 10 обнаружена крышка с рельефным изображением Гопатшаха, много фрагментов парадной посуды, миниатюрные керамические сосудики.

В прирезке раскопа к югу от пом. 10 мы несколько углубились в траншею 1981 г., выявившей контур круглого здания. Здесь — просадка слоя в большую яму, где найден ритон с протомой лошади, миниатюрные сосуды (в том числе с прорезным орнаментом). В стене круглого здания расчищен камин шириной 45 см, глубиной 50 см и высотой 55 см. Все это говорит о том, что пространство к югу от пом. 10 вдоль внешней стены круглого здания было занято помещениями, т.е. застройка к западу от круглого здания проходила к нему вплотную.

Проход между пом. 7, 8а и круглым зданием уходит в восточную стену пом. 10, огibtает его с северо-востока, пройдя между ним и пом. 8а, 8б и, возможно, снова огibtая пом. 10, поворачивает к югу. Есть некоторая вероятность, что он шел между пом. 10 и 12. Важно, что пространство между пом. 8а, 8б и 10 заполнено тем же зеленым уличным слоем, что и проход между пом. 7 и 8 и круглым зданием. Следов пожара здесь нет. Таким образом, мы имеем дело с открытым переулком, идущим местами вдоль круглого здания, а местами — между сооружениями каркасной застройки.

Узкое пом. 11 вытянуто в плане с востока на запад. Его размеры 4,95–5×1,7–1,9 м. Северная стена пом. 11 — это южная стена пом. 9. Южная стена пом. 11 является продолжением южной стены пом. 9а. Она сохранилась на высоту 15 см. Расстояние между столбиками каркаса порядка полуметра. Проход в северной стене соединяет пом. 11 с пом. 9. На полу помещения в слое пожара — развалы нескольких сосудов.

Пом. 12, находящееся к югу от пом. 11, вскрыто узкой полуметровой полосой между его северной стеной, являющейся в то же время южной стеной пом. 11, и южным бортом раскопа 1/1. Расчищенная часть помещения завалена горелым тулдуком.

Пом. 12 отделено с востока от пом. 10 проходом шириной около 1,5 м. Над слоем пожара в пом. 12 снят слой такыра толщиной от 10 до 20 см, слой кирпичного завала и завально-намывной слой толщиной от 25 до 60 см. Горелый культурный слой в пом. 12 слегка поврежден траншеями первых веков н.э., заткнутой спрессованным песком; ширина траншеи — 50 см, глубина — 70 см (от поверхности такыра); траншея заканчивается на расстоянии 1,2 м к югу от северной стены пом. 12.

Пом. 12 имеет достаточно правильную, подквадратную форму и размеры с севера на юг и с запада на восток около 6,0 м. С запада оно ограничено отсечной кирпичной стеной (сохранность 3 кирпича), со стороны прохода и на юге — каркасными стенами. От восточной и южной каркасных стен сохранились основания шириной 15–20 см и столбовые ямки, заполненные горелым деревом, диаметром 8,0–10,1 см, расположенные на расстоянии 0,50–0,75 м друг от друга. Проход в пом. 12 был зафиксирован в северо-восточном углу. В центре пом. 12 — большие просадки в две (а возможно, и в три) материковые ямы. В северо-восточном углу, в 0,50 м к югу от прохода, находится подквадратное углубление размерами 40×40 см, глубиной не более 3 см, заполненное горелым деревом. Толщина горелого слоя в пом. 12 достигает 50 см. Пол предшествует пожару, также покрыт мощным слоем тулдука завала. Вдоль южной стены помещения сосредоточены развалы круговых красноглиняных сосудов, в основном толстостенных, лежащих на полу вместе с упавшими в эти развалы более мелкими. В юго-западном углу пом. 12 пол резко опускается и прослеживается «сползание» обмяток пола в углубление, зафиксированное в 1988 г. по ту сторону кирпичной отсечной стены на раскопе 2.

Кроме большого количества массового керамического материала в пом. 12 найдены несколько миниатюрных сосудов, крышка миниатюрного сосуда с прорезным орнаментом, затертый красной пастой; резное деревянное изделие, а также фрагменты сосуда (возможно, флаги) с рельефом, повторяющим детали известного по прошлым раскопкам рельефа, изображающего всадника на верблюде; следует также отметить лепной чернолощенный сосуд с плоским дном, выделенным по плечикам ребром и прямым венчиком, орнаментированный прорезными треугольниками, затертыми красной пастой.

Проход, или переулочек, между пом. 10 и 12 тянется далее на юг; к востоку от него расчищены пом. 13 и 14, к западу — пом. 15, 16–18 (см. рис. 2/30 и 2/31).

В пом. 13 и 15, а также на участке переулочка между ними снят слой такыра толщиной от 4 до 15 см, слой завала толщиной 30–80 см, слой намыва толщиной 10–20 см и плотный завально-намывной слой толщиной 36–100 см.

На границе пом. 13 и переулочка, на расстоянии 3,85 м к западу от стены круглого здания, на глубине 20 см от поверхности такыра расчищено летское погребение III–V вв. н.э. Кости довольно плохой сохранности; на длинных костях зафиксированы остатки ткани темно-красного цвета; в районе черепа и шейных позвонков — большое количество бисера и перламутровых бронзовых бляшек с остатками ниток, которыми они крепились к ткани.

Пом. 15 примыкает на юге к пом. 12. Хорошо сохранилась его восточная каркасная стена, имеющая проход шириной 75 см в северной части, оформленный двумя глиняными утолщениями с выемками для столбов диаметром 10,0 см. Здесь же, на полу, под слоем тулдука завала расчищены лежащие остатки самих сгоревших столбов. Южная каркасная стена пом. 15 обнаружена в бровке. В западной части помещения пол постепенно понижается и обмятки опускаются в углубление, прослеженное на раскопе 2 и в пом. 12 раскопа 1/1.

Горелый культурный слой в пом. 15 толщиной от 20 до 60 см насыщен керамикой и обломками горелого тулдука. Расчищен пол, предшествующий пожару. В юго-западном углу помещения сосредоточены развалы круговых красноглиняных сосудов, в южной части помещения, у его восточной стены, лежит олений рог, рядом с ним — деревянное резное гнездо, орнаментированное во внешней стороне коническими рельефными валликами, и блюдо овальной формы, имеющее размеры 72,5×60 см.

Кроме массового керамического материала в пом. 15 найдено несколько миниатюрных сосудов, среди которых следует отметить два лепных сосуда с пуансонным орнаментом; интересен набор из семи сверленных дисков (так называемых пряслиц), лежавших в виде упавшей «пирамидки».

К востоку от переулочка и к югу от пом. 10 расположены пом. 13 и 14.

Пом. 13 примыкает к стене круглого здания, в которой на расстоянии 1,0 м от северной стены этого помещения расчищен камин шириной 45 см, высотой 50 см и глубиной 35 см; низ камня находится на высоте 30 см от уровня пола, предшествующего пожару. С юга пом. 13 ограничено каркасной стеной, сохранившейся в виде столбовых ямок диаметром 8,0–10,0 см, заполненных горелым деревом, и частично — в виде глиняного основания шириной около 20 см и высотой до 25 см. Проход в помещение устроен в его западной стене (сохранилось одно из глиняных утолщений столба) почти напротив прохода в пом. 15. Вдоль западной стены, почти примыкая к ней, на расстоянии около 50 см к северу от прохода расчищена конструкция, состоящая из трех сырцовых, обожженных докрасна кирпичей, поставленных на ребро. Со стороны стены к ним примыкает вертикально стоящий сырцовый бортик, возможно тоже входивший в конструкцию. Два кирпича обмазаны сверху, между ними горизонтально положен деревянный брус диаметром 10,0 см.

Слой пожара в пом. 13 (его толщина от 22 до 40 см) насыщен обломками горелого тулдука и керамикой. На полу, предшествующем пожару, расчищено несколько развалов круговых красноглиняных сосудов. У северной стены пом. 13 — круглая в плане, диаметром 35 см и высотой около 2 см, сырцовая подставка. На полу помещения обнаружено горелое зерно и большое количество дисков с просверленными отверстиями (в основном это вторично использованные стенки и донья круговых сосудов), иногда по несколько штук вместе, лежащих в виде упавших столбиков. В центре помещения — очаг, круглый в плане, диаметром 75 см, с круглым валликом шириной около 12 см. К северо-востоку от него — еще одна глиняная подставка, округлая в плане, диаметром 60 см, с кое-где сохранившимися вертикальным бортиком высотой до 5 см. В очаге и на описанной подставке найдены следы «пряслиц».

На полу и в заполнении пом. 13 найдено несколько миниатюрных сосудов, среди которых следует отметить флагу, по-

крытую лошением; найдены также два кубических каменных лощила.

Вдоль стены круглого здания, через пом. 10 (южная часть), 13 и 14 полосой, имеющей ширину около 1,0 м, в верхней части слоя пожара был выбран серый супесчаный слой толщиной около 20 см. Слой насыщен керамикой, кроме того, в нем были найдены фрагменты стенки кругового красноглиняного толстостенного сосуда с процарапанной надписью, фрагмент женской терракотовой статуэтки и глиняная модель колеса.

Над пом. 14 снят слой плотного завала, толщина которого в месте примыкания к стене круглого здания достигает 1,20 м, а также слои плотных слоистых намывов. Пом. 14 ограничено с трех сторон (кроме южной). Его размеры с запада на восток — около 3 м. В центре его — огромная просадка, форма и размеры которой четко не выявлены. Вход в пом. 14, скорее всего, находится в его западной каркасной стене, которая неплохо сохранилась в виде глиняного основания шириной 14 см и высотой 12 см. Кроме массового керамического материала в горелом слое пом. 14 найдены терракотовая статуэтка оленя и нижняя часть драпировки от женской терракотовой статуэтки.

Переулочек между раскопанными помещениями заполнен зелено-желтыми уличными слоями, без следов пожара. Только сверху лежали фрагменты упавшего горелого тулдука, но не в столь большом количестве, как непосредственно в помещениях.

В пом. 9а вдоль северной крепостной стены расчищена выкладка из сырцовых кирпичей. Хорошо читаются первые два ее ряда, кирпичи, обрамляющие тандыр и прямоугольную яму периода строительства, а также еще один ряд кирпичей по южную сторону ямы. Несколько отдельных кирпичей прослежены вдоль западной стены помещения, а также на основном пространстве пом. 9а.

Яма 1 в пом. 9а имеет размеры 1,10 м с запада на восток и 1,00 м с севера на юг, глубиной около 100 см; стенки почти отвесны. Она относится к первому строительному периоду. Яма заполнена мусорным слоем, насыщенным керамикой. Из находок, обнаруженных в яме 1, следует отметить протому черлощенного ритона в виде конской головы с деталями упряжи, проработанными с помощью прочерченных линий, затертых красной пастой, а также плохо обожженную глиняную женскую фигурку, отличающуюся своими большими размерами по сравнению с остальными терракотами, найденными на памятнике.

Из полученных в результате работ на раскопе 1/1 данных можно заключить, что здесь, как и на других участках городища, в период строительства и связанного с ним первичного обживания территории существовали большие ямы, выбранный из них грунт мог использоваться для засыпки цоколей сооружений, а сами ямы — как хозяйственные. Впоследствии площадь между круглым зданием и крепостной стеной была застроена каркасными сооружениями (ямы к этому времени были засыпаны и перекрыты обмятками полов). Между каркасными постройками шел переулочек, который, обойдя с севера круглое здание, обгнал пом. 10 и поворачивал на юг. Наружные стены круглого здания, оказавшиеся в пределах каркасных построек, были использованы как внутренние стены этих построек, и в них были устроены каминные. Застройка ограничивается с запада резким понижением уровня дневной поверхности. Все сооружения на этом участке прекращают свое существование в процессе одновременного разрушения

крепости, сопровождавшегося сильнейшим пожаром. При этом сгорели и те каркасные постройки, которые находились в пониженной части территории городища, находившейся к северо-востоку от раскопа 1/1. После нескольких веков запустения территория крепости использовалась поздним населением региона в качестве могильника, свидетельством чему — остатки оссуарных погребений в подвале северной крепостной стены и погребение с труположением в слое завалов и намывов над границей между разрушенным пом. 13 и переулочком.

Раскоп 1/2 (см. рис. 2/32 и 2/33)

Пом. 7 — одно из основных в этом раскопе. Расположено оно к северу от пом. 4 и 5, расчищено полностью и до материка. Помещение имеет неправильную форму в плане, оно ограничено с востока крепостной стеной (длина ее в пределах помещения — 7 м), с юга — кирпичной стеной, отгораживающей его от пом. 4, с севера — аналогичной стеной, разделяющей пом. 7 и 8, западная стена помещения — фасад входной башни круглого здания. Проходы находятся вблизи круглого здания в южной и северной стенах, они делают помещение проходным. От пом. 5 пом. 7 отделен неширокий проход с пилоном у круглого здания. Проход имеет понижающийся пандусом пол в сторону пом. 7. По нижнему полу проход был сужен очагом-тандыром (диаметр — 35–40 см, высота — около 45 см) и ямой, расположенной около него. Конструкция эти примыкает к стене круглого здания. Тандыр глиняный, внутри сильно обожжен, толщина стенок до 3 см, снаружи стенки не потемнели от прокаливаний. Внутри тандыра — зола, пепел и немного очень мелких угольков. Верх тандыра не сохранился (см. также рис. 2/47).

В пом. 8 везд хорошо организованый проход с четвертью для рамы двери (со стороны пом. 8). Проем этот отделен от круглого здания простенком, со стороны пом. 7 получился острый угол. Сохранность стен пом. 7 различная. Лучшее всего сохранились кирпичные северная и южная стены. Бровка, проведенная по линии С–Ю, явилась продолжением бровок пом. 1–4, на той же линии находится и бровка пом. 8 (по условиям выкида она сделана только зеркальной), где она пересекается с бровкой по линии 3–В, продолжающей линию разрез раскопа 1/1. На северной и южной стенах пом. 7 сохранилась самано-глиняная штукатурка, под верхним слоем которой есть небольшие участки побелки по первому слою самано-глиняной штукатурки. Побелка отличается от белых пятен соли на кирпичных стен, к тому же под слоем соли нет штукатурки. В пом. 7 есть четыре ниши-камнина, расположенных в восточной и южной стенах прямо над полом. Вызывает некоторое сомнение определение времени функционирования каминных в восточной (крепостной) стене, так как скорее всего они сделаны в сырой пахте и тогда предшествовали времени постройки помещения, к тому же один из каминных еще в древности был заложен. В отличие от остальных каминных конструкций в восточной стене отличаются меньшей глубиной и более плавным профилем задней стенки. Расчистка помещения велась по полам и поверхностям обживания.

В результате раскопок стратиграфия и история пом. 7 выглядят следующим образом: материк, расположенный на уровне +19,31 (-69), вскрыт в неповрежденном виде в северо-восточном углу помещения, на остальной части он сильно прорезан многими хозяйственными и строительными материковыми ямами.

Рис. 2/32. Вид на круглое здание и застройку около него с севера

Рис. 2/33. Раскоп 1/2. Вид на пом. 1-4, 7, 8. Пом. 7 перегораживает бровка

Рис. 2/34. Раскоп 2. Справа крепостная стена

К первому строительному периоду относятся самые монументальные стены — крепостная, основание которой «примазано» к древнему такыру, и стена входной башни круглого здания. Стены помещений еще отсутствовали. Этот период связан со строительными работами на крепости.

Ямы № 2, 3, 4 и 5, 6, 7 относятся к этому периоду. На месте ямы № 2, расположенной в центре помещения, находился, вероятно, отдельный хозяйственный комплекс. Внутри ее заполнения есть обмазки обживавшихся поверхностей. Восточная часть ямы была зачищена до дна, а западная — до верхней обмазанной поверхности с культурным слоем над ней. Эта поверхность поднималась на северо-запад ко вкопанному в слой и материк небольшому хуму (хумче), верхняя часть которого была разрушена в древности и разбросана поблизости. В заполнении хума — рыхлый культурный слой. Над верхней культурной поверхностью среди находок фрагментов керамики обращает на себя внимание уникальная форма — край блюда с отогнутым бортом и фрагменты согла с вкраплениями бронзы и меди. Внутри хума были найдены и кости животных, в том числе часть позвоночника барашка или козленка.

Таким образом, размеры описываемой ямы (2,4×2 м), ее заполнение, а также ямки от столбиков перекрытия, расчищенные вблизи нее, дают основание считать, что внутри нее было отдельное производственно-хозяйственное помещение. Вероятно, аналогичный комплекс находился на месте большой ямы со стоящим у ее края небольшим хумом, вскрытой в 1981 и 1985 гг. в раскопе 1/1 у основания наружной стены круглого здания (к северу от него).

Яма № 4 скорее всего тоже связана с хозяйственно-производственной деятельностью. В ее заполнении было очень много обломков печины, горелых кирпичей. Часть их уходит и под основание южной стены в районе каминя. Западный край ямы находится в нескольких сантиметрах от лица бровки.

Яма № 5 — не очень организованная прирезка к основной большой яме.

Яма № 3 скорее всего строительная — для замеса глины, например. На материковых стенках ее есть следы мокрой глины, а в заполнении — однородная глина типа не очень плотной забутовки.

Под крепостную стену ни одна из ям не уходит.

В тот же период вокруг входной башни круглого здания была сделана в уровне материка отмостка из глины и кусков кирпича шириной около 70 см и высотой до 10 см, в ней зачищены ряд (а местами и два) от столбовых ям. Большая часть их имеет диаметр не менее 20 см, что явно крупнее обычного каркаса. Отличает их и большая глубина — 45–50 см. При намазке нижнего пола пом. 7 они были засыпаны материковым леском и закрыты плотной глиняной обмазкой. Интересно отметить, что основание пахсовой кладки входной башни круглого здания несколько заглублено в материк (слой не вскрывался) и около него шла до описанной вымостки как бы траншейка довольно рыхлого грунта. Аналогичная ситуация вскрылась и у прохода в пом. 5. Глиняно-кирпичная отмостка со столбовыми ямками вблизи основания башни продолжается и в пом. 8 раскопа 1/2, она идет, огибая башню, и проходит затем практически вплотную к ее стене. Аналогичной конструкции у основания стен круглого здания в пом. 3 и 4 раскопа 1/1, где вскрыт материковый уровень, нет. Поэтому есть основания предполагать, что столбовая

конструкция с отмосткой была только у входной башни круглого здания. По характеру конструкции и ее местоположению можно сделать вывод, что это было основание строительных лесов, по которым через башню на здание подавался кирпич для возведения стен выше уровня пахсового основания (около 2 м, см. рис. 2/46). После завершения строительства крепостных стен и круглого здания все материковые ямы и пространство вокруг них были засыпаны грунтом с культурными остатками, относящимися к этому первому периоду, где-то использовались и содержимое самих ям. На этот слой были поставлены кирпичные стены пом. 7 и был намазан первый пол этого помещения. В центре помещения был сделан на полу очаг в виде сильно прокаленного круглого пятна диаметром около 70 см. Очаг этот кроме прокала от черного, красного через белый к пеплу имеет и следы неоднородной чистки, в результате чего под ним существует яма с горелым содержимым. Он продолжал существовать и в период второго (верхнего) пола в помещении, когда к северо-востоку от него был сделан второй аналогичный очаг. По сторонам первого очага, на расстоянии около 1 м от него, по линии С-Ю обнаружены квадратные ямки со стороной до 40 см от опор столбов перекрытия. В южной из них был деревянный тлен, заполнявший ямку полностью на глубину до 15 см. Подобное расположение напольных очагов между опорами от столбов перекрытия характерно для целого ряда помещений: № 1 в раскопе 3, № 7 в раскопе 1/1 и, вероятно, № 5 там же. Как уже отмечалось, кроме открытого очага в центре помещения одновременно с ним существовали и камини в южной стене, и печка-тандыр у прохода в пом. 5. Камини имеют почти стандартные размеры: их протяженность по фасу стены — около 60 см, высота — около 40–45 см, глубина — до 40 см. Дымоходов они не имеют. Лучшее сохранился более западный камин, у его устья с левой стороны стоит своеобразный экран из поставленной на ребро половинки сырцового кирпича. Не исключено, что первоначально кирпич был целый. Через узкое отверстие справа от экрана закладывались дрова и зажигался огонь.

Яма № 1 вблизи прохода в пом. 5 была сооружена в период второго (верхнего) пола, она даже частично прорезала материк. Аналогична ей и яма № 8, которая практически не заглублена в материк.

Опоры для столбов перекрытия существовали, скорее всего, в период существования обоих полов. Вообще разрыв в слое между полами минимален, сооружение второго пола связано скорее всего с небольшим ремонтом, тогда же, вероятно, новая саманная штукатурка закрыла и первоначально побеленные стены помещения. Археологические находки из пом. 7 взяты по следующим комплексам:

- 1) из материковых ям и слоя ниже уровня первого пола — комплекс периода строительства, он небогат, но практически в чистом виде пока не был представлен в наших раскопках;
- 2) из слоя под нижним полом — это первый период жизни памятника как культурного комплекса;
- 3) из верхнего слоя над вторым полом.

Следует оговорить, что в западной части помещения зачищалась еще одна поверхность — это, вероятно, следы расчистки пожара, а также разрушений вокруг круглого здания и освоения его в самый поздний период, когда крепость уже не существовала. Аналогичный слой выделен нами у стен круглого здания в раскопе 1/1, с ним также, очевидно, были связаны керамическая свалка в пом. 1 раскопа 1/1 1985 г. и са-

мый поздний материал из круглого здания. После раскопок 1981 г. мы отметили, что это здание от пожара на крепости практически не пострадало, так как внутри него нет следов пожара. Обгорел лишь дверной проем входа в здание. Вероятно, кровля сохранилась из-за того, что здание поднято на цоколь, а основной пожар бушевал в силу этого двумя метрами ниже, к тому же от искр и летевших головешек кровлю круглого здания должен был предохранять, очевидно, и вышавшийся над ней край ее внешней стены, которая могла иметь бойницы, как в нижнем ярусе, или зубцы крепостного типа. После грандиозного пожара, приведшего к гибели памятника (горелый завал в проходе ворот и перед ними даже не был расчищен), основной мусор вокруг сохранившегося круглого здания был расчищен (перемещен иногда ближе к крепостной стене), с тем чтобы обеспечить проход вокруг него. Хозяйственная зона вокруг здания не расчищалась и не восстанавливалась.

Вероятно, с этим последним и, очевидно, весьма непродолжительным периодом жизни круглого здания связано и частичное сужение входа в него, и узкая перегородка внутри центрального зала, от которой до нас дошла небольшая часть в северном конце помещения.

На остальной части памятника пока не выявлено каких-либо комплексов, соответствующих этому заключительному этапу существования круглого здания. Попадать в него в это время могли через любой пролом в стене, так как многие участки крепостной стены были сильно разрушены.

Возвращаясь к пом. 7, отметим, что верхнюю поверхность в западной части помещения, появившуюся уже над вторым полом, вряд ли можно квалифицировать как пол, это утопанный слой по завалу с горами включениями. Вообще же полы помещения имели тенденцию подниматься по уровню к круглому зданию, а прослойка между ними уменьшалась.

Пом. 7 кроме богатого комплекса «кангуйской» керамики Хорезма, полученного в сильно фрагментированном виде, содержало довольно много интересных находок. Большинство из них происходило из верхнего слоя разрушения помещения: небольшой остракон, верхняя часть рельефа на небольшой керамической фляге с изображением всадника на скачущем влево коне. Нижняя часть рельефа найдена в верхнем слое соседнего пом. 8.

Вся дошедшая до нас композиция занимала около половины уплощенной стороны небольшой, вероятно, поясной фляги (керамика розового теста с более темным шелушащимся ангобом). Изображение всадника занимало все изобразительное пространство. Сам всадник изображен довольно схематично — обобщенно передана голова, повернутая влево (волосы переданы прямой линией надо лбом и сзади у нижнего края шеи). Различаются борода и усы. Туловище развернуто в традиционной древневосточной манере в фас, детали кафитана не различаются. Очень тонкими изображены руки персонажа, правая держит копьё, а левая, согнутая в локте, — повод. Облом мешает осмыслению предмета, изображенного за спиной всадника, может быть, это был и штг. На левой ноге, вытянутой вперед, на бедре хорошо виден короткий меч с прямым перекрестком и антенновидным или близким ему по типу навершием. Меч системой ремней прикреплен к ноге всадника и к его поясу. Сам тип меча и система крепления известны по памятникам прохоровской культуры сарматов.

С особой любовью древний художник изобразил коня и его упряжь. Конь с маленькой головкой и очень плавной

длинной шеей изображен в летящем галопе. На голове и шее передана сложная система узды с двойным поводом и султаном на голове. Спину лошади покрывает разукрашенная по краю попона, на груди коня подвешены фалары.

Все изображение не заключено в какую-либо рамку, никаких деталей пейзажа нет. По характеру изображения оно несомненно напоминает известные печати с «хорезмийским всадником», к анализу которых неоднократно обращался С.П. Толстов. В отличие от нашего рельефа там конь шествует плавным шагом. Скорее всего, в обоих случаях перед нами изображение какого-то очень популярного в стране мифологического персонажа.

В яме №1 была обнаружена небольшая терракотовая статуэтка нового типа. Это изображение женского персонажа с одноруčním кувшином в руках. На туловище различными деталями костюма и его украшений, на голове — прическа и украшения. Ноги у статуэтки обломаны. По типу изображения головы это типично хорезмийское изделие.

В слое помещения найдено и несколько львиноголовых ручек от парадных кувшинов разного размера. Обращает на себя внимание одно крупное очень натуралистическое изображение льва с высунутым языком. Есть статуэтка лошади с прочерченной упряжкой.

Большой интерес представляют фрагменты сосуда серого обжига — обычного парадного кувшина, на котором вместо львиноголовой ручки помещена женская головка обычного для хорезмийских ранних терракот типа. Фрагмент подобно изображению льва найден в 1985 г., но там лицо было почти полностью сбито.

В разных слоях помещения встречены фрагменты голубого импортного сосуда («авилонский» фаянс). Подобный практически целый горшочек найден в горелом слое раскопа 7.

Встречены в описываемом помещении и очень редкие на памятнике ювелирные украшения — у восточного камня в южной стене тонкое золотое колечко, в центре помещения к востоку от очага — три костяные подвески грибовидной формы и у круглого здания в верхнем слое зачистки — стеклянная подвеска в виде клыка.

В отличие от соседних пом. 3 и 4 в пом. 7 довольно большое количество костей животных, среди них заметное число кабаньих или свиных челюстей, бабки крупных животных, много чешуи и костей рыб, особенно в самом верхнем слое. Встречены позвонки очень крупных рыб, один из них просверлен в центре и употреблялся как пряслице (аналогичная находка была сделана и в пом. 5 раскопа 1/1).

Подробное описание пом. 7 вызвано тем, что именно здесь наиболее полно выявлялась стратиграфия памятника, впервые были обнаружены камни.

Пом. 8 раскопа 1/2 занимает все пространство в изгибе крепостной стены к северу от пом. 7, между ним и раскопом 1/1, с которым оно связано проходами. Помещение рассчитывалось по четырем четвертям, бровки, как уже отмечалось, оставались на одной линии с разрезами соседних помещений. Верхняя часть заполнения помещения — серый рыхлый культурный слой с углами. Под ним прослеживается довольно мягкая поверхность, которая связывается с верхним полом пом. 7. Она читается по слою зеленой органики, особенно хорошо сохраняющемуся в юго-западном углу.

В южной стене помещения вблизи круглого здания расчищен проход в пом. 7, ширина его 90 см, по сторонам его два

углубления-четверти для дверной коробки размером 15×20 см. Вдоль круглого здания в западной, тоже кирпичной стене помещения есть скользящий проход шириной 95 см. В 110 см к северу от него имеется еще один проход шириной 105 см со следами каркасной обвязки внутри него. На стенах помещения сохранилось несколько слоев обмазки, западная стена сохранилась довольно плохо. Кирпичная часть крепостной стены тоже очень сильно размыта, а местами кирпичи замещены намывами с культурными остатками, четко различимы практически лишь несколько нижних рядов кирпичной кладки над паховым цоколем. Вблизи крепостной стены, в южной и восточной частях помещения над верхним культурным слоем лежали намывы и кирпичный размытый завал. Нижний пол, лежащий на материке и небольшим слое, местами перекрывающим его и материковые ямы, отделяет от верхнего серый мягкий культурный слой с золой, кусками нечист и т.д. Обмазки нижнего пола тоже имеют зеленоватый оттенок, в них есть следы растительных волокон. По оси С—Ю в середине помещения выявлено углубление размером 45×25 см при глубине 10 см, заполненное древесным тлеом, — очевидно, опора от столба перекрытия. Местами над нижним полом есть участки плотного кирпичного завала, что, возможно, связано с ремонтными работами.

С нижним полом связан и камин, сооруженный в северной части западной стены помещения. Его ширина — 65 см, высота не менее 35–40 см, глубина — 30 см. Стенки внутри камня скруглены. На территории помещения вскрыто несколько крупных ям, большинство из них материковые, перекрыты нижним полом, местами пол просел над ямами. В центре помещения зачищена яма № 2, которая сделана в нижнем полу и попала в более раннюю материковую яму № 2а. Размеры ранней ямы определены по просадке пола — 4,4×3,5 м. Скользящий проход в западной стене по нижнему полу не осуществлялся, он прорублен позднее — не исключено, что в самый последний период жизни на памятнике, когда расчищался слой пожара вокруг круглого здания. Около более северного прохода в западной стене сохранился деревянный тлен от плинтуса или облицовки порога (порог здесь высотой в два кирпича). Обмазки нижнего пола лежат, как правило, на подсыпке из красного материкового песка, под ней обнаружены идушье в широтном направлении по центру помещения остатки каркасной стены в виде ряда ямок от столбов с прилегающими к ним обмазками. Конструкция эта прослеживается на протяжении 4 м к востоку от западной стены помещения, далее она разрушена ямами. Стена эта расположена на одной линии с ранней каркасной стеной пом. 1 раскопа 1/1. Южная стена помещения подстилается слоем подсыпки, что отмечалось при описании пом. 7.

Вдоль входной бани круглого здания и в предлах пом. 8 есть остатки вымостки и ямки от столбов строительной конструкции под нижним полом.

Над верхним полом помещения вдоль его восточной стены расчищены развалы хумов и хумчей.

Материал из разных слоев и ям не различается, некоторые фрагменты из них склеиваются между собой и с фрагментами из пом. 7. Из индивидуальных находок следует отметить остраконы (один из ранней ямы), фрагменты рельефов от фляг, чернолощенный ритон с прорезным орнаментом, заполненным красной пастой, львиноголовые ручки, терракоты, два горшочковидных каменных сосуда с вырезанными на плечиках треугольниками, половнику литейной формочки.

Пом. 12 было прослежено в плане по поверхности еще в 1987 г. Мы попытались определить его изначальные границы и стратиграфию. В результате установлено, что размеры пом. 12 по верхнему горизонту 2,80–2,90 м с севера на юг и не менее 8 м с востока на запад (восточная стена плохо выделяется). Верхний пол пом. 12 находится на отметке -20–28 и покрыт голубоватой обмазкой толщиной 3–4 см. Сохранность стен этого периода — два кирпича над полом и один кирпич ниже уровня пола. Толщина южной стены в западной части помещения — 1 м, северной — 1,10 м. Поверх пола лежал слой намывов с обломками кирпичей. В восточной части пом. 12 контур южной стены по уровню пола практически не читался, удалось обнаружить северное лицо южной стены в этом месте ниже уровня пола. Оно оказалось значительно севернее той линии, которая читалась по поверхности. Но и здесь лицевая линия стены терялась в едином кирпичном массиве, практически нерасчленимом. Основание южной стены в восточной части помещения стоит на материке, местами перекрытом голубоватым культурным слоем. Заполнение помещения в его восточной части представляет собой перемешанный слой со следами многочисленных переколов. Общая мощность слоя 20–30 см. В западной части помещения тоже встречены следы переколов. Выяснено, что южная стена помещения в западной своей части поставлена на основе срубленной, более ранней, паховой стены толщиной 1,30–1,40 м с наклонными лицевыми поверхностями. Уровень основания этой стены — 80–90 см. Ее сохранность по высоте — до 40 см. В отличие от остальных паховых стен городища ранняя паховая южная стена пом. 12 не стоит на твердом материковом основании, а впущена в котлован периода строительства. Ширина котлована с севера на юг — 3,80 м, глубина — 1,30–1,50 м. Котлован заполнен мусорными перекопанными слоями с включениями материкового выклада, кирпичных завалов, органических остатков. Основание паховой стены — в 90 см над дном котлована. Южная сторона стены (со стороны пом. 13) обожжена и покалена докрасна. В заполнении котлована с этой стороны — мощный слой гари.

Выяснено, что северная стена пом. 12 также стоит на остатке паховой стены (уровень ее основания — 75 см, сохранность по высоте — менее 30 см). Шурфовка к югу от этой стены показала, что она впущена в яму-котлован (отметка дна — -1 м) и также стоит на слое его заполнения в 30 см над дном котлована. Северная сторона этой ранней стены нам неизвестна. Но со стороны пом. 6 также выявлен край ямы-котлована. Полов, отстоящихся к ранней стене, не обнаружено. Они до нас не дошли.

Материал как в заполнении котлована, так и в заполнении над поздним полом пом. 12, представляет собой фрагменты различных сосудов кангуйского времени и кости животных. Следует отметить, что кости, довольно обильные в заполнении котлована, в слоях над поздним полом встречаются крайне редко.

Пом. 14 предполагалось к югу от пом. 13, которое отделяло его от пом. 12. Как и пом. 12, оно было выявлено в плане в 1987 г. Предпринятые позднее раскопки мало что прибавили к нашим представлениям об этом помещении. Оно имело форму четырехугольника со срезанным северо-восточным углом. Стены помещения сохранились плохо и прослеживались с трудом. Северо-западный угол помещения — прямой, юго-западный и юго-восточный углы — несколько большие

прямого. Восточная стена помещения находится под острым углом по отношению к северной. Размеры помещения: с севера на юг, вдоль западной стены, — 3 м и 3,70 м вдоль восточной. Северная стена, сохранным менее 30 см по высоте и толщиной 90 см, сложена из кирпичика и в некоторых местах заглублена ниже пола пом. 14. Южная стена имела по высоте сохранность два кирпичика. Выявить ее внешнюю сторону не удалось. Толщина западной кирпичной стены — 60 см. В ней на расстоянии 20 см от северо-западного угла — остаток проема шириной 70–80 см. Отметка пола в помещении 14 — -40 см.

В 1–1,2 м к югу от северной стены — остатки каких-то кирпичных кладок (возможно, помещение было перегороджено). Все помещение было заполнено культурным слоем с намывами. У южной стены помещения — сырцовая ванна с наклонными внутрь стенками, сложенными из поставленных на ребро кирпичей. Ванна заглублена ниже уровня пола. Высота ее стенок — порядка 40 см. К северу от ванны — небольшие зольные пятна и неглубокая ямка диаметром 30 см.

В предшествующий период пом. 14 в описанных выше границах не существовало. Углубившись в северной части помещения, мы выявили еще одну ванну, подобную вышеописанной, относящейся к периоду, предшествовавшему времени существования пом. 14 и, возможно, связанному с раскопанной в 1987 г. землянкой к западу от пом. 14, в которой тогда были найдены остатки производства. К югу от второй ванны — вырубленные в материке два углубления для установки хумов. В одном из них хорошо сохранились отпечатки некогда стоявшего там хума, примазанного к стенкам углубления, в другом обнаружены остатки подобной обмазки и следы горения.

В 1987 г. раскоп 1/2 был продолжен к югу и юго-востоку, зачистками практически сомкнулся с раскопом 7, он охватил все пространство внутри обводной «улицы», между нею и круглым зданием. К югу от круглого здания раскапывалось пом. 9, непосредственно примыкавшее к стене здания в наиболее смывтой южной части его. Это помещение, как и расположенное восточнее его тоже непосредственно у стены круглого здания пом. 10, показывают, что к западу от входа в круглое здание и с южной стороны от него прохода вдоль стены здания не было, из пом. 9, возможно, был выход на «улицу». Помещение это почти смыто, а в северо-западной части еще и нарушено грабительской траншеей первых веков н.э. Довольно четко зачистились лишь линия юго-западной стены (смежная с «улицей») и на отдельных участках остальные стены. Вблизи круглого здания был обнаружен кирпичный массив завала, частично внутри помещения сползла наружная сторона внешней стены круглого здания и перекрыла горельный культурный слой. Пом. 9 сильно пострадало от пожара, связанного с гибелью памятника, и в нем в отличие от соседних помещений этот пожарный слой не успел размыться. Вокруг открытого очага в центре помещения в период его жизни было несколько небольших ям, в южном углу выявилась просадка в часть землянки, бывшей на месте этого и соседних помещений в период строительства, забутовка ее тщательно была покрыта глиняной обмазкой. У юго-восточной и северной стен помещения обнаружены развалы керамических сосудов, среди них много столовой посуды, есть миниатюрные сосуды, фрагменты терракот. Здесь же найдена крупная, сгоревшая до угля деревянная ложка, костяная пряжка прохоровского типа с неподвижным язычком и

с отверстиями для пришиваания. На полу помещения было много остатков сгоревшего зерна и растительных волокон. В слое, связанном с ямой, в южном углу найдены крупные куски кричного пористого железа, возможно связанного с предшествующей землянкой. В центральной части помещения был сделан стратиграфический разрез.

Пом. 10 примыкает непосредственно к стене круглого здания, оно было затронуто раскопками 1981 г. — по нему прошла траншея вокруг круглого здания. После зачистки многолетних отвалов мы вышли на мощный кирпичный завал, который примыкал к стене здания на этом участке. По мере удаления от круглого здания завал начал расчленяться на отдельные кирпичики или их скопления. У восточной стены, отделяющей помещение от расположенного восточнее и раскопанного в 1985 г. пом. 6, хорошо сохранилась только нижняя часть, здесь есть даже глиняная штукатурка. Угол примыкания этой стены к круглому зданию был зачищен еще в 1981 г. в траншее, именно здесь стоял в перевернутом виде хум с надписями. Проход в восточной стене соединил помещение с парадным комплексом помещений перед входом в круглое здание. В проходе была обнаружена интересная конструкция порога, устроенного вдоль помещения по линии дверной коробки, которая вставлялась в специальные «четверти», сделанные в кирпичной кладке. В южном углу у дверной коробки был обнаружен кусок сырцового кирпича с округлым углублением — своеобразный подплетник. Таким образом, дверь со стороны пом. 10 открывалась внутрь и направо, порог образовали два поставленных на ребро сырцовых кирпичика. Необычная высота порога, может быть, вызывалась необходимостью защитить от сквозняка камин и тандыр в непосредственной близости от южной стены. К порогу постепенно повышались обмазки полов, общая толщина их достигала 25 см, в некоторых из них есть примесь самана. Обмазки перемежались легкой подсыпкой песка и небольшим количеством фрагментов керамики, положенными в выбоины в полу. В среднем уровне обмазок наиболее выделяется по цвету подсыпка материкового грунта, вероятно, это уровень, связанный с сооружением тандыра. Это — конструкция из сырцового кирпича, внутри которой был вырезан округлый очаг, обмазанный глиной. Сохранились тонкие проклянные обмазки внутри тандыра. Устроен был он у южной стены, но не примыкал к ней и соседствовал с центральным очагом-камнином. Последний по типу — пристенный, боковые стенки его образовывали поставленные на ребро сырцовые кирпичики, со стороны помещения был обычный «кран» из стоящего на ребре кирпича. Кирпичи, перекрывавшие очаг, находились в завале внутри него, задняя стенка каминная сильно прокалена, «резервуар» очага очень узкий. На обмазках полов в ряде мест встречались, кроме того, небольшие проклянные пятна. На одной из верхних обмазок пола слева от двери и около нее было небольшое, в 20 см, пятно прокала с белым пеплом, бытовым этот очажок не мог быть, возможно, здесь совершался обряд очищения огнем помещения или входящего в него. В пом. 10 вдоль всей южной стены в западной части обнаружены следы порубки еще в древности (возможно, что срублена почти целиком западная стена помещения, здесь в разрезе выявились остатки какой-то кирпичной конструкции). Этот разрез на западном краю пом. 10 был продолжен к югу по соседним помещениям и стал генеральным на этом участке памятника, он позволил нам увязать в единую стратиграфическую картину постройки вокруг

круглого здания и центральной части крепости (через «улицу»).

При раскопках пом. 10 были выявлены еще некоторые детали, связанные с обживанием памятника. В восточной стене к югу от прохода на самом нижнем слое глиняной штукатурки на стене обнаружены следы побелки, которая позднее была закрыта новым слоем штукатурки. Подобная картина фиксировалась нами в пом. 6 и 7 раскопа 1/2 в предыдущие годы. Наиболее поздние слои штукатурки начинаются от верхних обмазок пола, нижние упираются в основание стены, лежащее на материке. Среди керамики между обмазками пола встречен сильно обгоревший острак. В результате поверхностных зачисток на широкой площади, после того как многолетние отвалы были убраны, обнаружен целый ряд стен и помещений, часть из которых в отчетном сезоне была раскопана. Помещение к востоку от пом. 9 и к югу от № 10 получило № 11, оно раскопано нами от стратиграфического разреза к востоку, т.е. на большей части его площади. На юге оно простиралось до «улицы», а его восточная стена в виде доманной линии продолжалась восточную стену пом. 10. Проход из пом. 6 к югу от входа в пом. 10 вел в пом. 12, своеобразный коридор с рыхлым заполнением гумусом. Через этот коридор пом. 6 и вообще круглое здание связывалось с входной частью памятника. Южнее его располагается небольшое прямоугольное пом. 13 с входом в восточной стене. Между пом. 13 и «улицей» проводились только небольшие зачистки, выявлены стены, но точного представления о количестве помещений на этой площади у нас нет. Сохранность культурного слоя не превышает полуметра, а в ряде случаев и того меньше. Стены помещений лежат на материке, ряд дополнительных приставок и перегородок был сделан в период функционирования комплекса.

Так, первоначально проход из пом. 12 в пом. 11 был во всю ширину пом. 12, он объединяет эти два помещения, и характер культурного слоя в них — это сильно насыщенные гумусом слои обмазок с обильным включением костей животных и рыб. Подобный культурный слой не характерен для памятника, мы отметили его только в пом. 6, соседнем с описываемым помещением. При раскопках пом. 6 мы высказали мнение о том, что в нем производились общественные трапезы, носившие, возможно, ритуальный характер, так как оно расположено перед входом в круглый храм. Теперь к этому можно добавить, что находки тандыров в пом. 10 и 11 (у южной стены тоже вблизи от каминки) и обилие остеологического материала позволяют считать пом. 11 чем-то вроде общественной трапезной, а ритуальная часть, вероятно, была связана с пом. 6. В процессе функционирования памятника проход между пом. 11 и 12 был сужен за счет приставленной к южной стене пом. 10 с ее наружной стороны стенки. Возможно, что первоначальная ширина пом. 12 была больше, так как от пом. 6 его отделяет непомерной толщины стена. Еще позже, уже перед самой гибелью памятника пом. 11 было, судя по всему, разделено стеной широтного направления на две части, от последней стены сохранились практически лишь отпечатки кирпичей.

На территории пом. 11 выявлены грабительские траншеи первых веков н.э., на плане они обозначены пунктиром, одна из них разрушила восточную стену помещения в средней части. Именно завал этого помещения перекрыл траншею кладонскателей, доведенную до уровня материка.

В южной части помещения мы заглубились ниже полов и стен помещения и вскрыли часть землянок (полуземлянок) периода строительства (см. План). В юго-восточном углу в восточной стене был обнаружен скользящий проход. В южной стене был расчищен камин, лишь слегка заглубленный в стену, отделяющую помещение от «улицы». Боковые и передние стенки его были сделаны из поставленных на ребро кирпичей. Примерно в двух метрах на северо-восток от него находился и тандыр, который нам пришлось разобрать при раскопках землянки.

Сами конструкции и наслоения пом. 11 относятся к третьему из выделяемых нами строительных периодов. Материал из него разделялся нами по уровням зачистки на три слоя, отдельные слои обмазок пола практически не выделялись, так их было много. Два верхних слоя относятся к заполнению собственно пом. 11. Стратиграфия этого помещения очень четко отразилась в генеральном разрезе: горельный слой, связанный с гибелью памятника, практически размыт полностью, в разрезе выделяется двухсантиметровый слой пухляка, насыщенный углями и известковыми отложениями. Очевидно, с эти смывтым слоем и связаны все находки на поверхности. Ниже в пределах отмеченных стен идет свита обмазок зеленого и бежевого цвета. Зачищались они по верхнему и самому нижнему слоям. Материал не различался. Конструкции в юго-восточном углу помещения были описаны выше. Вблизи центра помещения были аморфное очажное пятно с углублением в центре, заполненным чистым пеплом. Под разрез попал хум, поставленный горлом вниз. Ниже полов третьего строительного периода существует лишь стена пом. 10 и отходящие от нее поверхности. С этим периодом связан третий комплекс наших находок. Это слой обмазок из глины с частичной подбутовкой, особенно в районе стены «улицы». Возможно, что с этой поверхностью связаны и столбовые конструкции в юго-западной части раскопа. Во всяком случае, отсутствие намывов свидетельствует, что ни в один из периодов это пространство не было открытым. К нижнему слою, если не более раннему, относится врытый в материк хум в юго-западной части раскопа. Вместе с пом. 10 этот слой на вскрытом участке, очевидно, представляет второй строительный период. Под слоем глиняных обмазок и подбутовок в нижней части раскопа был обнаружен большой материковый котлован глубиной 1,2–1,5 м. Заполнение его детально зафиксировано на разрезах. Это была часть целой серии сообщающихся полуземлянок, вытянутых почти вдоль улицы. В траншее у генерального разреза обнаружены остатки небольшого материкового вала у края котлована и за ним ямки от столбов, образовавших либо стену, либо опоры навеса-перекрытия. Сооружения эти имели производственное назначение.

Раскопано две печи с продухами-дымоходами, следы прокала есть либо на перекрывающей нижнюю камеру перемычке, либо в завале. Отсутствие каких-либо производственных отходов (землянки были вычищены перед преднамеренной забутовкой) затрудняет атрибуцию этого объекта. Скорее всего, в раскопах сохранилась нижняя часть двухъярусных печей, которая соединялась с мехами и через которую осуществлялся «поддув» — подача воздуха для нагревания, например, железа при ковке в верхней камере, от которой до нас в одном случае дошел только под с прорезавшим его по периферии продухами, а в другом — кирпичи срубленного пода в нижней камере.

Землянки были сооружены в первый строительный период, когда велось строительство основных монументальных сооружений на памятнике. Часть стен землянок, возможно и пол, обмазывались глиной. На раскопанном участке землянки образовывали целую систему, они есть в районе к западу и востоку, а может быть, и к северу от раскрытых. Комплекс находок из землянок является самым ранним на памятнике (как и в материковых ямах, перекрытых нижними полами). В наших землянках встречено очень мало фрагментов керамики, терракотовая статуэтка лошади и фрагмент изделия из бронзы или меди.

Генеральный разрез, проходивший через пом. 10 и 11, был продолжен нами к юго-западу (через «улицу»). Сохранность слоев здесь оказалась минимальной, поэтому, вероятно, второй стены «улицы» мы не обнаружили, хотя на соседнем участке у пом. 9 она есть. В шестиметровой траншее, проведенной за стеной «улицы», вскрыты культурные слои, связанные с этой стеной, они проседают почти до материка. Под этими слоями непосредственно под стеной «улицы» и около нее идет слой подбитовки, аналогичной тому, что был вскрыт в пом. 11. Подбитовка связана с очень тонким культурным слоем, под ним зачищалась намазанная на материк поверхность, в которой выявлены столбовые ямки. Возле ямок обнаружен горелый слой, который мы связываем с первым пожаром на памятнике (конец первого или второй строительный период). Вероятно, он синхронен с первым пожаром в раскопе 4, отмеченном в 1985 г.

Пом. 13, возможно, относится к третьему строительному периоду, несмотря на то что его северо-западный угол стоит на материке. Под обмазками пола и его западной части были вскрыты остатки слоя, связанного с грунтовыми ямами и срубленными конструкциями. Все стены при раскопках оказались «подвешенными». Помещение это весьма необычно среди обнаруженных на памятнике. Оно прежде всего выделяется малыми размерами, проход из него был в конце существования заложен кирпичом. В нем нет хозяйственных конструкций, кроме углубления, ограниченного глиняным валиком-бортиком высотой около 5 см, с северной стороны прохода. Стены помещения кирпичные, покрыты обмазкой. Заполнение его очень однородное, преобладает кирпичный завал, в верхней части размытый до аморфного состояния — это глина с саманом, песчаных подсыпок нет. У северной стены помещения вблизи его северо-западного угла был пристроен очаг. На стене сохранилось подквадратное пятно прокала размером 40×40 см, на нижней обмазке пола была обнаружена значительно менее прокаленная, чем стена, площадка (50×50 см). На верхних полах огонь, очевидно, раздвигался на жаровнях-сковородах. Многочисленные, в том числе и крупные, обломки одной из них были найдены около этого очага, возможно служившего для освещения и подогрева помещения (судя по тому, что стена в месте очага прокалена до белого цвета, функционировал он долго). По своему облику помещение очень напоминает келью.

В заполнении помещения был найден фрагмент костяного резного изделия, интересный комплекс керамики: скорее всего, один хум, фрагменты серого парадного двуручного кувшина (срез у нижней части ручек такой же, как у львиноголовых сосудов), фрагменты тонкостенных сосудов, среди которых выделяется маленький краснообожженный кубок с уплощенным дном и несколько раскрытым в верхней части цилиндрическим туловом, ножка от кубка, где уже намечается выделение цилиндрической ножки на поддоне.

Возможно, что вся застройка к востоку от пом. 11 относится к третьему строительному периоду.

Раскоп 2 (см. рис. 2/34, 2/35, 2/36)

Этот раскоп расположен к западу от круглого здания, здесь вскрыт участок стрелкового коридора в крепостной стене длиной около 5 м и примыкающая к нему башня. Стены местами сохранились на высоту более двух метров, их прорезает один ряд стреловидных бойниц (см. рис. 2/11), расположенных на разной высоте над полом: средняя бойница выше, а две по сторонам ее — ниже, что, возможно, было рассчитано на разный рост стрелков. Конструкция стен коридора и башен повторяет круглое здание. Цокольная часть стен сложена из пахсы, в башне над ней обнаружен гидроизолирующий и антисейсмический слой камышовой прокладки. Камыш лежит поперек стены. Выше уровня пола кладка велась из сырового кирпича стандарта 38–40×38–40×10–12 см на глиняном растворе. Штукатурка сохранилась на отдельных участках. Из коридора в башню вел узкий проход, никаких следов дверной коробки не обнаружено. С южной стороны против прохода у стены коридора сделан пилластр длиной 2 м при ширине в два кирпича, сложен он вперевязку с внутренней стеной коридора, на углах у стены выступают четвертинки кирпичей, оставшиеся лишними при такой кладке. Аналогичные пилластры при такой же системе кладки обнаружены и на других раскопах внутри крепостного коридора. Очевидно, подобные конструкции делались во всех местах по соседству с проходами, чтобы создать дополнительный заслон для обороняющихся, в случае если враг проникнул в стрелковый коридор или башню.

Полы в коридоре и башне раскопа 2, как и в остальных местах оборонительных сооружений, не обмазывались. Это был утопанный слой грунта поверх засыпки цоколя, иногда есть следы камышовых подстилок. Слой заполнения оборонительных сооружений очень сухой, в нем сохранилось много мелких палочек и прутьев среди завала кирпичей и намывов. Встречены вторичные (поздние) захоронения костей и черепов в бойницах, а также просто в развалинах, с ними — фрагменты сосудов-оссуариев. В сухом слое над полом найдены фрагменты веревок, кусочки ткани разного плетения.

На раскопе 2 работы велись также на участке между поперечной кирпичной стеной, примыкающей к северной стене крепости, и промоиной в северной стене, которая, по нашим предположениям, могла соответствовать северному краю «улицы»-коридора, выявленной ранее на раскопах 7 и 1/2.

На месте промоины обнаружена строительная калитка в северной крепостной стене. Ее ширина — 0,95 м. Как и подобная калитка к востоку от раскопа 3 она была окружена контрфорсами. Один из них обнаружен к востоку от калитки. Строительные калитки были необходимы на время сооружения крепости для доставки кирпича и других стройматериалов внутрь городища. Когда нужда в этом отпала, калитка была заложена кирпичом, благодаря чему она легко выделяется в пахсовом основании крепостной стены.

Участок, примыкающий к северной стене, был застроен каркасными постройками. Раскопано более десятка помещений.

Границей между пом. 1, 2 и 3 служила каркасная стена, идущая вблизи стены крепости (с В-С-В на 3-Ю-3). Расстояние между ней и крепостной стеной — 4,5 м в западной части (у западного борта раскопа) и 2,7 м в восточной (в месте сты-

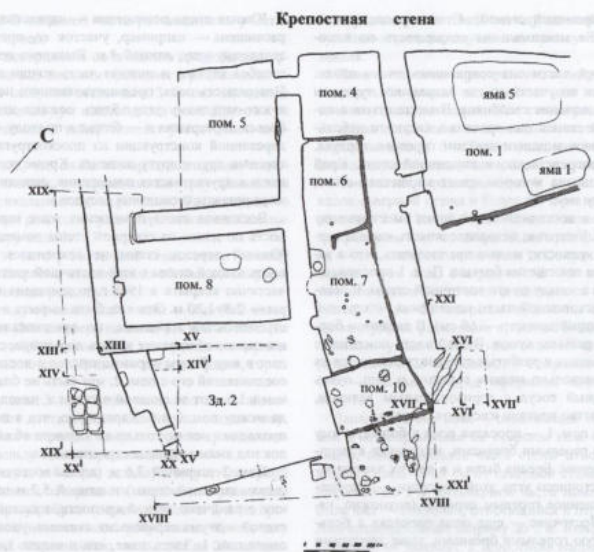

Рис. 2/35. Раскоп 2. План вскрытой части застройки

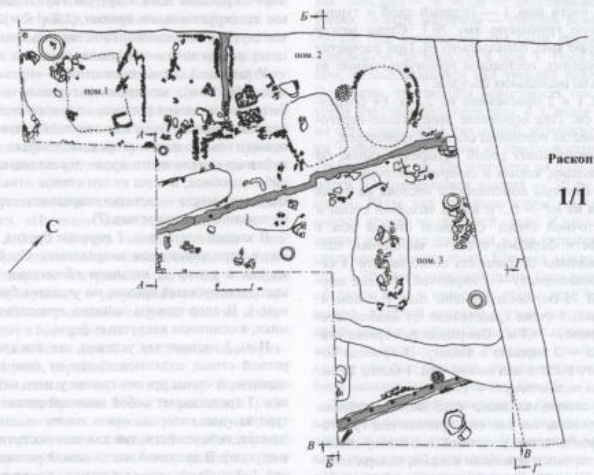

Рис. 2/36. Участок раскопа 2. План с развалами горелого дерева и растительных волокон

ка с поперечной кирпичной стеной). Стена прослежена на протяжении 8,8 м. Ее максимальная сохранность по высоте — 28 см.

В восточной своей части она сохранилась очень плохо. Едва прослеживается по участкам, где сохранился турлук и редкие сгоревшие основания столбиков. В месте стыка с поперечной кирпичной стеной она просела в какую-то небольшую яму, заполненную мощным завалом горелого турлука. Яма примыкает непосредственно к кирпичной стене. Край материкового остова, на котором стоит кирпичная стена, слегка осыпался в эту яму.

Пом. 1 раскопа 2 в восточной своей части имеет ширину 4,6 м с севера на юг. Учитывая непараллельность южной каркасной стены стене крепости, можно предполагать, что в западной части ширина помещения больше. Пом. 1 прослежено на протяжении 5,6 м к западу от его восточной стены. В северо-западном углу раскопанной части помещения — круглый очаг с валиком (внешний диаметр — 68 см). В западном борту и вблизи него — развалы хумов. В этой части помещения найдены несколько целых и разбитых сосудов, валявшихся на полу: три кринки, несколько мелких горшков и чаш, очень большой кубовидный сосуд с горизонтальным валиком, кроме того — множество праслиц из стенок сосудов.

В западной части пом. 1 — просадка пола в большую яму (2×1,5 м), заполнена горелыми бревнами, лежащими в меридиональном направлении. Бревна были и в других частях помещения. У юго-восточного угла этой просадки — углубление 50×60 см, заполненное горелым деревом (возможно, какая-то подставка). Восточнее — еще одна просадка в большую яму, заполненную горелыми бревнами, тоже лежащими в меридиональном направлении. К югу от нее — круговой горшок, под которым было горло кувшина (очевидно, все эти предметы упали сверху во время пожара и разгрома). Здесь же — остатки сгоревшей плетеной корзины.

В юго-восточной части пом. 1 — горелый слой и турлук проседают в глубокую грунтовую яму № 1. Стена между пом. 1 и 3 идет по краю ямы, параллельно ей. При расчистке ее в мощный слое горения, состоящем преимущественно из углей, найдены развалы нескольких сосудов.

Стена между пом. 1 и 2 прослежена на 2,4 м. Ее сохранность по высоте 15 см. Под основание этой стенки-перегородки в нескольких местах положены обломки зернотерок.

Пом. 1 в плане представляет собой четырехугольник, по форме близкий к трапеции, южная и северная стороны которой непараллельны. Размеры помещения с востока на запад порядка 7 м, с севера на юг — 6,5 м вдоль западной стены и 4,5 м по линии восточной стены. Северной стеной пом. 1 является стена крепости. Западная стена — кирпичная, толщиной 1,1 м. Максимальная сохранность ее по высоте (в северо-западном углу помещения) — 7 кирпичей. В стене имеется проем шириной 75 см, соединяющий пом. 1 с пом. 4. Прем смещен к южной стене (расстояние от южной стены — 1,4 м, от северной — 4,7 м). Сохранность отрезка стены к югу от прохода — 3 кирпича в высоту. В проходе сохранился порожек. Его высота над полом пом. 1 более 20 см, над соответствующим полом пом. 4 — 10 см.

В 2,3 м к югу от северо-западного угла лицевая сторона западной стены разрушена, так как она просела над грунтовой ямой периода строительства, уходящей под кладку стены. Яма заполнена характерными зелеными слоями, поверх которых — слой песка. Как раз в этом месте в стене была ниша (возможно, каминная), в ней найден развал хума.

Южная стена помещения — каркасная. Большая ее часть расчищена — например, участок ее, примыкающий к юго-западному углу, длиной 4 м. Выявлено несколько сгоревших столбов каркаса и нижняя часть толщи стены с обломками. Поверхность пола, предшествовавшего пожару, поднимается к юго-западному углу. Здесь лежали несколько сгоревших бревен перекрытия и — ближе к проходу — остатки какой-то деревянной конструкции из плоскостружанных, пригнанных торцами друг к другу дощечек. Кроме того, на этом участке, как и в других частях помещения, лежали на полу в слое пожара развалы нескольких сосудов.

Восточная стена помещения тоже каркасная. Ее сохранность по длине от северной стены помещения на юг — 2 м. Южный отрезок стены не сохранился. Яма 1, вытянутая вдоль южной стены в юго-восточной части помещения, была частично вскрыта в 1988 г. и дочистена в 1989 г. Ее размеры — 2,8×1,20 м. Эта яма была вырыта в материке в период строительства городища, но продолжала функционировать и в период обживания вплоть до пожара, слой которого попал в яму. Таким образом, проход в восточной стене пом. 1, соединявший его с пом. 2, мог быть не ближе к южной стене, чем в 1,5 м от ее лицевой части, т.е. находился против прохода между пом. 1 и 4. Характерно, что в полосе между этими проходами нет не только ямы периода обживания, но и просадок над ямами периода строительства.

Пом. 2 шириной 2,6 м (вдоль восточной стены) и 4,5 м (вдоль западной стены) и длиной 5,7 м на севере и 6,4 м на юге ограничено стеной крепости, приставленной кирпичной стеной 1 и двумя каркасными стенами, упомянутыми при описании пом. 1. Здесь тоже, как и в пом. 1, — следы просадки обломки пола в большие ямы. Одна такая яма, близкая по форме к овалу, размерами 2×1,5 м, расположена в 1 м к западу от поперечной кирпичной стены. В 0,5 м к западу от нее — просадка пола в другую яму, подпрямоугольной формы со скругленными краями (1,8×1,2 м). Обе ямы в плане вытянуты в меридиональном направлении, между ними на поверхности пола — сгоревшая корзина из прутьев.

У западной стены помещения — прямоугольное углубление (40×55 см), заполненное горелым деревом. Это могла быть база колонны (точнее, опорного столба), но она расположена слишком близко от западной стены. Рядом, к югу, — прямоугольное пятно сгоревшего дерева — возможно, в углублении стояло нечто вроде деревянного сундука или что-либо подобное, и одна из его стенок отвалилась при пожаре. В этом же месте — остатки сгоревшего веревочного плетения с узелками типа ковровых (7).

В южной части пом. 2 горелые бревна, как и в пом. 1, лежат в меридиональном направлении. Слой пожара здесь, так же как и в пом. 1, насыщен обломками турлука с кусками настла сгоревшей крыши, но упавших бревен меньше, чем в пом. 1. В слое пожара найдено относительно немного керамики, в основном не крупных форм.

Пом. 3 названо так условно, так как кроме каркасной широтной стены, отделяющей его от пом. 1 и 2, и восточной кирпичной стены других границ у него нет. Слой заполнения пом. 3 представляет собой мощный развал горелых обломков турлука, под которым очень плохо выделяется поверхность (точнее, поверхности, так как они постоянно переходят одна в другую). В западной части пом. 3 расчищена полоса шириной 1–2 м. Здесь, как и в пом. 1, лежат развалы двух хумов и несколько развалов более мелких сосудов (кувшинки, малые

горшочки, лепной). В западной части расчищенного участка на полу — горелое просо.

Кроме того, что поверхность пола сильно повреждена турлукным завалом, она еще местами проседает в ранние ямы.

В 1,5 м к югу от северной стены пом. 3 вкопан заподлицо с условной поверхностью хум кангойского типа. Другой хум вкопан также заподлицо с поверхностью у восточной кирпичной стены.

Расчистка показала, что он богато декорирован, с плоским венчиком, резными, раскрашенными треугольниками и налестами с вертикальными отверстиями. Такие хумы во фрагментах и целыми развалами уже встречались на Калалы-гыре 2, а также на Гюр-кале 3.

В 2 м к северу от него у восточной стены стоял на полу еще один хум характерного кангойского облика со спиралью. Он сохранился в виде развала.

В 1,6–1,8 м к западу от восточной стены — яма № 2 невыразительной формы (2 м с севера на юг и 1,6 м с востока на запад). Ее глубина до 0,5 м (возможно, это просадка с верхней полета в более раннюю яму). В яме — развалы флаги, горшка, кувшина, хумчи.

Южной стеной у пом. 3 нет. Возможно, оно было айваным, хотя здесь и нет достаточного количества следов опор. Может быть, это был открытый двор, но характер слоя свидетельствует не в пользу такого предположения.

В 6 м (на востоке) и в 4 м (на западе) к югу от северной стены плохо читавшиеся поверхности пола пом. 3 резко уходят вниз, как бы образуя обрыв (перепад высоты 2 м на протяжении 2 м). В этом естественном углублении, по его дну идет каркасная стена сохранностью по высоте до 25 см, примыкающая к «обрыву». Стена прослеживается по длине на 4,5 м. Дальше она уходит в борт раскопа. Сохранились горелые столбики каркаса и лицевая (внутренняя) поверхность стены, почти параллельной северной стене пом. 3, но принадлежащей другой постройке, возведенной в той части городища, где материк был ниже. Тут уместно вспомнить, что шурф, заложенный в нескольких десятках метров к юго-западу от этого места в 1985 г. показал большую глубину залегания культурного слоя под мощным слоем намылов. Следовательно, застройка площади городища велась по естественному рельефу гыра. Но при этом не исключено, что существовал некий единый план даже при сооружении каркасных жилищ (параллельные стены и низкий жилищный слой пом. 3).

Слой пожара опускается вниз и оплывает также пониженную часть застройки. «Нижнее» жилище погибло в том же пожаре, что и пом. 1, 2 и 3. Внутри этого сооружения — два разбитых хума и фрагменты более мелких сосудов кангойского времени. С севера от постройки, у ее стены — следы сгоревшей плетеной корзины и углубление (возможно, хозяйственная яма), набитое развалами сосудов. Оно не доследовано, так как уходит в борт раскопа.

Восточная кирпичная стена пом. 2 и 3, дойдя до места резкого понижения материка, обрывается.

Обращает на себя внимание то, что характер каркасных построек к востоку от поперечной стены (в раскопе 1/1) отличен от характера аналогичных сооружений к западу от нее. Различен и принцип организации помещений по обе стороны стены. Возникает предположение, что стена разделяла два функционально разных участка поселения (возможно, сакральную и мирскую части). В таком случае заманчиво было

бы предположить связь между данной стеной и стенами «улицы»-коридора, идущего от прямоугольного центрального здания.

Пом. 4 занимало пространство между пом. 5 и 8 и пом. 1. Изначальная южная его граница нам пока неизвестна (восточная и западная кирпичные стены уходят в борт раскопа). Западная и особенно юго-западная часть пом. 4 была занята каркасными пом. 6 и 7, которые, как это представляется на данном этапе исследования, были встроены позднее.

Изначальные размеры пом. 4: с востока на запад — 3 м вдоль северной стены и более 4,5 м на юге, с севера на юг — не менее 10–11 м. Северной стеной помещения служила стена крепости, к которой оно было пристроено. Восточная стена — это западная стена пом. 1. Сохранность этой стены на севере — от 4 до 6 кирпичей. В 5 м к югу от северо-восточного угла в восточной стене имелся проход в пом. 1 шириной 70 см. Со стороны пом. 4 он был оформлен двумя выступами размерами в плане 15–20×20–25 см со скругленными углами. Выступы отстоят от прохода на 10 см (северный) и 25 см (южный). Сохранность останков по высоте — 20 см. Проход оформлен порожек со стороны пом. 1.

Западная стена пом. 4, отделяющая его от пом. 5, толщиной 1 м, сохранилась со стороны пом. 4 очень плохо. Очевидно, сохранившаяся часть стены относится ко вторичной кладке стены. В 60 см от северной стены — проход в пом. 5 шириной до 1 м. В северной части помещения, ниже полов, была яма — котлован, относящийся к периоду строительства. Яма-котлован имеет ширину до 2 м. Конфигурация котлована сложная, он вытянут в широтном направлении. Заполнение котлована не выбиралось; оно представляет собой смесь зеленого органического слоя с материковыми включениями. Северная граница котлована проходит в 1 м от северной стены. Западная — в 90 см от сохранившегося лица западной стены. Поверх материка — твердая поверхность с отметкой -50 см. Над котлованом она была продавлена. Поверхность прослежена до прохода в пом. 1. Проход оформлен порожек, возвышающимся над твердой поверхностью на 10 см. Возможно, эта твердая поверхность представляет собой остатки изначального пола пом. 4. Следов горения на ней нет, но есть следы золы, связанной, возможно, с тандыром, остаток которого раскопан в северо-восточном углу. Диаметр тандыра — 50 см. Он заглублен на 6 см ниже уровня поверхности. Сохранившаяся высота — 30 см, но реконструируемая — 50 см над твердым полом, так как на этой высоте имелся провал на северной стене. У прохода в пом. 5 — кирпичная выкладка шириной в два кирпича с севера на юг под следующую поверхность. Ширина выкладки с запада на восток — 70 см от западной стены (она напоминает кирпичную обкладку ямы у северной стены пом. 9а раскопа 1/1). Возможно, в одной системе с этой выкладкой лежат кирпичи, приложенные к обем шевканам прохода в пом. 5 под урвень камышовых полов. В период существования этого прохода в нем был порожек, высота которого со стороны пом. 4 была меньше, чем со стороны пом. 5.

Поверх твердой поверхности (раннего пола) — мусорные слои и камышовые настлы без следов пожара, но с включениями золыстых прослоек. В северной части помещения поверх последней размытой поверхности с отметкой +8 — +15 см лежат кирпичи упавшей стены (очевидно, восточной). Выше — плоско положенные кирпичи, образующие площад-

Рис. 2/37. Раскоп 3. Вид с юга

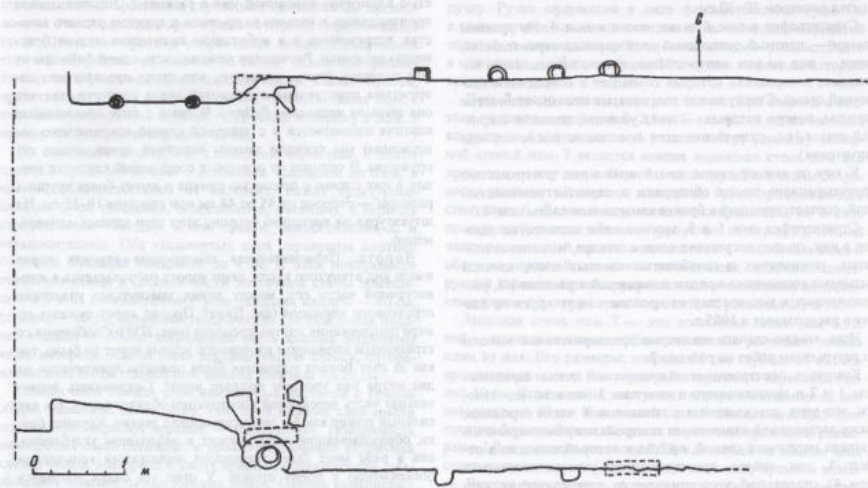

Рис. 2/38. План коридора «верхних» ворот

вертикальных столбов, к которым, очевидно, крепились ворота (см. рис. 2/39). На этом же участке были найдены и обгоревшие железные части от самих ворот: крупные гвозди, куски оковок деревянной части ворот с отверстиями для гвоздей.

Коридор за воротами между торцами цоколя стрелкового коридора тоже сохранил часть деревянных деталей. К основной кладке стен здесь делалась прикладка в полкирпича, в которую на некотором интервале друг от друга были вмазаны в окружающую их кладку вертикально поставленные деревянные столбы толщиной около 15–20 см. От них в ряде мест сохранились обгоревшие пазы. Возможно, что именно эта деревянная конструкция поддерживала перекрытие — перекидной мостик, по которому сообщались обе изолированные части стрелкового коридора к северу и югу от ворот.

В развале сгоревших ворот обнаружены куски от целых обгоревших сосудов (небольшого размера) с обгоревшими же зернами пшеницы внутри.

Раскоп 3 расположен к северу от ворот, ведущих внутри крепости из входного комплекса. В общем виде он состоит из участка стрелкового коридора, огибающего петлеобразный изгиб крепостной стены, и комплекса из двух помещений, расположенных внутри этого самого большого изгиба — волнообразного участка крепостной стены памятника. Внутри него раскопаны помещения и проведена расчистка по верхнему слою заполнения стрелкового коридора к северу-северо-востоку от них. Была обнаружена стена, отгораживавшая помещения этого комплекса от коридора ворот, и проход в ней. При раскопках всего участка выяснилось, что здесь расположено два помещения, поперечная стена по линии 3–В делит изгиб на две части. Сохранность всего комплекса довольно хорошая, несмотря на большой перепад высот: останец крепостной стены с примыкающим к нему на этом участке массивом восточной стены входного комплекса почти на 5 м возвышается над двухметровым цоколем над стрелковым коридором крепостной стены. Северное из двух помещений в раскопе 3 (пом. 2) огибается этим цоколем и внутренней стеной стрелковой галереи (до 3 м общая сохранившаяся высота), но стена, перегораживавшая помещения, едва достигает 1 м в наиболее сохранившихся местах у примыкания к цоколю крепостной стены. Высота южной стены пом. 1 большей частью не превышает 40–50 см.

Пом. 1 имело в центре, возможно, культовый очаг, располагавшийся между двумя базами колонн, вырезанными в материковом грунте (высота 7–10 см). Очаг не имел какого-либо ограждения, фиксируется он в виде сильно прогоревшего пятна с маленькой ямкой с пеплом в центре. Под разрушенными верхними обмозками пола (не менее двух хороших одновременных обмозок) расчищен еще один такой очаг, который функционировал до устройства верхнего. В восточной части помещения — пандус на кирпичном основании, выходивший на уровень пола стрелковой галереи крепостной стены. Проход по пандусу оформлен в виде коридорчика, прорезавшего внутреннюю крепостную стену и имевшего четверти для устройства дверей. По всей площади раскопа и особенно на пандусе — следы пожара. Несколько кирпичей лежали поперек прохода с пандуса в стрелковую галерею над горелым слоем. Может быть, это попытка заложить вход после гибели памятника.

Весь раскоп 3 был связан с культовыми церемониями. Пом. 1 играло роль айвана, в центре которого был явно не бытовой очаг. Некрупные ямы, заполненные золой, распола-

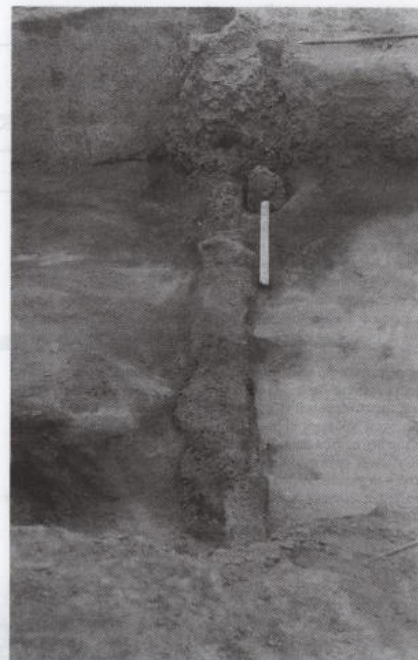

Рис. 2/39. Нижняя обвязка «верхних» ворот

гаются вдоль его стен. В крупной яме у южной стены лежали сторешные аккуратные стебли пшеницы или ячменя — практически снопы без колосьев. Наиболее крупная яма в середине помещения была перекрыта полами и связана с комплексом металлургического производства, располагавшимся на этом участке в период строительства крепости (металлические шлаки есть и в засыпке пандуса). В большой части пом. 1 обломки пола лежат и непосредственно на материке.

Проход в пом. 2 устроен в восточном конце поперечной кирпичной стены. Здесь была сделана капитальная двойная дверь. Со стороны пом. 2 расчищен деревянный порог и в специальных четвертях — деревянные столбы от дверной коробки (все это в сильно обугленном виде). Четверти сделаны в кирпичной кладке стены и «пилона», примыкавшего к округлой стене с восточной стороны прохода; со стороны пом. 1 в этом пилоне выявлен амазаний в кирпичную кладку у прохода вертикальный сторешный столб. Несомненно, что это опора еще одной двери, прикрывавшей своеобразный тамбур перед пом. 2, образовавшийся в толще поперечной стены.

Пом. 2 в плане имеет почти стрельчатую форму, в нем очень плотный, обмазанный глиной с саманом пол, часто подстилаемый беспорядочно уложенными кирпичами, вероятно укреплявшими и выравнивавшими материковый грунт. При этом уровень полов в пом. 1 и 2 один. Против входа, в сторону центра пом. 2, на полу при зачистке выявились два небольших (каждое диаметром около 20 см) пятна из отпечатков стгнивших зерен пшеницы (ячменя?) и проса, каждый вид зерен был рассыпан и, возможно, вдавлен в сырую обмазку отдельно. Очень похоже, что с порога бросили по пригоршне зерна на свежесоборанный пол. Может быть, это следы ритуального действия. Пом. 2 вообще производит впечатление целды культового комплекса. В центре его на полу найден культовый керамический сосуд — амфоровидный ритон с двумя ручками, завершающимися головками льва. Вдоль стен справа от двери и у противоположного участка стены стояли некрутные сосуды, часть из них сохранилась целиком: горшки, тазик с росписью в виде креста внутри сосуда. В мелких разбитых сосудах были зерна стгоревшей пшеницы или ячменя. В центре помещения рядом с ритоном были найдены фрагменты бокала на дисковидном поддоне.

В помещении, возможно, сверху свалилась или была сброшена керамика — хум со спиралью и явно импортный хум. Стоит напомнить, что на западном участке стрелкового коридора в раскопе 3 в 1981 г. было очень много столовой посуды, особенно тазиков — мисок с крестообразной росписью внутри. Стены пом. 2 в отличие от пом. 1 не имеют следов обжига от пожара. Слой горелой кровли фиксируется над полом, в нем была большая часть находок. Костей животных в раскопе 3 почти не было.

Расчистка стрелкового коридора на раскопе 3 велась до пандуса из пом. 1 по слою намывов, лежащих над кирпичным завалом. В этом слое находятся перекрытия бойниц, а иногда и они целиком. Внутренняя стена галереи глухая. Во внешней стене (останце ее) на этом участке есть гнезда от балок перекрытия стрелковой галереи (см. рис. 2/15). Выше них зачистились две бойницы второго яруса с уклоном к наружной части стены. Бойница имеет обычное сечение, верхние бойницы были расположены вдвое реже, чем нижние. Скорее всего, второй ярус имел сплошную стену. Аналогичная бойница второго яруса обнаружена и на останце над раскопом 5, в месте примыкания к крепостной стене западной стены входного комплекса.

В культурном слое помещений раскопа 3 было найдено также несколько терракотовых статуэток, миниатюрные сосуды, в том числе и фрагменты чернелощеных с прорезным орнаментом, заполненным красной краской, а также несколько изделий из кости (подвеска, ручка). Вероятно, с ритуалом связана и слабо обожженная глиняная лепешка диаметром около 8–9 см с отпечатками зерен на одной стороне и прорезанными по сырому тесту кругами на другой. Лепешка имеет серый цвет, возможно, что в тесте ее есть и какие-то примеси (мука?).

Раскоп 3 был продолжен в 1986 г., работы развернулись в стрелковом коридоре крепостной стены, где в 1985 г. мы остановились на уровне бойниц (слоя намывов). Коридор, на участке огибающем пом. 1 и 2, был расчищен до пола, сделаны два стратиграфических разреза, около одного из них была прорезана засыпка цоколя. С этого участка крепостной стены по верхнему слою глубиной примерно в штык была проведена зачистка внутри крепостного коридора на всем волнообразном в плане северо-восточном ее участке, что позволило нам уточнить генеральный план памятника.

В коридоре крепостной стены выявилась следующая картина: слои натечного рыхлого суглинка перекрывали культурный слой — сырую супесь, насыщенную обломками кирпича, угольками и керамикой. В восточной части раскопа толщина этого слоя значительно уменьшилась (соответственно 0,4 и 1 м). Затечные слои в восточной части чередуются с завалами кирпича. Слои обживания выделяются не обмазанными полами, как и в раскопе 2 1981 г., а уплотненной прослойкой с остатками органики (камыш, навоз). Кроме нижнего, основного слоя обживания в коридоре раскопа 3 были обнаружены еще две такие прослойки на более высоком уровне, от нижней они отделены культурным слоем. На всех поверхностях обживания есть горелые слои небольшой интенсивности. В 1985 г. на раскопе 4 перед воротами нами были получены данные о еще одном пожаре, не связанном с гибелью памятника.

Около восточного разреза мы заглубились в цоколь коридора, чтобы точнее выяснить его конструкцию. Цоколь здесь, как и на других участках крепости, состоит из засыпки между двумя стенами коридора. Засыпка эта (или забутовка) сделана из плотного коричневатого-серого слоя с обильными «культурными» остатками (органика, угольки, обломки кирпичей). Непосредственно на материке лежит 30-сантиметровый слой из обломков кирпича, перемешанных с желтым песком. Паховое основание стен также имеет небольшую песчаную подсыпку.

На описываемом участке крепостного коридора в культурном слое найдено довольно большое количество керамики. Преобладает тарная средних размеров, много фрагментов тазов, фляг, светлоангобированные сосуды. Красноангобированной столовой посуды и лепной встречено мало. В культурном слое в значительном количестве встречались кости животных.

Раскоп 4

Этот раскоп расположен в центральной части втянутого входного комплекса. Затем он был расширен вдоль западной стены, а позднее часть его была перенесена внутрь памятника, к подножию пандуса, ведущего на центральную алтарную площадку.

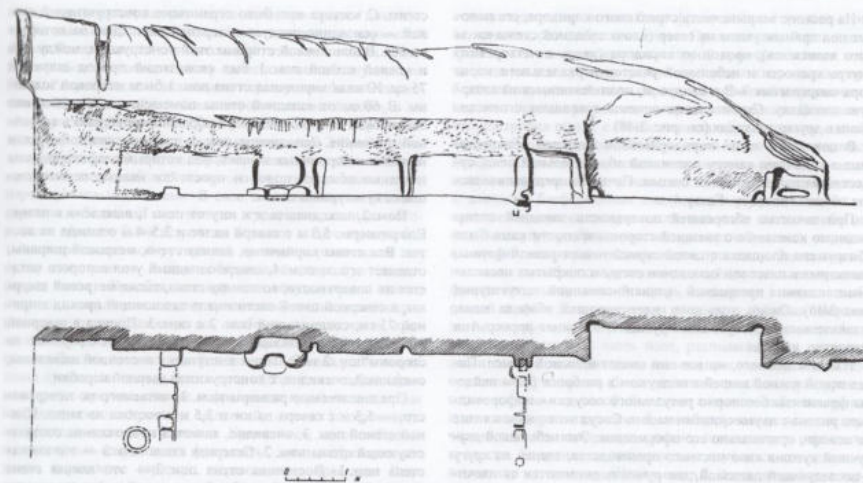

Рис. 2/40. Входной комплекс. Верхняя площадка. План и фасад «культурных» нишек

Рис. 2/41. Раскоп 7. Общий вид

Участок 6/1 расположен у раскопа 5, у места примыкания западной стены входного комплекса к крепостной стене. Установлено, что западная стена входного комплекса ставилась на песчаную подсыпку, частично нивелирующую естественный уклон гыра. С наружной стороны этой стены тоже был заложен раскоп, выявивший перемежающиеся слои песка и мелкокомковатой глины, водостлавившие основание стены. Внутри входного комплекса на этом участке в культурном слое обнаружено большое количество сгоревшей соломы и зерен пшеницы или ячменя.

Участок 6/2 расположен аналогично — у места примыкания восточной стены входного комплекса к крепостной стене. Здесь кроме конструктивных особенностей самой стены была обнаружена у края смыва площадка, обложенная кирпичом по бокам и на поверхности, на которой был обнаружен сосудик с зерном и сгоревшая солома.

Участки 6/3 и 6/4 расположены соответственно снаружи и внутри ворот, ведущих во входной комплекс. Установлены размеры южной башни ворот (11,5×12,5 м), внутри она оказалась монолитной, основание башни снаружи имеет ступени по склону. Выявлена и конструкция проезда ворот с мостовыми, выложенными кирпичом, и столбами от крепления ворот. На участке 6/4 выяснился характер наслоений в северо-восточном углу входного комплекса, установлено наличие слоя пожара и на первом этапе обживания данного участка. Расчищены конструкции, укрепляющие основание северной входной башни с внутренней стороны памятника. Обращает на себя внимание изначально резкий перепад высот на этом участке.

Особо следует отметить, что если гибель памятника от сильного пожара и разгрома фиксируется практически по-местному в том или ином виде, то о пожаре, который был на памятнике в период его функционирования, у нас пока данных очень мало. Кроме отмеченного слоя на участке 6/4 можно указать еще на пом. 2 в раскопе 4, где на южной стене были обнаружены обгоревшие глиняные обмазки, перекрытые штукатуркой, поверх которой уже находились позднейшие обмазки со следами нового пожара.

Раскоп 7 (см. рис. 2/41)

Как уже отмечалось, занимал всю центральную часть крепости. Здесь по всей площади была произведена поверхностная расчистка: снят тактирный слой и тщательно разметена вся поверхность. В результате было выявлено сохранившееся на минимальную высоту (практически в уровень основания стен) большое монументальное некогда здание, занимавшее центральное место на территории городища. Сам этот факт говорит о важной роли, которое оно играло в жизни памятника. Здание состоит из нескольких крупных по размерам помещений, огибаемых коридором (см. План). Хотя коридор этот и не является полностью обводным, несомненно, он выделяет наше здание из разряда бытовых. Минимальный культурный слой и строительные конструкции сохранились в северо-западной части здания, где в основном и проводились разведочные раскопки. Вскрыты участки отмеченного выше обводного коридора, траншеями выявлен культурный слой в пределах планировки. Несмотря на то что южная часть здания находится на наиболее высоких отметках, конструкции его и культурный слой здесь смыты практически полностью. При строительстве использовался естественный уклон мест-

ности — в материке делались небольшие ступени, вдоль которых ставились стены, что скрывало перепады уровней.

В пом. 2 обращают на себя внимание специальные подкладки под базы колонн, которые также не встречаются на рядовых памятниках. К сожалению, слабая сохранность строительных конструкций не позволяет пока делать какие-либо конкретные выводы о функциях центрального здания, но его внушительные размеры (не менее 30 м с севера на юг и не менее 26 м с востока на запад) наряду с отмеченными особенностями дают основание предполагать, что оно носило парадный или культовый характер.

На раскопе 7 кроме небольшого количества керамики в основном слое зачистки были найдены терракотовые статуэтки, нижняя часть амфоровидного ритона с двумя сливами, львиноголовая ручка, на которой вместо морды льва изображено человеческое лицо, фрагменты рельефов на флягах и др.

Центральное здание и пространство к западу от него связаны со стеной, идущей в направлении СВ-ЮЗ от северной части западной стены здания, она идет по дуге. Время сооружения ее указывает древний такыр со следами обживания, относящимися к периоду строительства. Стена эта ограничена кирпичной забутовкой, положенной вперевязку с кирпичами стены и лежащей на культурном слое. На конце дуговидной стены верхние два ряда ее сложены вперевязку с другой стеной, идущей от западной же стены здания в северо-западном направлении. Толщина этой стены — 1 м, сохранность по высоте — два кирпича. Эта стена также сложена вперевязку с забутовкой, но, как и дуговидная, возвышается над ней. Возможно, что сектор, образованный двумя стенами, был не просто вымощенной площадкой, а помещением.

Прямая стена направления ЮВ-СЗ прослежена после пересечения с дуговидной еще на 10 м. Общая ее длина достигает 23 м. Она ограничивала с северо-востока коридор шириной в 3 м, юго-западная стена которого прослежена на протяжении 11–14 м. Коридор этот поворачивает в меридиональном направлении вдоль западной стены центрального здания, ширина его здесь 2,5–3 м, сохранность стены в высоту — два кирпича. В меридиональном направлении коридор (возможно, открытый сверху) прослежен на протяжении 6–10 м. Слои внутри этого коридора — голубоватые, уличные, хотя есть прокаленные пятна. В конце меридионального отрезка стены ее сохранность менее одного кирпича, здесь она разрушена поздними перекопами, а пространство вокруг заполнено горелым слоем.

К юго-западу от коридора раскопано пом. 5, имеющее форму, близкую к прямоугольнику, ориентированному углами по сторонам света (8×6 м), восточный угол помещения срезан стеной коридора. В пом. 5 расчищено два пола. На верхнем в восточной части помещения выявлены два пятна от круглых в плане напольных очагов с провалом и золой. На обмазке стен помещения образовался уступ, соответствующий уровню верхнего пола. Наружной стороны стен этого помещения выявить не удалось, так как они практически переходят в кирпичные забутовки и вымостки, расположенные вокруг него. На нижнем полу сохранилась плотная обмазка, переходящая на стены. Здесь обнаружен слой гари, угли, сгоревшие бревна от балок или опор перекрытия, ветки сгоревшей кровли. Непосредственно на полу под этим слоем и в нем самом много сгоревшего зерна и керамики. Здесь найден импортный сосуд из голубого «авионского» фаянса,

львиноголовая ручка. В 80 см от южного угла в восточной стене обнаружена ниша шириной 1,75 м, задняя стенка ее плохо читается. Можно предположить, что это был проход или, что менее вероятно, камин (стенки помещения и ниши на этом участке могли провалиться и при пожаре). У юго-западной стены помещения обмазки пола проседают в яму периода строительства, уходящую в стену помещения. В этом месте на полу была найдена женская терракотовая статуэтка без головы. Самая крупная ниша была обнаружена в северо-западной стене помещения (ширина — 2,5 м и глубина не менее 40 см). Здесь же зафиксирован и интенсивный провал поверхностей. Около этой ниши обнаружен трехступенчатый круглый алтарь или его «навершие». Стены у северного угла по нижнему полу практически не выявляются. У северо-восточной стены впадин хум, рядом — большая яма, еще одна яма с горелыми бревнами раскопана вблизи большой ниши. Пом. 5 было при строительстве заглублено несколько ниже дневной поверхности, а выше его стены надстраивались кирпичом. Этим приемом строительства, возможно, объясняется нечеткая яма вообще отсутствующая наружная линия стен при очень малой сохранности по высоте.

В центре пом. 5 пол проседает в большую материковую яму периода строительства, на ее краю расширена сгоревшая деревянная база колонны обычного для памятника типа, здесь же найдены обломки ганчевого «плиттуса» (или кусок раствора из ганча).

К юго-востоку от пом. 5 вскрыта большая яма № 9, ориентированная с учетом направления стен помещения, размеры ее — 2×3 м, стенки и дно ее покрыты толстым слоем обмазок. В заполнении — гарь, резки, кости животных, развал нескольких керамических сосудов.

Южные ямы 9 раскопано пом. 6 протяженностью 5 м с юго-запада на северо-восток и не менее 6 м с юго-востока на северо-запад. Стены помещения были каркасными, сохранились ямки от столбов и часть обмазок у основания стен. В юго-восточной стене сохранилось 6 столбиков от каркаса.

Выявлен небольшой участок тоже каркасного пом. 7 к северо-западу от пом. 6. Заполнение на этом участке раскопа то же, что и в пом. 5, — слой гари.

В пом. 6 была сделана уникальная находка — практически полный рельеф от керамической фляги диаметром около полуметра с изображением календарного мифа. Основной сюжет связан с божеством умирающей и возрождающейся природы, изображенным в виде оленя. Тут же найден и большой фрагмент сосуда нового типа, подражающего редкому типу античных «асксов», — кольцевая трубка с горлом в виде воронки.

В двух метрах к северо-западу от северо-восточной стены пом. 6 расчистилась полоса столбовых ямок, параллельная этой стене. Южные из столбов этого ряда были вставлены в кирпичную кладку плохой сохранности. Возможно, что весь комплекс пом. 5–7 и яма 9 вместе с коридором пристроены к центральному зданию позднее его сооружения.

На примыкающем к зданию участке также были обнаружены некоторые перестройки: столбовые ямки красной стены, шедшей в широтном направлении, она замыкала пространство между западной стеной здания, южной стеной пом. 2 и вновь открытой мощной меридиональной стеной из кирпича. Это пространство получило наименование пом. 8. Южная его часть испорчена ямами позднейшего периода. В юго-западном углу пом. 8 расчищен прямоугольный очаг,

обложенный кирпичами. К северу от пом. 8 тоже расчищен прямоугольный очаг, обложенный кирпичами. Также к северу от этого помещения обнаружено два просевших в культурный слой ганчевых кирпичей размером 40×40 см.

Раскоп 7в

Он продолжал исследование центральной части крепости, цель его — исследование культурного слоя, выявившегося у восточного края раскопа 7. В силу аморфности культурных остатков на этом участке раскопки велись по квадратам. Западный борт раскопа находится на расстоянии 29 м от северо-западного угла пом. 1 раскопа 7, а линия В-3 является продолжением линии внешнего фаса северной стены пом. 1. В связи с привязкой к стенам центрального здания раскоп ориентирован не строго по сторонам света. Сохранность культурного слоя невелика, не превышает 20 см над материком. На поверхности удалось выявить линии нескольких стен. Вся застройка в этой части памятника примыкает к сырцовой стене, ограничивающей центральную постройку, она идет по направлению к входу на крепость и к северному флансу центрального здания. В южной части раскопа обнаружены размытые остатки двух сырцовых стен, идущих в широтном направлении, между ними — контуры крупных материковых ям-котлованов. Вероятно, сырцовая стена была и в северной части вскрытого участка, она также шла в широтном направлении. От всех «широтных» стен сохранились лишь размытый массив основания без четких фасадных линий. В средней части раскопа обнаружена тоже широтного направления каркасная стена, подходящая к средней части помещения с каркасными стенами, находящегося в восточной стороне раскопа. Помещение это, как и весь вскрытый комплекс, носит хозяйственный характер. В нем занимались в первую очередь переработкой зерна. Внутри помещения обнаружено много зернотерок, курантов к ним и две ямы, заполненные сгоревшим зерном. Весь участок носит следы пожара, с которым была связана гибель памятника. В помещении найдена разнообразная керамическая посуда. У края раскопа в северо-западном углу его была найдена сильно расползшаяся фляга с рельефом в виде всадника на верблюде перед деревом. Рельеф по размеру меньше уплощенной стороны фляги, возможно, он сделан в той же форме, что и рельеф на маленькой фляжке из раскопа 1/1 (см. рис. 2/42).

В расположенном к северо-западу помещении между сырцовой и каркасной стенами у западной из них рядом с хозяйственной ямой расчищена подставка под зернотерку обычного для памятника типа: глиняная загородка и кирпичная подставка под зернотерку. В помещении к югу от этого у той же западной стены обнаружен пристенный камин с экраном, сооруженный из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. В силу разрушения слоя не все контуры хозяйственных ям четко определяются, есть и некоторое количество столбовых ямок вне линий каркасных стен. Практически во всех помещениях есть остатки расползшихся крупных хозяйственных сосудов. Раскоп 7в имеет перспективы развития в северном направлении в сторону раскопа 3, разделяет их огромный отвал. С другой стороны его были предприняты небольшие раскопки у айвана, вскрытого в 1985 г., здесь было выявлено основание широтной стены, отгораживавшей айван. Стена, ограничивавшая айван с востока, при зачистке в южном направлении продолжения не дала, она здесь смыта.

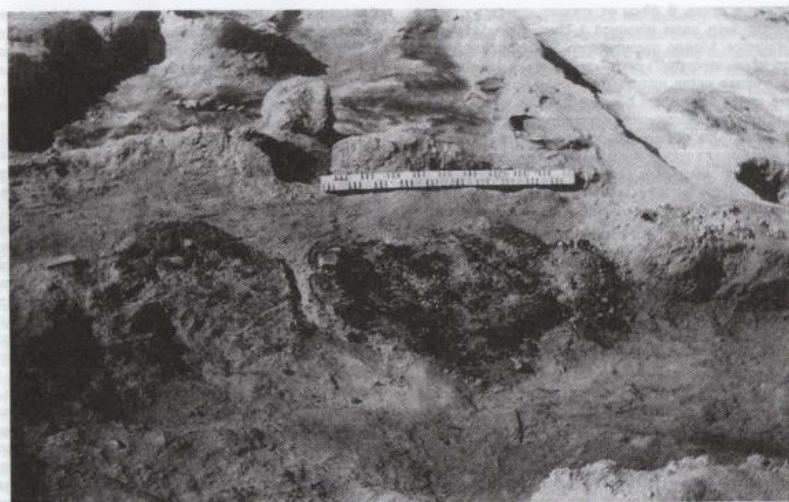

Рис. 2/43. Сгоревшие деревянные колеса. Фото

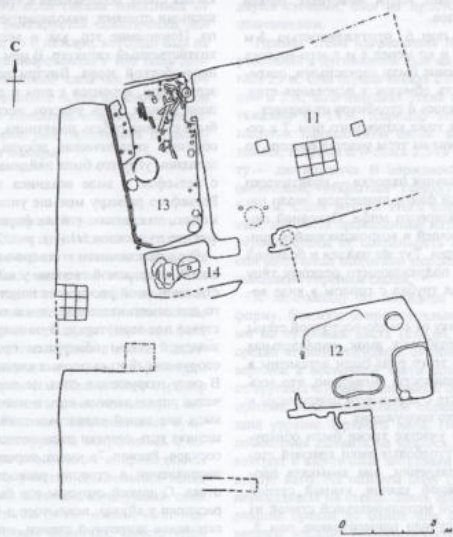
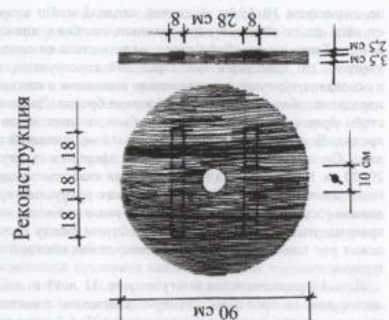

Рис. 2/42. План северной части

Разрез A - A

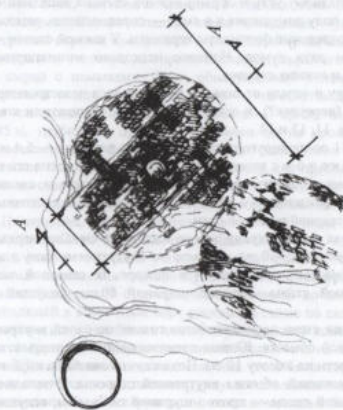
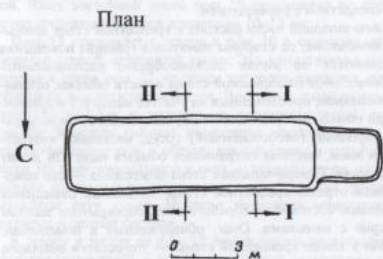

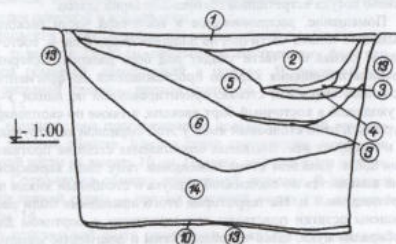
Рис. 2/44. Сгоревшие деревянные колеса. Общера

Условные обозначения

- 1 - такырная корка
 - 2 - плотная серая супесь
 - 3 - зола
 - 4 - светло-коричневый суглинок с золой
 - 5 - серо-голубой зольный слой
 - 6 - голубой культурный слой
 - 7 - зеленоватый супесчаный культурный слой
 - 8 - серый лиственный слой с большим количеством углей
 - 9 - супесь коричневатого цвета
 - 10 - растительный тлен
 - 11 - переложженный материковый грунт
 - 12 - куски печины
 - 13 - материк
 - 14 - супесь темно-серого цвета
- - скопление углей

Разрез I - I

Разрез II - II

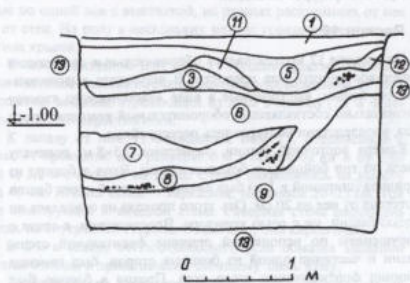

Рис. 2/45. Раскоп 7в. Котлован. Планы и разрезы

тей крепостных стен. Поверхность не покрыта штукатуркой. Толщина закладной стены 2,25 м (что равно толщине стен башни на уровне поверхности пахового шокола). Она входит внутрь бывшей камеры башни на 1 м. Лицевая сторона заклада положена с наклоном. В закладной стене перегородки имелись «бойницы» со стреловидным перекрытием, которая вела из коридора наружу, т.е. выходила в бывшую камеру башни. Уклон ложа бойницы — 5°.

На этом разрушение северо-восточного угла крепости не прекращается. Через какое-то время была разрушена северная башня этого угла. После чего проход в нее из коридора был заложен кирпичом. Этот заклад составил единое целое с кирпичным закладом коридоров всего северо-восточного угла крепости, сооруженным тогда же, и был сложен из кирпича на песке. Границы его (внешние ряды кладки в коридорах и проходе в северную башню) — на глиняном полуворсе. Лицевая сторона заклада в восточном коридоре положена под наклоном. Выходящие в коридоры части заклада сильно обожжены, как и стены коридоров. Это произошло во время последнего пожара, связанного с гибелью крепости.

ОТДЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

1. Строительные леса. Мы уже отмечали ряд конструкций, связанных с эпохой строительства памятника (разметка кирпичом планировки стен стрелкового коридора, «строительные» калитки для доставки материалов внутрь крепости, временные производственные комплексы на месте будущих помещений и т.д.). Но после вскрытия нижних полов в некоторых помещениях, мы смогли получить дополнительную информацию о памятнике, хотя и в ущерб внешнему виду раскопов.

В пом. 7 раскопа 1/2, расположенном с внешней стороны входной башни в круглое здание, под полом в материке была обнаружена неглубокая (около 40 см) яма (№ 2), в которой были захоронены остатки некогда вкопанного в материк на 25–30 см сосуда типа хумчи, обломки тиглей и капельки от медного литья (рис. 2/47). Рядом с этой конструкцией, примерно в 100 см от внешней плоскости стены входной башни круглого здания на этом же уровне под обмазкой нижней поверхности (пола) в помещении выявился ряд ямок от деревянных столбиков диаметром около 15–20 см, которые не могли принадлежать никакой другой конструкции, кроме строительных лесов; с их помощью поднимали на стены круглого здания кирпич и другие строительные материалы. Вскрытые ямки предназначались для вертикальных стоек строительных лесов, горизонтальные опоры и настилы должны были закрепляться в толще самой кирпичной кладки. Вероятно, подобные леса сооружались и на других участках крепости, где велось строительство монументальных сооружений (крепостные стены, центральное здание, входной комплекс и др., см. рис. 2/46).

2. Перекрытия. Как уже отмечалось, все перекрытия на памятнике были плоские и возводились из дерева и, вероятно, из хвороста и сухой земли поверх деревянного настила. В ряде случаев нам удалось обнаружить данные, свидетельствующие об этом. Прежде всего это перекрытия стрелкового коридора. В раскопе 3 у места стыка крепостной стены с восточной стеной входного комплекса, где стена стрелковой галереи имеет максимально сохранившуюся высоту, на высоте 4,5 м от пола сохранилось несколько гнезд от деревянных

балок горизонтального перекрытия. Диаметр их 10–15 см, и расположены они на расстоянии от 30 до 50 см друг от друга. Над ними были выявлены нижние части наклонных бойниц верхнего яруса.

На вскрытых участках стрелковых галерей в крепостной стене обнаружено большое количество горелого хвороста, стеблей камыша. Вряд ли весь этот материал использовался для покрытия полов (для этого его слишком много), очевидно, что по крайней мере часть его была от рухнувших или сгоревших перекрытий.

В других случаях о конструкциях можно судить по сохранившимся базам (опорам) колонн, поддерживающих перекрытия.

Так, в центральном здании в пом. 2 и 3 (раскоп 7) сохранились углубления от квадратных баз колонн (со стороны 40–50 см), сохранившихся от периода первоначальной постройки, — в них в ряде мест при разрушении попали куски цветной штукатурки со стен помещения. Отсутствие каких-либо каменных остатков от баз колонн здесь как будто бы свидетельствует, что они изготовлялись из дерева, как это было и в рядовых помещениях, о которых речь пойдет ниже. Базы колонн в пом. 2 и 3 сооружались по четыре штуки в центре помещения, вероятно вокруг светового отверстия в потолке. Плохая сохранность помещений не позволяет сделать заключение о существовании или месте размещения переносного очага. Конструкция из четырех колонн предполагает традиционно широко распространенное перекрытие «дарбазинского» типа.

Вокруг круглого здания в пом. 5 и 7 раскопа 1/1, пом. 7 раскопа 1/2 и в пом. 1 раскопа 3 по сторонам круглого очагового пятна в центре этих помещений были раскопаны остатки (или следы) деревянных баз колонн. Они располагались попарно и симметрично по сторонам очага (размеры их составляли, насколько можно судить по деревянной трухе или небольшому углублению в полу, 40–45×20 см, о высоте их данных нет) по длине помещения, обеспечивая опору для балок перекрытия и, вероятно, для конструкции свето-дымового отверстия над очагом. Остатки этих баз колонн всегда были ориентированы по длине помещений, что, очевидно, определяло и направление основных балок перекрытия, на которые могли опираться поперечные слепи. Примеры из этнографических построек разных областей Средней Азии могут продемонстрировать большое разнообразие конструкций потолков при таких опорах. Вероятно, в некоторых случаях вместо прямоугольных узких баз колонн в помещениях делались и квадратные (размером около 40–45 см, судя по их отпечаткам в полу). Такая конструкция была в самом северном помещении (айване?) в раскопе 7в. Здесь квадратные основания колонн располагались по сторонам выкладки из кирпичей (сторона в три кирпича), служившей либо очагом, либо подставкой под переносной очаг.

3. Двери и пороги. При раскопках обнаружено довольно значительное количество дверных проемов как в кирпичных, так и в каркасных стенах. Ширина их различна и колеблется от 0,9–1 м до 1,5–1,75 м. Отличительные особенности — в башнях дверей не было, ширина прохода — около 1 м. Наличие или отсутствие двери легко определяется в большинстве случаев по хорошо выраженным в кладке стен четвертям, уступам для дверной коробки. Такие четверти встретились нам в раскопе 3 при входе в пом. 1 и при выходе из него на пандус, выходящий в стрелковую галерею; в проеме, ведущем к пандусу, подымавшемуся на алтарную площадку (рас-

Рис. 2/46. Ямки от строительных лесов с северной стороны от входной башни круглого храма

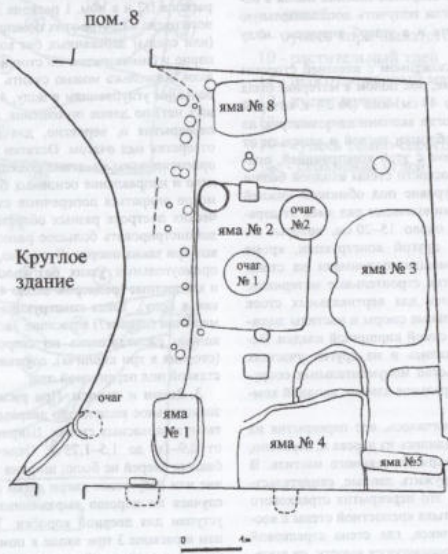

Рис. 2/47. Раскоп 1/2, ном. 7. План

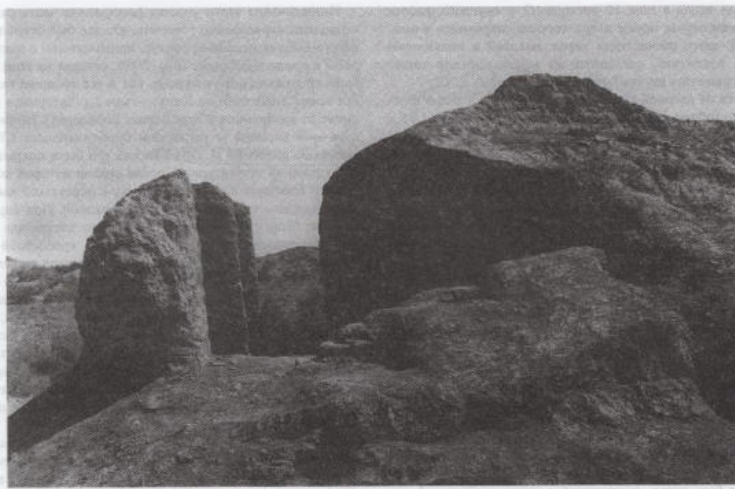

Рис. 2/48. Проход к пандусу, ведущему на алтарную площадку. Видны «четверти» для дверной коробки

Рис. 2/49. Вид на ворота на входной комплексе

коп 4); при входе в пом. 10 раскопа 1/2 у круглого здания. В последнем случае проем двери хорошо сохранился в нижней части: здесь расчистился порог высотой в полкирпича (20 см) и подплатник, сделанный из комка плотной глины (дверь открывалась внутрь помещения, вправо).

Четверти от дверной коробки имелись и при входе в круглое здание (общая ширина первоначального прохода 1,75 м при стандартных четвертях около 25 см). В центральном здании конструкции проходов не выявлены из-за плохой сохранности и ничтожной высоты сохранившихся стен.

Внутри круглого здания проход с четвертями, заложенный при оставлении памятника, вел в западный комплекс помещений, служивших, по нашему мнению, чем-то вроде целлы храма. Дверная коробка здесь находилась со стороны этих помещений (пом. 5).

Следы створевших дверных коробок были выявлены в красных стенах со стороны пом. 1 и 5 раскопа 1/1. Проходы здесь были шириной 80–100 см, в них был порог — повышение в сторону коридора у стены круглого здания (пом. 3, 4, 6 раскопа 1/1) высотой в полкирпича (20 см).

Особо выделялся проход из пом. 6 в узкий коридор (пом. 2) раскопа 1/2. Он вел от айвана (пом. 5, 6 у входа в круглое здание) в комплекс особых помещений (№ 3 и 4), где пол был устлан толстым слоем камыша и травы или циновками из этих материалов. Археологических находок в этих помещениях почти не было. В проходе выявилось небольшое понижение в сторону пом. 2 (может быть, первоначально это был порог, смотревший в сторону круглого здания). У основания прохода со стороны пом. 6 сохранились остатки стгнившей деревянной обшивки дверного проема (есть некоторые подозрения, что, возможно, она была украшена резьбой).

4. Пандусы. Среди распространенных на крепости строительных конструкций несомненно выделяются пандусы, с помощью которых преодолевались все различия в высоте отдельных частей памятника. Лестницы отсутствуют, во всех случаях их заменяют пандусы.

Самый большой подъем 8 м с помощью пандуса вел в пределах входного комплекса от первых ворот (или, скорее всего, от середины входного комплекса у его северной стороны) к верхней площадке у верхних ворот (см. рис. 2/20 — разрез С-Ю входного комплекса). Пандус этот не сохранился, по нему прошла большая промоина, но общий подъем склона возвышенности в пределах входного комплекса, как и подсыпки грунта по сторонам этого центрального подъема, несомненно свидетельствуют, что конструкция эта существовала.

Следующий пандус небольшого подъема (около 2 м) вел из восточной части пом. 1 раскопа 3 в стрелковый коридор, огивавший пом. 1 и 2 этого раскопа. Со стороны этого коридора выходила дверь (перекрывавшая проход с четвертями) на пандус и в сторону помещений раскопа 3. В связи с размещением пандуса, идущего не по прямой, а с поворотом, в южной стене пом. 1 был сделан выступ, оформленный с южной внешней стороны в виде треугольного «контрфорса».

Из стрелкового коридора, огивавшего на высоте двух метров культовые пом. 1 и 2 раскопа 3 (см. об этом в разделе «Функциональные зоны» в «Культовом центре Калалы-гыре 2»), через переходной мост у верхних (внутренних) ворот попадали в широтный отрезок стрелкового коридора, находившийся за верхней площадкой у ворот, а оттуда через дверной проем с закрывающейся дверью к монументальному пандусу у внутренней стороны крепостной стены.

Исследования этого участка (внутренняя часть раскопа 4) позволяют определенно говорить, что это был открытый (вне какого-либо помещения) пандус, примыкавший с южной стороны к крепостной стене (рис. 2/19), которая на этом участке была тщательно оштукатурена, как и все внешние поверхности крепостных стен на Калалы-гыре 2 (повторимся — в отличие от внутренних в стрелковых коридорах). Ширина пандуса — 4 кирпича (с раствором приблизительно 1,7–1,8 м), высота — около 1,5 м. Поверхность его была покрыта плотной глиняной штукатуркой, после снятия которой мы обнаружили хорошую кирпичную кладку с перевязкой как в пределах каждого ее ряда, так и между рядами. Под кирпичной кладкой было паховое основание. Оно составляло единое целое с основанием соседнего участка крепостной стены. Кирпичная же кладка пандуса была приложена к крепостной стене (без перевязки). С западной стороны массив кладки пандуса резко обрывается вертикально вниз. Этот пандус не мог выводить на верхний уровень стрелковой галереи, так как он кончался на три метра ниже ее верхнего яруса. Со стороны памятника он первоначально был полностью открыт по всей своей длине. Лишь после ремонта, последовавшего за первым пожаром и разрушением памятника, нижняя часть его была закрыта пристроенными помещениями (высоту их мы не знаем).

Верхняя часть пандуса поднималась над поверхностью крепости минимум на 3,5 м. Протяженность кладки под пандусом по уровню пола стрелковой галереи и от двери в нее — около 17 м, пандус поднимался вверх под углом в 45°, верхняя площадка на нем не сохранилась (кладка здесь замыта). По сохранившейся конструкции можно предполагать, что она была не менее 1,5×1,5 м или немногим более. Также можно констатировать, что эта площадка, на которой мог располагаться стационарный или переносной алтарь, занимала центральное место в планировке памятника (см. рис. 2/17) и была открыта для обзора со всей его внутренней территории (исключение — входной комплекс), которая считалась несомненно особо сакральной и была тщательно изолирована от входного комплекса, связанного с массовыми ритуалами. Особое сакральное значение описанного пандуса, выведшего к алтарной площадке, подчеркивается и особыми предосторожностями, которые предпринимались при подъеме на него: вход из пом. 1 раскопа 3 через пандус в стрелковый коридор, оттуда переход через подземный мост у внутренних ворот в крепость (см. ниже), который зашпирал эти ворота при его опускании.

С северной стороны, которая, очевидно, у древних хорезмийцев, как и у других иранцев, считалась наиболее опасной из-за пребывания там вредоносных существ, алтарная площадка на веру описанного пандуса была защищена крепостной стеной, которая поднималась над ней более чем на три метра, судя по ее высоте до верхнего яруса, выясненной в раскопе 3.

На алтарной площадке мог находиться и постоянный алтарь, к которому по пандусу поднимались жрецы. О том, что подобный алтарь (хотя бы один) существовал на памятнике, мы можем судить по отдельным кускам алебастрового раствора с отпечатками довольно массивных каменных плит, встреченных нами в завалах на центральной площадке. Здесь же в нескольких местах были найдены и свинцовые стержни, которые могли скреплять кладку алтаря. Был ли такой алтарь единственным и располагался ли он на описанном месте, мы

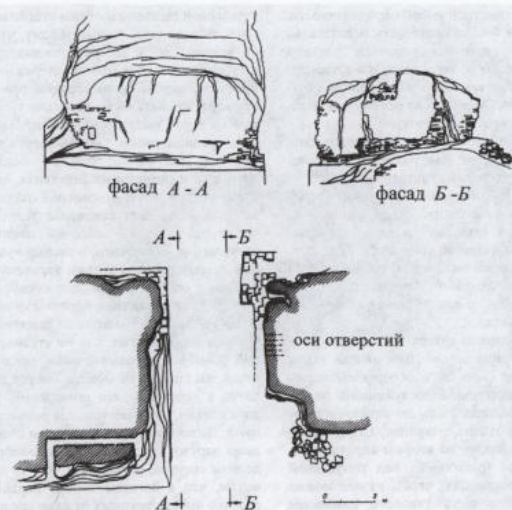

Рис. 2/50. Ворота во входном комплексе. План и разрезы

Рис. 2/51. Камни в пом. 7 раскопа 1/2

можем утверждать лишь с известной долей определенности, так как несомненно должен был существовать и алтарь во входном комплексе, где проводились основные ритуалы с массовым участием верующих и, возможно, с жертвоприношением животных, которых вряд ли приводили во внутреннюю часть комплекса и уж наверняка не могли поднимать для заклания на верхнюю алтарную площадку.

5. Ворота. На Калалы-гыре 2 обнаружено двое ворот, они, как показывает анализ планировок (см. раздел о функциональных зонах), играли особую роль в культовой практике.

Первые массивные ворота, находившиеся между двумя пилонами, были обращены на восток, очевидно, чтобы лучи восходящего солнца через их широкий проем могли непосредственно попадать внутрь входного комплекса. Если провести прямую линию через проем этих ворот, то она упрется в середину северной стены входного комплекса и будет «лежать» на одной линии Ю-С с центральным алтарем на вершине пандуса внутри памятника.

Скорее всего, это и было место алтаря во входном комплексе, о котором мы говорили выше. Именно при таком местоположении этот объект мог быть обозреваем всеми присутствовавшими при совершении богослужений и ритуалов. Верующие при этом располагались по сторонам центральной линии Ю-С, где проходил, очевидно, пандус, поднимавшийся на верхнюю площадку ко вторым воротам. Сохранившаяся «сложно»-сиденье (раскоп 6/2) под ритуальной нишей (раскоп 10) ориентирована так, чтобы из нее можно было обозревать центральную часть входного комплекса и его северной стены.

В дальнейшем в разделе «Функциональные зоны...» мы подробно остановимся на смысловой стороне столь массивной конструкции ворот с перекрытием, которая позволяет сопоставлять их с «триумфальными арками» более позднего времени в индоиранском мире и, согласно заключению В.Н. Топорова, считать «образцами» — конструкциями, связанными с общей идеей плодородия. Здесь же из чисто утилитарных особенностей этих ворот отметим, что сохранилось в массиве кладки южной «башни» ложе, по которому перемещалось к югу длинное и толстое бревно, запиравшее эти ворота (см. рис. 2/50).

Ворота у входа в саму крепость, располагавшиеся в торце верхней площадки входного комплекса, закрывали проход с востока на запад и не были видны практически со всей территории входного комплекса. Они перекрывали проем шириной около 4,5 м (см. генплан). Западный его двухметровый участок был несколько сужен (рис. 2/38), за ним следовала сама створка ворот с подпятным сооружением с южной стороны (сохранились куски камней и керамических шлаков, обмазанных глиной с отверстием в центре). Ворота открывались вправо (с севера на восток), на их месте сохранилось небольшое углубление в виде полосы шириной около 30 см, заполненное углем от их сгоревшей нижней обвязки. Здесь же мы нашли в горелом слое (слой последнего пожара) и железные детали ворот. Они сохранили свою форму, так как прокалились в огне (см. рис. 4/3_{а,б}). Среди них есть оковки деревянной части ворот и крупные гвозди с массивными головками, скреплявшие отдельные деревянные их части.

За воротами шел основной коридор, где сохранились заглубленные в кладку цоколя стрелькового коридора (с обеих сторон прохода ворот) гнезда от столбов-опор для перекидного моста, который при необходимости соединял участки

стрельковой галереи по обеим сторонам от ворот. Перекидной мост, судя по этим опорам и тому, что он подводил к пандусу, который вел к алтарной площадке (см. выше), проходил на уровне пола стрельковой галереи — 2 м над поверхностью прохода у ворот. Таким образом, при его функционировании эти ворота практически запирались, так как проход под мостом на такой высоте был невозможен. Очевидно, это делалось преднамеренно, так как ворота открывались внутрь памятника. Получалось, что при подъеме жреца к алтарной площадке и ритуальных действиях, связанных с ней, доступ даже жрецов внутрь основной территории комплекса был запрещен. Это дает основание делить Калалы-гыр 2 на две части: профанную — входной комплекс, где совершались ритуалы с прихожанами, и сакральную — основную территорию памятника за верхними воротами, предназначенную для жрецов и особых ритуалов и служб. Может быть, сюда допускались особо важные персоны из прихожан.

6. Очаги. При раскопках памятника зафиксировано несколько типов очагов. Как ни странно, каких-либо конструкций обычных бытовых очагов, предназначенных для варки пищи, мы описать не можем. Скорее всего, округлые горелые пятна в середине ряда помещений, расположенные между двух колонн, были местом, где разводился огонь для бытовых нужд. Дымовое отверстие над ним обеспечивало тягу и выход дыма наружу. Но здесь нет каких-либо конструкций для поддержки сосудов, котлов или чего-то подобного. Попутно заметим, что в богатом наборе керамики на памятнике нет сколько-нибудь крупных и даже средних кухонных сосудов. Встает вопрос, как и в чем готовили пищу, особенно для массовых ритуальных трапез, следы которых зафиксированы как во входном комплексе, так и в пом. 11 раскопа 1/2 на основной территории памятника. Если предположить, что в быту котлы играли определенную культурную роль (ср. [Петрухин, 1974, с. 35]) и скорее всего были металлическими, то их могли унести с собой, покидая памятник после последнего пожара. В таком случае котел этот мог подвешиваться на треножник, помещавшийся под дымовым отверстием именно на то место, где остались горелые пятна. Некрупные кухонные сосуды могли использоваться для приготовления небольших порций еды с помощью каких-то временных подставок из камней или керамических — типа «рогатых кирпичей». Обломки таких изделий в небольших количествах встречены при раскопках, но большинство из них имели отверстия для вертелов и употреблялись для жарки мяса на открытом огне.

В двух помещениях (№ 7 и 10 раскопа 1/2) вблизи входа в круглое здание обнаружены заглубленные в грунт (ниже уровня пола) очаги типа современных тандыров (диаметр их около 50 см) с сильно обгоревшими стенками. Оба эти тандыра расположены в непосредственной близости от дверных проемов, что, возможно, было связано с обеспечением тяги при их топке. Местоположение этих очагов, традиционно предназначавшихся для выпечки хлеба, связано скорее всего с общими трапезами, следы которых (прежде всего остатки костей животных) отмечены в пом. 11 и 6 раскопа 1/2 (последнее — перед айваном у входа в круглое здание).

Еще один тип очагов — так называемые «каменные» без дымоходов являются отличительной чертой Калалы-гыра 2. Внешне они очень похожи на обычные камни: ширина, высота и глубина их до 50 см, вырублены они в толще паховой части крепостных стен в помещениях между изгибом крепостной стены и круглым зданием (раскопы 1/1 и 1/2). В пом. 7

Рис. 2/52. Камни с завалившимися внутрь экраном

Рис. 2/53. Раскоп 1/1, пом. 8. Приставной очаг

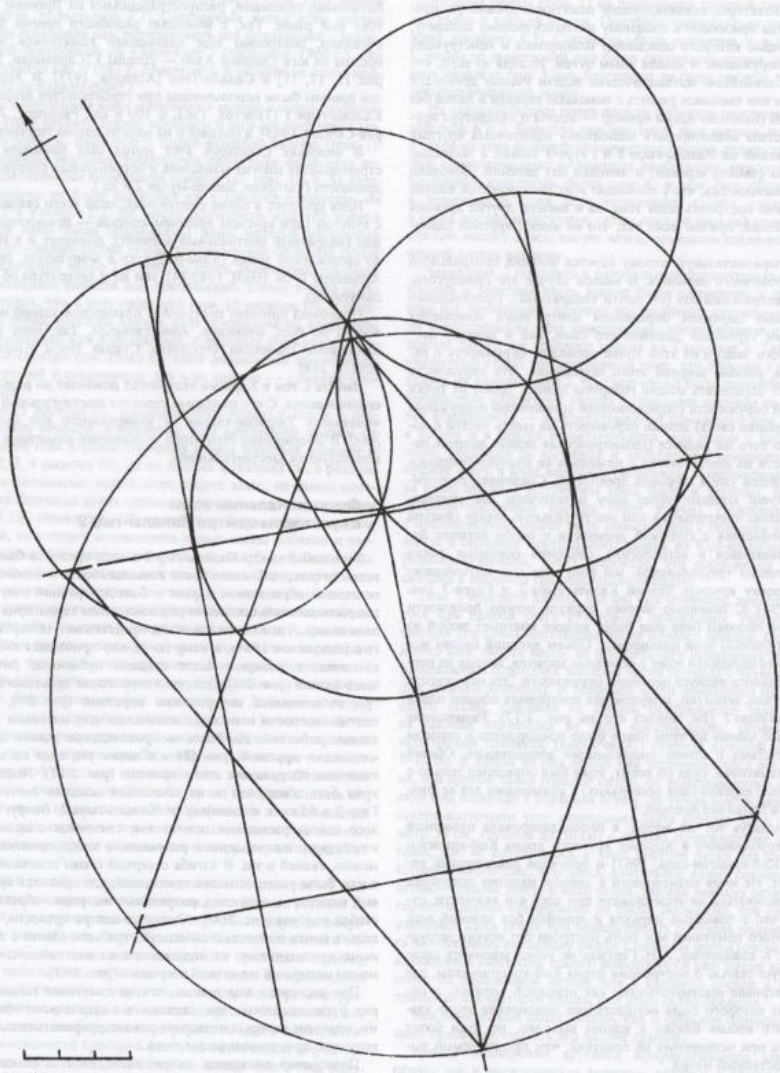

Рис. 2/54. Анализ планов круглых храмов

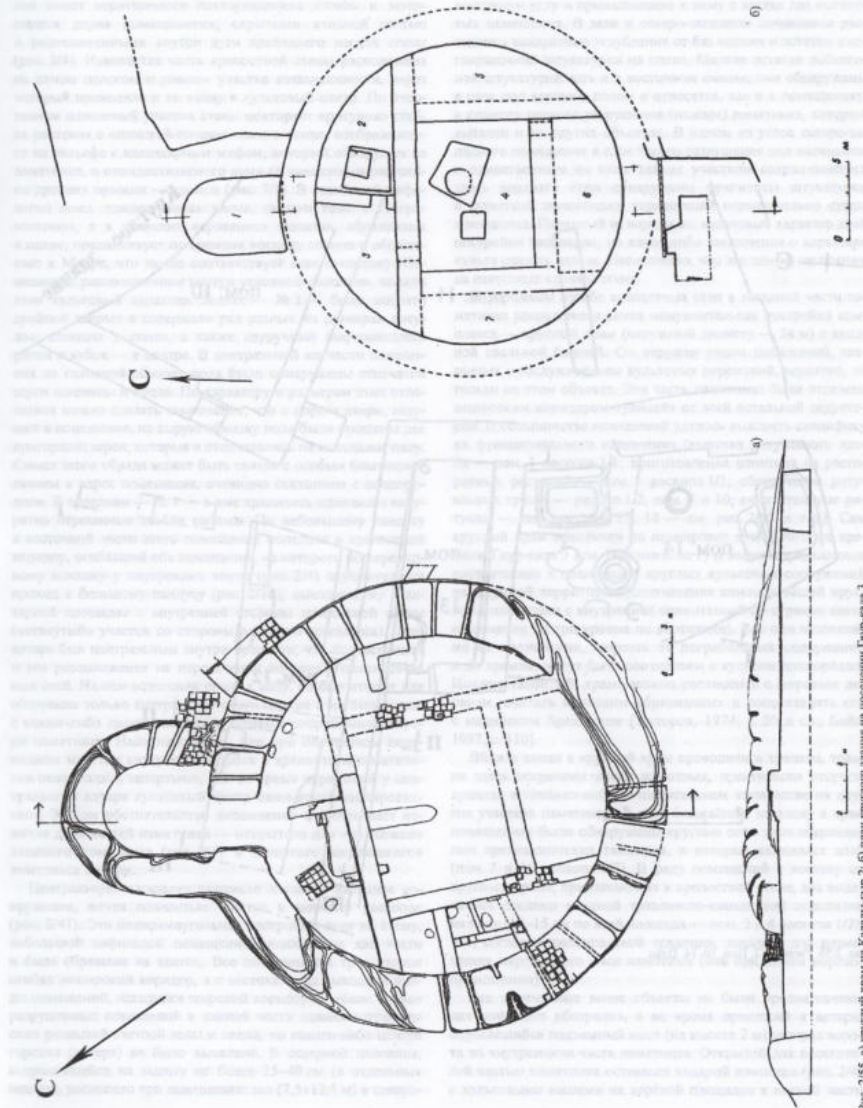

Рис. 2/55. а) круглый храм на Калалы-гюре 2; б) план круглого здания на поселении Гур-сала 3

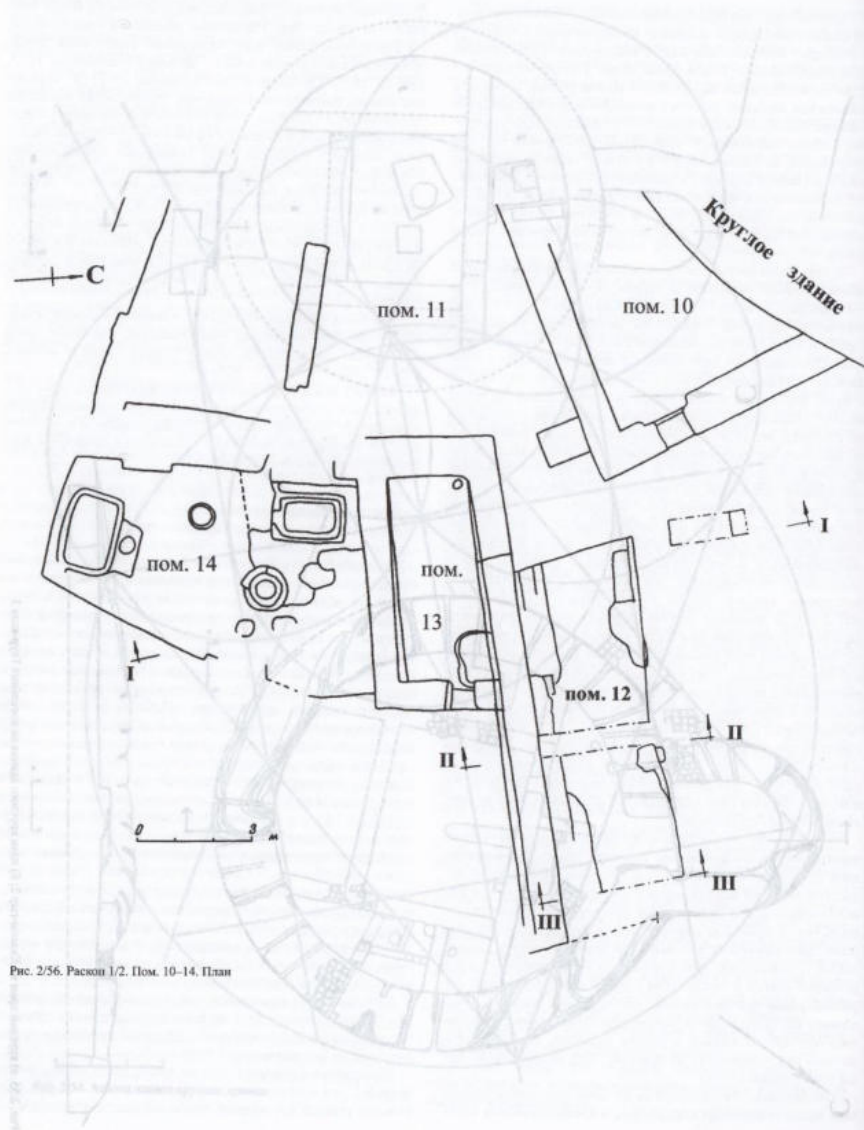

Рис. 2/56. Раскоп 1/2. Пом. 10–14. План

она имеет ритмически повторяющиеся изгибы и завершается двумя помещениями, скрытыми входной частью и расположенными внутри дуги последнего изгиба стены (рис. 2/4). Извилистая часть крепостной стены расположена на самом пологом и ровном участке возвышенности, через который проходили и ко входу в культовый центр. По очертаниям описанный участок стены повторяет «рисунки» стебля растения с «шишкой-плодом» на его конце, изображенно на рельефе с календарным мифом, который обнаружен на памятнике, и отождествляемого нами со священным растением древних иранцев — *хаомой* (рис. 7/1). В ведийской мифологии *сома*, тождественная *хаоме*, связана тоже с северо-востоком, а в иранских верованиях молитва, обращенная к *каме*, предшествует по времени восходу солнца и обращенно к Митре, что также соответствует северо-востоку. Помещения, расположенные внутри условной «шишки», носили явно культовый характер. Запасе — № 2 — было закрыто двойной дверью и содержало ряд разных по размерам сосудов, стоящих у стены, а также двуручный амфоровидный ритон и кубок — в центре. В центральной же части помещения на глиняной обложке пола были обнаружены отпечатки зерен пшеницы и проса. По характеру и размерам этих отпечатков можно сделать заключение, что с порога двери, ведущей в помещение, на сырую обложку пола были брошены две пригоршни зерен, которые и отпечатались на высохшем полу. Смысл этого обряда может быть связан с особым благопожеланием в адрес помещения, очевидно связанным с плодородием. В переднем — № 1 — в яме хранились одинаково аккуратно отрезанные стебли соломы. По небольшому пандусу в восточной части этого помещения попадали в крепостной коридор, огибающий оба помещения, из которого по перекидному мостику у внутренних ворот (рис. 2/4) осуществлялся проход к большому пандусу (рис. 2/18), выходящему к алтарной площадке с внутренней стороны крепостной стены («втиснутый» участок со стороны входного комплекса). Этот алтарь был центральным внутри крепости, что подтверждает и его расположение на пересечении основных планировочных осей. На нем возносили огонь к небу, он был открыт для обозрения только внутри культового центра и не был связан с каким-либо храмовым или культовым сооружением внутри памятника. Надо напомнить, что при опущенном перекидном мостике внутренние ворота в крепость автоматически оказывались закрытыми, т.е. во время церемоний у центрального алтаря культовый центр оказывался изолированным. Это же обстоятельство несомненно подчеркивает отличие двух частей памятника — открытого для «прихожан» входного комплекса (рис. 2/4) и закрытого «жреческого» комплекса внутри.

Центральную площадку занимало какое-то парадное сооружение, почти полностью смытое к моменту раскопок (рис. 2/41). Это подпрямоугольная постройка, судя по всему, небольшой анфиладой помещений делилась на две части и была обращена на восток. Все помещения с трех сторон огибал неширокий коридор, а с востока, куда выходили входы помещений, находился широкий коридор — *айван*. В слое разрушенных помещений в южной части здания встречены слои размытой светлой золы и пепла, но какого-либо центра горения (алтаря) не было выявлено. В северной половине, сохранившейся на высоту не более 25–40 см (в отдельных местах), раскопано три помещения: зал (7,5×12,5 м) в северо-

восточном углу и примыкающие к нему с запада два вытянутых помещения. В зале и северо-западном помещении различены квадратные углубления от баз колонн и остатки многокрасочной штукатурки на полах. Мелкие остатки побеленной штукатурки есть и в восточном *айване*, они обнаружены в слое под верхним полом и относятся, как и в помещениях, к периоду первого разрушения (пожара) памятника, который выявлен и на других объектах. В одном из углов северо-западного помещения в слое такого разрушения под маленьким и единственным во всем здании участком сохранившегося здесь верхнего пола обнаружены фрагменты штукатурки с сюжетной живописью, украшавшей первоначально стены помещения. Парадный и, возможно, культовый характер этой постройки бесспорен, но какое-либо заключение о характере культа сделать нельзя. Несомненно, что это здание не похоже на известные «храмы огня».

В укронном изгибе крепостных стен в западной части памятника расположена самая монументальная постройка комплекса — круглый храм (наружный диаметр — 24 м) с входной овальной башней. Он окружен рядом помещений, связанных с обслуживанием культовых церемоний, вероятно, не только на этом объекте. Эта часть памятника была отделена нешироким коридором-«улицей» от всей остальной территории. В большинстве помещений удалось выявить специфику их функционального назначения (выпечка ритуального хлеба — пом. 1 раскопа 1/1; приготовление напитков из растительных растений — пом. 5 раскопа 1/1; обеспечение ритуальных трапез — раскоп 1/2, пом. 7 и 10; очистительные ритуалы — там же, пом. 13, 14 — см. 2/55 и т.д.). Сам круглый храм идентичен по планировке храму того же времени Гаур-кала 3 (см. Приложение 1) и имеет определенные соответствия в планировке круглых культовых сооружений на широкой территории (соотнесение символа обшей круглой планировки с внутренней ориентацией по странам света и членение на три уровня по вертикали). Все они независимо от хронологии, начиная от погребальных сооружений и до храмов, могут быть соотнесены с культом плодородия. Именно такой тип храма можно соотносить с мировым деревом, считать иранским «брашманом» и сопоставлять его с индийским брашманом [Топоров, 1974, с. 20 и сл.; Бойс, 1987, с. 110].

Вблизи входа в круглый храм проводились трапезы, только здесь встречены кости животных, практически отсутствующие в сколько-нибудь значительном количестве на других участках памятника. В двух ближайших ко входу в храм помещениях были обнаружены круглые печи типа современных среднеазиатских тандыров, в которых выпекался хлеб (пом. 7 и 10 раскопа 1/2). В ряду помещений к востоку от круглого храма, примыкающих к крепостной стене, два выделялись следами мощной травянисто-камшиковой подстилки на полу (10–15 см по всей площади — пом. 3 и 4 раскопа 1/2), что, согласно индоиранской традиции, делалось для размещения жертвенного мяса животных (или при самом жертвоприношении).

Все отмеченные выше объекты не были предназначены для широкого обозрения, а во время процессий к алтарю опускавшийся подземный мост (на высоте 2 м) закрывал ворота во внутреннюю часть памятника. Открытой для посетительской частью памятника оставался входной комплекс (рис. 2/4) с культовыми нишами на верхней площадке в южной части

комплекса, где совершались, вероятно, гражданские обряды, например договорные соглашения и т.д., находившиеся «под защитой божества» и скреплявшиеся клятвой. Здесь перед небольшим алтарем найден амфоридный ритон с кубком. Особо следует отметить, что ритон был рассчитан на одновременное использование двумя участниками ритуала (два «соска»), а это указывает на участие в действии двух лиц. Это мог быть любой договор, заключающийся перед лицом божества или нескольких божеств, которые почитались в данном культовом центре (от свадебного соглашения до договоров о продаже, дарении и т.д. — всюду, где могла принести клятву перед лицом бога). Именно подобный амфоридный сосуд изображен в руках у «богини» или жрицы на известной хорезмийской теракотовой статуэтке, которую часто именуют Анахитой [Кой-кырган-кала, 1967, с. 175 и сл., табл. XXV, 4].

Тут же, особенно перед воротами на основную территорию (рис. 2/4), находились многие votивные сосуды с приношениями.

Традиция сооружения подобных небольших алтарей для особых церемоний, судя по всему, сохранилась в ряде районов Средней Азии с глубокой древности до средневековья. Л.И. Ремпель в свое время посвятил специальную статью изображениям на двух фрагментах средневековых очажков и представил реконструкцию культовых ниш, которые он, как и раскапывавший помещение с подобным сооружением на Афрасиабе А.И. Тереножкин, определил условно как «дом огня». На представленной в статье реконструкции и на фрагментах плиток мы можем увидеть практически весь набор инвентаря и сооружений, обнаруженных нами у отмеченного выше «алтаря» на верхней площадке входного комплекса Калалы-гыре 2 [Ремпель, 1953, с. 25 и сл.]. Здесь есть слегка заглубленный в массив стены алтарь, который обрамляли мелкие полуколонны из дерева, обсаженного глиной (прим, обычный для памятника; так исполнялись и дверные проемы в карнасных стенах помещений около круглого храма). Перед ним были найдены двуручный амфоридный ритон, обломки кубка, камни от терок (ср. со ступкой и пестиком) и фрагменты других сосудов. Часть инвентаря была уже смыта по склону и не может быть восстановлена. Все ниши на верхней площадке были перекрыты навесом, крыша которого, очевидно, находилась у нижнего края бойниц. Вряд ли можно называть подобные сооружения на Калалы-гыре 2 даже условно «домом огня», но связь их с культом и ритуалами бесспорна.

Массивные стены входного комплекса не имели бойниц и стрелковых коридоров, они до сегодняшнего дня обеспечивают особую акустику в этой части памятника (высота их 4–5 м). По склону возвышенности здесь сохранились остатки своеобразного амфитеатра, частично искусственно сделанного по разным сторонам смытого в центре пандуса; этот амфитеатр предназначался, очевидно, для участников культовых церемоний. В юго-восточной части входного комплекса обнаружены остатки ниш-сидений с votивными приношениями. Заложена кирпичная глубокая парадная ниша раскопана в массиве восточной стены, она явно не имеет практического назначения, так как расположена на большой высоте (могла предназначаться только для обозора). Северная часть входного комплекса не раскопана, она частично смыта и перекрыта большими песчаными барха-

нами, раскопан лишь участок у входа на памятник, обрамленный двумя массивными кирпичными пилонами, фланкированными проходом. Внутри, с северной стороны, за ним находился большой открытый очаг с небольшим количеством белой и светло-серой золы. Вдоль северной стены входного комплекса начаты раскопки одного ряда помещений с каркасными стенами. Возможно, что во входном комплексе для осуществления массовых ритуалов находилась и специальная алтарь где-то поблизости от северной стены. О существовании на памятнике массивного каменного алтаря свидетельствуют свинцовые стержни и куски алебастрового раствора с отпечатками довольно крупных плит, найденные в разных местах памятника.

О том, что здесь осуществлялись и коллективные трапезы, можно судить и по обильному набору фрагментов столовой посуды, найденной в раскопе 3, в стрелковом коридоре слева от внутренних ворот вблизи подземного моста. Особого внимания заслуживают остатки большого количества тазов-тагор с ангобной росписью внутри в виде креста, предназначавшихся явно для коллективной и, вероятно, культовой еды. Подобные сосуды в комплексах керамики древнего Хорезма встречаются довольно редко (см., например, [Кой-кырган-кала, 1967, табл. 1]).

Несмотря на плохую сохранность и недостаточную изученность входного комплекса, особенно в его северной части, можно сделать ряд существенных выводов о его роли в культовом комплексе в целом. Это была его публичная часть, открытая для рядовых посетителей. Здесь на верхней площадке во втянутой части перед внутренними воротами собирались votивные приношения. В глубине этой площадки каркасной стеной против внутренних ворот было выгорожено помещение, в котором обнаружены ямы и крупные сосуды со сгоревшим при пожаре зерном и мукой. Севернее этого помещения в основании крепостной стены (ее западного участка) были сделаны культовые ниши, обмазка которых неоднократно обновлялась. Наиболее сохранившийся комплекс ниши с амфоридным ритоном описан нами выше. Кроме того, было найдено еще несколько сгоревших полностью или частично деревянных столбов, скрытых глиняной обмазкой по сторонам вырубленных в паховом массиве стены ниш, но они находились уже у края большой промонии, разрезавшей среднюю часть верхней площадки. Эта промония прошла несомненно по пологому пандусу (скорее всего, повторявшему рельеф этой части возвышенности), который должен был обеспечивать подъем минимум на 8 м от нижней части входного комплекса к площадке перед внутренними воротами.

Серия ниш культового назначения, вероятно, продолжалась в основании крепостной стены вплоть до примыкания к ней западной стены входного комплекса, так как в этом углу была обнаружена в 50 см над поверхностью основания стены неглубокая ниша (70 см ширины, 20 см глубины, 85 см высоты) с дуговидным верхом (типа арочки), назначение которой неясно (раскоп 5). По ее конструкции можно лишь предположить, что в ней мог выставляться для всеобщего обозрения какой-то предмет, плоский по форме, но достаточно крупный по высоте. Теракоты потерялись бы в такой высокой нише. Может быть, это было деревянное изделие, от которого до нас не дошло никаких следов. В 40 см над нишей шел внешний нижний край стрелковой бойницы, при зачистке которой

был обнаружен небольшой комплект посуды: бокал на «пуговичном» поддоне и большой фрагмент некрутого горшка. Скорее всего, эти сосуды предназначались для какого-то ритуала, связанного с описанной нишей. Последнюю уже можно было видеть с территории нижней части входного комплекса, так как находилась вне втянутой части верхней площадки. Эта ниша, как и уже упоминавшаяся заложная глубокая ниша в восточной стене входного комплекса, могла быть связана с какими-то ритуальными действиями, проводившимися на краю верхней площадки и обозреваемыми со всей нижней части входного комплекса и с возвышений по сторонам центрального прохода на верхнюю площадку. Какие-то ритуальные действия типа «представлений» мифов могли разыгрываться и в северной части входного комплекса, особенно если там находился алтарь. Сюда же открывался проход от входных пилонов (ворот) с востока, который, несомненно, играл особую роль в ритуалах на памятнике. Вход в круглый храм и центральное здание, вход на памятник — все они ориентированы на восток, который, в свою очередь, связан с Митрой и солнцем.

Как это ни покажется парадоксальным, но входной комплекс может рассматриваться как своего рода «театр», где особая акустика усиливала яркость произносимых молитв, может быть, сопровождавшихся песнопениями, а зрители, располагавшиеся на возвышениях вдоль боковых стен, могли хорошо обозреть все религиозные действия, разыгрывавшиеся как на краю верхней площадки, так и у северной стены входного комплекса (у предполагаемого алтаря). Здесь же могли совершаться основные жертвоприношения от имени всех присутствующих. Нетрудно представить, что здесь могли разыгрываться (исполняться жрецами) основные мифы, и прежде всего календарный миф с жертвоприношением оленя в период зимнего солнцестояния и его возрождением в день весеннего равноденствия (см. рис. 7/1, 2).

Выше мы предлагали считать круглые храмы типа калалы-гырского, сопоставимые по принципу планировки и конструкции с иранским «бразманом». Поскольку идентификация древнеперсидского *brazman* и ведического *bráhman* принимается всеми исследователями (см. [Топоров, 1974, с. 72 и сноску 164, где приведена литература]), то для нас представляют особый интерес выводы В.Н. Топорова из его исследования о ведическом брахмане. Он считает, что *bráhman*'ом первоначально могло называться ритуальное сооружение, по первоначальной конструкции сопоставимое с мировым деревом (или тождественное «одному из многочисленных вариантов мирового дерева»). *Bráhman*'ом могла, по его мнению, быть названа и «словесная часть ритуальной службы, синхронизированная с основными действиями, связанными с *bráhman*'ом — конструкцией... Вся церемония могла получить название *bráhman*'а, а жрец — *bráhmán*'а».

Особенно важно для нас, что на основе сопоставления с многочисленными ритуальными сооружениями В.Н. Топоров считает возможным возводить к *bráhman*'у и поздние сооружения типа триумфальной арки.

Массивные ворота во входной комплекс хорезмийского культового центра Калалы-гыр 2 тоже могут рассматриваться в качестве исходной формы подобной конструкции (рис. 2/49, 50). Два пилона этих ворот, расположенные примерно в 5 м друг от друга, имели размеры от 10 до 15 м по стороне осно-

вания. Даже сейчас их сплошная монументальная кирпичная кладка имеет размеры около 10 м по стороне основания при высоте 6–9 м. Пилоны эти не связаны перевязкой в кладке со смежными стенами, нет никаких камер ни внутри них, ни наверху; не обнаружено каких-либо следов сооружения, с помощью которого могли подниматься на эти «монументы». В южном пилоне обнаружено круглое отверстие для бревна, которым запирали ворота в крепость (более 6 м в длину). От него под прямым углом отходит аналогичный канал к лицевой части ворот (для их запирания, сдвига вправо основное бревно), что вызывает некоторое недоумение, так как делает доступной эту конструкцию для «неприятелей». Правда, реально открыть ворота через этот канал вряд ли было возможно. В северном пилоне на высоте примерно 5,5 м и не менее чем в 6 м от восточного (наружного) фасада ворот сохранилось пять круглых отверстий (около 15–20 см в диаметре) от балок своеобразного перекрытия прохода ворот. Функция этого сооружения нам была абсолютно неясна, так как с этого «настила» нельзя было оборонять ворота, не была связана эта площадка и со стенами входного комплекса, на которых вообще нет оборонительных сооружений.

Все вместе взятое позволяет относить описанное нами сооружение к типу *bráhman*'а-*brazman*'а, а сами эти ворота рассматривать как конструкцию, предшествующую «триумфальным аркам» и символизирующую сдвоенное мировое дерево (двойной *bráhman*). Несомненно важно, что за этими воротами проводились основные публичные богослужения. На верхний «настил» над воротами могли воздвигаться в дни особых праздников жертвоприношения, символы богов и т.д.

В.Н. Топоров отмечал постоянные выражения в текстах типа «врата *bráhman*'а», «град *bráhman*'а, обитель *bráhman*'а», божественные двери, врата [Топоров, 1974, с. 70], что полностью может быть отнесено к входной конструкции на Калалы-гыре 2. Остается добавить, что обращены эти ворота на восток и могли в ритуальных действиях связываться с восходом солнца. Дублирование идеи мирового дерева в конструкции ворот и круглом храме вряд ли может смущать, так как сам факт дублирования только подчеркивает основополагающую идею, а кроме того, круглый храм был открыт лишь для узкого круга верующих (скорее только для жречества), а ворота были священным символом для всей паствы.

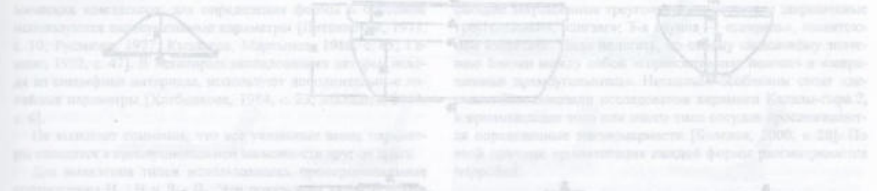
Раскопки вдоль внешней стороны восточной стены входного комплекса показали, что пространство перед воротами использовалось для легких навесов у стен. Была обнаружена и одна ниша — сиденье, обращенное в сторону ворот.

Обратим внимание на места закладок проходов в особо сакрально «чистые» помещения, которые были сделаны перед уходом служителей культа с памятника. Это — вход в круглый храм и пом. 5 в его западной части, где хранился в яме огонь; вход в небольшое помещение, расположенное между круглым храмом и центральным зданием (раскоп 1/2, пом. 13), где в аскетических условиях жрецы, очевидно, проходили «очищение». Рядом с этим помещением было другое — № 14 со своеобразными «ванночками», где могли совершать очистительные омовения.

В северной части раскопа 7а, расположенной почти против ворот и вблизи от центрального алтаря на возвышении, выделяется помещение, возможно, бывшее глубоким айва-

ном, в котором на квадратной очажной площадке, располагавшейся между двух колонн (сохранились следы от их баз), мог возжигаться огонь в культовых целях, так как подобных очагов на памятнике мы больше не обнаружили. В примыкавшем к этому айвану с юго-запада небольшом помещении были найдены два сгоревших деревянных колеса (без спиц) и большое количество сгоревшего дерева, очевидно, от по-

возки или колесницы. Она вряд ли могла служить для бытовых нужд, так как находилась в специальном изолированном помещении, из которого ее трудно было извлечь. В этом же комплексе было найдено и обгоревшее костяное навершие из рога оленя с великолепными выгравированными изображениями (см. гл. 5 и рис. 5/24).

Во время раскопок культового центра Калалы-гыр 2 получен многочисленный и довольно представительный комплекс керамики. Как известно, памятник погиб от пожара, в результате чего в коллекции представлено большое количество целых сосудов.

На памятнике выявлено несколько строительных периодов, отражающих как этапы существования памятника, так и последовательность постройки объектов. Помимо слоя пожара, связанного с гибелью памятника, выявлены очаги большого пожара, относящиеся к третьему строительному периоду, когда сильно было разрушено центральное здание. По мнению основных исследователей памятника, культовый центр существовал не менее 150 лет, что укладывается в хронологический период от середины или конца IV в. до н.э. до начала или середины II в. до н.э. [Вайнберг, 1991, с. 24–33; 1999, с. 157–158 и Заключение].

Выявленные по стратиграфическим данным, относительно одновременные керамические комплексы, соответствующие различным периодам жизни памятника (например, материковые ямы и землянки периода строительства, слон, связанные с периодом обживания после первого пожара), по набору форм, технологическим, морфологическим и декоративным признакам полностью идентичны. Это обстоятельство не позволяет выделить хронологически более ранние и более поздние комплексы. По этой причине вся керамика Калалы-гыр 2 изначально рассматривается как одновременный комплекс, относящийся к одному периоду истории Древнего Хорезма.

Вместе с тем детальный анализ всего набора керамических форм с привлечением широкого круга аналогий как на территории Хорезма, так и других областей Среднего Востока позволяет, как нам кажется, выделить более ранние и более поздние типы сосудов, относящиеся соответственно к более раннему и более позднему этапу указанного хронологического периода.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ КЕРАМИКИ КАЛАЛЫ-ГЫРА 2

Во время обработки коллекции было учтено свыше 10 тыс. фрагментов различных сосудов. Уникальность и ценность археологического комплекса памятника заключается прежде всего в его редкой для Средней Азии гомогенности, а также в том, что здесь найдено большое количество целых или археологически целых сосудов. Это дает возможность классифицировать керамический материал на основании типологии целых форм. При проведении классификации учитывалась весь набор технологических, параметрических, морфологиче-

ских и декоративных признаков, присущих тому или иному типу сосуда.

На первом этапе исследования, в основном на интуитивном уровне, но с учетом технологических признаков, вся керамика Калалы-гыр 2 по своему функциональному назначению была разделена на три основные группы: кухонную, хозяйственную, включающую в себя тарную, и столовую. Кроме того, была выделена немногочисленная, но достаточно характерная группа культовых сосудов.

Группа кухонной посуды по технологическим признакам, основными из которых являлись состав примесей в глине и отчасти режим обжига, подразделена на две подгруппы.

В группе столовой посуды, также по технологическим признакам (в данном случае основным был режим обжига), выявлена немногочисленная, но очень характерная подгруппа сероглиняной керамики.

Каждая группа и подгруппа, в свою очередь, подразделяется на два отдела — открытые и закрытые формы. Затем в каждом отделе по соотношениям параметрических признаков определялись основные формы сосудов.

Форма сосуда выражается несколькими наиболее характерными параметрами, изменение которых непосредственно влияет на изменение самой формы. Такими параметрами являются:

- N — общая высота сосуда;
- H₁ — высота шейки или горловины сосуда (от устья до наибольшего сужения горловины);
- H₂ — высота плечика сосуда (от наибольшего сужения горловины до уровня максимального расширения тулова);
- H₃ — высота нижней части сосуда (от уровня максимального расширения тулова до дна);
- D₁ — диаметр устья сосуда;
- D₂ — диаметр наибольшего сужения горловины или шейки сосуда;
- D₃ — максимальный диаметр тулова сосуда;
- D₄ — диаметр дна сосуда (рис. 3/1).

Разумеется, все эти параметры учитывались применительно к конкретному типу сосуда. В отдельных случаях возникала необходимость использования дополнительных линейных параметров. Так, например, при обработке коллекции кубков для второго типа этих сосудов были введены дополнительные параметры: диаметр поддона — D₅ и его высота — H₄. У некоторых форм отдельные параметры не учитывались ввиду их отсутствия. У флагов и лепных горшков с округлым дном не определялся диаметр дна. У открытых форм с полусферическим и усеченно-коническим туловом и прямыми стенками замерялись только три параметра: D₁ — в данном случае он же являлся максимальным диаметром, D₄ — диаметр дна и H — общая высота.

Рис. 3/1. Основные параметры керамики Калалы-гыр 2.

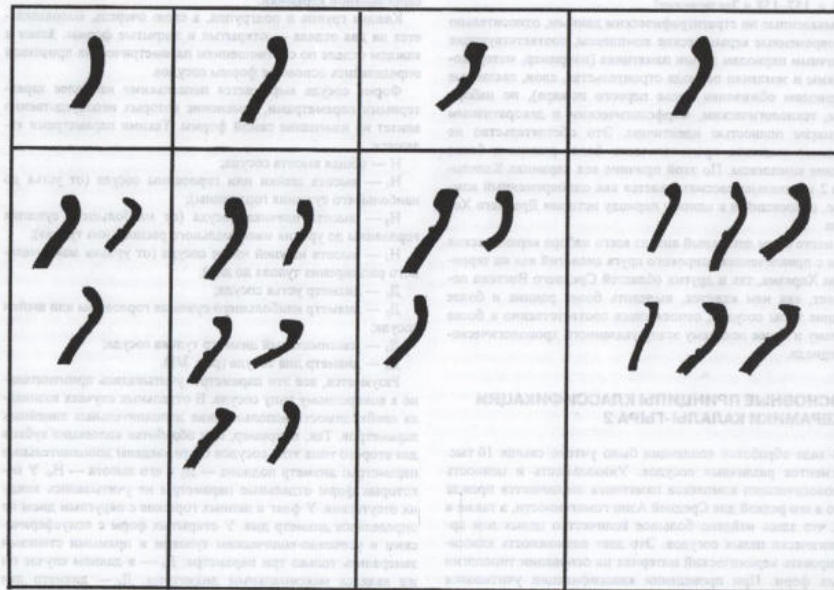
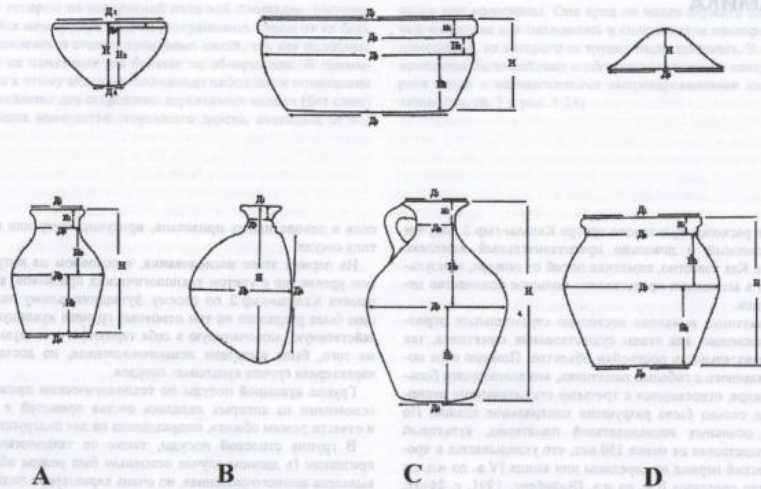

Рис. 3/1. Формы сосудов и виды венчиков

В большинстве работ, посвященных классификации керамических комплексов, для определения формы в основном используются вышеуказанные параметры [Литвинский, 1973, с. 10; Русанова, 1977; Кызласов, Мартынов, 1986, с. 85; Генинг, 1992, с. 47]. В некоторых исследованиях авторы, исходя из специфики материала, используют дополнительные линейные параметры [Хлебникова, 1984, с. 23; Малашев, 2001, с. 6].

Не вызывает сомнения, что все указанные выше параметры находятся в пропорциональной зависимости друг от друга. Для выявления типов использовались пропорциональные соотношения $H_1 : H$ и $D_1 : D_2$. Эти показатели характеризуют форму тулова сосуда: яйцевидное, шаровидное, усеченно-коническое, биконическое, полусферическое и т.д. При выделении типов учитывались также некоторые морфологические признаки, в определенной степени характеризующие форму сосуда, — наличие или отсутствие ручки, поддона и т.д. В тексте типы обозначаются римскими цифрами.

На следующем этапе классификации выделялись варианты типа, которые в тексте обозначены арабскими цифрами. Основным критерием в этом случае являются соотношения $H : D_1$ и $D_1 : D_2$. Указанные пропорции характеризуют форму с несколько другой стороны. Выделяются широкогорлые и узкогорлые, а также сосуды с широким или узким дном. Кроме того, при выделении вариантов типа учитывались также показатели, как конфигурация верхней и нижней частей сосуда, а также степень крутизны плечиков [Генинг, 1992, с. 49–51].

Необходимо заметить, что если понятие «тип» включает в себя формализованное описание формы сосуда в целом, типобразующие признаки первого порядка, то понятие «вариант типа» объединяет характеристики отдельных составных частей формы (типобразующие признаки второго порядка) — дно, тулово, горловина и т.д. В этом случае категория «тип» является приоритетной и включает в себя несколько вариантов.

На заключительной фазе классификации рассматривались морфологические и декоративные признаки.

К морфологическим отнесены в первую очередь форма венчика, а также наличие или отсутствие таких признаков, как валики, желобки, налеты и т.д. По совокупности этих признаков, по возможности внутри вариантов, выделялись виды посуды, которые в тексте обозначены буквами латинского алфавита.

Следует заметить, что конфигурация венчиков на Калалы-гыре 2 в общем не отличается разнообразием. Можно выделить четыре основных его вида: простой отогнутый, массивный округлый или уплощенный в виде валика, подпрямоугольный и подтреугольный в сечении. Разумеется, внутри каждого вида могут быть вариации. Все эти разновидности рассматриваются в процессе описания типов посуды.

Характерной чертой керамики Хорезма исследуемого периода является монохромная роспись наружной поверхности. В ходе исследования удалось выявить устойчивый набор декоративных элементов, наиболее часто встречающихся на сосудах Калалы-гыра 2. К таковым относятся «мазки», «потехи», «широкие полосы», «прямоугольники», «треугольники», «зигзаги», «завитки», «спирали», «деревья». Все эти мотивы присутствуют как в простых, так и в сложных сочетаниях. Элементы, близкие, на наш взгляд, по форме и содержанию, объединяются в группы: 1-я группа — «капли»,

«потехи», «вертикальные полосы»; 2-я группа — «зависающие закрашенные треугольники», «стоящие закрашенные треугольники», «зигзаги»; 3-я группа — «спираль», «завиток» или «заятая». Надо полагать, по своему смысловому значению близки между собой «горизонтальная полоса» и «закрашенные прямоугольники». Несколько особняком стоит «дерево». Как показали исследования керамики Калалы-гыра 2, в орнаментации того или иного типа сосудов прослеживаются определенные закономерности [Болелов, 2000, с. 28]. По этой причине орнаментация каждой формы рассматривается подробно.

Первая группа (кухонная посуда)

Эта группа включает в себя горшки, котлы, чаши-миски, жаровни-сковороды. Вся керамика изготовлена из глины с обильными примесями минеральных веществ — дресва, шамот, гипс, песок и т.д. Подвлияющее большинство сосудов 1-й группы изготовлены вручную с последующей подправкой на вращающейся подставке и однодисковым (ручным) гончарном круге. Сосуды формовались по донно-емкостной «программе» с использованием донного начина. Вначале изготавливалось дно в виде глиняного диска, затем на этой основе методом наращивания глиняных полос различной ширины в зависимости от размера сосуда конструировался начин и тулово сосуда [Бобринский, 1978, с. 131]. Подобный способ изготовления сосудов в общем универсален и довольно архаичен, достаточно упомянуть, например, что изготовленная таким образом посуда найдена на памятниках акульского типа эпохи бронзы (XV–XIII вв. до н.э.) [Кузьмина, 1986, с. 164].

По количеству той или иной примеси в глине 1-я группа подразделяется на две подгруппы:

Первая подгруппа — сосуды, изготовленные из глины с обильными примесями шамота и дресвы, а также песка и мелких камешков. В меньшем количестве присутствует гипс. Черепок в большинстве случаев рыхлый, «крошащийся» в изломе черного, темно-серого или темно-коричневого цвета.

Вторая подгруппа — сосуды изготовлены из глины с обильными примесями толченого кристаллического гипса, в меньшей степени присутствуют шамот и дресва. Черепок значительно более плотный, по сравнению с керамикой первой подгруппы, в изломе розового, серо-розового или светлорозового цвета. Характерной особенностью керамики этой подгруппы являются «раковинки» — каверны от выгоревших частиц известки на поверхности сосуда.

Среди сосудов 1-й группы представлены как открытые, так и закрытые формы. Следует заметить, что материал в основном фрагментированный. Всего найдено не более двух десятков целых сосудов. Тем не менее по соотношению линейных параметров удалось выявить объективные параметрические признаки, присущие той или иной керамической форме.

Для чаш и мисок характерен сравнительно низкий показатель соотношений D_1 и D_2 — 1,12–1,2 и сравнительно высокий показатель соотношений H и H_1 — 0,65–0,8. Для горшков характерен более высокий показатель соотношений $D_1 : D_2$ — 1,3–1,72 и соответственно более низкий показатель соотношения $H_1 : H$ — 0,45–0,62. Кроме того, выделяются сравнительно узкогорлые сосуды, по форме близкие кувшинам: соотношение $D_1 : D_2$ — 2,15–2,7; $H_1 : H$ — 0,42–0,51 (рис. 3/4, 10–14).

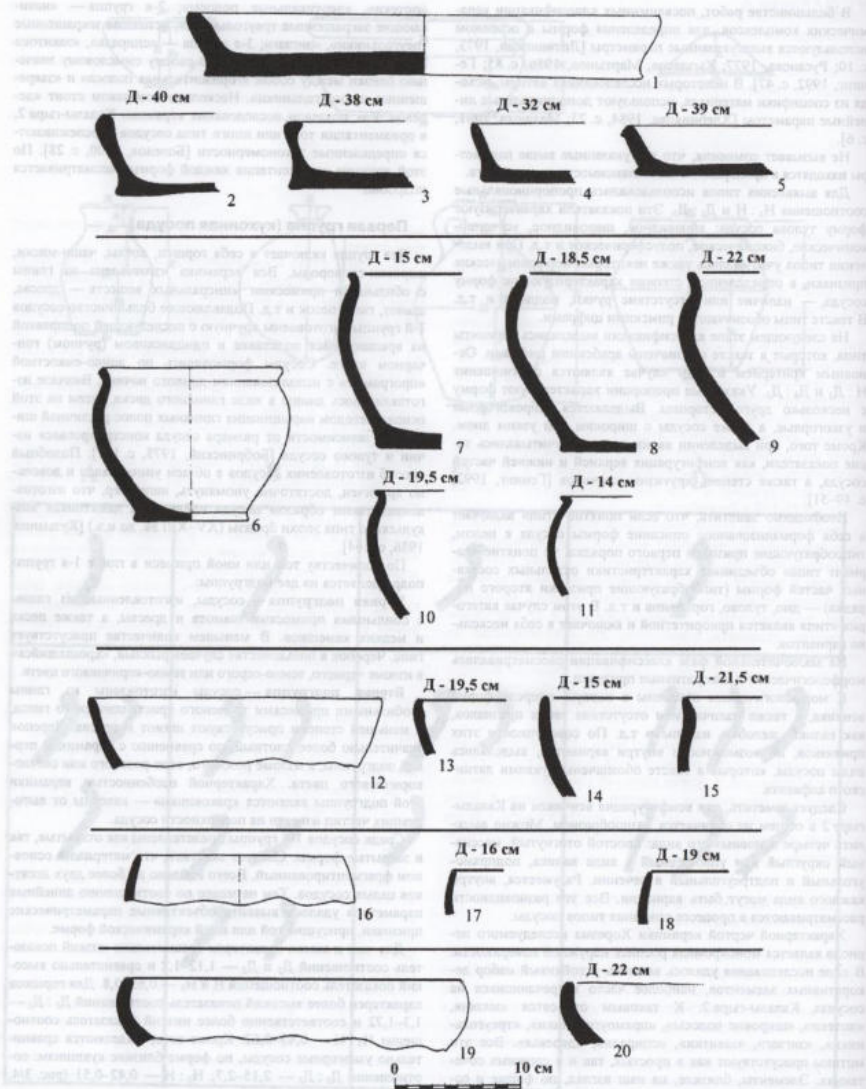

Рис. 3/2. Керамика 1-й группы. Открытые формы

В дальнейшем среди открытых форм проводилась классификация с учетом морфологических признаков, основными из которых являлись форма венчика и конфигурация тулова. В результате удалось выявить несколько разновидностей сковород-жаровен и различные типы чаш и мисок.

Жаровни-сковороды в археологической литературе часто называют просто сковородами [Воробьева, 1967, с. 117]. Это довольно крупные (Д устья — 28–42 см) толстостенные сосуды с невысоким бортом и массивным днищем. Толщина стенок и дна не менее 1 см. Стенки плавно расширяются от дна к устью (рис. 3/2, 1–5). Отношение высоты сосуда к максимальному диаметру, в данном случае это устье, — 1:10, 1:8, 1:7. Все жаровни сформованы от руки с использованием донного начина на песчаной подсылке. По морфологическим признакам, основным из которых является вид верхнего края сосуда, можно выделить несколько вариантов формы:

- верхний край жаровен прямой, немного сужающийся вверх (рис. 3/2, 4);
- верхний край утолщенный, слегка скруглен с внешней стороны (рис. 3/2, 2);
- верхний край слегка утолщен и в то же время слегка вогнут (рис. 3/2, 3).

У некоторых сосудов отмечена подправка на круге медленного вращения или подставке. В этом случае верхняя закраина жаровен или горизонтально уплощена, или скошена наружу (рис. 3/2, 5).

Чашы и глубокие миски. У этих сосудов максимальный диаметр тулова всегда превышает высоту. Соотношение параметров — 1,2–1,5. Следует заметить, что по фрагментам не всегда точно можно определить форму. Именно поэтому подразделение на чаши и миски в некоторой степени является условным. Можно предполагать, что более крупные, толстостенные сосуды являются мисками. По морфологическим признакам, прежде всего по конфигурации верхней части сосуда, выделяется несколько типов.

Тип I — наиболее многочисленный. Это сравнительно глубокие чаши на широком, плоском, выделенном поддоне. Тулово имеет округлые очертания, иногда напоминает полушару (рис. 3/2, 6–11). Диаметр устья немного меньше максимального диаметра тулова, расположенного в верхней четверти профиля сосуда. Соотношение линейных параметров соответственно 0,9–0,97. У большинства сосудов венчик специально не выделен, верхний край отогнут наружу (рис. 3/2, 6, 9). У некоторых сосудов верхний край вогнут, а на закраине, с внешней стороны отмечен желобок, образующий подобие венчика (рис. 3/2, 8). На чашах этого типа отмечена вторичная обработка верхней части на круге или вращающейся подставке. В этом случае закраина или горизонтально уплощена или скошена внутрь, при этом верхний край слегка утолщен и также образует подобие венчика (рис. 3/2, 11). Обращает на себя внимание тот факт, что большинство сосудов этого типа не закопчены и с внешней стороны покрыты ангобом — обмазкой красного или кремового цвета.

Тип II — сравнительно крупные тонкостенные сосуды. Форма их не известна. Стенки плавно расширяются от дна к устью. Можно предполагать, что тулово имело форму усеченного конуса или полушара. Верхний край сосудов прямой или немного утолщенный, венчик не выделен (рис. 3/2, 12–15).

Тип III — тонкостенные небольшие, по всей видимости, глубокие чаши. Форма тулова неизвестна, можно предпола-

гать, что она была округлой. Стенки сосуда в верхней части немного вогнуты. Верхний край прямой, слегка заостренный. Венчик не выделен (рис. 3/2, 16–18).

Тип IV — сравнительно крупные (Д — более 20 см) толстостенные сосуды. Форма тулова неизвестна. Верхний край сосуда прямой или слегка вогнут (рис. 3/2, 19–20).

Закрываемые формы явно преобладают среди посуды первой группы. По форме тулова все они относятся к горшкам. Кроме того, как уже упоминалось выше, выделяются кувшиновидные сосуды. При проведении классификации закрытых форм помимо целых учитывались соотношения линейных параметров верхних частей сосудов. При этом принадлежность к подгруппе не учитывалась. Это позволило провести более детальную классификацию и выделить несколько типов горшков и кувшиновидных сосудов. Типы были выделены на основании соотношений параметров H_1 ; H_2 — N и D_2 : D_1 — M (рис. 3/2). Кроме того, выявлено девять сосудов, которые не относятся ни к одному из типов. В дальнейшем они рассматриваются отдельно.

Тип I. К этому типу относятся небольшие сосуды с шаровидным туловом и показателем N — от 0,51 до 0,63. Они имеют наиболее высокую по сравнению со всеми остальными горшками шейку и крутые плечики (рис. 3/3, 1–4). Верхний край прямой или слегка отогнутый, в отдельных случаях утолщенный (рис. 3/3, 3). Большинство сосудов умеренно широкогорлые. Следует заметить, что горшки этого типа при большем объеме выборки можно будет, по всей видимости, подразделить на два варианта — умеренно широкогорлые и узкогорлые (по значению показателя M).

Тип II. Горшки этого типа значительно более многочисленны в серии — 23,7% от общего количества учтенных сосудов закрытой формы 1-й группы. Это также небольшие по размерам сосуды с шаровидным или яйцевидным туловом. Следует заметить, что по многим параметрическим признакам они близки горшкам I типа. Разница состоит лишь в том, что у горшков 2 типа менее крутые плечики. Характерным признаком сосудов II типа является прямой или слабо отогнутый верхний край (рис. 3/3, 5–9). В большинстве случаев венчик не выделен (рис. 3/3, 5–9, 11–13). На некоторых сосудах зафиксированы следы вторичной обработки на круге. При этом верхний край горловины скошен внутрь или горизонтально уплощен. Для горшков II типа характерен более или менее выраженный уступ при переходе от горловины к плечикам (рис. 3/3, 6, 8, 9, 11). В отдельных случаях отмечен отогнутый, слабо выраженный венчик (рис. 3/3, 10, 13). 75% сосудов этого типа являются узкогорлыми.

Тип III. Сосуды этого типа наиболее многочисленны в выборке — 30,1% от общего количества закрытых форм I группы. В основном это небольшие горшки. В большинстве случаев тулово имеет яйцевидную форму. Диаметр устья равен или чуть меньше диаметра дна. Шейка сравнительно невысокая, верхний край отогнут или слабо отогнут, плечики умеренно крутые. Венчик не выделен, верхний край округлый или заостренный (рис. 3/2, 14–25). В последнем случае явно видны следы обработки на вращающейся подставке или круге. Среди горшков III типа представлены как узкогорлые, так и умеренно широкогорлые сосуды. Собственно, по этому признаку выделяются два варианта сосудов этого типа, как это видно на корреляционном графе (рис. 3/5, табл. 2). Второй вариант отличается от первого несколько большим диаметром устья и дна, а также меньшей высотой, но при этом

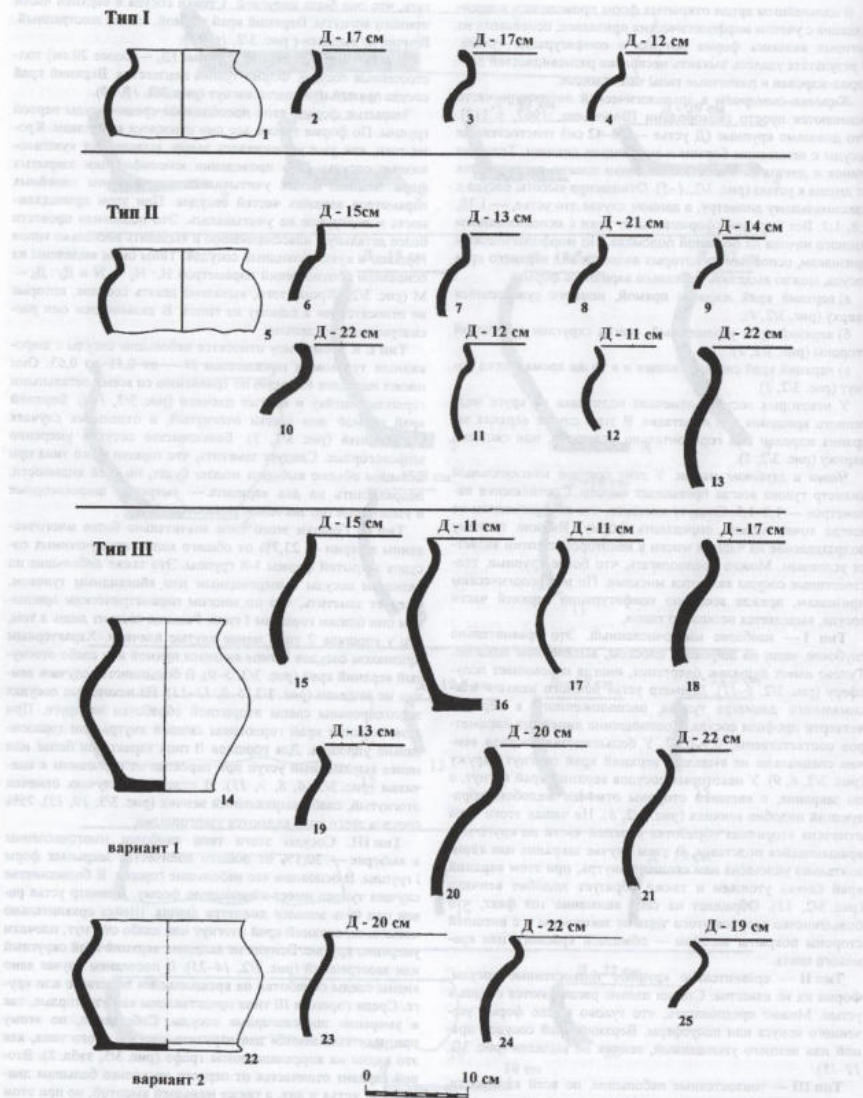

Рис. 3/3. Керамика 1-й группы. Типы горшков

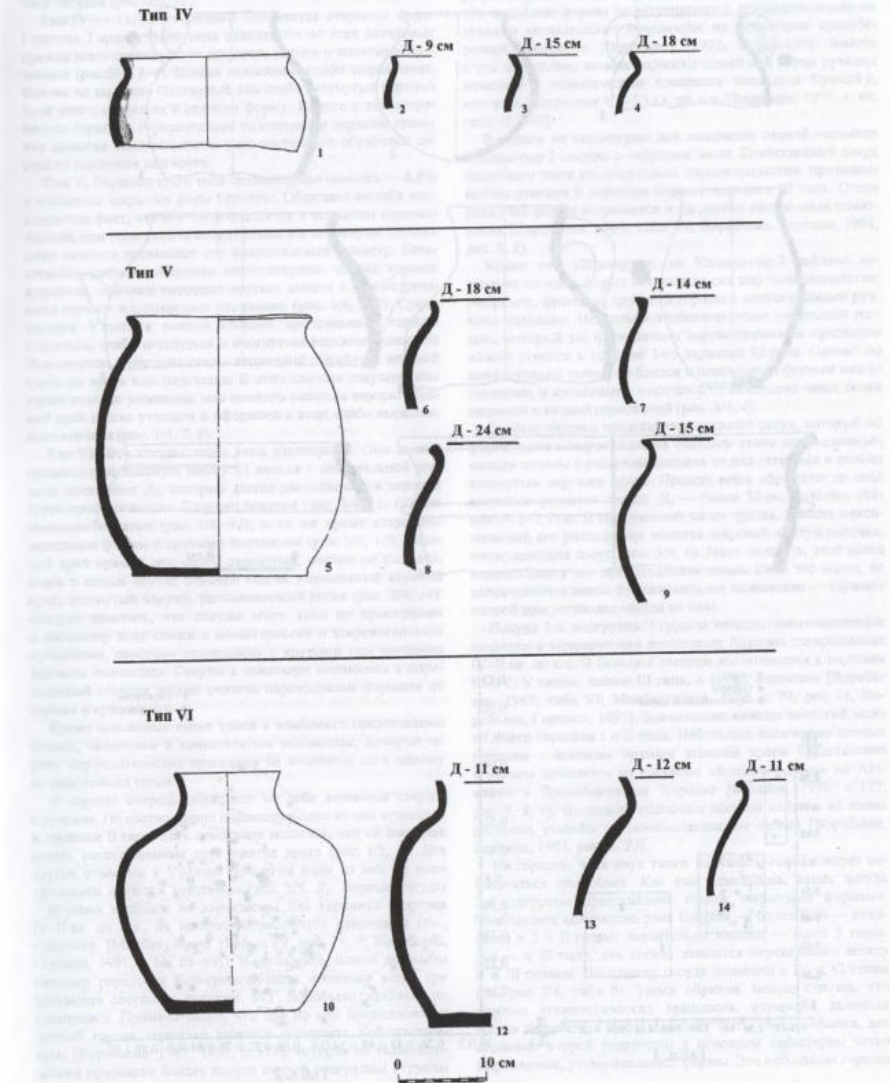
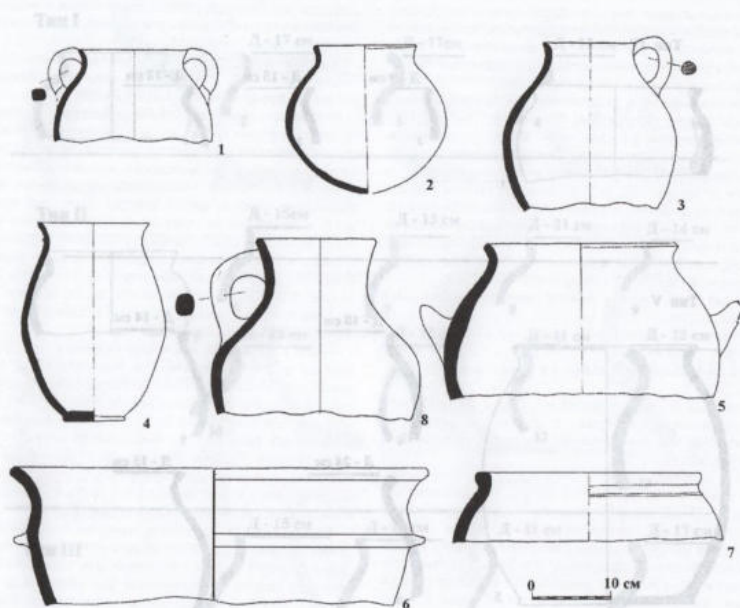

Рис. 3/4. Керамика 1-й группы. Типы горшков

• чаша
• горшки
■ кувшинные сосуды

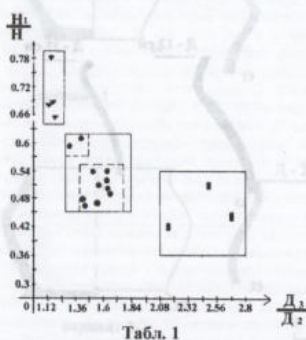

Табл. 1

Рис. 3/5. Керамика 1-й группы. Редкие формы

сохраняются основные пропорции, характерные для этого типа сосудов (рис. 3/2, 22).

Тип IV — 11,7% от общего количества закрытых форм I группы. Горшки этого типа отличаются от всех остальных прежде всего сравнительно широким устьем и покатыми плечиками (рис. 3/4, 1-4). Шейка невысокая, слабо выраженная. Венчик не выделен. Отогнутый или слабо отогнутый верхний край имеет округлую в сечении форму. Вместе с тем встречаются горшки с горизонтально уплощенным верхним краем, что является свидетельством дополнительной обработки сосуда на подставке или круге.

Тип V. Горшков этого типа сравнительно немного — 8,8% в комплексе закрытых форм I группы. Обращает на себя внимание тот факт, что к V типу относится в основном крупные горшки, при этом высота сосуда равна, а в некоторых случаях даже немного превышает его максимальный диаметр. Большинство сосудов умеренно широкогорлые, шейка хорошо выражена, плечики умеренно крутые, вместе с тем встречаются горшки и с покатыми плечиками (рис. 3/4, 5-9). Среди сосудов V типа в равной степени представлены горшки с прямыми, слабо отогнутым и отогнутым верхним краем. На большинстве отмечены следы вторичной обработки верхней части на круге или подставке. В этих случаях закраина или горизонтально уплощена, или немного скошена внутрь, верхний край слегка утолщен и оформлен в виде слабо выраженного венчика (рис. 3/4, 7, 9).

Тип VI. Все сосуды этого типа узкогорлые. Они имеют сравнительно высокую шейку. Н иногда в значительной степени превышает D_1 , который всегда располагался в верхней трети профиля сосуда. Плечики покатые (рис. 3/4, 13, 14) или умеренно покатые (рис. 3/4, 12), в то же время встречаются отдельные формы с крутыми плечиками (рис. 3/4, 10). Верхний край прямой или слабо отогнутый, венчик не выделен, лишь в одном случае отмечен слегка утолщенный верхний край, отогнутый наружу, напоминающий валик (рис. 3/4, 14). Следует заметить, что сосуды этого типа по пропорциям и внешнему виду схожи с низкогорлыми и широкогорлыми кувшинами, особенно экземпляры с крутыми или умеренно крутыми плечиками. Сосуды с покатыми плечиками в определенной степени можно считать переходными формами от горшка к кувшину.

Кроме описанных выше типов в комплексе представлены формы, найденные в единственном экземпляре, которые по ряду морфологических признаков не относятся ни к одному из выделенных типов.

В первую очередь обращают на себя внимание сосуды с ручками. По соотношению параметров один из них относится к горшкам II типа. Есть основания полагать, что он имел две ручки, расположенные друг против друга (рис. 3/5, 1). Два других отнесены к VI типу. При этом один из них по всем признакам является кувшином (рис. 3/5, 8). Лепные сосуды с ручками в общем не характерны для керамики Хорезма IV-II вв. до н.э., их находки исчисляются единицами (см., например, [Мамбетуллаев, 1986, с. 29, рис. 11, 7; Воробьева, Гертман, 1991, с. 66, 68-69]). В комплексе лепной керамики нижнего горизонта Кой-кырган-калы отмечено всего три фрагмента сосудов с ручками. М.Г. Воробьева называет их кувшинами. Примечательно, что два из них принадлежат к третьей группе керамики нижнего горизонта Кой-кырган-калы [Воробьева, 1967, 1967, с. 118], которая по технологическим признакам близка посуде второй подгруппы I группы

Калалы-гыр 2. К этой подгруппе относится сосуд с двумя ручками (рис. 3/5, 1). Обращает на себя внимание тот факт, что подобные формы не встречаются в предшествующих по времени керамических комплексах на территории правобережного Хорезма [Воробьева, 1973, с. 138-139]. Вместе с тем небольшие лепные горшки с одной или двумя ручками известны в керамическом комплексе поселения Куусай 2, который датируется VII-VI вв. до н.э. [Вайнберг, 1979, с. 44, табл. II, VIII].

В общем не характерны для комплекса лепной керамики Калалы-гыр 2 сосуды с округлым дном. Единственный сосуд подобного типа по некоторым параметрическим признакам можно отнести к горшкам первого варианта III типа. Очень редко эта форма встречается и на других синхронных памятниках [Воробьева, 1967, табл. VI; Воробьева, Гертман, 1991, рис. 6, 3].

Кроме уже упомянутых, на Калалы-гыр 2 найдено несколько сосудов, форма которых до сих пор была неизвестна. Например, фрагмент крупного горшка с конусовидными ручками-налепами. Несколько особняком стоит небольшой горшок, который по формальным параметрическим признакам можно отнести к сосудам I-го варианта III типа. Однако по конфигурации тулова он близок к переходным формам между горшками и кувшинами, отличаться от последних лишь более широкой и низкой горловиной (рис. 3/4, 4).

Особый интерес представляет крупный сосуд, который по форме тулова скорее является большим тазом или, возможно, низким котлом с расширяющимися от дна стенками и сильно отогнутым верхним краем. Прежде всего обращают на себя внимание размеры сосуда: D_1 — более 50 см, толщина стенок — 2-2,5 см. В центральной части тулова, в месте максимального его расширения имеется широкий выступ-полочка, опоясывающая сосуд (рис. 3/4, 6). Надо полагать, этот котел использовался для приготовления пищи. Если это верно, то валик-полочка имела функциональное назначение — служила опорой при установке сосуда на очаг.

Посуда 1-й подгруппы I группы находит многочисленные аналоги в керамических комплексах Хорезма датированных IV-II вв. до н.э. В большей степени эти относятся к горшкам III, IV, V типов, чашам III типа, а также жаровням [Воробьева, 1967, табл. VI; Мамбетуллаев, 1986, с. 29, рис. 11; Воробьева, Гертман, 1991]. Значительно меньше аналогий можно найти горшкам I и II типа. Небольшое количество лепных горшков с высоким прямым верхним краем представлено в раннем комплексе из раскопок «Большого дома» на Аз-кале 3 в Правобережном Хорезме [Болелов, 1998, с. 127, рис. 7, 5, 9]. Несколько подобных сосудов найдено во время раскопок усадьбы в Джанбасклинском оазисе [Воробьева, Гертман, 1991, рис. 6, 23].

На горшках этих двух типов из Калалы-гыр 2 следует остановиться подробнее. Как уже отмечалось, выше сосуда 2-й подгруппы представлена только закрытыми формами. Наибольшее количество этих сосудов — более 50% — относится к I и II типам; значительно меньше — всего 5 горшков — к III типу, два сосуда являются переходными между II и III типами. По одному сосуду отнесено к IV и VI типам (см. рис. 3/4, табл. 6). Таким образом, можно считать, что помимо технологических признаков, которыми являются состав примесей в глине и, может быть, способ обжига, для керамики второй подгруппы в основном характерны четко выраженные, установившиеся формы. Это небольшие горшки

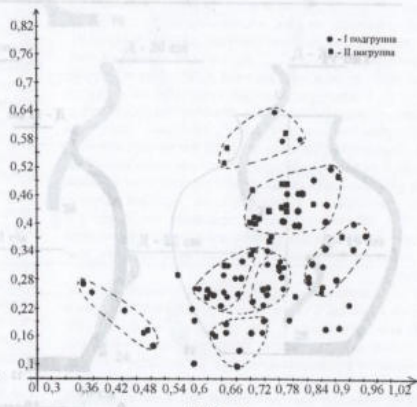

Табл. 2

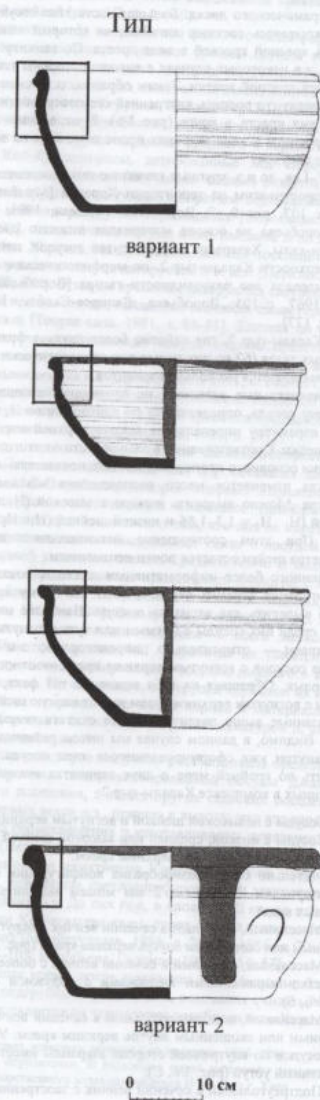
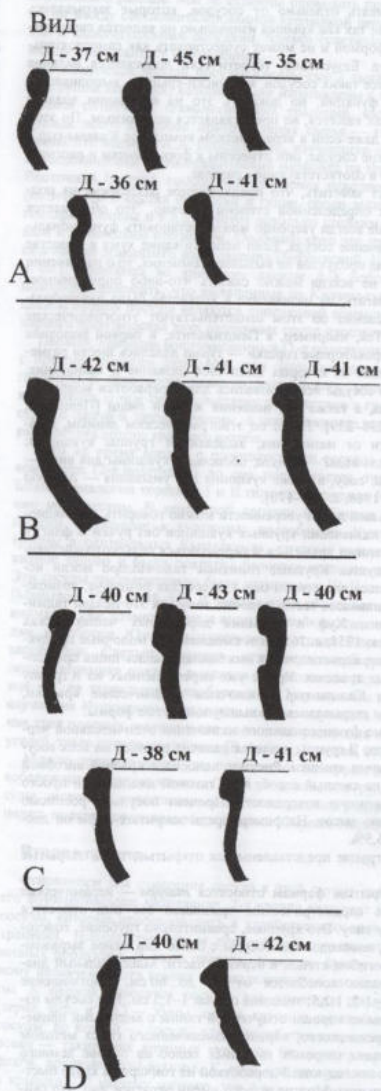

Рис. 3/6. Керамика 2-й группы. Тагора

Характерным морфологическим признаком *тагора* следует также считать наличие валиков желобков или уступов, которыми подчеркнут перегиб стенок в верхней части.

Необходимо отметить, что указанные морфологические признаки присущи сосудам обоих вариантов, о которых говорилось выше.

Этот тип сосудов, несомненно, генетически восходит к большим глиняным тазам, широко распространенным на территории Хорезма начиная с VI в. до н.э. Наиболее ранние их образцы обнаружены во время раскопок городища Кюезли-гыр, где найдены крупные тазы цилиндрико-конической формы с массивным манжетовидным венчиком и резким, подчеркнутым переходом от конической части к цилиндрической [Воробьева, 1958, с. 335]. В относительно более позднем керамическом комплексе усадьбы Дингильдже форма этих сосудов более разнообразна. Помимо уже известных ранее появляются тазы с отогнутым округлым и прямым заостренным венчиком. Аналогичные сосуды представлены в комплексе Хумбуз-тепе II, который синхронен керамическому комплексу усадьбы [Болелов, 1999, с. 88]. Таким образом, все упомянутые выше варианты и виды *тагора* имеют прототипы в более ранних археологических комплексах. Подобные сосуды встречаются и в других историко-культурных регионах, зачастую значительно удаленных от низовьев Амударьи. В комплексах Яз-П-III (Южная Туркмения) широко представлены цилиндрико-конические *тагора* с отогнутым округлым или приостренным венчиком [Массон В.М., 1959]. Среди керамики нижнего строительного горизонта Талашкан-тепа (Северная Бактрия) также присутствуют крупные толстостенные *тагора* с массивным венчиком в виде манжета [Шаидуллаев, 2000, с. 54, рис. 32]. Крупные глиняные тазы с округлым, подтреугольным в сечении венчиком и четко выраженным желобком под ним отмечены среди подъемного материала поселений ахеменидского и раннепарфянского времени на территории Иранского Азербайджана (Мидия) [Kleiss, Kroll, 1976, табл. 1; 1979, с. 229, табл. 3; Ingraham, Summers, 1979, с. 67-102].

К закрытым формам II группы отнесено 97 целых сосудов, которые, как уже говорилось выше, безусловно, различаются по своему функциональному назначению, а также по размерам. В ходе статистической обработки коллекции выяснилось, что на первоначальном этапе классификации выделение форм, сравнение сосудов по пропорциональным показателям оказалось малоэффективным. В отличие от закрытых форм I группы, где размеры сосудов были приблизительно одинаковыми, закрытые формы II группы сильно различаются по своим линейным параметрам. Высота сосуда колеблется от 7 до 72 см, максимальный диаметр — от 12 до 57 см, кроме того, встречаются отдельные фрагменты, у которых последний показатель достигает 90-95 см. Вследствие этого на первом этапе классификации был проведен сравнительный анализ форм по абсолютным линейным показателям — высота сосуда и максимальный диаметр тулова. Указанные параметры, как видно на корреляционном поле (рис. 3/29, табл. 3), находятся между собой в корреляции, приближающейся к линейной зависимости с положительным коэффициентом [Федоров-Давыдов, 1987, с. 82-81]. В результате этой операции были выделены две совокупности форм, которые различаются между собой по размерам и по соотношению указанных параметров.

В верхней части корреляционного поля расположились сосуды, у которых высота как минимум в 1,2 раза превышает

величину максимального диаметра. К ним относятся хумы — D_1 — 48-57 см, H — 66-72 см, хумчи — D_1 — 36-45 см, H — 48-51 см и крупные кувшиновидные сосуды без ручки — D_1 — 24-30 см, H — 36-48 см. Эти формы различаются между собой и по некоторым морфологическим признакам, которые выражаются соотношениями отдельных параметров — конфигурация верхней части сосуда, степень крутизны плечиков, величина диаметра устья.

В нижней части корреляционного поля расположились сосуды, у которых максимальный диаметр тулова равен или превышает высоту сосуда. По соотношению пропорциональных показателей все эти формы близки друг другу, и их с полным основанием можно назвать горшковидными. Они различаются между собой только по абсолютным линейным параметрам. По этим показателям можно выделить крупные горшковидные сосуды D_1 — 48-57 см, H — 30-39 см, а также собственно горшки, которые, в свою очередь, по соотношению пропорциональных показателей подразделяются на типы и варианты. М.Г. Воробьева, опираясь в основном на материалы Кой-крылган-кала, а также подъемную керамику с других памятников Хорезма, выделяла два типа хумов — сосуды с грушевидным и горшкообразным туловом [Кой-крылган-кала, 1967, с. 103]. При этом не учитывались пропорциональные соотношения линейных параметров. По этой причине к одному типу были отнесены все крупные толстостенные сосуды, независимо от их пропорций. Между тем, как уже говорилось выше, можно выделить по крайней мере две самостоятельные формы крупных толстостенных сосудов — собственно хумы, у которых высота всегда превышает максимальный диаметр, и крупные горшковидные сосуды, максимальный диаметр тулова которых равен или превышает высоту сосуда. В некоторых публикациях такие сосуды называют «корчагами» [Исаметдинов, Сулейманов, 1984, с. 23]. Следует заметить, что если учитывать параметрические признаки сосудов, описанных М.Г. Воробьевой, среди них также можно выделить эти формы (см., например, [Воробьева, 1959, с. 93, 8, 19, 21, 25; Кой-крылган-кала, 1967, табл. 1, 4, 5, 13]).

В археологической литературе довольно часто употребляется термин «хумча». Так называют сосуды, которые по форме тулова практически идентичны хумам и отличаются от них лишь размерами. Обычно объем хумчи составлял примерно половину хума или чуть больше того [Массон М.Е., 1951, с. 12-13]. Надо полагать, хумы и хумчи по параметрическим и морфологическим признакам по сути являются одной формой и могут рассматриваться вместе, как один тип сосуда.

Хумы и хумчи широко представлены в комплексе хозяйственной керамики, большая их часть фрагментирована. Это были крупные боковообразные сосуды, высота которых составляет 60-75 см, максимальный диаметр тулова колеблется от 40 до 50 см. В комплексе представлены фрагменты и более крупных сосудов — максимальный диаметр тулова более 90 см.

Все сосуды сформованы из хорошо промешанной глины с обильными примесями пережженного и хорошо измельченного гипса. Они изготовлены методом наращивания широких глиняных полос на основании доного начина, который изготавливался при помощи вогнутого глиняного диска. Поэтому большинство сосудов имеют выпуклое округлое дно.

По форме тулова хумы и хумчи схожи между собой. Они имели, строго говоря, усеченно-биконическую форму тулова.

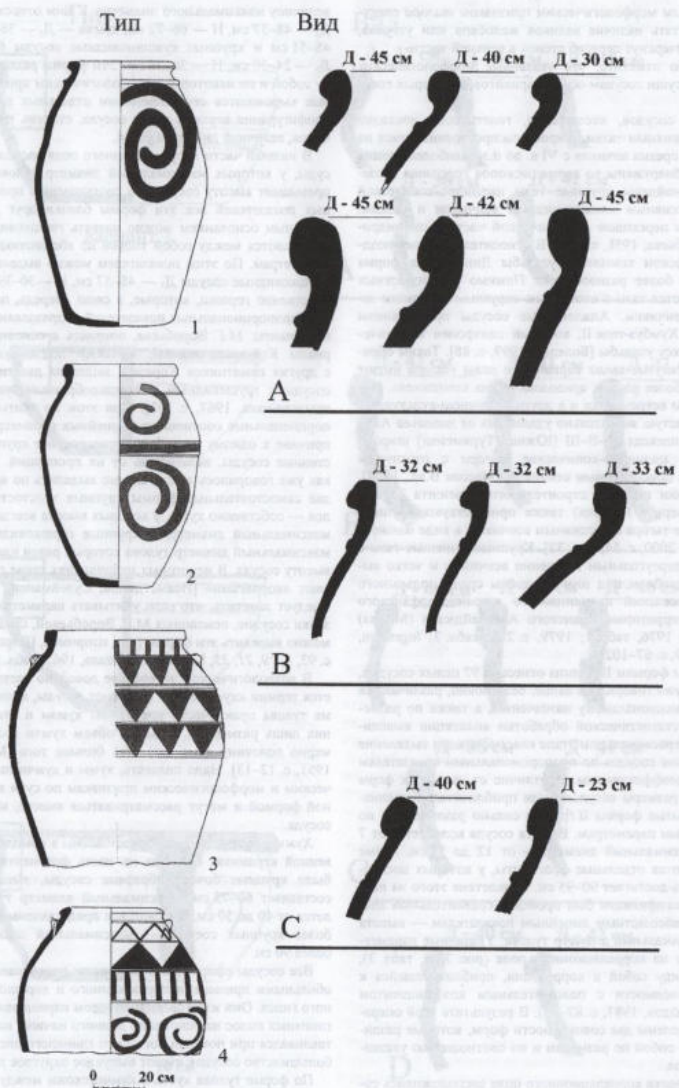

Рис. 3/7. Керамика 2-й группы. Хумы и хумчи

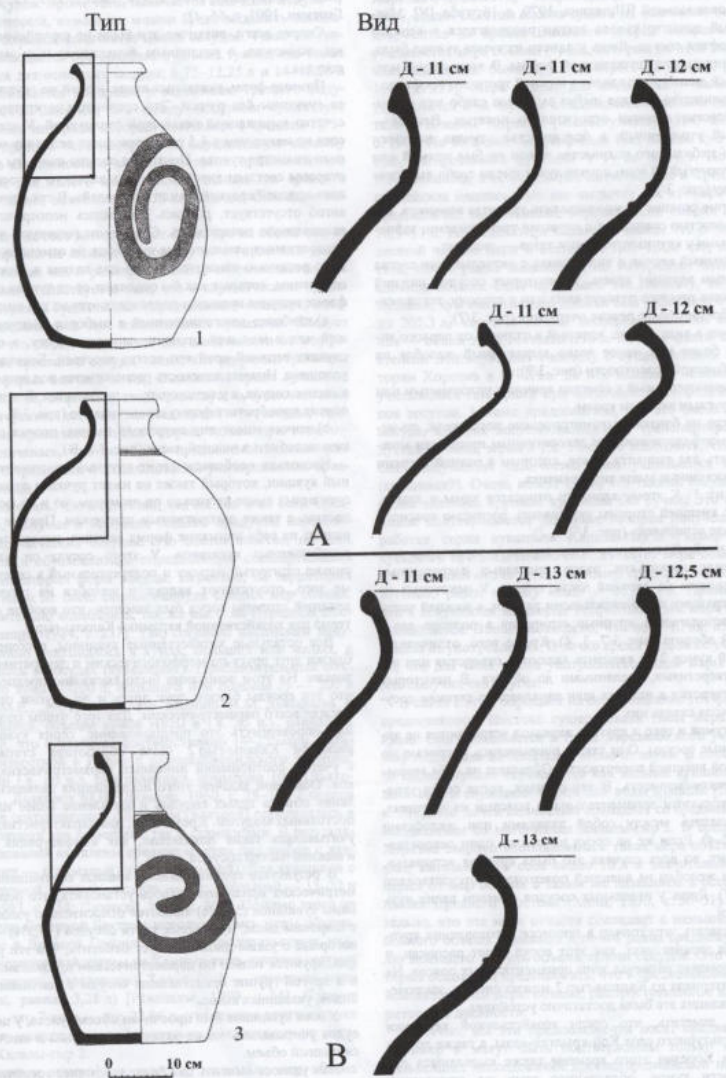

Рис. 3/8. Керамика 2-й группы. Кувшины без ручки

В археологической литературе она часто называется яйцевидной, овоидальной [Шишкина, 1979, с. 16; табл. IV]. Максимальный диаметр тулова всегда располагался в верхней трети профиля сосуда. Лишь у одного из хумов тулово было, по всей видимости, грушевидной формы. В этом случае максимальный диаметр находился в нижней трети его профиля.

У большинства сосудов шейка выделена слабо или не выделена совсем, плечики относительно покатые. Венчик — массивный утолщенный, в большинстве случаев наклонен внутрь. У небольшого количества хумов он был прямой или слегка отогнутый. В этом случае хумы имели слабо выделенную шейку (рис. 3/7).

По форме сечения можно выделить три вида венчиков, которые полностью совпадают с первыми тремя видами, зафиксированными у крупных глиняных тазов — *тагора*:

а) массивный венчик в виде валика с округлым или слегка уплощенным верхним краем. У некоторых сосудов нижний край венчика немного оттянут вниз или в сторону, тогда венчик приобретает более резкие очертания (рис. 3/7);

б) венчик в виде валика, который в отличие от первого вида имеет более или менее четко выраженный желобок на внешней боковой поверхности (рис. 3/7);

с) подпрямоугольный в сечении венчик с уплощенным или слегка округлым верхним краем.

Несмотря на близкие параметрические показатели, по некоторым морфологическим и декоративным признакам можно выделить два варианта хумов, которым в равной степени присущи указанные выше виды венчика.

Вариант 1. К этому варианту относятся хумы и хумчи, которые с внешней стороны украшались росписью красного цвета в виде «спиралеи» (рис. 3/7, 1, 2).

Вариант 2. Для сосудов этого варианта характерна роспись в виде нескольких рядов прорезных закрашенных «треугольников» по верхней части тулова. У некоторых из них под верхними орнаментальными рядами, в нижней части тулова, располагались крупные «спирали» в полтора-два с половиной оборота (рис. 3/7, 3, 4). Кроме того, отличительной чертой хумов 2-го варианта являются отверстия или налеты с отверстиями, сделанными до обжига. В некоторых случаях отверстия в налетах шли параллельно стенкам сосуда, не проходя сквозь них.

Среди хумов и того и другого варианта встречаются не ангобированные сосуды. Они также покрывались росписью по заглаженной внешней поверхности. Обращает на себя внимание одна закономерность. В тех случаях, когда сосуд украшался несколькими орнаментальными поясами на плечиках, они разделялись между собой валиками или желобками (рис. 3/7, 2-4). Если же на сосуд наносился один декоративный элемент, во всех случаях это была крупная «спираль», валики или желобки на внешней поверхности отсутствовали (рис. 3/7, 1). Лишь у отдельных сосудов отмечен валик чуть ниже шейки.

Надо полагать, что гончар в процессе изготовления крупного сосуда заранее знал, как этот сосуд будет расписан, и уже при формовке размечал зоны орнаментальных поясов. На примере материала из Калалы-гыр 2 можно сделать заключение, что традиция эта была достаточно устойчива.

Следует заметить, что среди хозяйственной керамики нижнего культурного слоя Кой-крылган-калы, а также других памятников Хорезма этого времени также выделяются две разновидности хумов, обладающие теми же признаками

[Кой-крылган-кала, 1967, с. 314, табл. 1, 1, 5, 12; Воробьева, Гертман, 1991, с. 66, 4].

Скорее всего, различия эти были не случайными и связаны, возможно, с различным функциональным назначением сосудов.

Помимо форм, указанных выше, к этой же группе относятся *кувшини без ручки*. Это сравнительно крупные сосуды с четко выраженной невысокой горловиной. У всех них высота не менее чем в 1,5 раза превышает величину максимального диаметра тулова. Почти все сосуды покрыты с внешней стороны светлым ангобом, поверх которого наносилась роспись красной краской в виде «спиралеи». В тех случаях, когда ангоб отсутствует, роспись наносилась непосредственно на заглаженную поверхность. Следует подчеркнуть, что других декоративных элементов на кувшинах не отмечено. Все сосуды с росписью имеют один или два валика в нижней части горловины, которые как бы отделяют ее от тулова сосуда. По форме венчика кувшини подразделяются на два вида:

а) наиболее многочисленный в выборке. Венчик, в большей или в меньшей степени, отогнут наружу, в отдельных случаях верхний край его слегка заострен. Боковая сторона уплощена. Нижняя плоскость располагается под прямым углом к стенке сосуда, а у некоторых — под острым. В этих случаях венчик приобретает форму клоновидного (рис. 3/8, А);

б) венчик имеет вид округлого валика, иногда с неглубоким желобком в нижней части (рис. 3/8, В).

Несколько особняком стоит крупный красноангобированный кувшин, который также не имеет ручки и отличается от описанных выше не только по размерам, но и по морфологическим, а также декоративным признакам. Прежде всего обращает на себя внимание форма венчика, нехарактерная для хозяйственных кувшинов. У этого сосуда он массивный, сильно отогнутый наружу и подтреугольный в сечении. Кроме того, отсутствуют валики и желобки на горловине. С внешней стороны сосуд был залощен, что вообще не характерно для хозяйственной керамики Калалы-гыр 2.

Все остальные хозяйственные кувшини, в общем, очень близки друг другу по морфологическим и декоративным признакам. На этом основании было высказано предположение, что эти сосуды близки друг другу и по другим признакам, прежде всего параметрическим. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, серия кувшинов из раскопок Калалы-гыр 2 была обработана статистически с учетом соотношений линейных параметрических признаков. Основной задачей этого исследования являлось определение объема целых сосудов и выявление более или менее постоянных модулей. Кроме того, для характеристики формы учитывались такие показатели, как конфигурация верхней и нижней частей сосуда.

В результате сравнительного анализа соотношений параметрических признаков удалось установить, что более половины кувшинов (55,5%) являются относительно узкогорлыми с широким дном. Чуть более трети сосудов (33,3%) — широкогорлые с узким дном. Следует отметить, что эти различия фиксируются только по параметрическим признакам. И в той и в другой группе представлялись сосуды с венчиками обоих видов, указанных выше.

У всех кувшинов был просчитан объем тулова, у целых сосудов учитывались также размеры горловины и высчитывался полный объем.

Нам удалось выявить два более или менее устойчивых модуля объема: меньший — 10,5–14 л и больший 15,75–19 л

у целых сосудов. Кроме того, намечается еще один модуль — 21–25 л, который, возможно, можно будет выделить окончательно на большем количестве целых сосудов. Такая же тенденция наблюдается при сравнении объема тулова, где также выделяются два основных модуля: 8,75–12,25 л и 14–15,75 л и также намечается тенденция к выделению третьего модуля — 21–24 л. Заметим, что между модулями существует определенный интервал, который составляет в среднем 1,75–2 л. Если принять этот интервал за определенную единицу объема, то вместимость кувшинов составит: приблизительно 5–6 единиц для малого модуля и 8–9 единиц для среднего модуля, а также, возможно, 11–13 единиц для большого модуля.

Обращает на себя внимание тот факт, что на объем сосуда никоим образом не влияло, широкое у него горло или узкое, впрочем, так же как и размеры дна. Это обстоятельство, как кажется, свидетельствует о том, что в керамическом производстве Хорезма существовал определенный стандарт, которого придерживались при изготовлении кувшинов. Следует отметить, что объем сохранялся вне зависимости от морфологических признаков сосуда, таких, как ширина горловины или дна, форма венчика и т.д. Выделение среди кувшинов двух вариантов, возможно, свидетельствует о существовании двух мастерских, которые изготавливали эти сосуды, придерживаясь принятого объема. Форма тулова при этом немного отличалась, что позволяет предположить некоторые различия в традициях и использовании универсальных приемов формовки.

Надо полагать, что в Хорезме, так же как и во всей Средней Азии, сыпучие и особенно жидкие продукты перевозились в керамических сосудах. Это обстоятельство, по всей видимости, и обуславливало определенную стандартизацию объемов некоторых форм посуды. Вероятно, на территории Средней Азии не было сколько-нибудь единых мер объема. Они значительно колебались, так же как и на Переднем Востоке [Лившиц, 1984, с. 257]. Так, согласно нисийским документам, вино учитывалось в хумах, больших или малых, а доставлялось в сосудах (кувшинах?). Приблизительный объем малого хума — 100 л, большого или *батман су* — 200 л [Массон М.Е., 1951, с. 15]. По мнению И.М. Дьяконова и В.А. Лившица, объемы хумов Нисы в I в. до н.э. равнялись 140–250 л, что составляло соответственно 14–25 *мари*, меры объема, известной в Иране с раннеахеменидского времени. В Парфии I в. до н.э. она равнялась примерно 10 л [Дьяконов И.М., Дьяконов М.Н., Лившиц, 1960, с. 28–38]. Единица емкости в сокровищнице Ай-Ханум (Бактрия) определялась в равной степени как амфорами, так и стамносами. В результате исследований выявлены средние модули для амфор с двумя ручками — 6 л (малый) и 16 л (большой). Для кувшинов с одной ручкой малый модуль — 8 л; большой — 15–22 л [Рапи, 1983, с. 358; Пичичкин, 1991, с. 269]. Помимо этого на территории Северной Бактрии использовались меры объема, принятые в Древней Греции. Об этом свидетельствует надпись на черепке, найденном на Кампир-тепе, которая состоит из трех знаков, означающих 7 хоев (хой — греческая мера жидкости, равная 3,28 л) [Ртвеладзе, 1999, с. 54]. Следует заметить, что 7 хоев — это 22,96 л, что вполне соответствует большому модулю, предположительно выявленному по материалам Калалы-гыр 2.

По данным эпиграфики известно несколько мер объема жидких и сыпучих продуктов, применявшихся на территории

Хорезма в древности, — «мари» (*mri*), «капич» (*karic*), «*wtiw*», «*sea*», «*hin*». Об этом можно судить на основании некоторых документов из архива Высокого двора Топрак-каль, где указывается мера объема (?) *hin*, которая, по всей видимости, являлась частью более крупной меры — *S* (13,2 л) [Лившиц, 1984, с. 257]. Мера объема для жидкостей — *kapic* (*karic*) упоминается и на черепке с надписью, найденном на Хумбузтепе в Южном Хорезме [Мамбетуллаев, 1984, с. 36; 1990, с. 100]. На большой Айбуир-кале был найден хум с надписью, датированный рубежом V–IV вв. до н.э. По мнению В.А. Лившица, это, возможно, единственная в Средней Азии арамейская надпись, которая читается как «*11mari 9x*». Как предполагает В.А. Лившиц, хорезмийский «мари» составлял 16,5–17 л. Исследователи полагают также, что *h* (*x*) являлся десятой частью *mari* и составлял 1,65–1,7 л, что, надо заметить, почти равно выделенной по материалам Калалы-гыр 2 единице объема. Если принимать эту гипотезу, то, согласно надписи, хум максимально должен был содержать от 196,35 л до 202,3 л, что и показали экспериментальные исследования — объем хума составил 196 л. Все эти факты в какой-то степени подтверждают гипотезу о существовании на территории Хорезма в IV–II вв. до н.э. единицы объема, которая учитывалась гончарами при изготовлении определенных типов сосудов. Можно предполагать, что это была именно та посуда, которая использовалась для транспортировки продуктов — вина, зерна и т.д. Уместно вспомнить, что в нисийских документах количество вина указывалось в сосудах (кувшинах?). Очень может быть, что такими сосудами в Хорезме являлись крупные кувшини без ручки. Это предположение подтверждается данными, которые получены при обработке серии кувшинов Калалы-гыр 2. Размер меньших кувшинов приблизительно соответствует мере объема «*sea*», составлявшей около 13,2 л, а размер средних сосудов приблизительно равен объему «*mri*» — 16,5–17 л. Примечательно, что в документах из двора Топрак-калы эта мера объема не упоминается. Вполне возможно, что во II–III вв. н.э. она уже вышла из употребления. В то же время нельзя не учитывать и то, что для вина могли употребляться одни меры объема, а для сыпучих тел другие.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что на средневековом Востоке существовала такая мера веса, как *кулла*. Она упоминается в труде хорезмийского ученого Х.в. Абу Абдаллаха ал-Хваризми «Ключи науки». В словаре Р. Доузи слово «*кулла*» переводится как медный кувшин, вмещающий 16 л и служащий мерой для воды и масла [Dozy, 1881, с. 387], что почти полностью совпадает со средним модулем, выделенным по материалам Калалы-гыр 2. В средневековом Хорезме широко использовалась такая мера объема, как *кафиз*, вмещавшая в себя около 10 л и значительно отличавшаяся от мер объема с таким же названием в остальных областях Среднего Востока [Хини, 1970, с. 50–51]. Примечательно, что эта мера отчасти совпадает с меньшим модулем полного объема кувшинов и почти равна среднему показателю меньшего модуля объема тулова сосудов. Это дает некоторые основания предполагать, что в средневековом Хорезме использовались меры объема, распространенные на этой территории в древности.

Конечно, все эти предположения носят предварительный характер и могут быть подтверждены только в процессе дальнейших исследований древнехорезмийской посуды, при этом измерения объемов не должны ограничиваться только

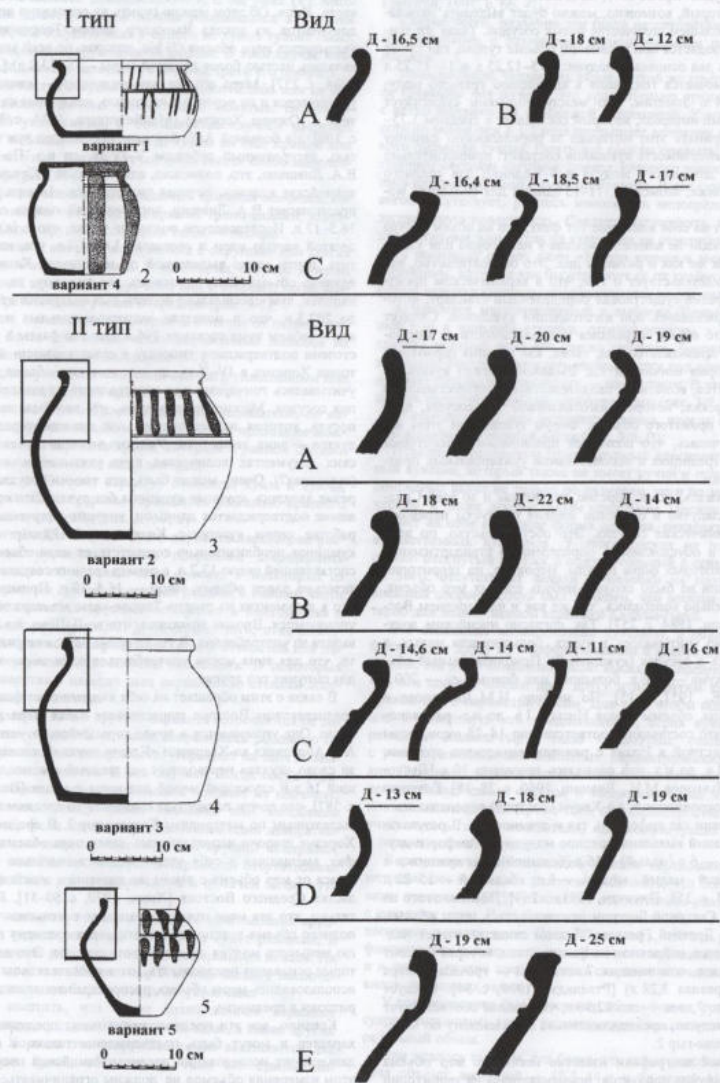

Рис. 3/9. Керамика 2-й группы. Типы горшков

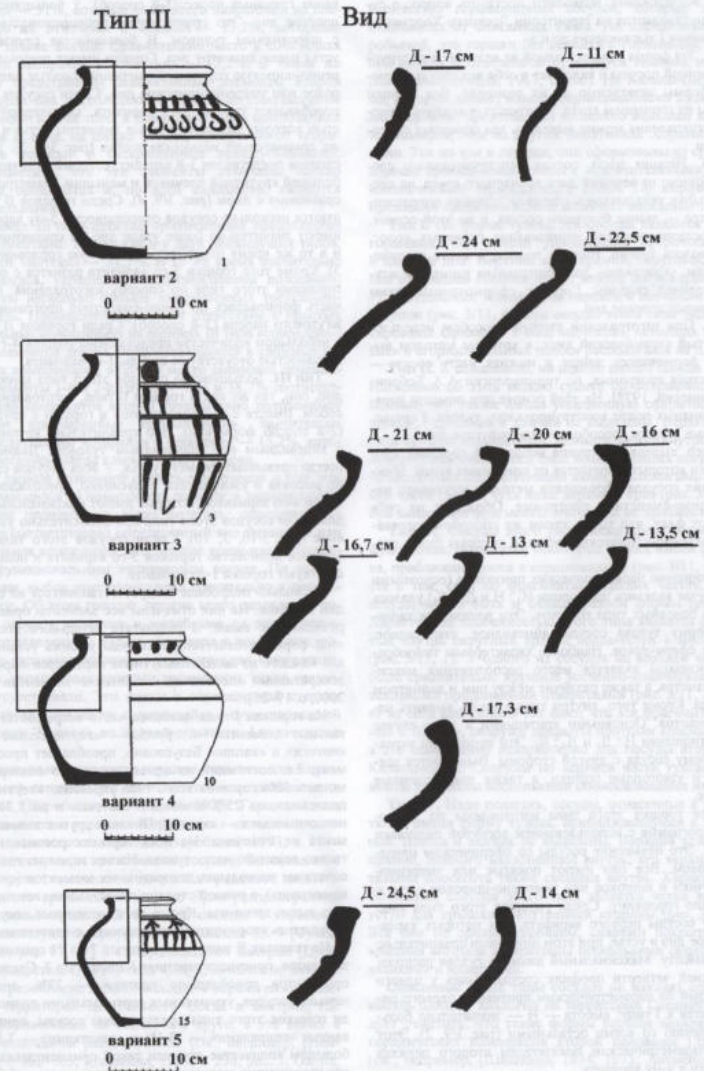

Рис. 3/10. Керамика 2-й группы. Типы горшков

одним типом сосудов. Однако результаты, полученные нами в процессе исследования, позволяют поставить вопрос о существовании стандартов на территории Древнего Хорезма во второй половине I тысячелетия до н.э.

Горшки. Эта форма является одной из ведущих в подгруппе хозяйственной посуды и включает в себя все сосуды горшковидной формы независимо от их размеров. Все горшки сформованы на гончарном круге. В результате анализа технологии их изготовления можно выделить два основных способа формовки.

Первый. Нижняя часть сосуда конструировалась следующим образом: на верхний диск гончарного круга, на песчаную подсыпку укладывалась глиняная лепешка определенного диаметра — днине будущего сосуда, и на этой основе, методом последовательного наращивания глиняных полос, конструировалось тулово. Нижняя полоса, в месте соединения с днищем, укреплялась дополнительным глиняным жгутом с внутренней стороны. Горшки, сформованные таким способом, имеют плоское дно.

Второй. При изготовлении вторым способом использовался вогнутый керамический диск, в котором методом выдавливания формировалось днине и нижняя часть сосуда — доно-емкостная программа, по терминологии А.А. Бобринского [Бобринский, 1978]. На этой основе при помощи наращивания глиняных полос конструировалось тулово. Горшки, изготовленные вторым способом, имели округлое дно.

Кроме того, выделяется группа небольших горшков, способ формовки которых отличается от описанных выше. Нижняя часть этих сосудов сформована методом жгутового напла, по доно-емкостной программе. Обращает на себя внимание тот факт, что точно таким же способом изготавливались усеченно-конические кубки, о которых будет сказано ниже.

По соотношению параметрических признаков (основными в данном случае являются пропорции $H_1 : H$ и $D_1 : D_2$) удалось выявить три основных типа горшков. Эти показатели характеризуют форму тулова сосуда: яйцевидное, шаровидное, призматическое сферическое. Наиболее характерным типобразующим признаком является место расположения максимального диаметра, а также различие между ним и диаметром шейки сосуда. Кроме того, внутри типа удалось выявить несколько вариантов. Основными критериями в этом случае явились соотношения $H : D_1$ и $D_1 : D_2$. Эти пропорции характеризуют форму сосуда с другой стороны. Выделяются широкогорлые и узкогорлые горшки, а также широкодонные и узкодонные.

Тип I. Все горшки этого типа изготовлены по доно-емкостной программе с использованием вогнутой подставки (2-й способ). Это невысокие сосуды со сферическим призматическим туловом. Все они имеют покатые или умеренно-покатые плечики и широкие или умеренно-широкое устье и соответственно горловину. Среди горшков этого типа явно преобладают сосуды первого варианта, для которых характерно широкое дно и устье, при этом они имели сравнительно небольшую высоту. Максимальный диаметр тулова располагался в верхней четверти профиля сосуда. Лишь у одного сосуда, который по параметрическим признакам первого порядка относится к I типу, высота — H — значительно больше, по сравнению со всеми остальными (рис. 3/9, 2). Этот горшок по параметрическим показателям второго порядка можно отнести к 4-му варианту.

Тип II. Горшки этого типа изготовлены методом наращивания глиняных полос (1-й способ). У большинства из них плоское дно. Это сравнительно пропорциональные сосуды с шаровидным туловом. В большинстве случаев диаметр устья равен диаметру дна. Горшки имеют широкую или умеренно-широкую горловину, умеренно-покатые плечики и широкое или умеренно-широкое дно. Среди сосудов этого типа преобладают горшки 2-го варианта, характерной особенностью которых являются равные диаметры устья и дна, а также сравнительно невысокая шейка (рис. 3/9, 3). В меньшей степени представлен 3-й вариант, который отличается от 2-го большей крутизной плечиков и меньшим диаметром устья по сравнению с дном (рис. 3/9, 4). Среди горшков II типа выделяются несколько сосудов относящихся к 5-му варианту. Они имеют значительно более узкое дно по сравнению с устьем и в то же время относительно высокую горловину (рис. 3/9, 5). Кроме того горшки 5-го варианта разнятся с остальными горшками этого типа по способу изготовления. Нижняя их часть формировалась по доно-емкостной программе методом жгутового напла (3-й способ). Среди горшков II типа лишь в небольшом количестве представлены горшки 4-го варианта и полностью отсутствуют сосуды 1-го варианта.

Тип III. Большинство сосудов этого типа имеют плоское дно, они, так же как и горшки II типа, изготовлены 1-м способом. Вместе с тем встречаются и горшки с круглым дном (2-й способ формовки). Это сравнительно крупные сосуды с яйцевидным или шаровидным туловом. Диаметр дна всегда превышает диаметр устья. У всех сосудов сравнительно высокая и узкая шейка. Безусловно, преобладают горшки 3-го и 4-го вариантов, которые имеют максимальный диаметр дна среди сосудов этого типа при относительно узкой горловине (рис. 3/10, 3, 10). Среди сосудов этого типа есть небольшое количество горшков 5-го варианта и полностью отсутствуют горшки 1-го варианта.

Несколько подробнее следует остановиться на орнаментации горшков. На них отмечены все элементы орнамента, перечисленные выше. В результате детального исследования этой формы хозяйственной посуды удалось установить, что для каждого из выделенных типов характерен определенный декоративный элемент или сочетание элементов [Болелов, 2000, с. 19–26].

На горшках I типа наиболее часто встречаются орнаментальные элементы 1-й группы — «вертикальные полосы», «потекки» и «капли». Безусловно, преобладает простой орнамент, т.е. состоящий из одного ритмично повторяющегося мотива. 50% горшков этого типа украшены «вертикальными полосами», на 25% отмечены «потекки» и на 8,3% сосудов нанесены мази — «капли». Никаких других элементов орнамента не отмечено. На всех горшках роспись покрывала только верхнюю часть тулова. На тех горшках, где отмечено сочетание нескольких декоративных элементов (сложная орнаментация), в равной степени представлены все перечисленные выше элементы. Кроме того, отдельные сосуды I типа украшались «горизонтальной полосой» с «потекками».

На горшках II типа присутствуют 7 из 11 орнаментальных элементов, присущих керамике Калалы-гяр 2. Среди простых орнаментов преобладают «потекки» — 37%, значительно меньше сосудов, украшенных вертикальными полосами. Среди горшков этого типа представлены сосуды, орнаментированные «спиралью» — 13,1% и «завитками» — 1,6%. В небольшом количестве отмечен такой орнаментальный мотив, как нависающие «закрашенные треугольники» — 3,2%.

В сложных орнаментальных композициях также преобладают «потекки» — 31%, которые чаще всего наносились на плечики. Здесь же отмечены и «капли» — 13,2%, которыми украшались только венчик. Сравнительно часто в сочетаниях встречаются «спирали» и «завитки» — 13,2%. В таком же количестве представлены декоративные элементы второй группы. Среди них преобладают нависающие «закрашенные треугольники». Кроме того, в орнаментальных композициях на горшках II типа, на шейке сосуда, присутствуют «горизонтальные полосы» и «закрашенные прямоугольники». Следует заметить, что эти элементы отмечены только в сложных орнаментах и, по всей видимости, являются вспомогательными.

На горшках III типа простая орнаментация представлена шестью элементами. Так же как и у двух предыдущих типов, преобладают «потекки» — 31,5%. В то же время значительно меньше сосудов, украшенных «вертикальными полосами», вместе с тем несколько больше «закрашенных треугольников» — 7,8%. Примечательно полное отсутствие в простых орнаментальных композициях на горшках III типа «спиралей».

Среди элементов декора, использованных в сложных декоративных композициях, ведущее место занимают орнаментальные элементы 1-й и 2-й групп — 48,1 и 38,7% соответственно. Среди орнаментов второй группы явно преобладают нависающие «закрашенные треугольники». Значительно меньше представлены «спирали» и «завитки» — 13,2%, которые располагались всегда в нижней части тулова.

Все эти данные позволяют сделать заключение о том, что орнамент наносился на поверхность сосудов, в данном случае горшков, не произвольно. Надо полагать, определенному типу сосуда соответствовал определенный вид орнамента или орнаментальная композиция, что, вполне возможно, обуславливалось функциональным назначением сосуда. По нашим наблюдениям, выбор этот происходил сознательно в процессе формовки. Об этом говорит прежде всего разделение поверхности сосудов валиками и желобками на зоны, заполненные определенным видом орнамента в том случае, когда горшок украшала сложная орнаментальная композиция. На сосудах, украшенных простым орнаментом, такие «разделители» отсутствовали. Эти факты в определенной степени свидетельствуют о традиции, сложившейся и существовавшей на территории Хорезма во второй половине I тысячелетия до н.э.

Все выделенные выше типы горшков типичны для Хорезма изучаемого периода. Это же относится и к орнаментации сосудов (см. [Воробьева, 1959, с. 96–100]). Горшковидные формы появляются в керамике Хорезма уже на заключительном этапе архаического периода [Воробьева, 1973, с. 124–125]. Они и послужили прототипами сосудов, бытовавших в последней трети I тысячелетия до н.э. За пределами низовьев Амуудары в это время также широко были распространены различные типы горшков. В большей степени с хорезмийскими схожи сосуды из Еркургана — комплекс ЕК-5 [Сулейманов, 2000, с. 97, 14] и Северо-Западной Бактрии [Древнейшие государства..., 1985, табл. С1П]. Значительно меньше аналогичных хорезмийские горшки находят в керамических комплексах с территории центрального Согда и Бактрии, где горшки, сформованные на гончарном круге, в это время в общем не отличались разнообразием (см., например, [Немцова, 1969, с. 162–163; Шишкина, 1969, с. 230, рис. 3; Gardin, 1973, с. 147, рис. 21; Lyonnet, 1997, рис. 40]).

В группе хозяйственной керамики выделяется некоторое количество горшковидных сосудов, которые значительно отличаются от описанных выше. По определению М.Г. Воробьевой, это горшки без венчика с горловинной, направленной внутрь и отделенной от корпуса валиком или уступом [Кой-Крылган-кала, 1967, с. 106]. На Калалы-гяр 2 эта форма, которую можно назвать *горшковидными хозяйственными сосудами*, представлена несколько большим количеством экземпляров, чем на других памятниках Хорезма этого времени. Так же как и горшки, они сформованы из сравнительно хорошо промешанной глины с незначительными примесями измельченного пережеванного гипса. По морфологическим признакам среди них можно выделить несколько типов.

Тип I. По форме тулова эти сосуды являются своеобразными горшками. Они имели уплощенный сферический корпус и плоское дно. Верхний край прямой, округлый, в большей или в меньшей степени загнут внутрь сосуда (рис. 3/11, 3, 6, 7). У отдельных экземпляров переход к плечикам подчеркнут уступом (рис. 3/11, 6). Все сосуды этого типа были орнаментированы. Орнамент в виде «потекки», «стоящих треугольников» и «горизонтальных полос» располагался на плечиках.

Тип II. К сожалению, ни одного целого сосуда не найдено. Насколько об этом можно судить по сохранившимся фрагментам, они также имели уплощенную сферическую форму тулова. Горловина и венчик не выделены. Верхний край сосуда прямой, скругленный, немного загнут внутрь. Характерной особенностью этого типа хозяйственных сосудов является массивный опоясывающий валик, располагавшийся в верхней части тулова, чуть ниже верхнего края (рис. 3/11, 5, 8, 9). Все найденные фрагменты этого типа не орнаментированы.

Тип III. Сосуды этого типа также представлены лишь во фрагментах. Возможно, некоторые из них имели форму тулова, приближающуюся к горшковидной (рис. 3/11, 2, 11). Вместе с тем, судя по фрагментам верхних частей, отдельные сосуды могли быть и банкообразной формы (рис. 3/11, 1). Характерной особенностью этого типа является резко загнутый внутрь округлый край и валик-уступ в месте перегиба (рис. 3/11, 1). У одного из сосудов на верхней части тулова были сравнительно крупные усеченно-конические наплеты со сквозными продольными отверстиями (рис. 3/11, 2). Обращает на себя внимание и тот факт, что все фрагменты, отнесенные к III типу, снаружи покрыты плотным красным ангобом, а это совершенно нехарактерно для посуды второй группы Калалы-гяр 2. Снаружи по верхней части тулова все фрагменты украшены несколькими опоясывающими желобками.

Тип IV. Надо полагать, сосуды, отнесенные к этому типу, также имели форму тулова, приближающуюся к горшковидной. Шейка и венчик не выделены. Верхний край сосуда — прямой, немного наклоненный внутрь; его верхняя горизонтальная плоскость также скошена внутрь. Характерной особенностью сосудов этого типа является четко выраженный уступ для крышки с внутренней стороны (рис. 3/11, 4, 10). Все они не орнаментированы, снаружи покрыты плотным красным ангобом и украшены несколькими опоясывающими валиками и желобками.

Описанные выше типы сосудов не находят себе сколько-нибудь близких аналогий на территории Средней Азии. Следует отметить, что такие формы вообще нехарактерны для керамических комплексов второй половины I тыс. до н.э. (см., например, [Шишкина, 1974; 1975; Литвинский, Седов, 1984, табл. XI; Lyonnet, 1997, табл. 40–42]).

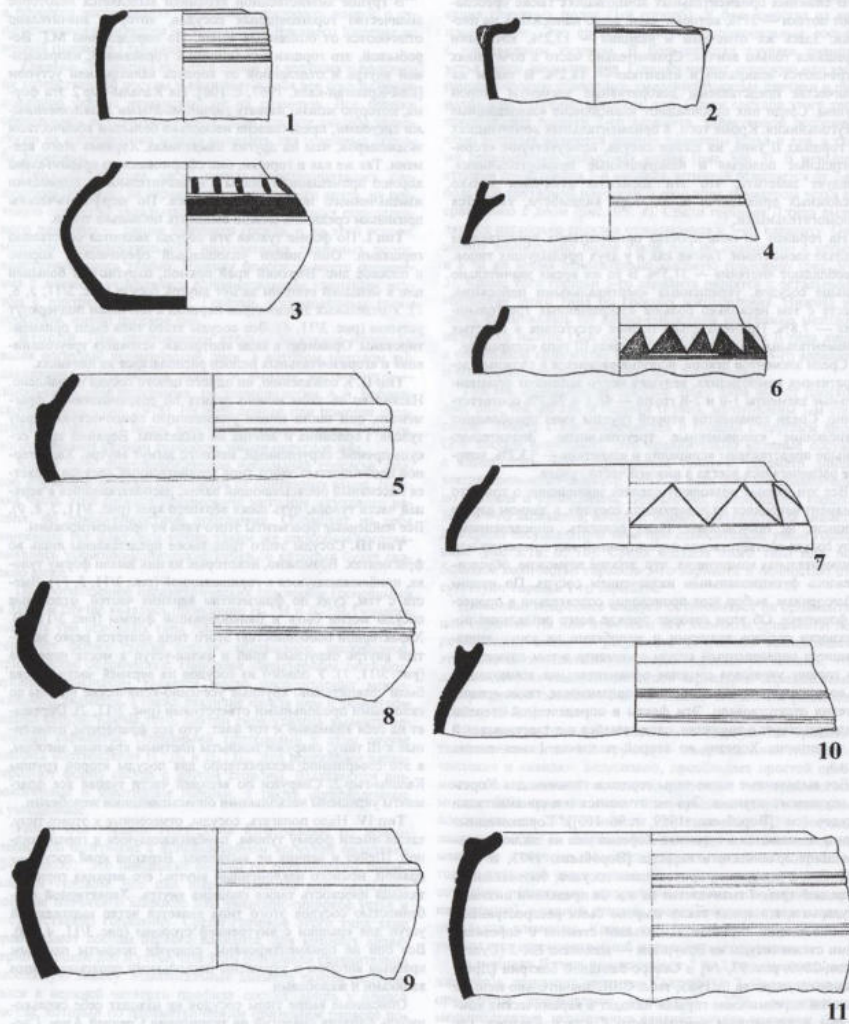

Рис. 3/11. Керамика 2-й группы. Горшковидные сосуды

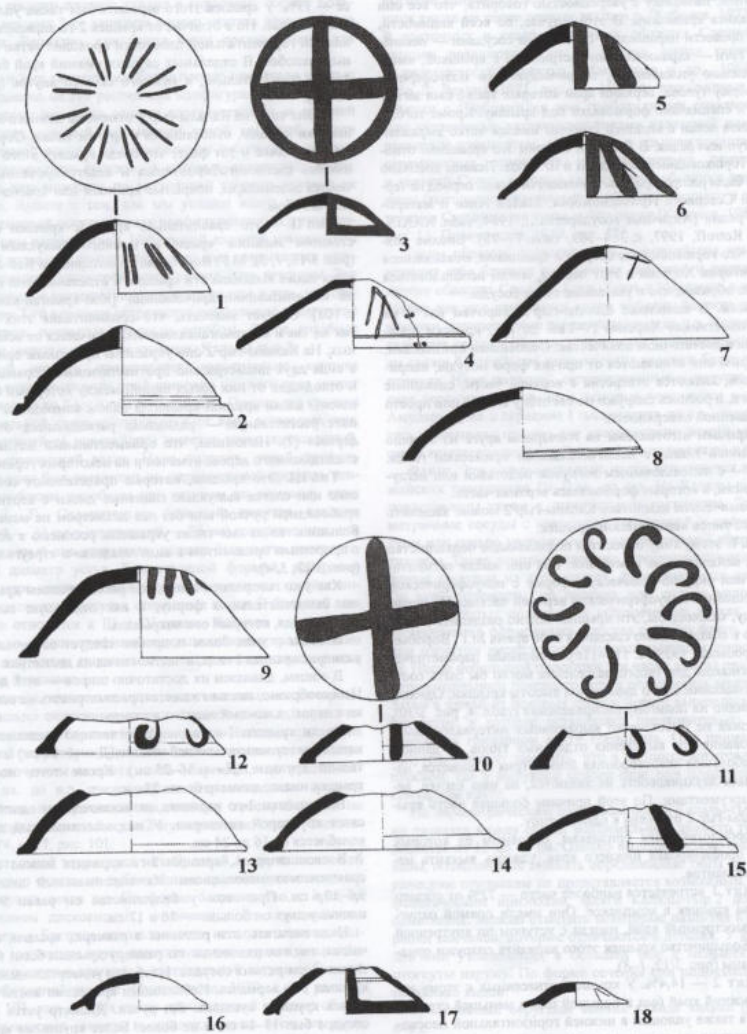

Рис. 3/12. Керамика 2-й группы. Крышки

Конфигурация верхнего края этих сосудов, особенно III и IV типов, позволяет с уверенностью говорить, что все они закрывались крышками. В этом случае, по всей видимости, можно провести параллели с греческими сосудами — леканами, по сути — керамическими кастролями с крышкой, имевшими сильно уплощенную, сферическую или полусферическую форму тулова, верхний край которых также был загнут внутрь и специально формовался под крышку. Кроме того, у всех типов лекан с внешней стороны имелся четко выраженный уступ или валик. В большей степени это сравнение относится к горшковидным сосудам II и III типов. Леканы довольно широко были распространены в эллинистический период на территории Северного Причерноморья, Малой Азии и материковой Греции [Античные государства..., 1984, табл. XXXIX, 12, 2; Rotroff, 1997, с. 364–369, табл. 77–78]. Вполне возможно, что горшковидные сосуды с крышками, появившиеся на территории Хорезма в этот период, могли использоваться таким же образом, что и указанные выше сосуды.

Крышки. В комплексе Калалы-гыр 2, впрочем как и на других памятниках Хорезма IV–I вв. до н.э., крышки представлены в достаточном количестве. Основными признаками, по которым они отличаются от прочих форм посуды, например мисок, являются отверстия в верхней части, сделанные до обжига, и роспись снаружи по светлomu ангобу или просто по заглаженной поверхности.

Все крышки изготовлены на гончарном круге из хорошо промытой глины с незначительными примесями гилса. Многие — с использованием вогнутой подставки или неглубокой миски, в которых формовалась верхняя часть.

В керамическом комплексе Калалы-гыр 2 можно выделить несколько типов керамических крышек.

Тип I. К этому типу относятся подавляющее большинство крышек, найденных на памятнике. Все они имели сегментовидную или округло-коническую форму с полусферической или уплощенной полусферической верхней частью. По внешнему виду, казалось бы, эти крышки можно разделить на два типа, что в общем и было сделано в свое время М.Г. Воробьевой [Воробьева, 1959, с. 115–116]. Основным параметрическим признаком для такого разделения могло бы быть соотношение максимального диаметра и высоты крышки. Однако, как это видно на полигоне распределения (табл. 4, рис. 3/30), этот признак не имеет четко выраженных интервалов, дающих основание для выделения отдельных типов. В данном случае небольшая левосторонняя асимметрия и, кажется, намекающаяся двухпиковость не являются, на наш взгляд, весомыми аргументами. По этой причине большая часть крышек Калалы-гыр 2 отнесена к одному типу.

По морфологическим признакам, основным из которых является профилировка нижнего края, удалось выявить несколько вариантов.

Вариант 1 встречается наиболее часто — 72% от общего количества крышек в комплексе. Они имели прямой округлый или заостренный край, иногда с уступом по внутренней стороне. Большинство крышек этого варианта снаружи орнаментированы (рис. 3/12, 1–8).

Вариант 2 — 14,4%. У крышек, отнесенных к этому варианту, нижний край был в большей или в меньшей степени утолщен, а также уплощен в нижней горизонтальной плоскости. У большинства из них по внутренней стороне нижнего края отмечен более или менее четко выраженный желобок (рис. 3/12, 9–15).

Вариант 3 — наименее представительный в комплексе — 13%. У крышек этого варианта был также уплощенный нижний край. Но в отличие от крышек 2-го варианта у них по нижней горизонтальной плоскости проходил четко выраженный желобок. В отдельных случаях нижний край был не уплощен горизонтально, а немного скошен внутрь (рис. 3/12, 16–18).

Кроме того, на Калалы-гыр 2 отмечены немногочисленные находки крышек, относящихся к другим типам. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди крышек этого варианта помимо светлоангобирванных и неангобирванных встречаются экземпляры, покрытые красным или красно-коричневым ангобом.

Тип II — это сравнительно крупные крышки с прямо-стоящим нижним краем и немного выпуклым верхом (рис. 3/13, 1, 2). М.Г. Воробьева по материалам Кой-Крылган-калы также выделяла эти крышки в отдельный тип и называла их «низкоцилиндрическими» [Кой-Крылган-кала, 1967, с. 108]. Следует заметить, что орнаментация этих крышек, так же как и койкылганкалиских, отличается от всех остальных. На Калалы-гыр 2 они украшены прорезным орнаментом в виде двух диаметрально противоположных прямых линий и отходящих от них косых линий, между которыми были нанесены мазки красной краски. В целом композиция напоминает растительную — радиально расходящиеся от центра дерева (?). Напомини, что орнаментальный мотив в виде стилизованного дерева отмечен и на некоторых горшках.

Тип III. Это крышки, которые представляют собой плоские или слегка выпуклые глиняные диски с вертикальной грибовидной ручкой или без нее диаметром не менее 25 см. Большинство из них также украшены росписью в сочетании с прорезным орнаментом в виде «мазков» и «треугольников» (рис. 3/13, 3, 4).

Как уже говорилось выше, мы рассматриваем крышки не как самостоятельную форму, а как отдельную составную часть сосуда, который она накрывала.

В связи с этим более подробно следует остановиться на размерах крышек I типа, в частности на их диаметрах.

В общем, диапазон их достаточно широк — от 8 до 31 см. Целесообразно, как нам кажется, рассматривать не все крышки в целом, а каждый вариант в отдельности.

Среди крышек 1-го варианта отчетливо выделяются две категории: сравнительно небольшие (D — 8–14 см) и относительно крупные (D — 16–25 см). Кроме того, несколько крышек имеют диаметр более 27 см.

Все крышки 2-го варианта, за исключением одной, относятся ко второй категории. У них максимальный диаметр колеблется от 16 до 24 см.

В свою очередь, крышки 3-го варианта можно считать сравнительно небольшими. Их максимальный диаметр — 9,6–17,6 см. При этом у большинства он равен 9–14 см, и лишь у двух он больше — 16 и 17 см.

Надо полагать, эти различия в размерах крышек не случайны, так как различные по размеру крышки были предназначены для разных сосудов. Наиболее универсальными были крышки 1-го варианта. Небольшими крышками могли закрываться крупные кувшины без ручки. Диаметр устья у этих сосудов был 13–14 см и не более. Более крупными крышками, по всей видимости, закрывались горшки. Диаметр устья у большинства из них колеблется от 17 до 25 см. Кроме того, у многих горшков, особенно крупных, верхняя горизонталь-

ная плоскость венчика скошена внутрь. В этом случае нижний край крышки плотнее входил в горловину сосуда. Большинство крышек 2-го варианта можно считать сравнительно крупными. Вероятно, они также были предназначены для горшков.

Крышки 3-го варианта наиболее плотно прилегали к устью сосуда (именно на это рассчитана конфигурация их нижнего края). Такому профилю должен соответствовать и верхний край сосуда, который закрывается такой крышкой. Среди хозяйственной посуды, за исключением небольшого количества горшковидных сосудов, о которых говорилось выше, выступов или желобков по внутренней стороне венчика не отмечено. Вместе с тем, как мы увидим ниже, некоторые формы столовой посуды имеют профилированный с внутренней стороны верхний край. Небольшой диаметр крышек 3-го варианта позволяет предполагать, что ими закрывались сосуды с небольшим диаметром устья, может быть кувшины. Это предположение косвенно подтверждается еще и тем, что среди крышек 3-го варианта встречается наибольшее количество экземпляров, покрытых красным ангобом. Такое ангобное покрытие имеют и столовые кувшины Калалы-гыр 2.

Особый интерес представляет сравнительно крупная крышка, которая по виду профилировки нижнего края может быть отнесена ко 2-му или 3-му варианту. Однако эта крышка в значительной степени отличается от всех остальных тем, что на нижней ее поверхности имеется четко выраженный, резко выступающий валик. Надо полагать, такой профиль нижнего края был рассчитан на определенный профиль венчика с глубоким желобком или уступом по верхнему краю (рис. 3/13, 5). Сравнительно большой диаметр крышки (внешний — 31 см и внутренний — 25 см) говорит о том, что сосуд, который она накрывала, должен был иметь соответствующий диаметр устья. Единственной формой, которая в полной мере отвечает этим условиям, являются хозяйственные горшковидные сосуды, описанные выше. В большей степени это относится к III и IV типам. Наличие в комплексе крышки со сложнопрофилированным нижним краем можно считать еще одним аргументом в пользу отождествления этих сосудов с леканами.

Большое количество крышек, изготовленных на гончарном круге, можно считать характерной особенностью керамического комплекса Хорезма IV–II вв. до н.э. Находки крышек на остальной территории Средней Азии исчисляются единицами. Исключением является лишь Маргиана, где в комплексе III–I вв. до н.э. представлены сегментовидные крышки с округлым или уплощенным нижним краем, близкие по форме хорезмийским 1-му и 2-му вариантам I типа [Филанович, 1974, с. 57, рис. 10].

На остальной территории юга Средней Азии, насколько об этом можно судить по публикациям, крышки появляются не ранее первых веков н.э. По форме большинство из них, за исключением дисковидных, отличаются от хорезмийских. Например, в Бактрии использовались несколько типов крышек. На гончарном круге изготавливались сравнительно небольшие вогнутые крышки с вертикальной катушкообразной или грибовидной ручкой [Пугаченкова, 1979, с. 19, рис. 19; 1984, с. 101, рис. 12]. Из плохо промытой глины с обильными примесями шамота и органики, чаще всего от руки, формовались крупные дисковидные крышки с вертикальными С-образными и грибовидными ручками [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 151; Пиддав, 1978, табл. VI; Пилип-

ко, 1985, табл. XXIV]. На территории Согда сравнительно высокие конические и усеченно-конические крышки появляются также не ранее первых веков н.э. [Кабанов, 1973, с. 70]. В восточных и северо-восточных областях Средней Азии крышки появляются уже на ранних этапах каучинской и джетысарской культур [Максимова и др., 1968, с. 95, табл. II; Левина, 1971, рис. 59, 15]. Это дисковидные лепные крышки с С-образными или грибовидными ручками, зачастую украшенные различными видами вдавлений или проаппарным орнаментом. Аналогичные крышки представлены в керамических комплексах на территории центрального и южного Согда, которые связываются обычно с продвижением скотоводческих племен из областей нижнего и среднего течения Сырдарьи на запад и юго-запад [Кабанов, 1981, с. 22, рис. 13; Пугаченкова, 1989, рис. 47].

Таким образом, большая часть хорезмийских крышек не находит себе близких синхронных аналогий и прототипов в других областях Средней Азии. Лишь в Маргиане, а именно в Мерве, как уже отмечалось выше, найдены близкие по форме крышки, датированные первыми веками до н.э. Исключением являются крышки III типа, с которыми в определенной степени схожи бактрийские керамические крышки более позднего периода. Надо полагать, сегментовидные и округло-конические керамические крышки, которые появляются в низовьях Амударьи уже в середине I тысячелетия до н.э., следует считать типичными именно для древнехорезмийского керамического комплекса последней трети I тысячелетия до н.э.

Фляги. Эти сосуды довольно часто встречаются на хорезмийских памятниках IV–II вв. до н.э. На Калалы-гыр 2 они представлены также в значительном количестве. Это асимметричные сосуды с невысокой горловиной и полусферической или сильно уплощенной с одной стороны сферической туловом. Такая довольно сложная в техническом исполнении форма состояла из трех частей, формованных раздельно. По всей видимости, на плоских или сильно уплощенных, слегка вогнутых подкладных керамических дисках методом выдвигания формовалась плоская сторона фляги. В глубоком вогнутом диске изготавливалась выпуклая сторона тулова. После небольшой просушки эти части иногда при помощи дополнительного глиняного жгута соединялись между собой. Затем в одной из боковых сторон ножом вырезалось круглое отверстие, в которое вставлялась предварительно изготовленная на гончарном круге горловина. Она примазывалась изнутри. Следует заметить, что в процессе изготовления как плоской, так и выпуклой сторон фляги они подправлялись на гончарном круге.

По параметрическим признакам фляги Калалы-гыр 2 сильно разнятся между собой, максимальный диаметр тулова колеблется от 15 до 45 см. Однако выделить какие-либо интервалы, позволяющие выявить определенные типы по параметрическим признакам не представляется возможным. По морфологическим признакам, фляги Калалы-гыр 2 достаточно однотипны. Можно отметить некоторые различия в конфигурации венчиков, которые отличаются в деталях. У всех сосудов они утолщенные, в большей или в меньшей степени отогнуты наружу. По форме сечения они подразделяются на несколько видов:

- а) массивный округлый венчик в виде валика (рис. 3/14, 6–9);
- б) сильно отогнутый наружу, в незначительной степени утолщенный венчик с уплощенной внешней боковой поверхностью (рис. 3/14, 10–11);

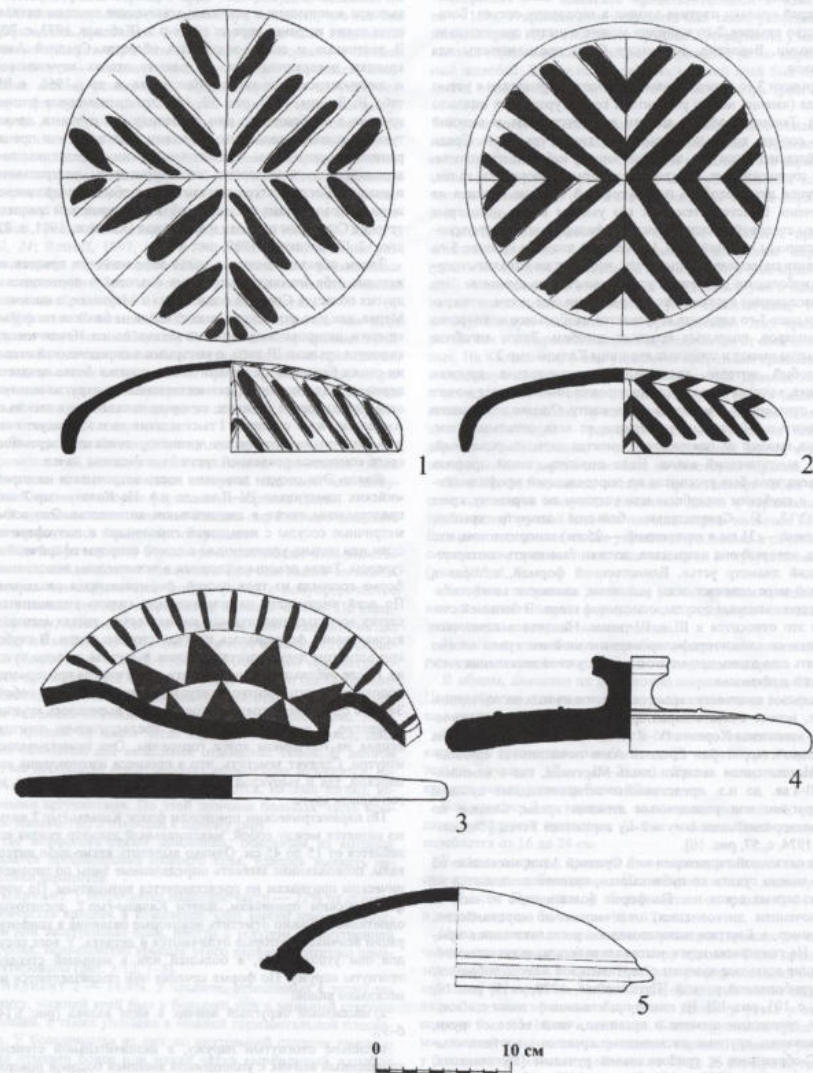

Рис. 3/13. Керамика 2-й группы. Крышки

Рис. 3/14. Керамика 2-й группы. Фляги

с) венчик в виде валика, нижний край которого оттянут вниз и в сторону, иногда со слабо выраженным желобком на внешней поверхности. Некоторые венчики этого вида приобретают форму округлого, кловоидного (рис. 3/14, 12–15).

Следует заметить, что несмотря на то что все флаги Калалы-гыр 2 кажутся однотипными по форме, что, собственно, объясняется назначением сосудов, они тем не менее довольно разнообразны, и различия эти заключаются в их декоративном оформлении.

По цвету ангоба можно выделить две разновидности этих сосудов — светлоангобированные и красноангобированные.

Среди флаг, покрытых светлым ангобом, встречаются как расписные (ил. 13, 18), так и не орнаментированные. Распис, как и на остальных сосудах хозяйственного назначения, производилась красной краской по светлому фону. На флагах представлены почти все упоминавшиеся уже декоративные элементы, за исключением, может быть, «деревьев». Декорировалась в основном выпуклая сторона сосуда, однако встречается роспись и на плоской стороне. Обращает на себя внимание тот факт, что если на флаге помещалась орнаментальная композиция, то центром ее практически во всех случаях являлся крест или крест в круге, вокруг которого располагались другие орнаментальные элементы — «спирали», «завитки», «потоки» и т.д. (рис. 3/14). В связи с этим следует особо подчеркнуть, что если рассматривать крышку как отдельную часть сосуда, который она закрывала, то в этом случае вид сверху на орнаментальную композицию на закрытых декорированных горшках практически полностью соответствует структуре орнамента на флагах. На семантику орнаментов хорезмийской керамики в связи с распространением в Хорезме культа Солнца ее образцы обращали внимание исследователи (см. [Рапопорт, 1971, с. 50–51]), и в этой главе мы не рассматриваем семантический смысл орнаментальных композиций. Этим вопросам посвящены другие разделы монографии. Весьма важно, на наш взгляд, подчеркнуть устойчивость системы построения орнамента вне зависимости от формы сосуда, но с учетом его функционального назначения, в данном случае хозяйственных сосудов. Это, надо полагать, свидетельствует о довольно устойчивой традиции, сформировавшейся на территории Хорезма во второй половине I тысячелетия до н.э.

Среди красноангобированных флаг выделяются два подвиды, один из которых является весьма значимым как иллюстрация мифологических представлений древних хорезмийцев. Речь идет о флагах с рельефами на плоской стороне. Эти сосуды не раз служили предметом исследования, и не только и не столько в работах, посвященных керамике [Кой-кырган-кала, 1967, 201–206; Рапопорт, 1977, с. 58–72]. По этой причине, на наш взгляд, нет необходимости еще раз подробно останавливаться на описании этих сосудов. Следует лишь заметить, что технология их изготовления ничем не отличалась от всех остальных, с той лишь разницей, что для отточки штампа использовались специальные подкладные диски [Вайнберг, 2000, с. 144–145].

Кроме красноангобированных флаг с рельефами в керамическом комплексе Калалы-гыр 2 представлены простые красноангобированные флаги. Обычно все они относительно небольших размеров и имеют наплывы на плечиках со сквозными вертикальными отверстиями. Наплывы могли быть в форме параллелепипеда или усеченной пирамиды, на некоторых сосудах отмечены наплывы в виде конуса. Утилитарное значе-

ние наплывов понятно — в них продевалась веревка. Следует заметить, что наплывы были на плечиках и некоторых крупных флагов, которые вряд ли могли продеваться и носить, именно поэтому в большинстве случаев в наплывах на крупных флагах отверстий нет и их можно рассматривать как дань традиции.

Назначение небольших красноангобированных флаг не вызывает сомнения — в них носили воду или вино на спине. Об этом красноречиво свидетельствует фрагмент рельефа, найденный на Кой-кырган-кале [Кой-кырган-кала, 1967, с. 205, рис. 79]. Самые маленькие флаги могли крепиться на поясе. Большие флаги использовались, по всей видимости, как емкости для транспортировки жидкостей или сыпучих продуктов на выючных животных. Именно поэтому роспись присутствует на крупных флагах.

На территории Средней Азии эта форма появляется не ранее IV в. до н.э. Следует заметить, что в южных сельскохозяйственных областях их находки единичны [Gardin, 1973, с. 32; Древнейшие государства..., 1985, табл. LXXIX, LXXX]. Дельтовые земельные области Южного Приаралья являются, пожалуй, единственными, где флаги являются неотъемлемой составляющей керамического комплекса второй половины I тысячелетия до н.э. Кроме Хорезма эти сосуды представлены в керамическом комплексе Чиркыратской культуры [Вайнберг, Левина, 1993, рис. 74б].

Третья группа (столовая посуда)

Вся посуда, отнесенная к этой группе, отличается хорошим качеством изготовления. Как уже отмечалось выше, для нее не характерна роспись. Большая часть сосудов покрыта красным ангобом, меньшая — совсем не ангобирована.

По цвету черепка, который целиком зависел от режима обжига, керамика третьей группы подразделяется на две подгруппы: красноглиняная и сероглиняная.

Первая подгруппа

К ней относится большинство сосудов третьей группы.

Первый отдел — открытые формы

К этому отделу относятся миски, чаши и кубки. Указанные формы традиционно выделяются в керамических комплексах Средней Азии, Хорезма в частности (см. [Воробьева, 1959, с. 110–117; Кой-кырган-кала, 1967, с. 108–112; Мамбетуллаев, 1986, с. 27–28; Яблонский, 1999, с. 25; Мандельштам, 1966, с. 92–97; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 144–155; Исаметдинов, Сулейманов, 1984, с. 23–24]. Вместе с тем в большинстве работ, посвященных классификации керамического материала, эти формы выделяются интуитивно и авторы зачастую не указывают четких критериев, по которым одна форма отличается от другой. В основном для отнесения сосудов к той или иной форме было достаточно лишь одного признака, чаще всего морфологического. Таковыми могли быть форма резервуара (см., например, [Мандельштам, 1966, с. 92–93; 1975, с. 46–47; Палаев, 1978, с. 36–37; 1989, с. 43–48]), наличие или отсутствие поддона или ножки, а также большая или меньшая степень их устойчивости. Последний критерий кажется весьма условным и в значительной степени субъективным (см., например, [Исаметдинов, Сулейманов, 1984, с. 24; Воробьева, Гертман, 1991, с. 51–52]). В то же время остальные признаки, например соотношения линейных

параметров, в большинстве исследований игнорировались. По этой причине схожие по объективным признакам и по своему функциональному назначению сосуды, например чаши, лишь по наличию или отсутствию одного из признаков могли быть отнесены к разным категориям столовой посуды. В то же время совершенно самостоятельные, на наш взгляд, формы, такие, как кубки и бокалы, лишь на основании наличия у них ножки рассматривались как различные типы одной формы (см., например, [Воробьева, 1959, с. 112–115; Мандельштам, 1966, с. 92 и далее; Литвинский, Седов, 1983, с. 138; 1984, с. 74–75]). Исключение составляют некоторые работы, посвященные развитию отдельных форм или группы форм керамики, где приводятся более или менее определенные параметрические критерии, по которым одна форма отличается от другой [Кабанов, 1964, с. 79–87; Шишкина, 1975, с. 60].

В ходе обработки керамического комплекса Калалы-гыр 2 для определения форм и выявления типов столовой посуды в первую очередь использовались соотношения параметрических признаков, кроме того, учитывались абсолютные показатели линейных параметров и морфологические особенности, присущие той или иной форме. Аналогичные показатели учитывались при проведении классификации керамики Даливерин-тепе [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, 144–157].

Для открытых форм основным формообразующим признаком является соотношение высоты резервуара сосуда и его максимального диаметра, который зачастую является одновременно и диаметром устья. Как это видно на корреляционном поле (табл. 5, рис. 3/31), такие линейные параметры находятся в прямой пропорциональной зависимости.

По указанным выше показателям довольно четко выделяются кубки — соотношение D_{\max} к $H = 1:1,3$; максимальный диаметр резервуара — 14–17 см, высота резервуара — 11–17 см. Заслуживает внимания тот факт, что эти пропорциональные соотношения сохраняются у всех без исключения кубков, даже если они относятся к различным типам и вариантам, выявленным по морфологическим признакам.

М.Г. Воробьева в керамическом комплексе «кангойского» периода Хорезма среди бокалов или кубков выделяла четыре варианта. Следует заметить, что если проводить классификацию с учетом пропорциональных показателей линейных параметров резервуара, то бокалы, по нашему мнению, отсутствуют в комплексе керамики Хорезма IV–II вв. до н.э. К ним относятся сосуды, у которых высота резервуара всегда превышает его максимальный диаметр, а у бокалов он всегда является диаметром устья. У большинства из них указанный выше показатель колеблется от 0,5 до 0,8–0,85. Мы рассматриваем бокалы как самостоятельную форму столовой посуды, надо полагать, возникшую в результате эволюционного развития древних кубков, но, как показывает анализ керамического материала южных областей Средней Азии, существовавшую параллельно с цилиндроконическими кубками на протяжении определенного отрезка времени (по всей видимости, в пределах I в. до н.э. — I в. н.э.). Наиболее широко они представлены в керамических комплексах этого времени именно южных областей — Бактрии, Согды, Парфии [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 146; Пилюк, 1985, с. 80; Литвинский, Седов, 1984, с. 219, табл. VI; Lyonnet, 2001].

В комплексе столовой посуды Калалы-гыр 2 выделяются три типа кубков. Основными признаками для их выделения послужили форма и соотношение линейных параметров резервуара, а также наличие или отсутствие у сосудов поддона.

Большинство кубков сформированы методом жгутового налета, о чем в свидетельствует характерное расположение частиц глины, зафиксированное в изломе придонной части сосудов (подробно об этом способе изготовления керамики см. [Бобринский, 1978]). Почти все сосуды с внешней и внутренней стороны покрыты плотным красным ангобом.

Тип I — наиболее многочисленный. К этому типу отнесены кубки усеченно-конической формы с более или менее выраженным перегибом стенок в верхней части, который подчеркивался одним или несколькими горизонтальными желобками и каннелюрами. Венчик сосудов не выделен. Верхний край округлый или немного заострен и в большей или меньшей степени отогнут наружу. Все сосуды имеют сравнительно неширокое массивное дно с вогнутой нижней частью. Последний признак является свидетельством того, что все кубки, во всяком случае их нижняя часть, после просушки обтачивались на гончарном круге. Надо полагать в процессе вторичной обработки посуды на круге использовались подставки, которые представляли собой стационарно закрепленные на плоскости три или четыре вертикально стоящие, округлые в сечении палочки. Это заключение основано на том, что на внутренней поверхности дна многих сосудов отчетливо видны округлые вмятины, расположенные относительно симметрично (рис. 3/26, 8–10, 12).

Практика вторичной обработки столовой посуды, прежде всего это относится к открытым формам, сохранялась в Средней Азии вплоть до середины XX столетия. Гончары Риштана (Ферганская долина) производили подрезку дна чаш на следующий день после их изготовления. На станок ставилась специальная болванка, на которую опрокидывалась чашка. Лезвие ножа сначала гладко срезало дно, а затем загнутым концом в процессе вращения подтачивалась его нижняя часть [Пешерева, 1959, с. 219–220]. Учитывая наши данные, можно предположить, что хорезмийские гончары в древности в качестве подставки использовали деревянные палочки и процесс вторичной обработки нижней части сосуда, видимо, мало отличался от того, что мы знаем по этнографическим данным. Весьма любопытен, на наш взгляд, тот факт, что следы деревянной подставки отмечены не на всех кубках, на которых зафиксированы следы вторичной обработки. Вполне возможно, что они использовались не во всех мастерских. В то время другие мастера могли обтачивать посуду на глиняных или каких-либо других гладких подставках. Если это предположение верно, то можно сделать вывод о том, что в керамическом комплексе Калалы-гыр 2 представлена продукция нескольких гончарных мастерских, удовлетворявших потребности этого культурного центра.

По соотношению отдельных линейных параметров кубки I типа подразделяются на два варианта.

К 1-му варианту относятся сосуды со сравнительно более высокой нижней частью (соотношение $H_2 : H = 0,72–0,82$) и относительно широким устьем по сравнению с диаметром дна. Вследствие этого сосуды кажутся более стройными (рис. 3/15, 1–7). Большинство кубков 1-го варианта имеют вогнутое дно.

Ко 2-му варианту отнесены кубки с относительно низкой придонной частью тулова (соотношение $H_2 : H = 0,63–0,68$) и сравнительно широким дном. Поэтому кубки второго варианта кажутся приземистыми (рис. 3/15, 8–12). Кроме того, почти все кубки 2-го варианта имеют плоское дно, а в отдельных случаях невысокий дисковидный поддон (рис. 3/15, 9–10).

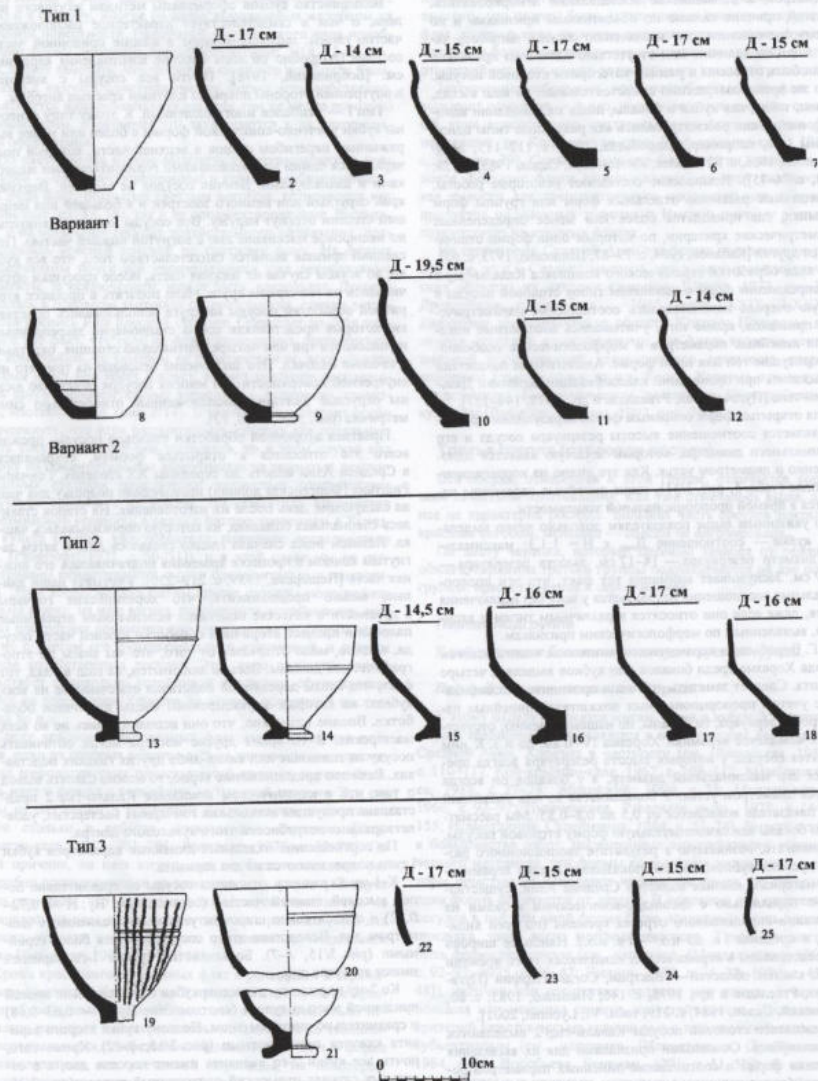

Рис. 3/15. Керамика 3-й группы. Кубки

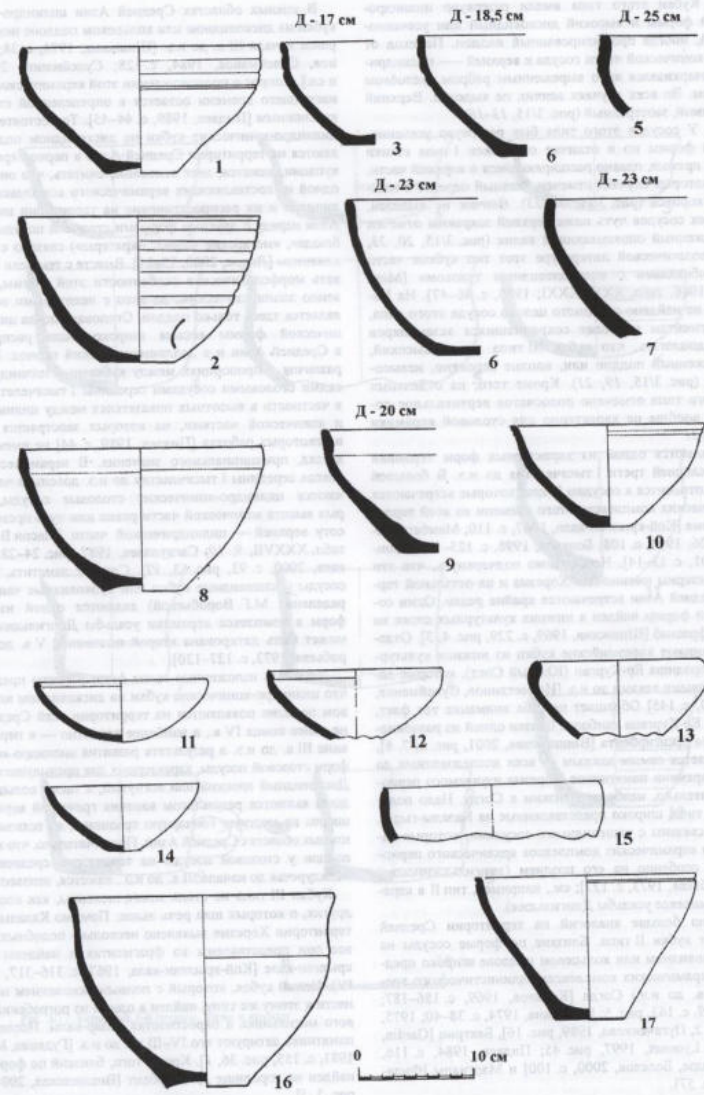

Рис. 3/16. Керамика 3-й группы. Типы чаш

Тип II. Кубки этого типа имели резервуар цилиндрической формы и высокий дисковидный или усеченно-конический, иногда профилированный поддон. Переход от нижней — конической части сосуда к верхней — цилиндрической подчеркивался явно выраженным ребром, желобком или валиком. Во всех случаях венчик не выделен. Верхний край — прямой, заостренный (рис. 3/15, 13–18).

Тип III. У сосудов этого типа был резервуар усеченно-конической формы но в отличие от кубков I типа стенки у них были прямые, плавно расширяющиеся в верхней части. Лишь в некоторых случаях отмечен плавный перегиб в нижней части корпуса (рис. 3/15, 19–25). Венчик не выделен. Почти у всех сосудов чуть ниже верхней закраины отмечен четко выраженный опоясывающий валик (рис. 3/15, 20, 23, 24). В археологической литературе этот тип кубков часто называют «бокалами с колоколовидным туловом» [Мандельштам, 1966, табл. XXX, XXXI; 1975, с. 46–47]. На Калалы-гър 2 не найдено ни одного целого сосуда этого типа, но по фрагментам наиболее сохранившихся экземпляров можно предположить, что кубки III типа имели высокий, четко выраженный поддон или, вполне вероятно, невысокую ножку (рис. 3/15, 19, 21). Кроме того, на отдельных сосудах этого типа отмечено полосчатое вертикальное лощение, что вообще не характерно для столовой керамики Калалы-гър 2.

Кубки являются одной из характерных форм керамики Хорезма последней трети I тысячелетия до н.э. В большей степени это относится к сосудам I типа, которые встречаются в археологических комплексах этого времени на всей территории Хорезма [Кой-крылган-кала, 1967, с. 110; Мамбетуллаев, 1986, с. 26; 1990, с. 108; Болелов, 1998, с. 125–127; Вишневецкая, 2001, с. 13–14]. Необходимо подчеркнуть, что эти сосуды характерны именно для Хорезма и на остальной территории Средней Азии встречаются крайне редко. Один сосуд подобной формы найден в нижних культурных слоях на городище Афрасиаб [Шишкина, 1969, с. 229, рис. 4, 3]. Отдаленно напоминают хорезмийские кубки из нижних культурных слоев городища Ер-Курган (Южный Согд), которые датируются первыми веками до н.э. [Исаметдинов, Сулейманов, 1984, рис. 60, с. 145] Обращает на себя внимание тот факт, что кубки из Ер-Кургана наиболее близки одной из разновидностей кубков Джигирбента [Вишневецкая, 2001, рис. 5, 7, 8], который является самым южным из всех исследованных до настоящего времени памятников Хорезма изучаемого периода и, следовательно, наиболее близким к Согду. Надо полагать, кубки I типа, широко представленные на Калалы-гър 2, генетически связаны с чашевидными сосудами, которые характерны для керамических комплексов архаического периода Хорезма, особенно на его подземе (дингильджинском) этапе [Воробьева, 1973, с. 127]; см., например, тип II в керамическом комплексе усадьбы Дингильдже).

Значительно больше аналогий на территории Средней Азии находят кубки II типа. Близкие по форме сосуды на плоском дисковидном или кольцевом поддоне широко представлены в керамических комплексах эллинистического времени (III–II вв. до н.э.) Тогда [Кабанов, 1969, с. 186–187; Немцова, 1969, с. 163, рис. 5; Шишкина, 1974, с. 38–40; 1975, с. 60–78, рис. 2; Пугаченкова, 1989, рис. 16]. Бактрин [Gardin, 1973, с. 142; Lyonnet, 1997, рис. 45; Пандаев, 1984, с. 116, рис. 2; Ртвеладзе, Болелов, 2000, с. 100] и Маргяны [Филанович, 1974, с. 57].

В южных областях Средней Азии цилиндрические кубки на дисковидном или кольцевом поддоне появляются не ранее начала III в. до н.э. [Шишкина, 1974, с. 38; Исаметдинов, Сулейманов, 1984, с. 128; Сулейманов, 2000, с. 164 и сл.]. Вопрос о происхождении этой керамической формы до настоящего времени остается в определенной степени дискуссионным [Пандаев, 1989, с. 44–45]. То обстоятельство, что цилиндрические кубки на дисковидном поддоне появляются на территории Средней Азии в период греческой оккупации, кажется, дает основание считать, что они являются одной из составляющих керамического комплекса эпохи эллинизма и их распространение на территории юга Средней Азии наряду с другими формами столовой посуды («рыбные блюда», «мегарские чаши», «кратеры») связано с греческим влиянием [Лионе, 2000, 75–81]. Вместе с тем если рассматривать морфологические особенности этой формы, то собственно эллинистическим, да и то с некоторыми оговорками, является здесь только поддон. Столовая посуда цилиндрической формы весьма широко распространена в Средней Азии и в доэллинистический период. Некоторые различия в пропорциях между кубками и цилиндрическими столовыми сосудами середины I тысячелетия до н.э., в частности в высотных показателях между цилиндрической и конической частями, на которых заостряется внимание в некоторых работах [Пандаев, 1989, с. 44] не имеют, на наш взгляд, принципиального значения. В керамических комплексах середины I тысячелетия до н.э. довольно часто встречаются цилиндрические столовые сосуды, у которых высота конической части равна или чуть превышает высоту верхней — цилиндрической части [Масон В.М., 1959, табл. XXXVII, 9, 10; Сагдуллаев, 1987, рис. 24–28; Шайдуллаев, 2000, с. 93, рис. 63, 1/]. Следует заметить, что такие сосуды («чашевидные кубки или кубковидные чаши» — определение М.Г. Воробьевой) являются одной из ведущих форм в комплексе керамики усадьбы Дингильдже, которая может быть датирована второй половиной V в. до н.э. [Воробьева, 1973, с. 127–130].

Учитывая изложенные выше факты, можно предполагать, что цилиндрические кубки на дисковидном или кольцевом поддоне появляются на территории всей Средней Азии не ранее конца IV в., а наиболее вероятно — в первой половине III в. до н.э. в результате развития цилиндрических форм столовой посуды, характерных для предыдущего периода. Дисковидный плоский или вогнутый, а также кольцевой поддон являются результатом влияния греческой керамической школы на местную гончарную традицию, во всяком случае в южных областях Средней Азии. Примечательно, что кольцевой поддон у столовой посуды на территории среднеазийского Междуречья до начала III в. до н.э., кажется, неизвестен.

Кубки III типа не столь многочисленны, как сосуды двух других, о которых шла речь выше. Помимо Калалы-гър 2 на территории Хорезма выявлено несколько подобных сосудов, все они представлены во фрагментах и найдены на Кой-крылган-кале [Кой-крылган-кала, 1967, с. 316–317, табл. III–IV]. Целый кубок, который с полным основанием можно отнести к этому же типу, найден в одном из погребений грунтового могильника в окрестностях Базар-калы. Исследователи памятника датируют его IV–III вв. до н.э. [Гулдова, Маньшлов, 1981, с. 155, рис. 36, 1]. Кроме того, близкий по форме кубок найден на городище Джигирбент [Вишневецкая, 2001, с. 134, рис. 5, 5].

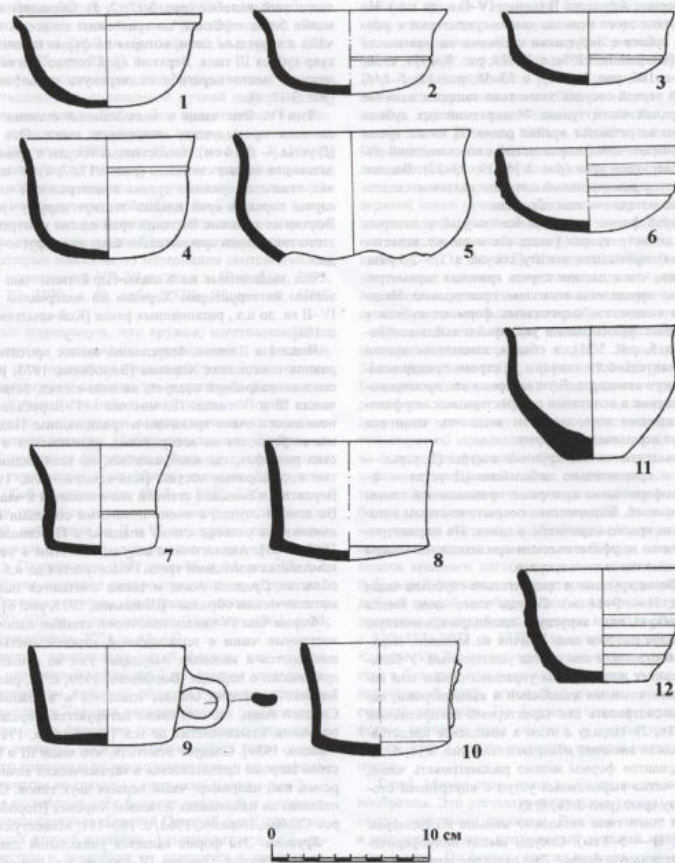

Рис. 3/17. Керамика 3-й группы. Чаши и кружки

Как уже отмечалось выше, близкие по форме сосуды были широко распространены в южных областях Средней Азии, прежде всего в Бактрии, где они называются «бокалами с колоколовидным туловом» и датируются не позднее рубежа н.э. [Литвинский, Седов, 1984, с. 73–76]. В Согде — наиболее красноречиво об этом свидетельствуют материалы из нижних слоев Афрасиаба — сходные по форме сосуды появляются уже в период Афрасиаб II (конец IV–II вв. до н.э.). На определенном этапе этого периода они сосуществуют с ранними формами кубков с округлыми стенками на маленьком плоском днище [Шишкина, 1969а, с. 72–73, рис. 7; 1974, с. 38; Кабанов, 1969, с. 186, рис. 3; 1973, с. 53–58, рис. 12, 1–3, 6, 9]. Характерной чертой сосудов этого типа является наличие желобков в верхней части тулова. У хорезмийских кубков III типа желобки встречаются крайне редко. В то же время почти все они имеют четко выраженный опоясывающий валик чуть ниже верхнего края (рис. 3/15, 19, 23–25). Вполне возможно, что этот декоративный элемент является следствием подражания металлическим образцам.

Чашы — к этой форме отнесены все сосуды, у которых максимальный диаметр тулова (чаще всего он же является диаметром устья) превышает высоту сосуда в 1,5–2,5 раза. Следует заметить, что в данном случае границы параметрического признака определены несколько произвольно. Наличие некоторого количества переходных форм от кубков к чашам, выявленных на основании указанного выше соотношения (см. табл. 5, рис. 3/31), в общем, свидетельствует о том, что в действительности Гончары не строго придерживались определенного стандарта. В то же время это пропорциональное соотношение в сочетании с характерными морфологическими признаками позволяет нам выделить чашы как самостоятельную керамическую форму.

Среди чаш выделяются как крупные сосуды (Д устья — 22–25 см), так и сравнительно небольшие (Д устья — 8–10 см). Все они сформованы из хорошо промытой глины без видимых примесей, большинство покрыто плотным ангобом красного или красно-коричневого цвета. По параметрическим и отчасти по морфологическим признакам мы можем выделить несколько типов этих сосудов.

Тип I — наиболее крупные и сравнительно глубокие чашы (Д — 19–24 см, Н — 9–14 см). Сосуды этого типа имели усеченно-коническую или округлую цилиндрико-коническую форму и небольшое плоское дно. Венчик не выделен. Верхний край прямой округлый или слегка уплощенный. У большинства чаш верхняя часть тулова украшена одним или несколькими горизонтальными желобками и каннелюрами, которые можно рассматривать как характерный декоративный признак (рис. 3/16, 2). Наряду с этим в комплексе представлены чашы с гладкой внешней поверхностью (рис. 3/16, 6, 7). Как один из вариантов формы можно рассматривать чашы, которые имеют четко выраженный уступ с внутренней стороны по верхнему краю (рис. 3/16, 8, 9).

Тип II. Чашы этого типа несколько меньше по размерам (Д — 13–17 см, Н — 5–7 см). Сосуды имели полусферическую или сегментовидную форму. Дно округлое или округло-уплощенное. Венчик не выделен, верхний край — прямой, округлый в верхней части, в некоторых случаях — уплощенный. У отдельных сосудов с внутренней стороны по верхнему краю отмечен четко выраженный уступ. Вполне возможно, что эти сосуды также можно рассматривать как один из вариантов чаш II типа (рис. 3/16, 11–15).

Тип III — небольшие тонкостенные, сравнительно глубокие чаши, которые имели полусферической формы тулово и округлое или округло-уплощенное дно. Венчик не выделен. Верхний край сосудов слегка заострен и в большей или в меньшей степени отогнут наружу. У большинства чаш этого типа с внешней стороны в месте максимального расширения тулова или чуть ниже его имеется горизонтальный опоясывающий желобок (рис. 3/17, 2, 3). Обращает на себя внимание более глубокая, по сравнению со всеми остальными, чаша с округлым дном, которая по форме напоминает резервуар кубков III типа. Верхний край сосуда слегка отогнут наружу, а место перегиба подчеркнуто рельефным валиком (рис. 3/17, 4).

Тип IV. Эти чаши в значительной степени отличаются от всех предыдущих, описанных выше. Это небольшие (Д устья — 8–10 см) тонкостенные сосуды с прямыми, расходящимися от дна стенками (рис. 3/17, 7, 8). У некоторых из них отмечено сужение тулова в центральной части, в этом случае верхний край плавно отогнут наружу (рис. 3/17, 7). Венчик не выделен. Верхний край слегка заострен. Все чаши этого типа имели сравнительно широкое округло-уплощенное дно.

Все выделенные на Калалы-гыр 2 типы чаш хорошо известны на территории Хорезма по материалам памятников IV–II вв. до н.э., раскопанных ранее [Кой-кыргыган-кала, 1967, с. 108].

Чашы I и II типов, безусловно, имеют прототипы в более ранних комплексах Хорезма [Воробьева, 1973, рис. 38]. Несколько подробнее следует, на наш взгляд, остановиться на чашах III и IV типов. По мнению М.Г. Воробьевой, эти разновидности очень архаичны и традиционны. Подобные формы встречаются на ассирийских, вавилонских и персепольских рельефах, где изображались, по всей видимости, золотые и серебряные сосуды [Кой-кыргыган-кала, 1967, с. 108]. Вероятно, в большей степени это относится к чашам III типа. Во всяком случае, с очень похожими сосудами изображены даники на рельефе стены аплады в Персеполе [Лукин, 1977, с. 65]. Аналогичные сосуды известны в керамических комплексах последней трети I тысячелетия до н.э. и в южных областях Средней Азии и также считаются подражаниями металлическим образцам [Шишкина, 1975, рис. 6].

Форма чаш IV типа в некоторой степени напоминает тонкостенные чаши с подкошенной нижней частью, которые появляются в низовьях Амударьи уже на финальном этапе архаического периода [Воробьева, 1959, с. 73, рис. 4, 16, 17]. Близкие по форме сосуды известны и в южных областях Средней Азии, где они также датируются в пределах второй половины I тысячелетия до н.э. [Сагдуллаев, 1989, с. 42–43; Массон, 1959]. Следует отметить, что чаши III и IV типов не столь широко представлены в керамических комплексах Хорезма, как, например, чаши первых двух типов. Они пока не найдены на памятниках Южного Хорезма [Воробьева, Ламиров-Скобло, Неразик, 1963, с. 180–181; Мамбетуллаев, 1986].

Кружки. Эта форма является уникальной для керамических комплексов Хорезма IV–II вв. до н.э. Все сосуды (надо сказать, весьма многочисленные) сформованы на гончарном круге из хорошо промытой глины без видимых примесей. Снаружи они покрыты плотным красно-коричневым ангобом. По форме тулова кружки полностью аналогичны чашам IV типа. Пластинчатая в сечении, кольцевидная ручка крепилась в нижней части корпуса (рис. 3/17, 9, 10).

Следует заметить, что эта форма была известна хорезмийским гончарам в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. Лепная кружка с почти цилиндрическим высоким туловом и округлым уплощенным дном и боковой петлевидной ручкой была найдена в одном из подбойных захоронений могильника Сакар-чага I. Сосуд изготовлен из плохо промытой глины с примесью дресвы и шамота. Примечательно, что кружка найдена вместе с усеченно-коническими кубками (I тип, согласно приведенной выше классификации). Весь комплекс датируется IV–II вв. (возможно, I в.) до н.э. [Яблонский, 1999, с. 25, рис. 23, 9].

Небольшие цилиндрические или горшковидные сосуды с одной вертикально расположенной ручкой найдены в погребальных памятниках на Узбое. Они представлены в археологическом комплексе культового центра и могильника Ичильдепе [Юсупов, 1986, рис. 42, 33; рис. 45, 3]. Ни по морфологическим, ни по технологическим признакам упомянутые выше сосуды не похожи на кружки из Калалы-гыр 2. По всей видимости, кружки, найденную на Сакар-чаге I, следует рассматривать как развитие или позднюю реплику кружек и лепных горшков с одной расположенной вертикально ручкой, которые известны по материалам скотоводческих поселений и могильников VII–VI вв. до н.э. [Вайнберг, 1975, рис. 15, 71, 72; 1979, с. 40, табл. XXIII; Яблонский, 1996, с. 29–30].

Необходимо подчеркнуть, что кружки, изготовленные на гончарном круге, несомненно являющиеся столовыми, в культурном слое поселений последней трети I тысячелетия до н.э. до настоящего времени на территории Хорезма не встречались. Кружки или небольшие сосуды, которые называют «кружками», встречаются в археологических комплексах более позднего времени. Небольшие лепные, горшковидные сосуды с покатыми плечиками найдены в слоях среднего и верхнего горизонтов Кой-кыргыган-калы и датируются I–IV вв. н.э. [Кой-кыргыган-кала, 1967, с. 128]. К более позднему периоду относятся горшочки с одной ручкой, иногда с зооформой, найденные во II и III культурных слоях городища Топрак-кала, которые датируются в пределах конца III — VI вв. н.э. [Топрак-кала, 1981, рис. 44, 4, 13; рис. 47, 1, 3, 14, 45]. Наиболее широкое распространение на территории Хорезма собственно кружек отмечается несколько позже, а именно в VI–VIII вв. н.э. и позднее [Неразик, 1961, с. 33; 1966, с. 38; Вишневская, 2001, с. 43–44].

Надо полагать, присутствие такой формы, как кружка, в комплексе керамики Калалы-гыр 2 не следует считать характерным признаком, каким-то образом присутствующим керамическому комплексу Хорезма последней трети I тысячелетия до н.э. в целом. Эта форма не получила своего развития в последующие периоды, так как упоминавшиеся выше сосуды более позднего времени и по технологическим и по морфологическим признакам не связаны с кружками Калалы-гыр 2.

Эта форма не находит себе близких аналогий и в керамических комплексах южных областей Средней Азии, где кружки в комплексах второй половины I тысячелетия до н.э., кажется, неизвестны и появление их отнесено к первым векам н.э. [Литвинский, 1973, с. 97–106; Литвинский, Седов, 1984, с. 77; Lyonet, 1997, табл. 65]. Единственным регионом, где такие сосуды найдены в культурных слоях и погребениях, датированных первыми веками до н.э., являются области нижнего и среднего течения Сырдарьи — территория распространения Джетыясарской, Каучинской и Оттарско-

Каратаусской культур. Кружки являются одной из ведущих керамических форм в составе погребального инвентаря могильника Кос-Асар 2 (Джетыясарская культура), большая часть захоронений которого датируется IV–II вв. до н.э. [Левина, 1993, с. 76]. Здесь помимо сосудов с шаровидным туловом и высоким цилиндрическим горлом, типичных для раннеасарского керамического комплекса [Левина, 1971, рис. 15], найдены кружки с прямыми, слегка расширяющимися стенками и кольцевидными ручками, которые по форме отчасти близки кружкам из Калалы-гыр 2. Появление этой разновидности кружек исследователем Джетыясарских могильников Л.М. Левина связывает с проникновением в низовья Сырдарьи новых групп населения. Возможно, речь идет об определенных группах юзджийского, хунинского и угро-самодийского этноса [Левина, 1993, с. 65, 76 и далее; 1996, с. 373]. Обращает на себя внимание тот факт, что на ручках отдельных джетыясарских кружек были прямоугольные или овальные в плане горизонтальные штипки, располагавшиеся на верхней части ручки. Эта деталь наряду с низко посаженной кольцевидной ручкой обычно трактуется как признак подражания металлическим образцам [Маршак, 1961, с. 188–189; Литвинский, 1973, 114–115]. У кружек из Калалы-гыр 2 верхний штичок или «листик» отсутствует, однако низко посаженная петлевидная ручка дает основание говорить о возможном существовании металлического образца для этой формы.

Миски. К этой форме отнесены крупные, сравнительно невысокие толстостенные сосуды. Диаметр устья — 22–35 см, соотношение $D_{\text{уст.}} : H$ равно 2,8–3,5 (рис. 3/31, табл. 5). Большинство сосудов этой формы имеют сравнительно широкое плоское дно. Кроме того, в комплексе присутствует некоторое количество мисок с округлым дном, что свидетельствует об использовании специальной выгнутой подставки в процессе формовки. Почти все сосуды сформованы из хорошо промытой глины с незначительными примесями тщательно измельченного пережженного гипса. Снаружи большинство мисок не имеют ангоба, лишь у некоторых из них отмечен светлый ангоб-обмазка. Изнутри почти все они покрыты плотным красным ангобом, у некоторых сосудов полоса красного ангоба покрывала верхний край снаружи. В большей степени это характерно для крупных сосудов. Подобный способ ангобирования можно рассматривать как продолжение традиций предыдущего периода [Воробьева, 1958, с. 320–337; 1973, с. 123]. Характерной особенностью мисок Калалы-гыр 2 помимо пропорциональных показателей является в большей или в меньшей степени утолщенный профилированный край, который с полным основанием можно считать венчиком. По форме тулова, в первую очередь по форме верхнего края сосудов, в керамическом комплексе Калалы-гыр 2 можно выделить несколько типов и вариантов мисок.

Тип I. Миски этого типа наиболее многочисленны и разнообразны. Это усеченно-конические сосуды с прямыми или слегка округлыми стенками. Все они имеют в большей или в меньшей степени утолщенный верхний край, который загнут внутрь. По форме сечения венчика можно выделить три разновидности этих сосудов.

Вариант 1 — венчик утолщенный, загнутый внутрь, округлый или уплощенный в верхней плоскости (рис. 3/18, 1–3, 7–9).

Вариант 2 — массивный округлый венчик в виде угла. Верхний край сосуда загнут внутрь (рис. 3/18, 4, 10, 11).

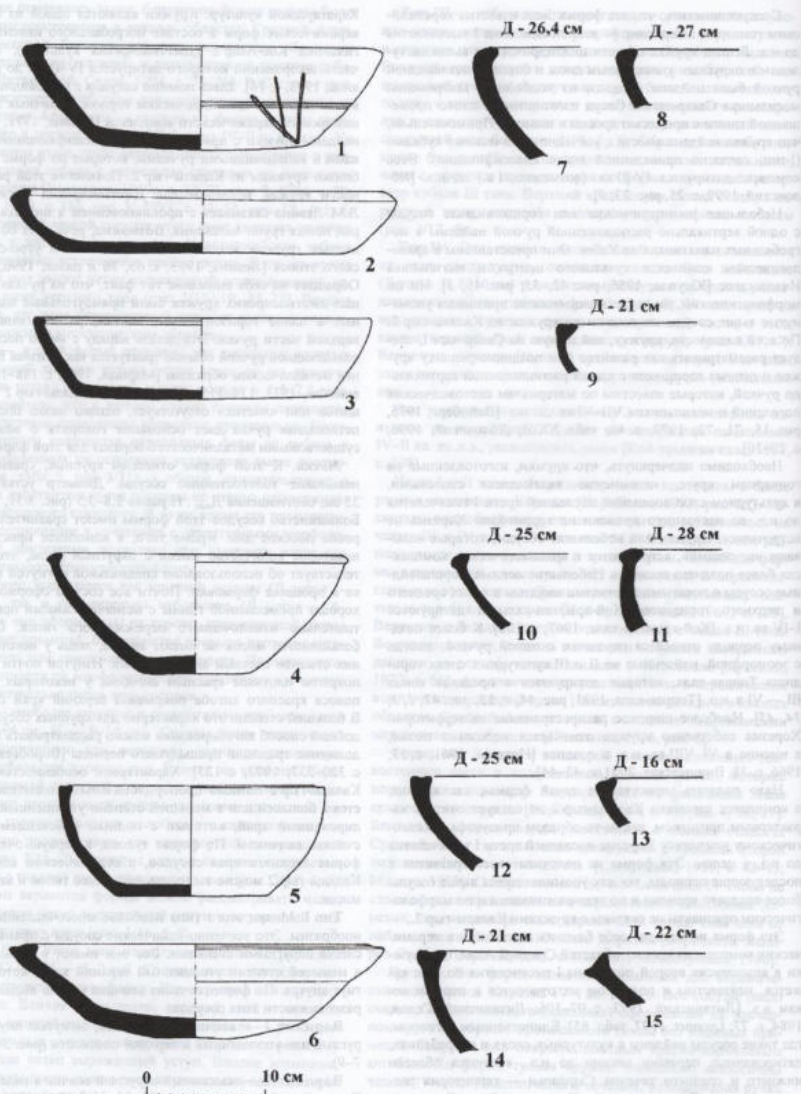

Рис. 3/18. Керамика 3-й группы. Типы мисок

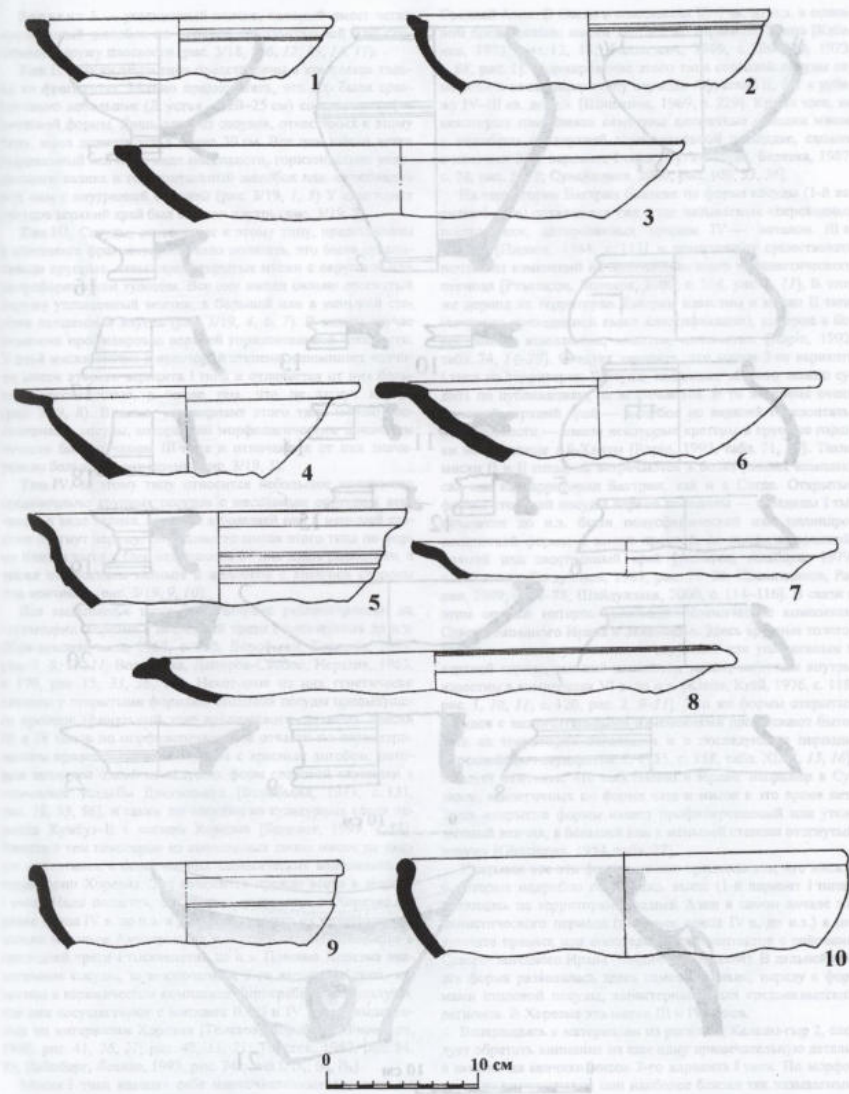

Рис. 3/19. Керамика 3-й группы. Типы мисок

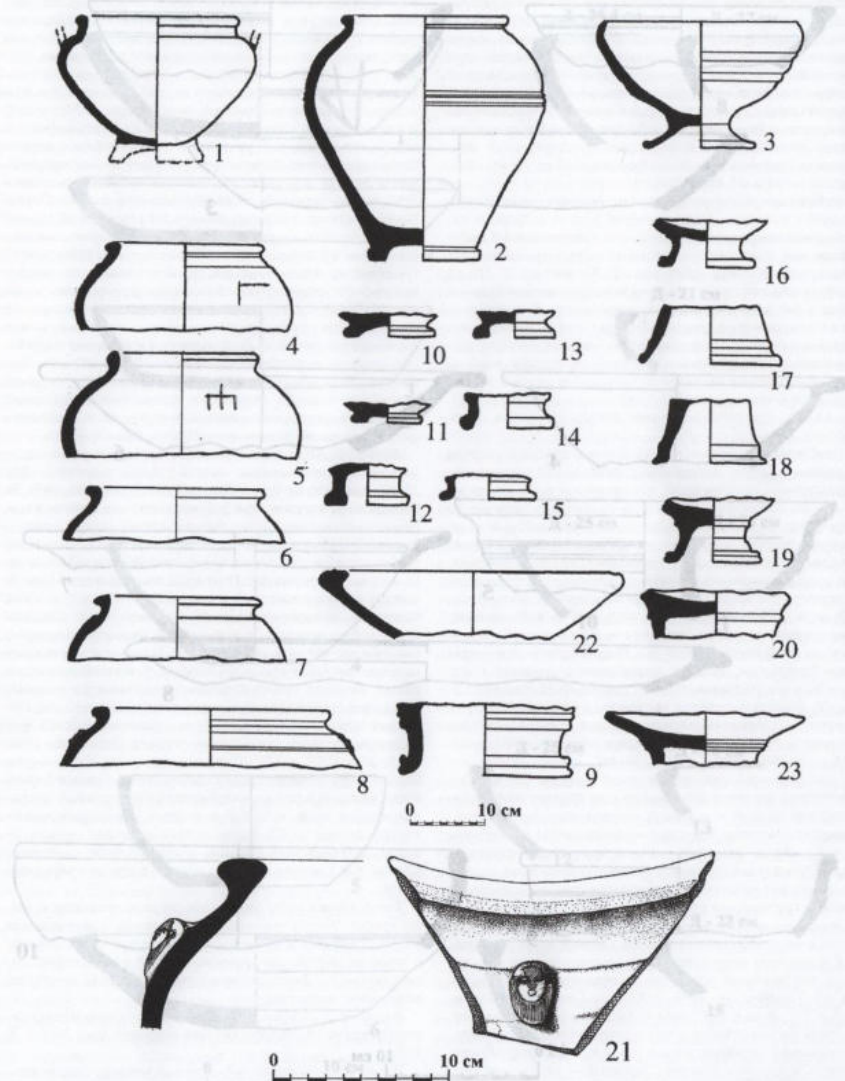

Рис. 3/20. Керамика 3-й группы. Кратеры

Вариант 3 — утолщенный венчик, который имеет четко выраженный желобок по верхней горизонтальной или скошенной наружу плоскости (рис. 3/18, 5, 6, 12, 13, 14, 15).

Тип II. Миски этого типа представлены в комплексе только во фрагментах. Можно предполагать, что это были сравнительно небольшие (Д устья — 20–25 см) сосуды полусферической формы. Лишь один из сосудов, отнесенных к этому типу, имел диаметр устья более 30 см. Все они имели четко выраженный венчик в виде массивного, горизонтально уплощенного валика и горизонтальный желобок или «ложбинку» под ним с внутренней стороны (рис. 3/19, 1, 3) У некоторых сосудов верхний край был скошен внутрь (рис. 3/19, 2).

Тип III. Сосуды, отнесенные к этому типу, представлены в комплексе фрагментарно. Надо полагать, это были сравнительно крупные, невысокие открытые миски с округлым или полусферическим туловом. Все они имели сильно отогнутый наружу уплощенный венчик, в большей или в меньшей степени скошенный внутрь (рис. 3/19, 4, 6, 7). В одном случае отмечена профилировка верхней горизонтальной плоскости. У этой миски венчик в некоторой степени напоминает венчики мисок второго варианта I типа и отличается от них большей массивностью, а также тем, что не загнут внутрь (рис. 3/19, 8). Видимо, как вариант этого типа можно рассматривать сосуды, которые по морфологическим признакам отчасти близки чашам III типа и отличаются от них значительно большими размерами (рис. 3/19, 5).

Тип IV. К этому типу относится небольшое количество сравнительно крупных сосудов с массивным округлым венчиком в виде валика, который в большей или в меньшей степени отогнут наружу. Большинство мисок этого типа по форме близки тагора. Они отличаются от них лишь размерами, а также отсутствием валиков и желобков с внешней стороны под венчиком (рис. 3/19, 9, 10).

Все выделенные типы были широко распространены на территории Хорезма в последней трети I тысячелетия до н.э. [Кой-крылган-кала, 1967, с. 110; Воробьева, Гертман, 1991, рис. 5, 8, 10, 11; Воробьева, Лапиров-Скоблов, Неразик, 1963, с. 179, рис. 13, 33, 36, 37]. Некоторые из них генетически связаны с открытыми формами столовой посуды предыдущего времени (финальный этап архаического периода). Миски III и IV типов по морфологическим и отчасти по параметрическим признакам близки мискам с красным ангобом, которые являются одной из ведущих форм столовой керамики в комплексе усадьбы Дингильдже [Воробьева, 1973, с. 131, рис. 38, 55, 56], и таким же сосудам из культурных слоев периода Хумбуз-II в южном Хорезме [Болелов, 1999, с. 88]. Вместе с тем некоторые из выделенных типов мисок не имеют прототипов в более ранних керамических комплексах на территории Хорезма. Это относится прежде всего к мискам I типа. Надо полагать, эта форма появляется в Хорезме не ранее конца IV в. до н.э. и распространяется на территории не только низовьев Амударьи, но и всего Южного Приаралья в последней трети I тысячелетия до н.э. Помимо Хорезма аналогичные сосуды, за исключением 3-го варианта I типа, известны в керамическом комплексе Чирикратской культуры, где они сосуществуют с мисками II, III и IV типов, выделенных по материалам Хорезма [Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, рис. 41, 26, 27; рис. 42, 13, 21; Толстов, 1962, рис. 84, 95; Вайнберг, Левина, 1993, рис. 74г, тип I, В₁, В₂, В₃].

Миски I типа находят себе многочисленные аналоги не только в Южном Приаралье, но и на остальной территории

Средней Азии. В Согде в комплексах III–I вв. до н.э. в основном представлены миски 1-го и 2-го вариантов I типа [Кабанов, 1973, рис. 12, 13; Филианович, 1969, с. 206–220; 1973, с. 88, рис. 1]. Формирование этого типа столовой посуды относится к началу периода Афрасиаб II, т.е. к рубежу IV–III вв. до н.э. [Шишкина, 1969, с. 229]. Кроме того, на некоторых памятниках отмечены единичные находки мисок с желобком по верхней горизонтальной плоскости, схожих с мисками 3-го варианта I типа [Пугаченкова, Бельева, 1987, с. 78, рис. 5, 13; Сулейманов, 2000, рис. 100, 35, 36].

На территории Бактрии близкие по форме сосуды (1-й вариант I типа) появляются уже в так называемых «переходных комплексах», датированных концом IV — началом III в. до н.э. [Пислав, 1984, с. 113] и продолжают существовать почти без изменений на протяжении всего эллинистического периода [Ртвеладзе, Болелов, 2000, с. 104, рис. 2, 11]. В этот же период на территории Бактрии известны и миски II типа (согласно приведенной выше классификации), которые в более ранних комплексах, кажется, неизвестны [Рапир, 1992, табл. 74, 14–20]. Следует заметить, что миски 3-го варианта I типа на территории Бактрии, насколько об этом можно судить по публикациям, не встречаются. В то же время очень похожий верхний край — желобок по верхней горизонтальной плоскости — имели некоторые кратеры и крупные горшки на городище Ай-Ханум [Рапир, 1992, табл. 71, 59]. Такие миски (I и II типы) не встречаются в более ранних комплексах как на территории Бактрии, так и в Согде. Открытые формы столовой посуды первой половины — середины I тысячелетия до н.э. были полусферической или цилиндрикоконической формы и имели простой, не профилированный, прямой или заостренный край [Аскаров, Альбаум, 1979, с. 107 и сл.; Сагдуллаев, 1987, рис. 26–28; Исамитдинов, Рапен, 1999, с. 68–78; Шайдуллаев, 2000, с. 114–116]. В связи с этим особый интерес вызывают керамические комплексы Северо-Западного Ирана и Закавказья. Здесь крупные толстостенные миски с утолщенным округлым или уплощенным в верхней горизонтальной плоскости краем, загнутым внутрь, известны в комплексах VI в. до н.э. [Kleiss, Kroll, 1976, с. 118, рис. 1, 10, 11; с. 120, рис. 2, 9–11]. Эти же формы открытых сосудов с незначительными изменениями продолжают бытовать на территории Закавказья и в последующие периоды [Древнейшие государства..., 1985, с. 158, табл. XLIV, 15, 16]. Следует отметить, что собственно в Иране, например в Сузиане, аналогичных по форме чаш и мисок в это время нет. Здесь открытые формы имеют профилированный или утолщенный венчик, в большей или в меньшей степени отогнутый наружу [Girschman, 1954, табл. 37].

Учитывая все эти факты, можно предполагать, что миски, о которых подробно говорилось выше (1-й вариант I типа), появились на территории Средней Азии в самом начале эллинистического периода (не ранее конца IV в. до н.э.) в результате прямых или опосредованных контактов с районами Северо-Западного Ирана (Мидия-Атропатена). В дальнейшем эта форма развивалась здесь самостоятельно, наряду с формами столовой посуды, характерными для среднеазиатских регионов. В Хорезме это миски III и IV типов.

Возвращаясь к материалам из раскопок Калапы-гыр 2, следует обратить внимание на еще одну примечательную деталь, а именно на венчики мисок 2-го варианта I типа. По морфологическим признакам они наиболее близки так называемым Т-образным венчикам, которые хорошо известны в комплексах

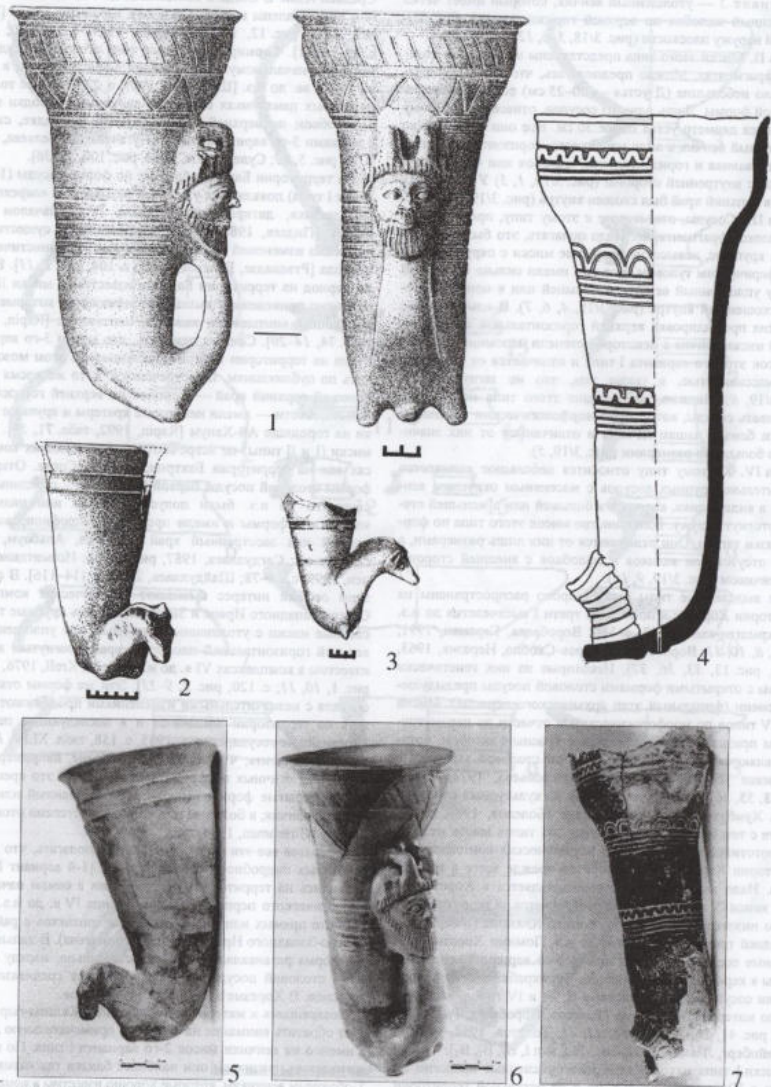

Рис. 3/21. Керамика 3-й группы. Ригоны I типа

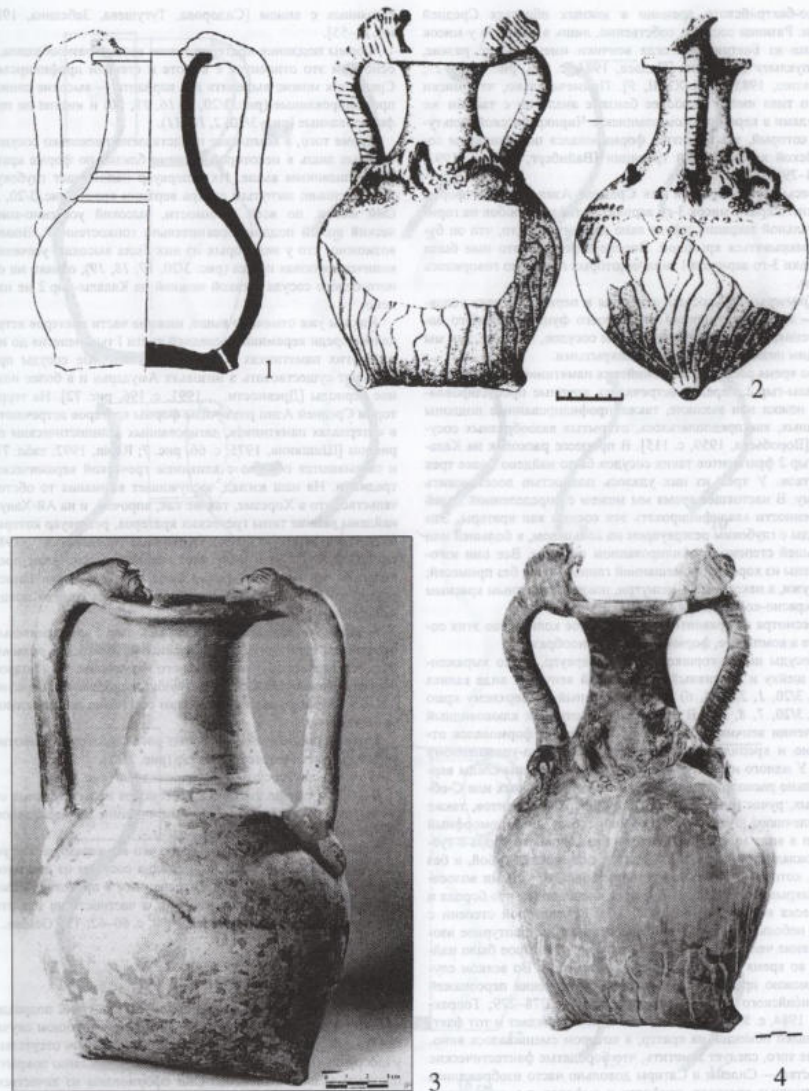

Рис. 3/22. Керамика 3-й группы. Ригоны II типа

греко-бактрийского времени в южных областях Средней Азии. Разница состоит, собственно, лишь в том, что у мисок и чаш из Бактрии и Согды венчики имеют более резкие, «выпуклые» очертания [Пидаев, 1984, с. 116, рис. 2, 24–27; Пилипо, 1985, табл. XXIII, 9]. Примечательно, что миски этого типа имеют наиболее близкие аналогии с такими же сосудами в керамическом комплексе Чиркиратской культуры, который, как известно, формировался под влиянием согдийской керамической традиции [Вайнберг, Левина, 1993, с. 78–79].

Весьма своеобразной для Средней Азии является форма верхнего края у мисок 3-го варианта I типа. Желобок на горизонтальной закраине сосуда явно рассчитан на то, что он будет закрываться крышкой. Вполне вероятно, что ими были крышки 3-го варианта I типа, о которых подробно говорилось выше.

Кратеры. Эти сосуды отнесены к первому отделу условно — в большей степени из-за своего функционального назначения, нежели исходя из формы сосудов, которые, как мы увидим ниже, скорее являются закрытыми.

Во время раскопок хорезмийских памятников, синхронных Калалы-гър 2, нередко встречались крупные профилированные ножки или высокие, также профилированные поддоны крупных, как предполагалось, открытых вазообразных сосудов [Воробьева, 1959, с. 115]. В процессе раскопок на Калалы-гър 2 фрагментов таких сосудов было найдено более трех десятков. У трех из них удалось полностью восстановить форму. В настоящее время мы можем с определенной долей уверенности квалифицировать эти сосуды как кратеры. Это сосуды с глубоким резервуаром на кольцевом, в большей или меньшей степени профилированном поддоне. Все они изготовлены из хорошо промешанной глины, почти без примесей; снаружи, а некоторые — изнутри, покрыты плотным красным или красно-коричневым ангобом.

Несмотря на сравнительно небольшое количество этих сосудов в комплексе, форма их была разнообразна.

Сосуды имели горшковидный резервуар, четко выраженную шейку и массивный утолщенный венчик в виде валика (рис. 3/20, 1, 2, 4, 5, 6) или утолщенный по верхнему краю (рис. 3/20, 7, 8, 21). В одном случае отмечен клововидный в сечении венчик. Во всех случаях поддон формировался отдельно и крепился к округлому или округло-уплощенному дну. У одного из кратеров на плечиках отмечены следы вертикально расположенных, возможно кольцевидных или С-образных, ручек (рис. 3/20, 1). На одном из фрагментов, также на плечиках, чуть ниже горловины был антропоморфный напел в виде мужской (?) головы без головного убора с густой окладистой бородой, выбригой под нижней губой, и без усов, которая охватывает весь овал лица, и густыми волосами, закрывающими лоб. Создается впечатление, что борода и прическа накладные (рис. 3/20, 21). В некоторой степени с этим небольшим напелом можно сравнить скульптурное изображение человека в маске или ряженого, которое было найдено во время раскопок дворца Топрак-кала. Во всяком случае, можно предполагать, что это изображения персонажей дionисийского культа [Рапопорт, 1978, с. 278–279; Топрак-кала, 1984, с. 80]. Это, в частности, подтверждает и тот факт, что напел помещен на кратер, в котором смешивалось вино. Кроме того, следует заметить, что бородастые фантастические существа — Силены и Сатиры довольно часто изображались на античных кратерах, скифосах и амфорах, т.е. на сосудах,

связанных с вином [Сидорова, Тугушева, Забелина, 1985, ил. 53–55].

Формы поддонов кратеров также весьма разнообразны. В основном это относится к высоте и степени профилировки. Среди них можно выделить два варианта — высокие сложно профилированные (рис. 3/20, 9, 16, 19, 20) и низкие не профилированные (рис. 3/20, 2, 10, 11).

Кроме того, в комплексе представлено несколько сосудов, которые лишь в некоторой степени близки по форме кратерам, описанным выше. Их резервуар напоминает глубокую чашу с сильно загнутым внутрь верхним краем (рис. 3/20, 3). Они имели, по всей видимости, высокий усеченно-конический полый поддон, сравнительно тонкостенный. Вполне возможно, что у некоторых из них была высокая, усеченно-коническая полая ножка (рис. 3/20, 17, 18, 19), однако ни одного целого сосуда с такой ножкой на Калалы-гър 2 не найдено.

Как мы уже отмечали выше, нижние части кратеров встречались среди керамики последней трети I тысячелетия до н.э. на других памятниках Хорезма. Аналогичные сосуды продолжают существовать в низовьях Амударьи и в более поздние периоды [Древности..., 1991, с. 196, рис. 72]. На территории Средней Азии различные формы кратеров встречаются в материалах памятников, датированных эллинистическим периодом [Шишкина, 1975, с. 66, рис. 7; Рапін, 1992, табл. 71], и связываются обычно с влиянием греческой керамической традиции. На наш взгляд, заслуживает внимания то обстоятельство, что в Хорезме, так же как, впрочем, и на Ай-Ханум, найдены ранние типы греческих кратеров, резервуар которых имел горшковидную форму [Античные государства..., 1984, табл. СХХХVI]. Этот факт дает некоторые основания предполагать, что подобная форма была привнесена или заимствована в некоторых областях Средней Азии еще до похода Александра.

В керамическом комплексе Калалы-гър 2 в сравнительно небольшом количестве представлены керамические *ритоны*. Это, безусловно, сосуды культового назначения. Они подробно рассматриваются в соответствующем разделе монографии. По морфологическим признакам они четко подразделяются на два типа.

I тип — однососковые в форме рога с протомой животного или фантастического существа (рис. 3/21).

II тип — двухсосковые, амфоровидные (рис. 3/22).

В данном случае эти сосуды, несмотря на разительные отличия, отнесены к одной форме по причине их идентичного функционального назначения.

Не вызывает сомнения тот факт, что все керамические ритоны изготавливались как подражания сосудам из драгоценных металлов, широко распространенным в пределах Ахеменидской империи и за ее пределами, в частности на территории евразийских степей [Seipel, 1999, с. 60–62; The Golden..., 2000, ил. 94].

Второй отдел — закрытые формы

Кувшины. Все столовые кувшины Калалы-гър 2 подразделяются на два типа. Основными признаками в данном случае послужили размеры сосудов, а также наличие или отсутствие у них ручки. Все без исключения столовые кувшины покрыты плотным красным ангобом. Они сформованы из качественной глины, почти без примесей.

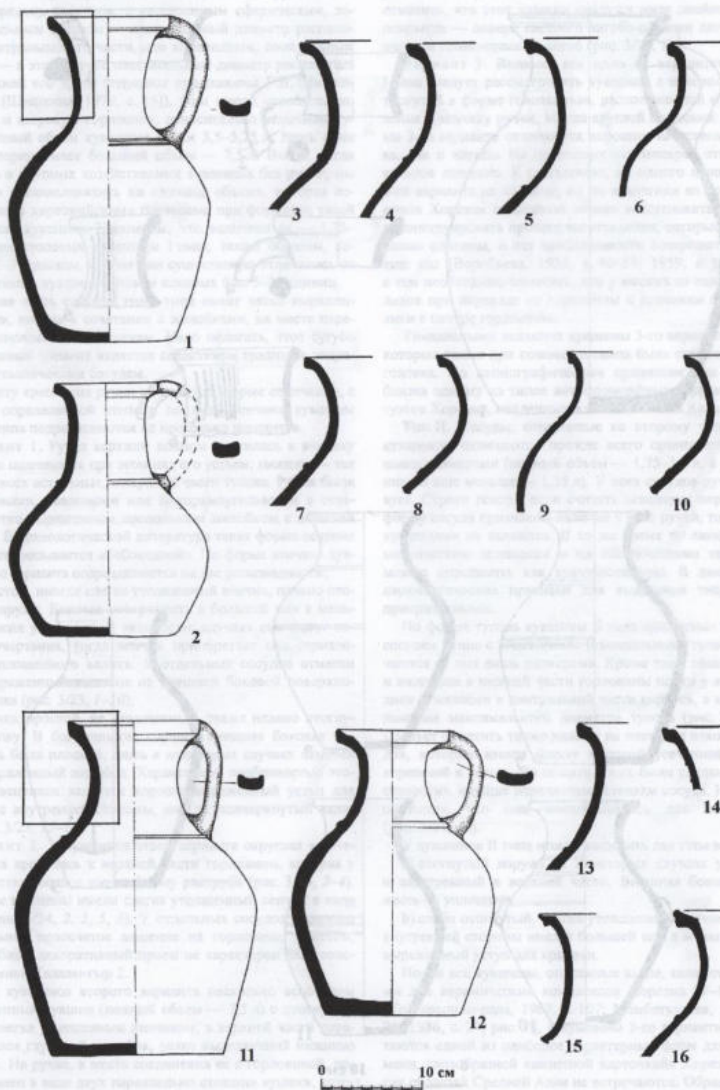

Рис. 3/23. Керамика 3-й группы. Кувшины I типа

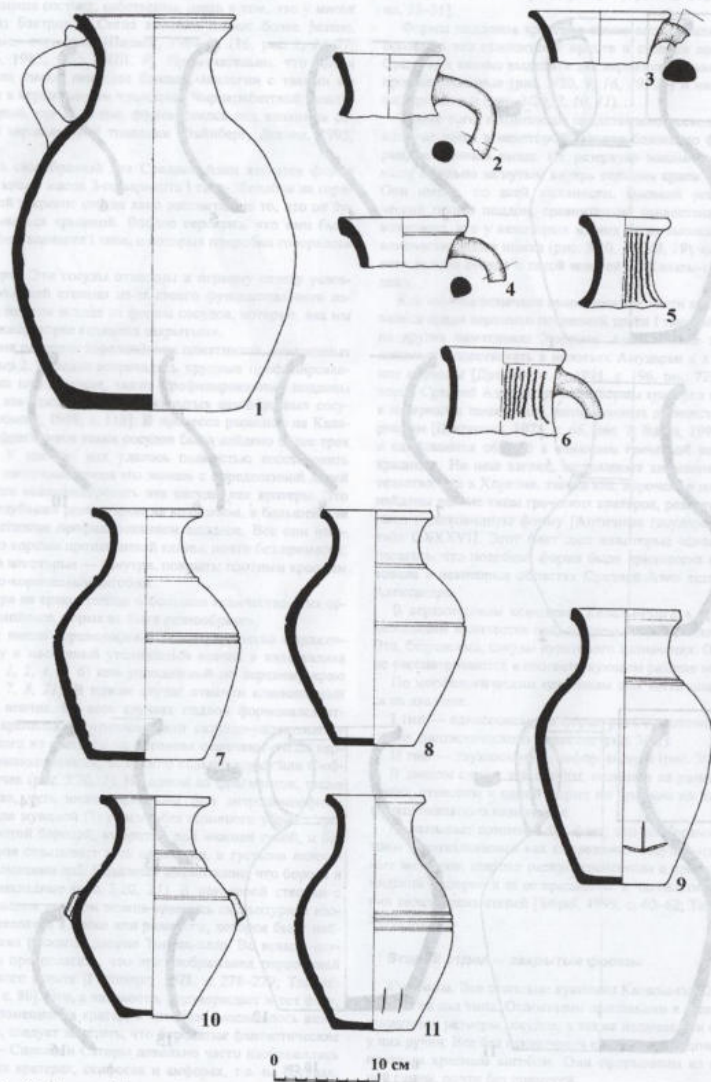

Рис. 3/24. Керамика 3-й группы. Кувшины II типа

Тип I. К этому типу относятся все кувшины с ручкой. Это сосуды средних размеров, с уплощенным сферическим, эллипсоидальным туловом — максимальный диаметр расположен в центральной его части, или яйцевидным, овоидальным туловом — в этом случае максимальный диаметр располагался в верхней его трети (термины предложены Г.В. Шишкиной, см. [Шишкина, 1979, с. 16]). Они имели сравнительно высокую и широкую горловину, относительно величины тулова. Полный объем кувшинов равен 3,5–5,25 л; лишь один сосуд в серии имеет больший объем — 7,5 л. Выше, когда речь шла о крупных хозяйственных кувшинах без ручки, мы подробно останавливались на единице объема, которая использовалась хорезмийскими гончарами при формовке такой формы, как кувшины. Напомним, что величина ее — 1,75–2 л. Объем столовых кувшинов I типа, таким образом, составлял 2–3 единицы, и этим они существенно отличались от хозяйственных кувшинов, объем которых был 5–10 единиц.

Большая часть сосудов этого типа имеет четко выраженный валик, иногда в сочетании с желобками, на месте перехода от горловины к плечикам. Надо полагать, этот сугубо декоративный элемент является следствием традиции подражания металлическим сосудам.

По месту крепления ручки на корпусе, форме ее сечения, а также в определенной степени по виду венчика кувшины первого типа подразделяются на несколько вариантов.

Вариант 1. Ручка верхним концом крепилась к венчику сосуда, не поднимаясь при этом над его устьем; нижним — так же как и всех остальных, к верхней части тулова. Ручки были уплощенными, овальными или подпрямоугольными в сечении, с четко выраженным продольным желобком с внешней стороны. В археологической литературе такая форма ручки часто называется «бобовидной». По форме венчика кувшины 1-го варианта подразделяются на две разновидности:

а) простой, иногда слегка утолщенный венчик, плавно отогнутый наружу. Боковая поверхность в большей или в меньшей степени уплощена. В некоторых случаях она имеет округлые очертания, тогда венчик приобретает вид горизонтально уплощенного валика. У отдельных сосудов отмечен слабо выраженный желобок на внешней боковой поверхности венчика (рис. 3/23, 1–10);

б) венчик простой, не утолщенный, также плавно отогнутый наружу. В большинстве случаев внешняя боковая поверхность была плоской, лишь в некоторых случаях отмечен четко выраженный желобок. Характерной особенностью этого вида венчиков является хорошо выраженный уступ для крышки с внутренней стороны, иногда подчеркнутый валиком (рис. 3/23, 11–16).

Вариант 2. У кувшинов этого варианта округлая в сечении ручка крепилась к верхней части горловины, которая у большинства сосудов имела форму раструба (рис. 3/24, 2–4). Почти все кувшины имели слегка утолщенный венчик в виде валика (рис. 3/24, 2, 3, 5, 6). У отдельных сосудов отмечено вертикальное полосчатое лощение на горловине. Заметим, что подобный декоративный прием не характерен для столовой керамики Калалы-гър 2.

Среди кувшинов второго варианта несколько особняком стоит крупный кувшин (полный объем — 7,5 л) с отогнутым наружу слегка утолщенным венчиком, в верхней части которого имелся глубокий желобок, резко выделяющий нижнюю его часть. На ручке, в месте соединения ее с горловиной, помещен напел в виде двух параллельно стоящих кушек, кото-

рый можно трактовать как зооморфный. Необходимо также отметить, что этот кувшин снаружи имел двойное ангобное покрытие — поверх светлого ангоба-обмазки дополнительно нанесен темно-красный ангоб (рис. 3/24, 1).

Вариант 3. Видимо, как один из вариантов кувшинов I типа следует рассматривать кувшины с напелом в виде отиснутой в форме головы льва, расположенной в месте крепления к венчику ручки, всегда круглой в сечении. Все кувшины 3-го варианта отличаются хорошим качеством как черепка, так и ангоба. На некоторых экземплярах отмечено зеркальное лощение. К сожалению, ни одного целого кувшина 3-го варианта не найдено, но по аналогиям из других памятников Хорезма полностью можно восстановить их форму и реконструировать процесс изготовления, которые достаточно полно описаны, и нет необходимости возвращаться к этому еще раз [Воробьева, 1958, с. 40–53; 1959, с. 103]. Вместе с тем необходимо отметить, что у многих из них помимо валиков при переходе от горловины к плечикам отмечены валики в центре горловины.

Уникальными являются кувшины 3-го варианта, на ручках которых также при помощи штампа была отиснута женская головка. По иконографическим признакам она во многом близка одному из типов антропоморфных теракотовых статуэток Хорезма, найденных в том числе и на Калалы-гър 2.

Тип II. Сосуды, отнесенные ко второму типу столовых кувшинов, отличаются прежде всего сравнительно небольшими размерами (полный объем — 1,75–3,5 л, а у одного из них он еще меньше — 1,35 л). У всех сосудов ручка отсутствует. Строго говоря, если считать основным определяющим форму сосуда признаком наличие у него ручки, то эти сосуды кувшинами не являются. В то же время по линейным параметрическим признакам и их соотношениям такую форму можно определить как кувшиновидную. В данном случае параметрические признаки для выделения типа являются приоритетными.

По форме тулова кувшины II типа полностью аналогичны сосудам I типа с яйцевидным (овоидальным) туловом и отличаются от них лишь размерами. Кроме того, помимо валиков и желобков в нижней части горловины почти у всех есть валики и желобки в центральной части корпуса, в месте расположения максимального диаметра тулова (рис. 3/24, 7–11). Следует отметить также напелы на плечиках некоторых сосудов, которые имели форму высокой усеченной пирамиды вершиной к устью. До обжига в них были сделаны сквозные отверстия, идущие параллельно стенкам сосуда. Не вызывает сомнения, что они использовались для подвешивания (рис. 3/24, 10).

У кувшинов II типа можно выделить два типа венчика:

а) отогнутый наружу, в некоторых случаях утолщенный и заостренный в верхней части. Внешняя боковая поверхность — уплощена;

б) слабо отогнутый, слегка утолщенный венчик, который с внутренней стороны имел в большей или в меньшей степени выраженный уступ для крышки.

Почти все кувшины, описанные выше, являются типичными для керамических комплексов Хорезма IV–I ав. до н.э. [Кой-крылган-кала, 1967, с. 107; Мамбетуллаев, 1984, с. 25–26; 1986, с. 24, рис. 7], а кувшины 3-го варианта I типа считаются одной из наиболее характерных форм для этого времени, своеобразной «визитной карточкой» Хорезма и в других областях Средней Азии не встречаются. Обращают на се-

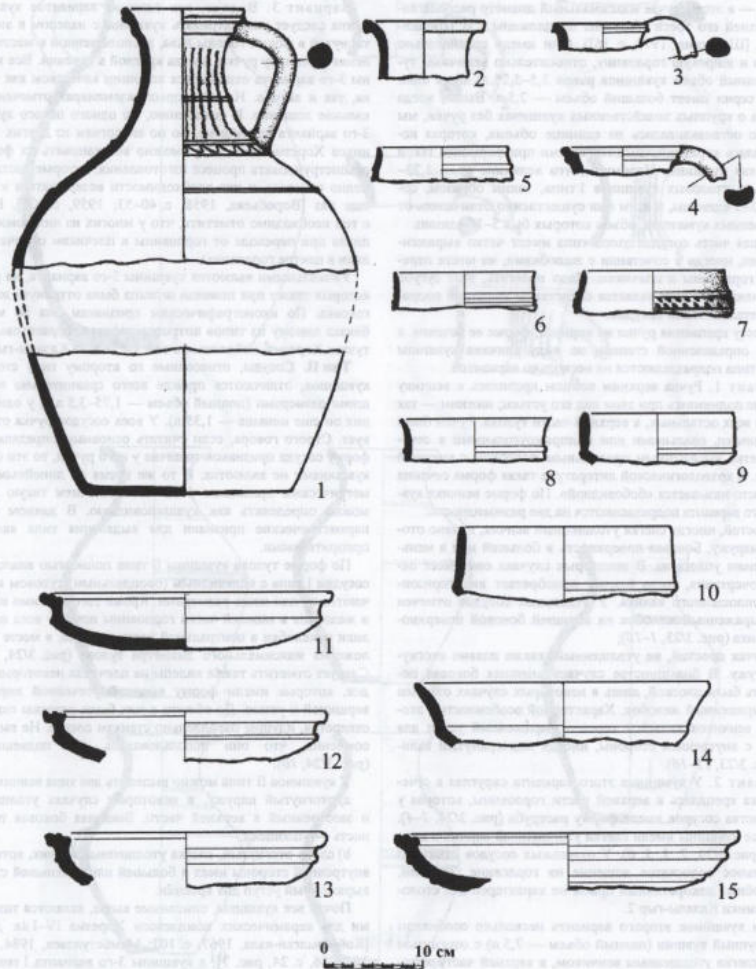

Рис. 3/25. Сероглиняная керамика, 3-я группа

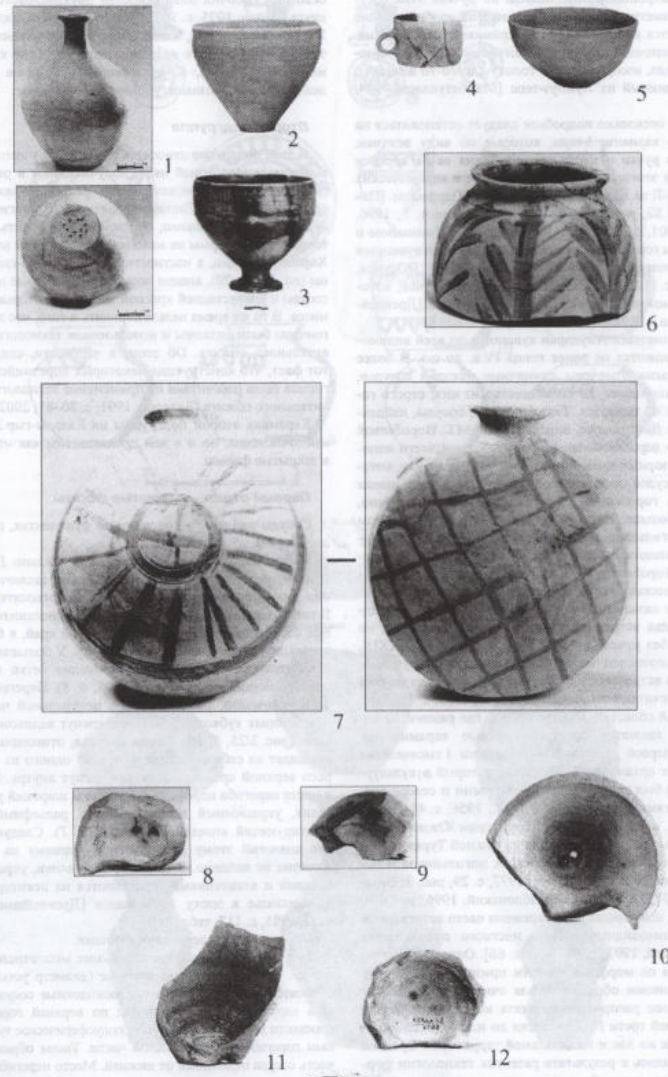

Рис. 3/26. Керамика Калалы-гыр 2

бя внимание антропоморфные налеты на ручках этих сосудов. Следует заметить, что такой вид налета вообще крайне редко встречается на хорезмийской керамике этого времени. Можно лишь вспомнить налет под венчиком крупного горшковидного сосуда, изображающий голову какого-то женского божества, найденный на Хумбуз-тепе [Мамбетуллаев, 1984, рис. 4].

Кроме того, несколько подробнее следует остановиться на кувшинах 2-го варианта 1 типа, которые по виду венчика, форме сечения ручки и месту расположения ее на корпусе близки сосудам этого типа, представленным в керамических комплексах III–II вв. до н.э. на территории Парфины [Пиллико, 1972, с. 82, рис. 4, 5, 15; 1977, с. 53, рис. 4, 5; 1996, табл. 41, 42; 2001, с. 300–309]. Обращает на себя внимание и тот факт, что на горловинах некоторых парфянских кувшинов встречаются полосчатое вертикальное лощение [Юсупов, 1979, с. 57, рис. 2] и налеты на верхних частях ручек, которые зачастую можно трактовать, как зооморфные [Древнейшие государства..., 1985, табл. LXXIX].

В пределах низовьев Амударьи кувшины, по всей видимости, распространяются не ранее конца IV в. до н.э. В более ранних комплексах отмечены единичные находки сосудов, названных «кувшинами», но большинство из них, строго говоря, таковыми не являются. Так, например, сосуды, найденные на усадьбе Дингильдже, определенные М.Г. Воробьевой как «кувшин» первого типа, по форме больше всего напоминают миниатюрные хумы или карасы, так как шейку, которая у этих сосудов действительно четко выделена, никак нельзя считать горловиной. У кувшинов она, безусловно, должна быть больше. Единственный сосуд в керамическом комплексе Дингильдже, являющийся действительно кувшином, находит аналог в керамических комплексах ахеменидского Ирана [Воробьева, 1973, с. 133], где кувшины, в том числе металлические, были действительно широко распространены. В так называемых ахеменидских комплексах Средней Азии изредка встречаются кувшиновидные сосуды, но почти все они без ручек [Массон В.М., 1959, табл. XXXIX, 20], а те немногочисленные фрагменты сосудов с ручками, которые иногда встречаются в слоях середины I тысячелетия до н.э., обычно считают импортом [Хасанов, 1992, с. 41–46].

Единственной областью Средней Азии, где различные типы кувшинов являются составной частью керамического комплекса первой половины — середины I тысячелетия до н.э., является архаический Дахистан, который в культурном отношении был тесно связан с северными и северо-восточными областями Ирана [Массон В.М., 1956, с. 414 и сл.; Муратова, 1991, с. 82, рис. 32]. На территории Южного Приаралья единичные находки кувшинов из Южной Туркмении и Северного Ирана известны в комплексах могильников и поселений VII–V вв. до н.э. [Вайнберг, 1977, с. 29, рис. 3; Вишневская О.А., 1973, с. 78, рис. 48; Яблонский, 1996, рис. 13]. В керамических комплексах этого времени часто встречаются и лепные кувшиновидные сосуды местного производства [Итина, Яблонский, 1997, с. 38–39, рис. 66]. Однако и по технологическим, и по морфологическим признакам указанные выше сосуды никоим образом нельзя считать прообразами кувшинов, широко распространенных на территории Хорезма в последней трети I тысячелетия до н.э. По всей видимости, здесь, так же как и на остальной территории Средней Азии, они появились в результате развития технологии формовки гончарных изделий, выразившегося в дальнейшем

освоении рабочих возможностей двухдискового гончарного круга [Сайко, 1975, с. 302]. При этом нельзя исключать, что в Хорезме основными, а может быть и единственными, прототипами этих сосудов являлись металлические кувшины ахеменидского Ирана, о чем говорят некоторые характерные декоративные признаки, упоминавшиеся выше.

Вторая подгруппа

К этой подгруппе относятся все сосуды, у которых черепок в изломе имеет серый цвет, получившийся в результате использования восстановительного режима обжига, т.е. без доступа кислорода. Вполне вероятно, что многие из этих сосудов были привозными, об этом можно судить хотя бы потому, что эти формы не находят себе аналогий на территории Хорезма. Такими, в частности, являются серо-глиняные ритоны (ил. 10, 11, 20), вполне возможно, некоторые миниатюрные сосуды с инкрустацией красной пастой, некоторые типы чаш и мисок. В то же время нельзя отрицать и того, что хорезмийские гончары были знакомы и использовали технологию восстановительного обжига. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что конструкция некоторых хорезмийских обжигов горнов была рассчитана на применение технологии восстановительного обжига [Болелов, 1991, с. 80–81; 2002, с. 94].

Керамика второй подгруппы на Калапы-гир 2 крайне немногочисленна, но в ней представлены как открытые, так и закрытые формы.

Первый отдел — открытые формы

Сосуды найдены в основном во фрагментах, но есть и целые формы.

Кубки. Ни одного целого сосуда не найдено. По тем фрагментам, которые были найдены, можно заключить, что все они по морфологическим признакам относятся к кубкам II типа, выявленным в подгруппе красноглиняной посуды. Все сосуды имеют прямой заостренный край, в большей или в меньшей степени отогнутый наружу. У большинства из них немного ниже верхнего края проходила четко выраженный опоясывающий валик (рис. 3/25, 5, 6, 8). Перегиб стенок, по всей видимости, располагался в центральной части тулова, у некоторых кубков он был подчеркнут валиком или желобками (рис. 3/25, 9, 10). Среди сосудов, отнесенных к кубкам, обращает на себя внимание фрагмент одного из них, у которого верхний край был немного загнут внутрь. Кроме того, в месте перегиба корпуса располагался широкий уплощенный валик, украшенный вдавленными, — рельефный орнамент, имитирующий «плетенку» (рис. 3/25, 7). Следует заметить, что аналогий этому декоративному приему на территории Хорезма не найдено. В то же время валики, украшенные насечками и вдавленными, встречаются на некоторых сосудах в Закавказье в эпоху Ахеменидов [Древнейшие государства..., 1985, с. 117, табл. III].

Миски представлены двумя типами.

Тип I. Сосуды этого типа наиболее многочисленны в комплексе. Это сравнительно крупные (диаметр устья 25–30 см), относительно толстостенные, плоскодонные сосуды с отогнутым наружу, профилированным по верхней горизонтальной плоскости венчиком. Они имели полусферическое тулово с плавным перегибом в центральной части. Таким образом, верхняя часть сосуда отделилась от нижней. Место перегиба было подчеркнуто или ребром, или валиком (рис. 3/25, 11–13, 15).

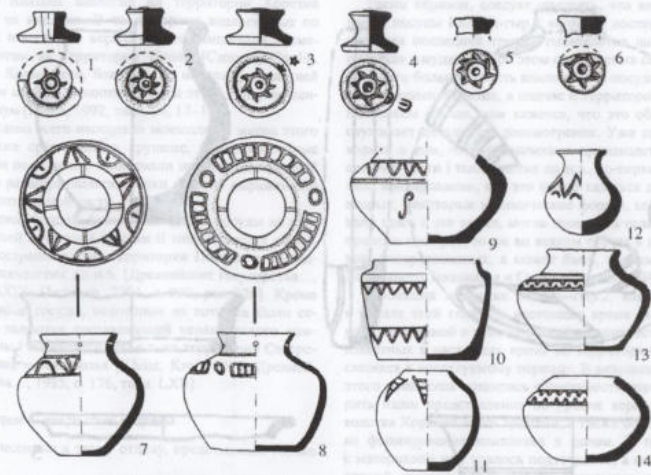

Рис. 3/27. Миниатюрные сосуды

Рис. 3/25. Миниатюрные сосуды

Рис. 3/27. Миниатюрные сосуды

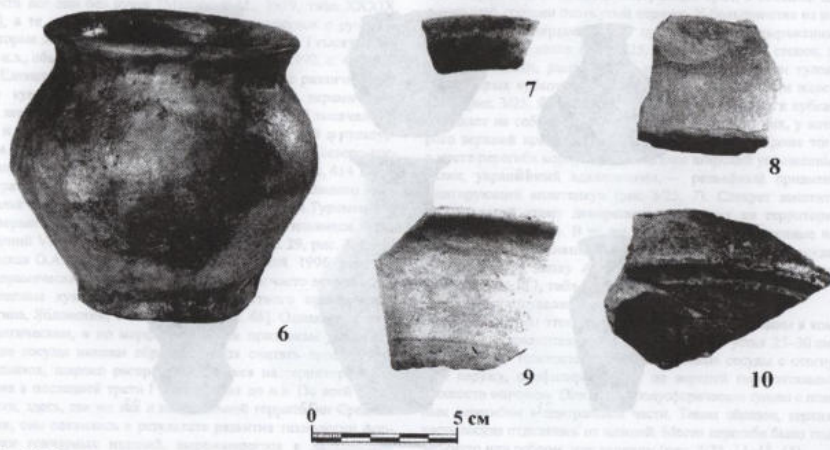
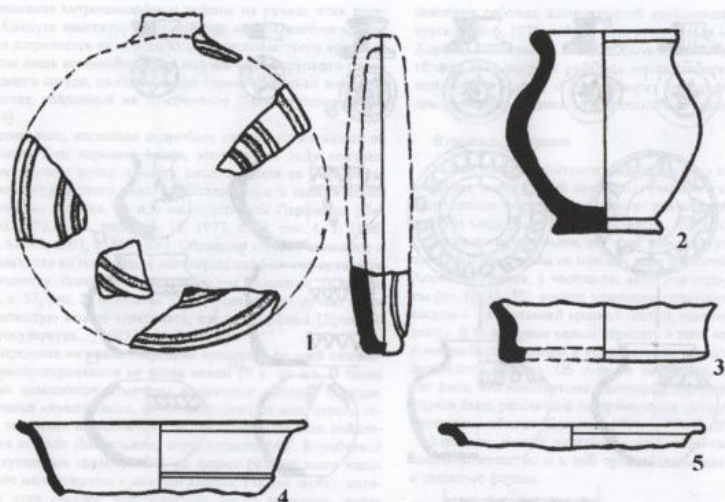

Рис. 3/28. Фрагменты глазурованной посуды

Каких-либо близких аналогий на территории Хорезма этим сосудам не найдено. В то же время аналогичные по форме сосуды известны в керамических комплексах ахеменидского времени на территории Ирана [Cattenat, Gardin, 1977, табл. 6]. Кроме того, близкой, но неполной аналогией калалыгьским мискам являются сосуды этого типа, найденные на Ай-Ханум [Rapin, 1992, табл. 74, 17–19].

Тип II. Найдено всего несколько экземпляров мисок этого типа. Это также сравнительно крупные, но тонкостенные сосуды. Венчик не выделен. Они имели прямой заостренный край и плавно расширяющиеся стенки с четко выраженным перегибом в центральной части.

На территории Хорезма близкие по форме сосуды не найдены. Ближайшей аналогией мискам II типа являются миски, широко распространенные на территории Парфии в последней трети I тысячелетия до н.э. [Древнейшие государства..., 1985, табл. LXXIX; Пилипко, 2001, с. 309, рис. 220]. Кроме того, аналогичные сосуды, некоторые из которых были сероглиняными, являются составляющей керамического комплекса середины I тысячелетия до н.э. на территории Северо-Западного Ирана и Закавказья [Kleiss, Kroll, 1976; Древнейшие государства..., 1985, с. 176, табл. LXII].

Второй отдел – закрытые формы

Сосуды, отнесенные к этому отделу, представлены только *кувшинами*.

Сероглиняных кувшинов на Калалы-гьр 2 найдено не так много, как красноглиняных. Среди них только у одного полностью восстанавливается форма. Это довольно крупный (высота 46 см, максимальный диаметр — 38 см) плоскодонный сосуд со сравнительно узкой горловиной и округлой в сечении ручкой, прикрепленной к венчику и плечикам (рис. 3/25, 1). Он имел отогнутый наружу профилированный венчик. Чуть ниже венчика, на верхней части горловины, отмечена небольшая «припухлость». Нижняя часть горловины и плечики украшены несколькими рельефными валиками, кроме того, на плечиках, на уровне нижнего конца ручки сосуд был украшен прочерченным зигзагообразным орнаментом. На горловине отмечено полосчатое горизонтальное лощение.

Остальные кувшины в комплексе представлены фрагментами венчиков, профили которых весьма разнообразны (рис. 3/25, 2–4). Мы ничего не можем сказать о форме тулова сосудов. С уверенностью можно говорить лишь о том, что большинство из них было с одной ручкой.

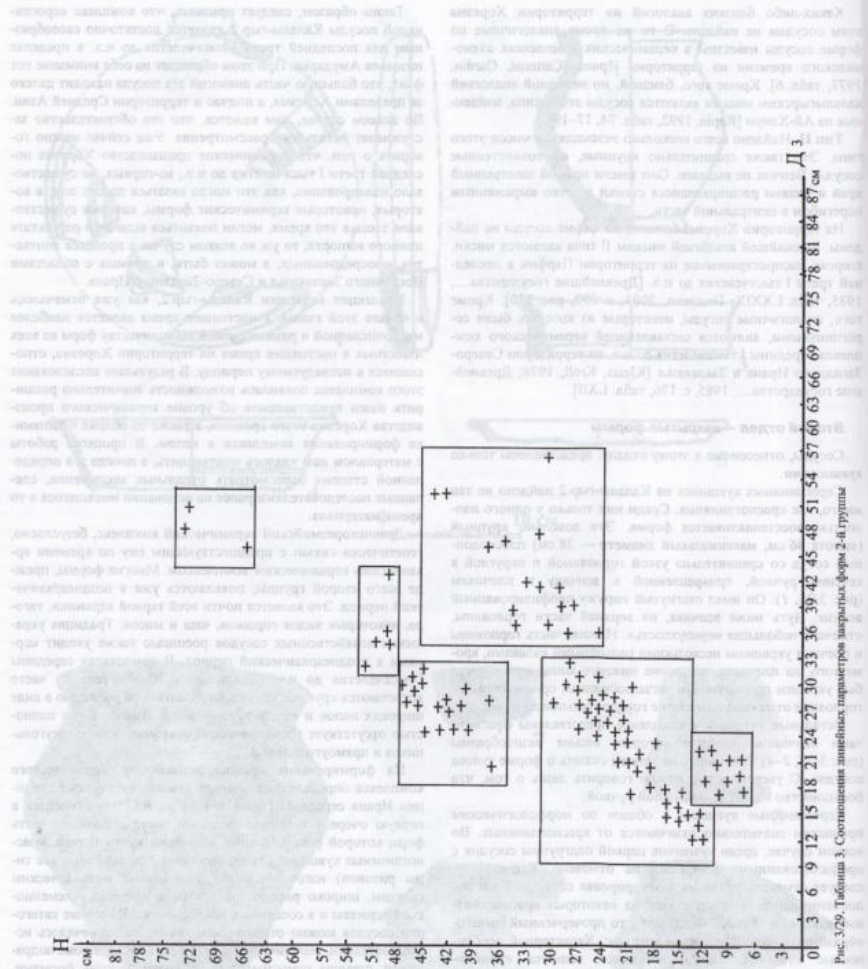
Сероглиняные кувшины в общем по морфологическим признакам значительно отличаются от красноглиняных. Во всяком случае, среди кувшинов первой подгруппы сосудов с профилированными венчиками не отмечено. Кроме того, следует отметить различия в декорировке сосудов. Если полосчатое лощение присутствует на некоторых красноглиняных кувшинах (I тип, 2-й вариант), то прочерченный зигзагообразный орнамент встречен впервые. Характерной особенностью кувшина, описанного выше, является «припухлость» в верхней части горловины. Следует заметить, что этот признак не характерен для кувшинов последней трети I тысячелетия до н.э. не только Хорезма, но и всей Средней Азии в целом. Вместе с тем сосуды с такой формой горловины встречаются среди погребального инвентаря кувшинных погребений в Восточном Закавказье IV–III вв. до н.э., здесь же найдены сосуды, украшенные процарапанным орнаментом [Древнейшие государства..., 1985, с. 118, табл. IV].

Таким образом, следует признать, что комплекс сероглиняной посуды Калалы-гьр 2 является достаточно своеобразным для последней трети I тысячелетия до н.э. в пределах низовьев Амударьи. При этом обращает на себя внимание тот факт, что большую часть аналогий эта посуда находит далеко за пределами Хорезма, а подчас и территории Средней Азии. Во всяком случае, нам кажется, что это обстоятельство заслуживает детального рассмотрения. Уже сейчас можно говорить о том, что керамическое производство Хорезма последней трети I тысячелетия до н.э., во-первых, не существовало изолированно, как это могло казаться до сих пор, а во-вторых, некоторые керамические формы, которые существовали здесь в это время, могли появиться если не в результате прямого импорта, то уж во всяком случае в процессе контактов, опосредованных, а может быть, и прямых с областями Восточного Закавказья и Северо-Западного Ирана.

Коллекция керамики Калалы-гьр 2, как уже отмечалось в начале этой главы, в настоящее время является наиболее многочисленной и разнообразной по количеству форм из всех известных в настоящее время на территории Хорезма, относящихся к исследуемому периоду. В результате исследования этого комплекса появилась возможность значительно расширить наши представления об уровне керамического производства Хорезма этого времени, а также об облике и динамике формирования комплекса в целом. В процессе работы с материалом нам удалось подтвердить, а иногда и в определенной степени пересмотреть отдельные заключения, сделанные исследователями ранее на основании имевшегося в то время материала.

Древнехорезмийский керамический комплекс, безусловно, генетически связан с предшествующим ему по времени архаическим керамическим комплексом. Многие формы, прежде всего второй группы, появляются уже в позднеархаический период. Это касается почти всей тарной керамики, тагора, некоторых видов горшков, чаш и мисок. Традиция украшения хозяйственных сосудов росписью также уходит корнями в позднеархаический период. В комплексах середины I тысячелетия до н.э. (Дингильдже, Хумбуз-тепе II) часто встречаются крупные сосуды с примитивной росписью в виде широких полос и «полукружжии» и т.д. Вместе с тем полностью отсутствует геометрический орнамент в виде треугольников и прямоугольников.

На формирование древнехорезмийского керамического комплекса определенное влияние оказали культурные традиции Ирана середины I тысячелетия до н.э. Это относится в первую очередь к группе столовой посуды, большая часть форм которой (чаши III типа, возможно кубки II типа, красноглиняные кувшины I типа, особенно 3-го варианта, все типы ритонов) изготовлена как подражание металлическим сосудам, широко распространенным в пределах Ахеменидской державы и в соседних с нею областях. К этой же категории сосудов можно отнести, как уже не раз отмечалось исследователями, керамические фляги с рельефами. Кроме подражаний, ставших самостоятельными керамическими формами, выделяются сосуды, находящие себе прямые аналогии среди керамики ахеменидского времени Иранского плато. Среди них отметим сероглиняные миски, которые могли быть изготовлены непосредственно в Хорезме. Наибольшее количество аналогий эта посуда находит на территории Северо-Западного Ирана и Восточного Закавказья. Там же мы находим аналогии и некоторым орнаментальным мотивам, появившимся

Керамика, в частности, имеет ряд особенностей, связанных с ее физическими свойствами. В отличие от других строительных материалов, керамика обладает высокой прочностью и долговечностью, но при этом имеет относительно высокие теплопроводность и водопоглощение. Эти свойства определяют ее применение в различных условиях эксплуатации. В частности, керамика широко используется для изготовления облицовочных материалов, черепицы и т.д. При этом важно учитывать, что свойства керамики могут изменяться в зависимости от технологии ее производства и условий эксплуатации.

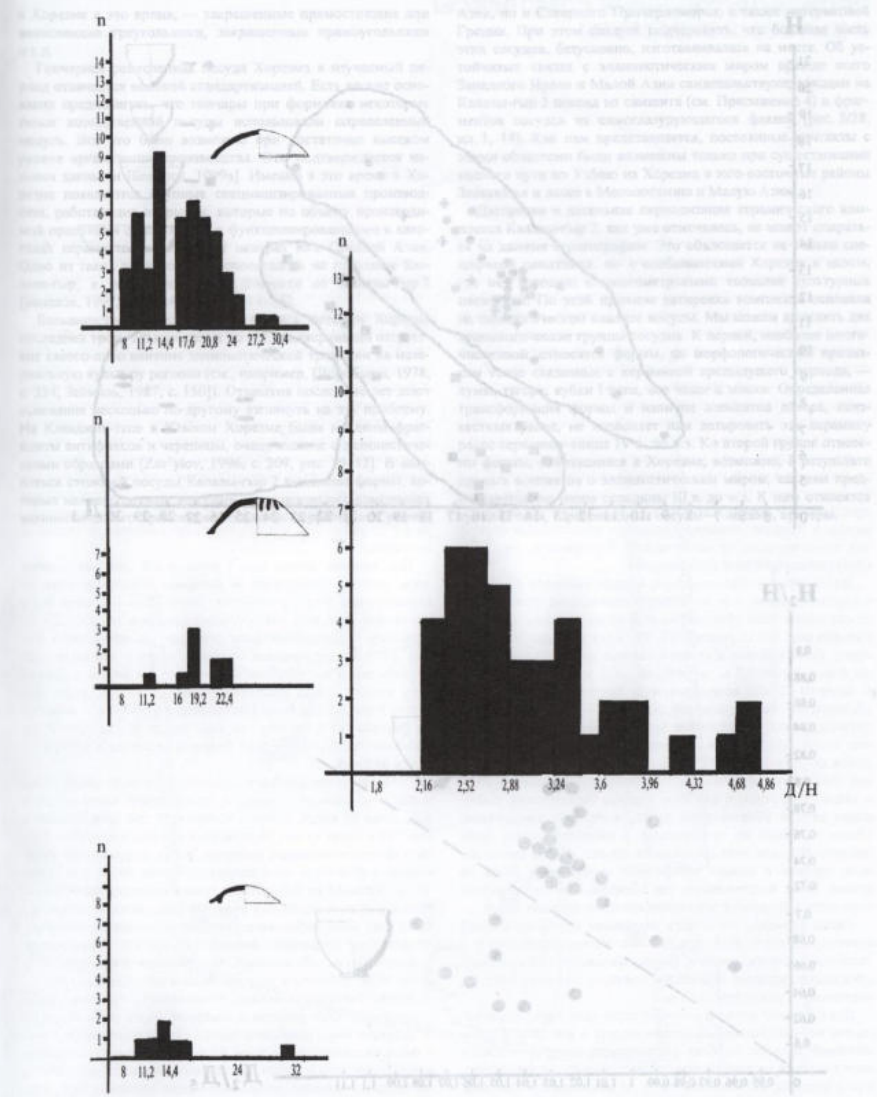

Рис. 3/30. Таблица 4. Полигон распределения диаметров крышек

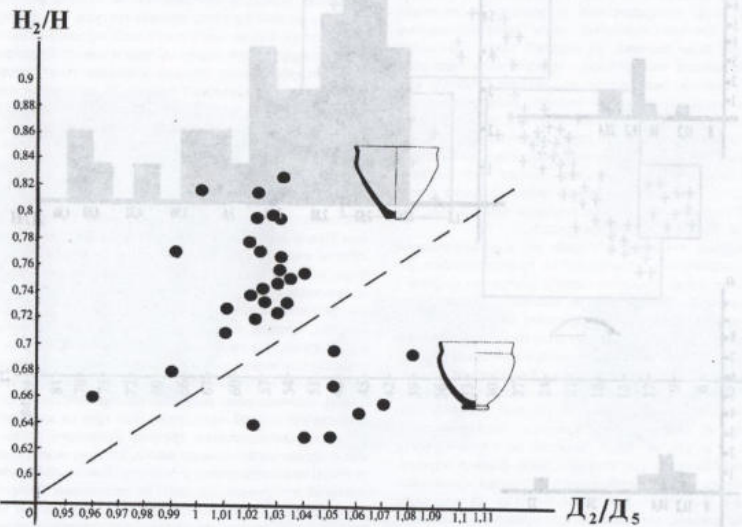
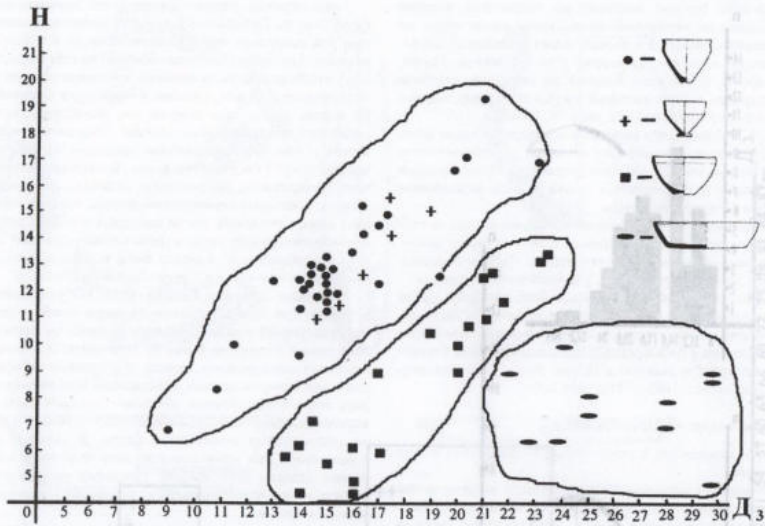

Рис. 3/31. Таблица 5. Соотношения параметрических признаков открытых форм 3-й группы

в Хорезме в это время, — окрашенные прямостоящие или нависающие треугольники, окрашенные прямоугольники и т.д.

Гончарная ремесленная посуда Хорезма в изучаемый период отличается высокой стандартизацией. Есть веские основания предполагать, что гончары при формовке некоторых типов хозяйственной посуды использовали определенный модуль. Все это было возможно при достаточно высоком уровне организации производства. Это подтверждается нашими данными [Болелов, 1999а]. Именно в это время в Хорезме появляются крупные специализированные производства, работающие на рынок, которые по объему производимой продукции сопоставимы с функционировавшими в кварталах керамистов в городских центрах юга Средней Азии. Одно из таких производств располагалось на городище Кютели-гър, в непосредственной близости от Калалы-гър 2 [Болелов, 1997, с. 67–68; 2002а, с. 14–16].

Большинство исследователей, касаясь истории Хорезма последней трети I тысячелетия до н.э., подчеркивали отсутствие какого-либо влияния эллинистической традиции на материальную культуру региона (см., например, [Воробьева, 1978, с. 234; Зеймаль, 1987, с. 150]). Открытия последних лет дают основание несколько по-другому взглянуть на эту проблему. На Кладжик-тепе в Южном Хорезме были найдены фрагменты антифисков и черепицы, очень схожие с эллинистическими образцами [Zav'ulov, 1996, с. 309, рис. 10–12]. В комплексе столовой посуды Калалы-гър 2 выделены формы, которые находят прямые аналоги в керамических комплексах эллинистического времени не только на территории Средней

Азии, но и Северного Причерноморья, а также материковой Греции. При этом следует подчеркнуть, что большая часть этих сосудов, безусловно, изготавливалась на месте. Об устойчивых связях с эллинистическим миром прежде всего Западного Ирана и Малой Азии свидетельствуют находки на Калалы-гър 2 пексид из самшита (см. Приложение 4) и фрагментов сосудов из самоглазующегося фаянса (рис. 3/28, ил. 1, 14). Как нам представляется, постоянные контакты с этими областями были возможны только при существовании водного пути по Узбою из Хорезма в юго-восточные районы Закавказья и далее в Месопотамию и Малую Азию.

Датировка и детальная периодизация керамического комплекса Калалы-гър 2, как уже отмечалось, не может опираться на данные стратиграфии. Это объясняется не только спецификой памятника, но и особенностями Хорезма в целом, где нет городищ с многометровыми толщами культурных наслоений. По этой причине датировка комплекса основана на типологическом анализе посуды. Мы можем выделить две хронологические группы сосудов. К первой, наиболее многочисленной, относятся формы, по морфологическим признакам тесно связанные с керамикой предыдущего периода, — хумы, тагора, кубки I типа, все чаши и миски. Определенная трансформация формы и наличие элементов декора, неизвестных ранее, не позволяет нам датировать эту керамику ранее середины-конца IV в. до н.э. Ко второй группе отнесены формы, появившиеся в Хорезме, возможно, в результате прямых контактов с эллинистическим миром, как нам представляется, не ранее середины III в. до н.э. К ним относятся кубки II типа, горшковидные сосуды — леканы, кратеры.

... (The text in this column is extremely faint and largely illegible due to the quality of the scan. It appears to be a continuation of the archaeological discussion.)

... (The text in this column is also extremely faint and largely illegible. It continues the discussion on pottery typology and chronology.)

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ И БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

При описании раскопок в главе 2 уже отмечалось, что от эпохи строительства культового центра сохранились остатки ряда производственных комплексов, функционировавших только в период строительства. Неизвестно, была ли подобная практика на других памятниках Хорезма, когда строительство памятника сопровождалось размещением на его территории разных производственных объектов, которые прекращали свою деятельность после завершения строительства. Возможно, что минимальная сохранность строительных остатков на территории Калалы-гър 2 дала нам уникальную возможность открыть сооружения эпохи строительства объекта. Но, может быть, отмечаемое обстоятельство связано с тем, что Калалы-гър 2 возводился в районе, изолированном от других поселений этого времени, и поэтому выгоднее было организовать производственный процесс на месте, чем привозить все изделия издалека. Тем более что нам не известны в Хорезме специализированные ремесленные поселения этого времени, за исключением Хумбуз-тепе, где было обнаружено гончарное производство.

Вдоль стены улицы-коридора, ограничивающей застройку у круглого здания, с ее внутренней стороны, на уровне ниже ее основания была обнаружена полоса полуземлянок на территории пом. 9 и 11 раскопа 1/2. Тут же, в районе этих котлованов, были найдены и куски железных криц. Ширина полуземлянок около 1,5 м, а глубина до 1 м. Они вырублены в плотном грунте возвышенности, местами на стенках их обнаружены следы глиняной обмазки. В пределах пом. 11 зафиксированы разрушенные при засыпке котлованов нижние части двух «печек» вертикальной конструкции. Внизу, почти до уровня дневной поверхности, нет следов огня. До нас дошли остатки глиняной конструкции (сырцовый кирпич и глина) диаметром в 60–70 см с двумя отверстиями, уходящими от дна полуземлянки вверх, в глубину сооружения. Около подобной же конструкции, у северной стены, были найдены обломки двух обгоревших «сопл». Следы интенсивного горения и сильно обгоревшая поверхность были на уровне верха полуземлянки, где образовывали что-то вроде пода печи, к которой и подводили продухи, шедшие снизу.

Таким образом, у нас есть основания реконструировать производственную печь, где процесс горения происходил в наземной части сооружения, а снизу подавался через два продуха воздух, который нагнетался, очевидно, мехами, устанавливаемыми у дна полуземлянки.

Для выплавки металла (железа) такая печь явно непригодна, так как расплавленный металл стекает в низ печи, а здесь основной процесс горения располагался наверху — следов огня в нижней части конструкции нет. Можно сделать вывод, что в верхней, «огненной», части ее разогревали железные крицы, из которых изготавливались изделия. По соседству

с этими печками (у каждой из них) были обнаружены круги от срубленных хумов, в которых могла находиться вода и где происходила закалка железных изделий. Мастер должен был находиться на поверхности возвышенности, а в полуземлянке был только помощник, раздувавший меха.

После завершения строительства печи были срублены, остатки их попали в котлованы, которые были заполнены слоем мелкокомковатой и крупнокомковатой засыпки, супесью с примесью рыжего песка (состав возвышенности гъра), включающими остатки культурного слоя и глиняные обмазки. Местами поверх засыпки обнаружена плотная подбутовка. Все это было перекрыто обмазками полов (см. рис. 2/6 с разрезами всех слоев от круглого здания на юг). Вероятно, строители сооружали полуземлянки с печками, учитывая последующую планировку на памятнике, так как полуземлянки протянулись вдоль внутренней стороны стены улицы-коридора (со стороны пом. 9 и 11), практически нигде не заходя за ее границу.

Под нижним полом пом. 7 раскопа 1/2, как уже отмечалось, удалось обнаружить в материке столбовые ямки от строительных лесов у круглого здания. Рядом с ними была расчищена довольно значительных размеров яма (3,5×2,7 м), связанная с бронзолитейным (медным) производством (см. рис. 2/47). Ее перекрывали все полы, очаги и «базы» колонн перекрытия. В яме (глубина около 30 см), в юго-западном ее углу стояла хумча (диаметр у дна — 70 см), вмазанная в этот угол. Хумча была впоследствии срублена и осталась во фрагментах в заполнении ямы, после ее засыпки. В заполнении же были найдены фрагменты льячек и застывшие капли металла.

Остатки бронзолитейного производства были обнаружены в пом. 1 на раскопе 3. Здесь, в юго-западной части помещения, слева от входа, удалось обнаружить два производственных очага. Один из них располагался у стены, а второй — почти в центре помещения, напротив входа. Первый очаг представлял собой округлое в плане углубление диаметром около 40 см, глубиной не более 30 см, стенки которого были сильно обожжены, а на отдельных участках прокалены. В центре его было еще одно небольшое углубление меньшего диаметра. Второй очаг сохранился значительно хуже и зафиксирован в форме пятна обожженной поверхности диаметром чуть более 40 см. Оба очага располагались в неглубокой впадине с пологими бортами, возможно, естественного происхождения. Первый очаг был устроен в северном борту этой впадины. Углубление было заполнено землей темно-коричневого цвета с высоким содержанием золы, большим количеством бронзовых шлаков, угля и мелких бронзовых литков. Рядом с очагами были расчищены четыре небольшие мусорные ямы, глубиной не более 30–40 см. В них обнаружено большое количе-

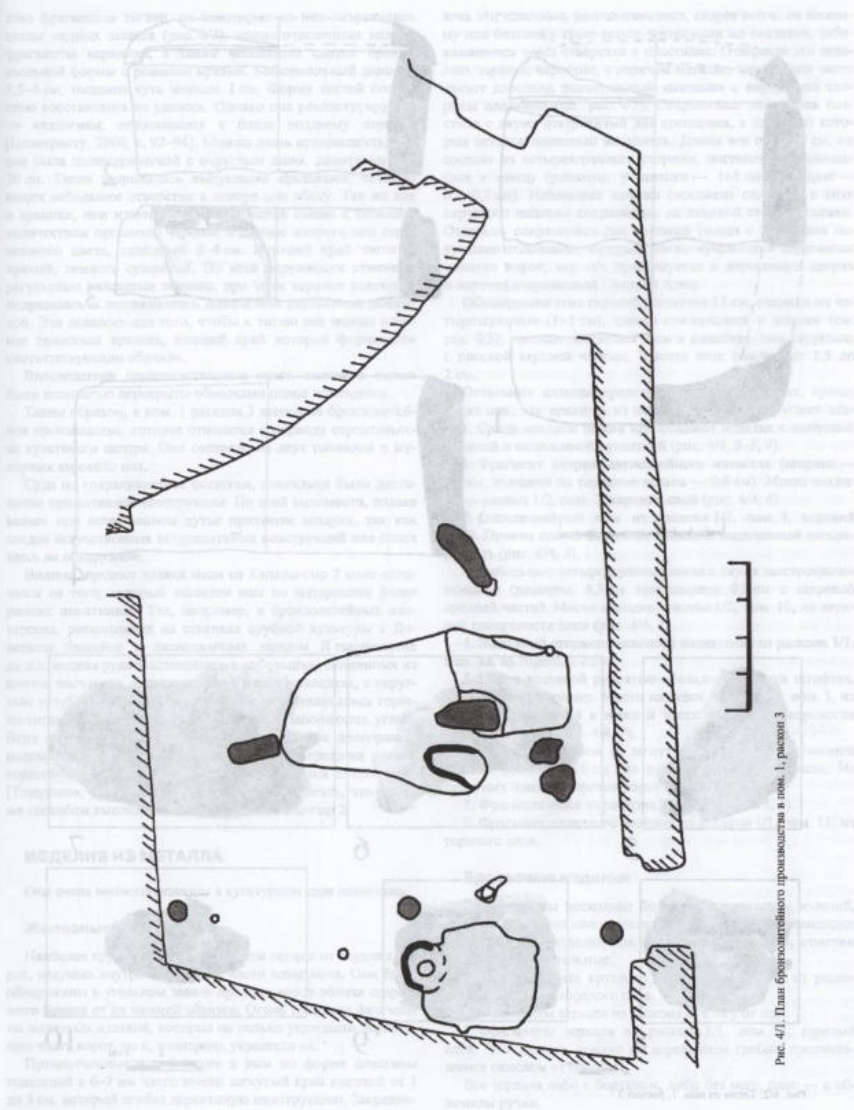

Рис. 4/1. План бронзолитейного производства в пом. 1, раскоп 3

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ И БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

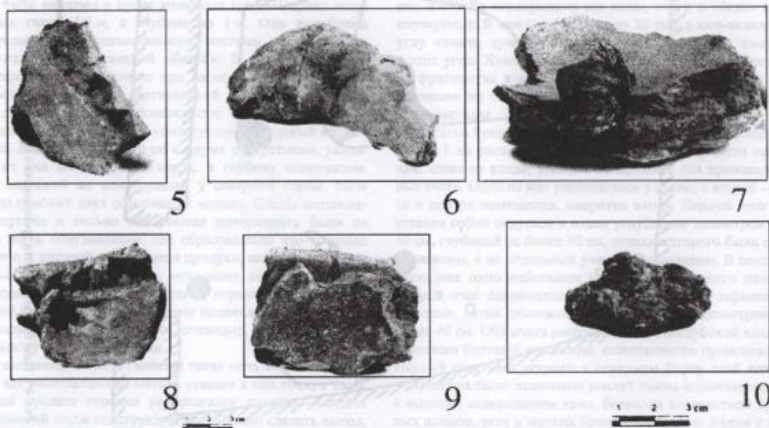
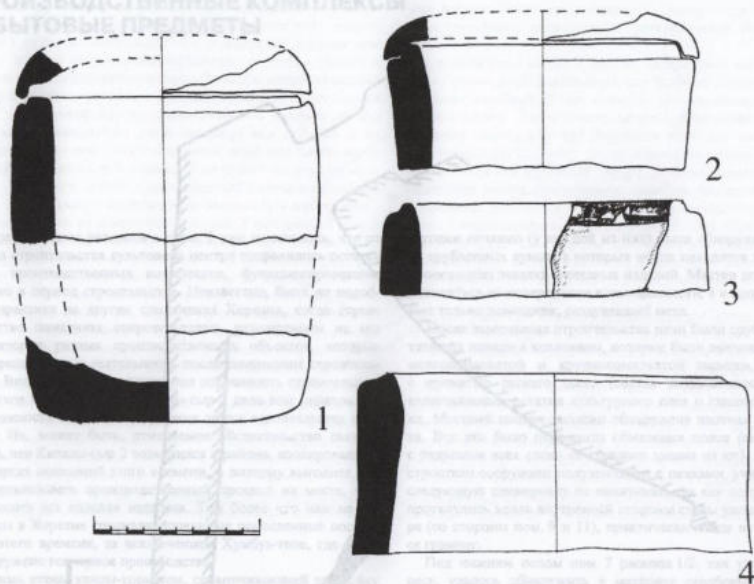

Рис. 4/2. Тигли из пом. 1, раскоп 3

ство фрагментов тиглей, на некоторых из них сохранились следы медных шлаков (рис. 4/2), немногочисленные мелкие фрагменты керамики, а также небольшой слиток бронзы овальной формы с рваными краями. Максимальный диаметр 3,5–4 см, толщина чуть меньше 1 см. Форму тиглей полностью восстановить не удалось. Однако она реконструируется по аналогиям, относящимся к более позднему периоду [Папахристу, 2000, с. 92–94]. Можно лишь предполагать, что она была цилиндрической с округлым дном, диаметром 15–20 см. Тигли закрывались выпуклыми крышками, которые имели небольшое отверстие в центре или сбоку. Так же как и крышки, они изготовлены из пористой глины с большим количеством органики. Черепок в изломе желтого или серо-зеленого цвета, толщиной 3–4 см. Верхний край тигля — прямой, немного суженный. По всей окружности отмечены регулярные пальцевые защипы, при этом верхняя плоскость подрезалась и заглаживалась ножом или деревянной дощечкой. Это делалось для того, чтобы к тиглю как можно плотнее прилегла крышка, нижний край которой формовался соответствующим образом.

Впоследствии производственные очаги вместе с ямами были полностью перекрыты обмазками полов помещения.

Таким образом, в пом. 1 раскопа 3 выявлено бронзолитейное производство, которое относится к периоду строительства культового центра. Оно состояло из двух плавильных и мусорных ям около них.

Судя по сохранившимся остаткам, плавильни были достаточно примитивной конструкции. По всей видимости, плавка велась при естественном дутье притоком воздуха, так как следов искусственных воздуходувных конструкций или сопел здесь не обнаружено.

Видимо, процесс плавки меди на Калалы-гыр 2 мало отличался от того, который известен нам по материалам более ранних памятников. Так, например, в бронзолитейных мастерских, раскопанных на стоянках срубной культуры в Дошецком бассейне и датированных концом II тысячелетия до н.э. медная руда выплавлялась в небольших, сложенных из плиток песчаника, кольцевидных в плане выкладках, с округлым углублением в центре, в которое устанавливались горшки-тигли. Плавильня полностью заполнялась углем. Верх ее был открытым и через него, по мере прогорания, подсыпались новые порции угля. После завершения плавки горшки-тигли разбивались, и из них извлекались слитки меди [Татаринюв, 1983, с. 33–36]. Можно предполагать, что таким же способом выплавлялась медь и на Калалы-гыр 2.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА

Они очень немногочисленны в культурном слое памятника.

Железные изделия

Наиболее крупными являются части оковок от верхних ворот, ведущих внутрь сакральной части памятника. Они были обнаружены в угольном завале прохода ворот вблизи сгоревшего бревна от их нижней обвязки. Огонь сохранил фрагменты железных изделий, которые не только укрепили деревянную часть ворот, но и, возможно, украшали их.

Прямоугольные или близкие к ним по форме пластины толщиной в 6–7 мм часто имели загнутый край высотой от 1 до 3 см, который отгибал деревянную конструкцию. Закрепля-

лись эти пластины, располагавшиеся, скорее всего, по нижнему или боковому краю ворот, железными же гвоздями, забитыми через отверстия в пластинах. Отверстия эти делались заранее, вероятно, в горячем металле, так как они часто имеют довольно значительный «наплыв» с внутренней стороны пластины (см. рис. 4/3). Сохранилась небольшая пластина с двумя отверстиями для крепления, в одном из которых остался железный же гвоздь. Длина его около 7 см, он состоит из четырехгранного стержня, постепенно сужающегося к концу (размеры: у шляпки — 1×1 см, у остря — 0,7×0,7 см). Небольшая шляпка (искажена окислом) в виде округлого наплыва сохранилась на лицевой стороне оковки. Отдельно сохранились два крупных гвоздя с крупными округлыми головками, которые могли «украшать» деревянное полотно ворот, как это практикуется в деревянных дверях и воротах современной Средней Азии.

Общая длина этих гвоздей достигает 12 см, стержни их четырехгранные (1×1 см), слегка сужающиеся к концам (см. рис. 4/3); головки достигают 2 см в диаметре, они округлые, с плоской верхней частью. Высота этих головок от 1,5 до 2 см.

Остальные изделия представлены во фрагментах, происходят они, как правило, из помещений вокруг круглого здания. Среди находок ножей преобладают изделия с выпуклой спинкой и выделенной рукояткой (рис. 4/4, 3–5, 7).

1. Фрагмент острого двулезвийного кинжала (ширина — 2,5 см, толщина по середине лезвия — 0,6 см). Место находки — раскоп 1/2, пом. 7, верхний слой (рис. 4/4, 6).

2. Однолезвийный нож из раскопа 1/2, пом. 8, верхний слой. Прямая слегка выпуклая спинка и выделенный штырь-рукоятка (рис. 4/4, 5).

3. Небольшое четырехгранное шило с двумя заостренными концами (размеры: 5,3 см при ширине 0,9 см в широкой средней части). Место находки: раскоп 1/2, пом. 10, на верхней поверхности пола (рис. 4/4, 1).

4. Железный стержень неясного назначения из раскопа 1/1, пом. 8а, из горелого слоя.

5. Нож с костяной рукояткой-обкладкой на пяти штифтах, лезвие одностороннее. Место находки: раскоп 1/1, пом. 3, из расчистки кирпичей в нижней части внешней конструкции круглого здания (рис. 4/4, 7).

6. Виноградный нож (с загнутым концом) с обломанной ручкой. Длина — 10 см без ручки. Входной комплекс. Из песчаных намывов против ворот (рис. 4/4, 2).

7. Фрагмент ножа из раскопа 2, яма 3 (рис. 4/4, 3).

8. Фрагмент железного изделия из раскопа 1/1, пом. 13, из горелого слоя.

Бронзовые изделия

Представлены несколько большим количеством изделий, но чаще всего это маловыразительные пластинки и накладки от непонятных изделий или фрагменты «изделий», отметим наиболее выразительные:

1. Три фрагмента круглого бронзового зеркала из раскопа 1/1, пом. 8, из горелого слоя.

2. Фрагменты зеркала из раскопа 2, к югу от пом. 7.

3. Фрагменты зеркала из раскопа 1/1, пом. 14, горелый слой. Это зеркало лежало на деревянном гребне, пропитавшемся окислом от бронзы.

Все зеркала либо с бортиком, либо без него, одно — с обломком ручки.

4. Фрагмент пряжки из раскопа 7а, в котловане № 1, в нижнем слое. Пряжка была в виде массивного кольца с выступающим вверх штырем.

5. Фрагменты (3 шт.) изделия из медной проволоки из раскопа 7а, пом. 12.

6. Бляшка в виде трилистника (?) из раскопа 3, пом. 1, в яме под полом.

7. Сильно окисленная бронзовая печать, похожая на буллу. Место находки: раскоп 1/2, пом. 9, яма 1.

8. Два фрагмента подвески из раскопа 1/1 пом. 8, слой верхнего завала. По месту находки это изделие может относиться к слою первых веков, связанному с погребениями.

9. Фрагмент кольца. Раскоп 1/1, пом. 16.

10. Фрагмент изделия со стремевидным навершием. Этот предмет явно относится к более раннему времени. Он мог попасть на памятник с городища Кюзели-гыр, на котором в 6 км от Калалы-гыр 2 были гончарные печи и некоторые другие сооружения, связанные с огнем и потому вынесенные с территории памятника. Может быть, это изделие взято было для переплавки.

11. На памятнике было найдено семь бронзовых наконечников стрел (рис. 4/5). Они трехлопастные, принадлежат к типично «прохоровскому» набору по принятой археологической классификации. Четыре из них — бесспорно, с выступающей втулкой и только один наконечник, несомненно, со скрытой втулкой. Все найденные на Калалы-гыр 2 наконечники стрел еще довольно крупные и по характерным деталям — массивные дуговидные головки — могут быть отнесены по аналогии с сарматскими ко второй половине IV, IV—III вв. до н.э. [Мошкова, 1963, с. 3, табл. 14, 15, 16, с. 31]. Лишь один наконечник с треугольной головкой характерен для прохоровских памятников с III в. до н.э., а ко II в. до н.э. их полностью заменяют железные, которых на нашем памятнике не встречено. Найденны наконечники стрел на Калалы-гыр 2 как в обычных помещениях вокруг круглого здания, так и в нижнем слое котлована № 1 раскопа 7а, где мог быть «захоронен» ранний материал (после разгрома при первом пожаре).

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ

Чаще всего встречались фрагменты костяных изделий со следами обработки, но без каких-либо свидетельств их формы. Довольно часто попадались разных размеров фрагменты рогов оленя (раскоп 7а, котлован № 1, раскоп 1/2, пом. 9, раскоп 7, улица-коридор, раскоп 1/1, пом. 11, круглое здание, пом. 5).

На рис. 4/7 (ил. 16) представлены костяные изделия, имеющие определенную форму:

1. Костяные подвески в виде грибов (см. также фото на рис. 4/8) из раскопа 1/2, пом. 8.

2. Фрагмент пряжки (?) с резным сквозным орнаментом (пом. 3 раскопа 1/2). Прямых аналогий этому изделию мы указать не можем. Подобный орнамент «заполняет» бронзовую пряжку из Мечет-сая [Мошкова, 1963, табл. 25, № 19] (рис. 4/7, 2).

3. Еще одна обломанная пряжка, повторяющая форму металлических прохоровских изделий этого типа [Мошкова, 1963, табл. 25, № 17]. В изделии просверлены отверстия для крепления. Раскоп 1/2, пом. 9, горелый слой (рис. 4/7, 3).

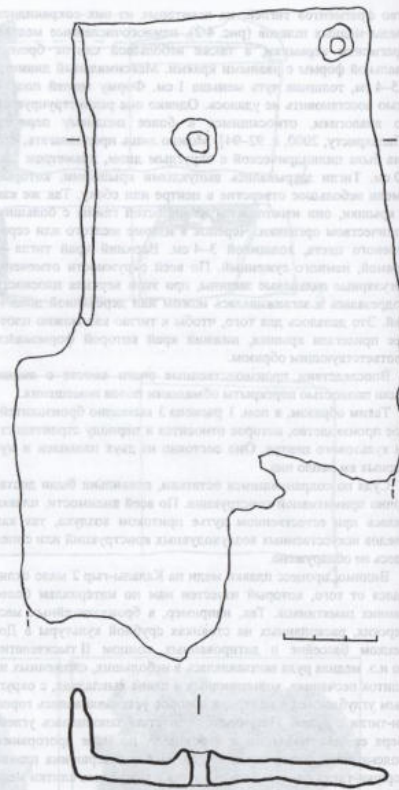

Рис. 4/3. Железные детали верхних ворот

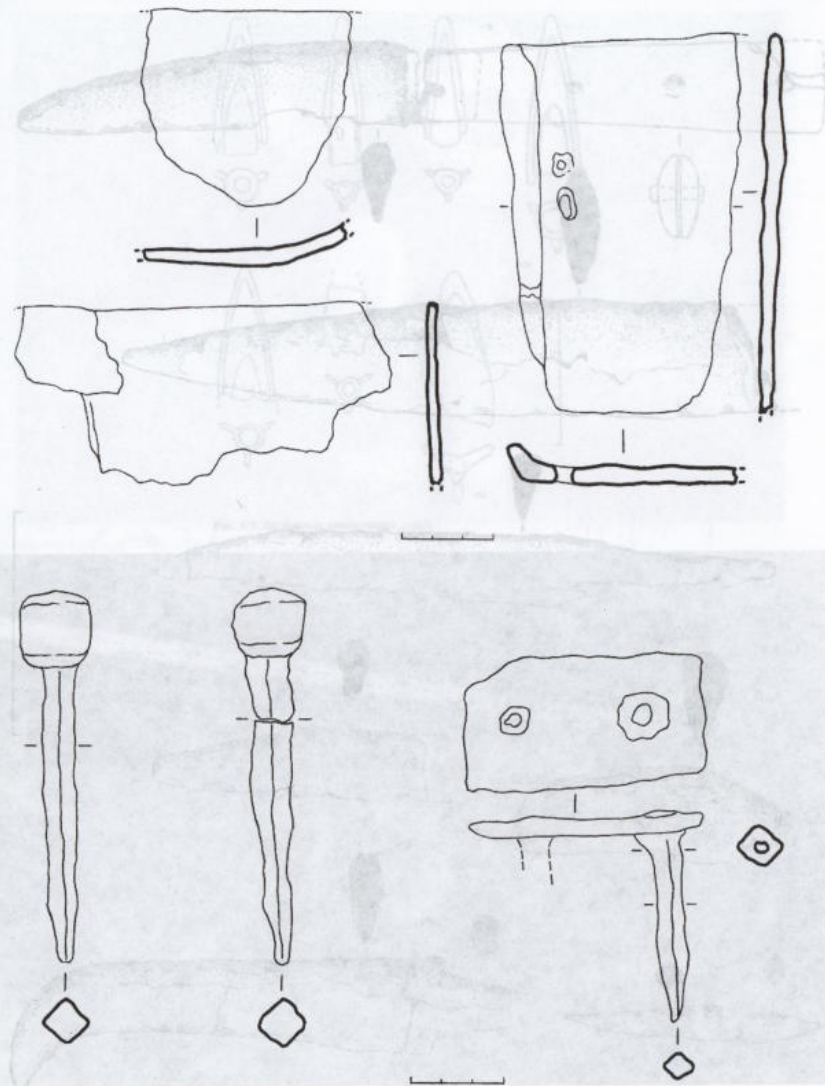

Рис. 4/4. План, 20 раскопа 1/1. Различные варианты и общий вид в нижней части колодезного. Вид с юга

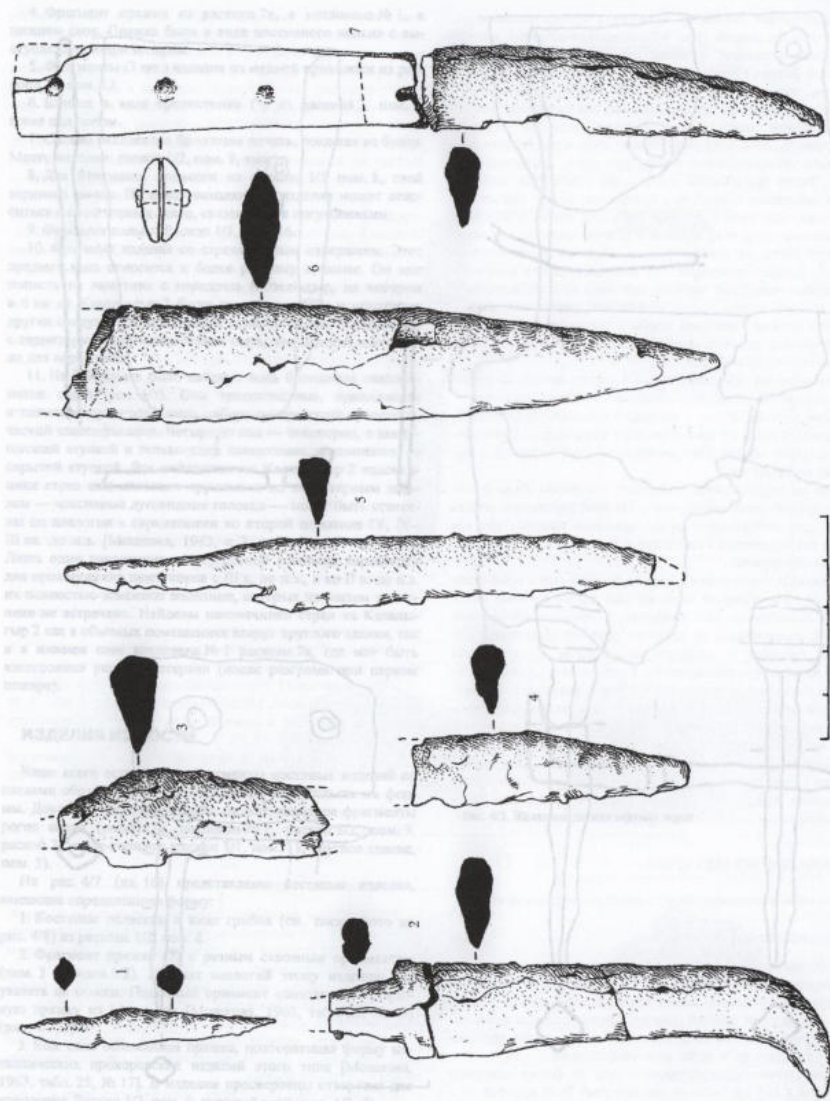

Рис. 4/4. Железные изделия

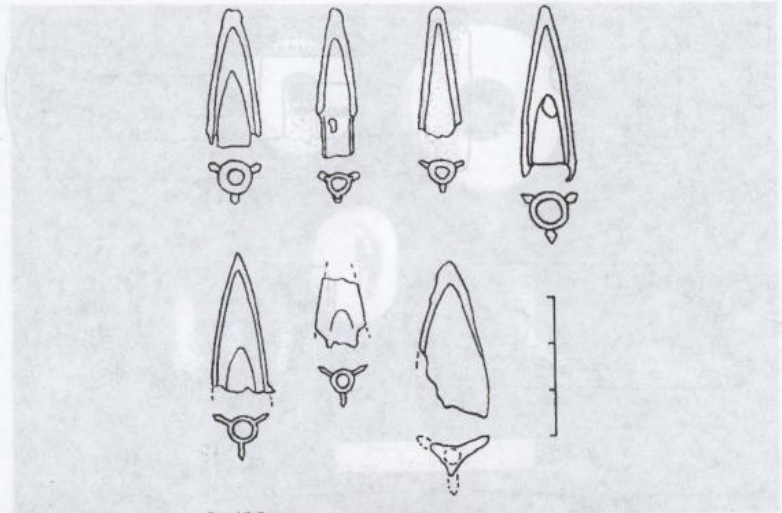

Рис. 4/5. Бронзовые наконечники стрел

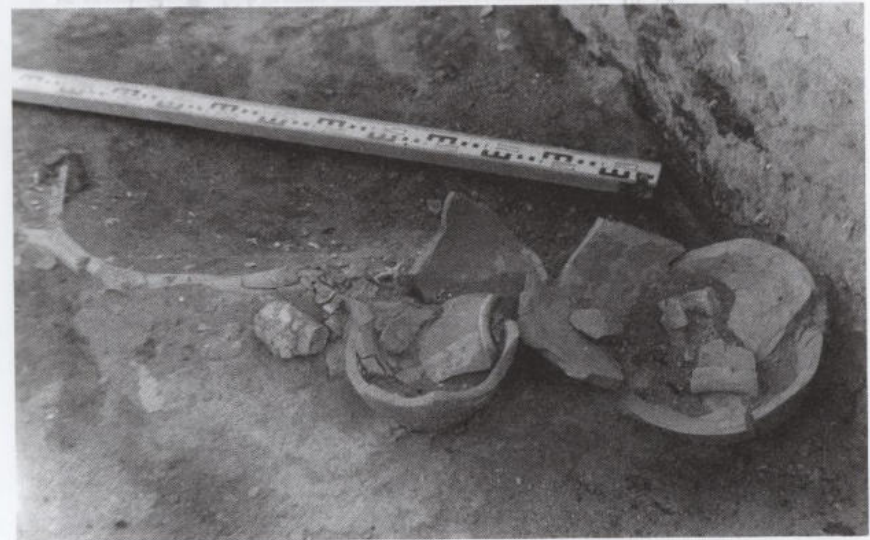

Рис. 4/6. Пом. 10 раскопа 1/1. Развалы сосудов и олений рог в западной части помещения. Вид с юга

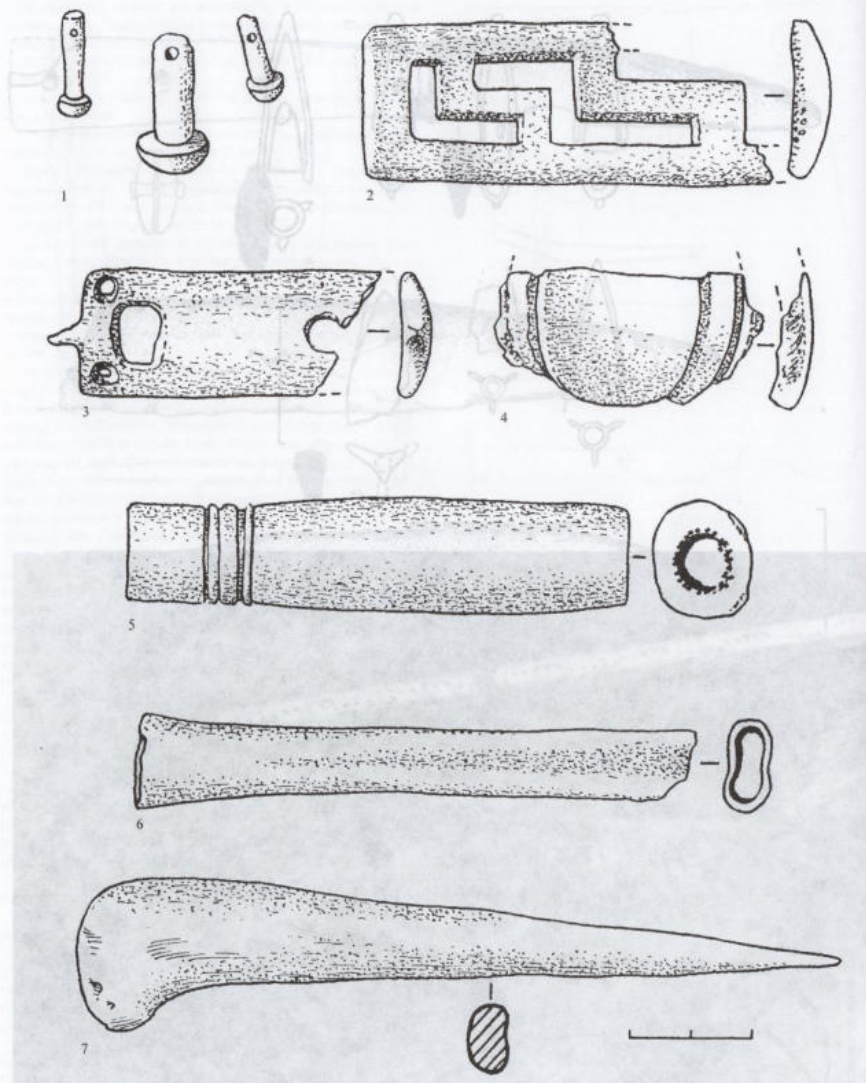

Рис. 47. Изделия из кости

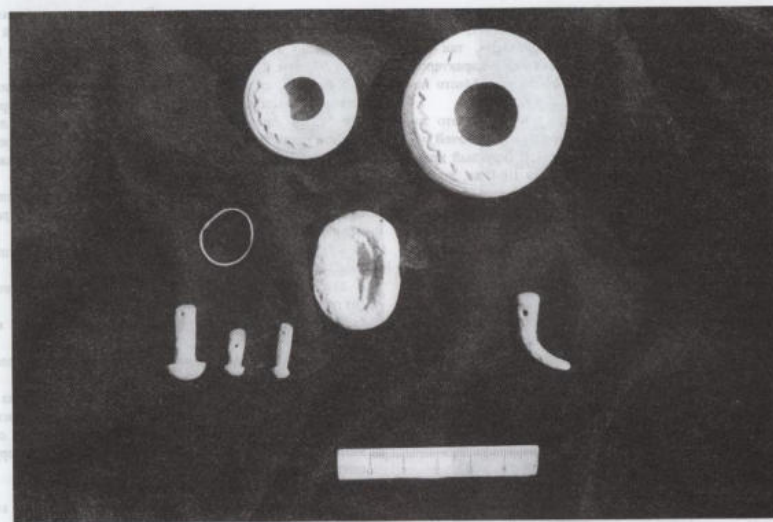

Рис. 48. Каменные сосудики, форма для отливки иловальников, костяные и стеклянные подвески

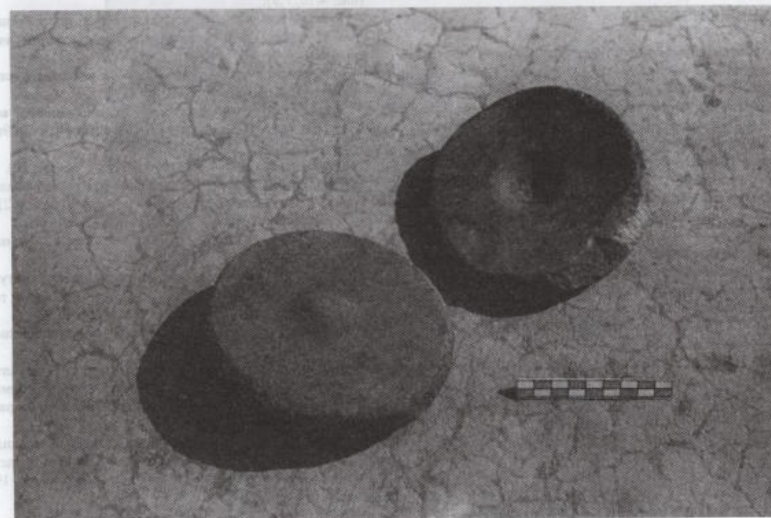

Рис. 49. Каменный терочник

4. Остальные предметы — трубчатые цилиндрические ручки, проколка и фрагмент резного изделия (рис. 4/7, 4-7) не имеют какой-либо хронологической «привязки», так как встречаются очень широко, форма их связана с характером исходного материала и методами его обработки. Место находки: раскоп 2, раскоп 1/1.

5. Еще одно изделие, не вошедшее в рис. 4/7, — это типично прохоровская костяная ложка с овальной рабочей частью 7x7 см и короткой обломанной ручкой (круглый храм, пом. 2). Подобные изделия характерны для III-II вв. до н.э. [Мошкова, 1963, табл. 26].

6. Фрагмент рогового псалма из трех фрагментов (раскоп 6, айван, горелый слой), форма его не реконструируется.

7. Довольно архаичной выглядит находка кабаньего клыка со следами обработки из раскопа 7.

8. В слое Калалы-гыр 2 встречено всего два астрагала со следами обработки (раскоп 1/1, пом. 17 и раскоп 6, айван).

9. Выдающимся изделием из кости является «переходная» втулка из рога оленя с прекрасными гравированными изображениями. Найдена она в северной части раскопа 7а в сильно разрушенном виде, но благодаря усилиям реставраторов восстановлена полностью. Описание ее дано в связи с изображением в главе 5 в разделе о памятниках искусства (см. рис. 5/30).

ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ

См. в Приложении 4 — авторы С.Б. Болелов и Н.Д. Двурецкая.

КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Представлены на памятнике довольно большим количеством предметов.

1. Круглый терочник из двух частей, одна из которых штырем входит в другую (рис. 4/9). Подобные изделия встречаются на Ай-Ханум (см. ниже) и в Персеполе. Предполагают, что они служили для растирания хаомы. Наш терочник найден в пом. 5 раскопа 1/1, где отмечены следы изготовления священного напитка.

2. В обилии найдены фрагменты ладьевидных зернотерок и терочников к ним. О подставках для этих изделий уже писалось в главе 2.

3. Восемь штук оселков или их фрагментов. Изделия, как правило, удлиненной формы с отверстием в верхней части. Есть и широкие и тонкие экземпляры. В раскопе 2 к югу от пом. 7 в горелом слое обнаружено сразу три таких предмета, в раскопе 1/1, в пом. 8 — два экземпляра, по одному — в раскопе 12 внутри помещения башни в северной стене, раскопе 2, пом. 3 на полу и в раскопе 1/1 в пристенном завале сырца (у крепостной стены).

4. Два четырехгранных пестика из раскопа 7, пом. 2 (у северной стены под полом).

5. Фрагменты каменных пряслиц (округло-коническая форма) — раскоп 1/1, пом. 16; раскоп 1/2, пом. 8, верхний слой (ил. 19).

6. Мелкие каменные горшочки из светлого камня (рис. 4/8, 4/10, ил. 15) с орнаментом из вырезанных треугольников по плечикам, вокруг которых была красная паста, что сближает их с импортной чернолощеной посудой. Возможно, что они

происходят с одной территории. Горшочки эти явно импортные, но есть один керамический сосудик, повторяющий форму и отделку этих каменных изделий. Место находки их — раскоп 1/2, пом. 8, из ямы.

7. Каменная, сильно расщелившаяся крышка от гнившей деревянной пиксиды. Оформлена, как и предыдущие горшочки, резными треугольниками между циркульных линий и красной пастой в них. Диаметр — около 8 см, с внутренней стороны — выпуклая. Раскоп 7, пом. 2, из намывов нижнего слоя.

8. Каменные лощила. Два из них найдены в раскопе 1/2, пом. 8, еще два в раскопе 1/2, пом. 12, по одному в раскопе 1/1 в пом. 8, 13 и 16.

9. Фрагменты каменных плакеток, плиток и чашечек (рис. 4/10, ил. 15):

а) с резным орнаментом по краю — пом. 5 раскопа 7 (из горелого слоя);

б) фрагмент плакетки с инкрустацией красной краской — раскоп 1/2, пом. 12;

в) с пунсоным орнаментом, фрагмент затерт красной краской — раскоп 1/1, пом. 9а, горелый слой;

г) там же были найдены фрагменты чашечек: одна — с резным краем, а вторая — со следами растирания краски;

д) фрагмент плитки с прорезным орнаментом, в орнаменте — черная краска. Раскоп 7, подъемка к северу от центрального здания.

10. Фрагменты каменных сосудов:

а) фрагмент блюда из серо-зеленоватого камня с выделенным поддоном со следами вторичного использования и красной краской. Раскоп 1/2, пом. 7, верхний слой (рис. 4/10, 7,9);

б) открытый полусферический сосуд из раскопа 1/2, пом. 9, камень темно-серый, следы сверления внутри (рис. 4/10, 14);

в) фрагмент сосуда со сливом — в зачистке к югу от круглого здания, серый камень;

г) фрагмент блюда с частично сохранившимися вставками из красного камня по краю — раскоп 1/1, пом. 9а, горелый слой.

11. Небольшие каменные заготовки для печати (?), очевидно (раскоп 1/1, пом. 10), и для каких-то изделий — каменная полированная плитка для неясного изделия (раскоп 2).

12. Сверленные диски — 2 шт. из раскопа 6, айвана.

13. Терочники (4 шт.) — раскоп 1/1, пом. 12, зачистка нижнего пола.

14. Уникальная находка фрагмента каменной статуэтки (мужчины?), сохранилась правая верхняя половина торса с согнутой в локте рукой — раскоп 2, пом. 1, яма 5.

15. Пряслице из алебастра с циркульным орнаментом — раскоп 1/1, пом. 5, горелый слой.

16. Диски каменные сверленные (пряслица?) — две штуки (раскоп 6, айван). Следует обратить внимание, что небольшое количество каменных изделий происходит из пом. 9а раскопа 1/1.

17. Один целый и один фрагмент каменных цилиндрических сосудов (рис. 4/10, 13), аналогии которым представлены на Кой-кырган-кале [Кой-кырган-кала, 1967, табл. XV, 1].

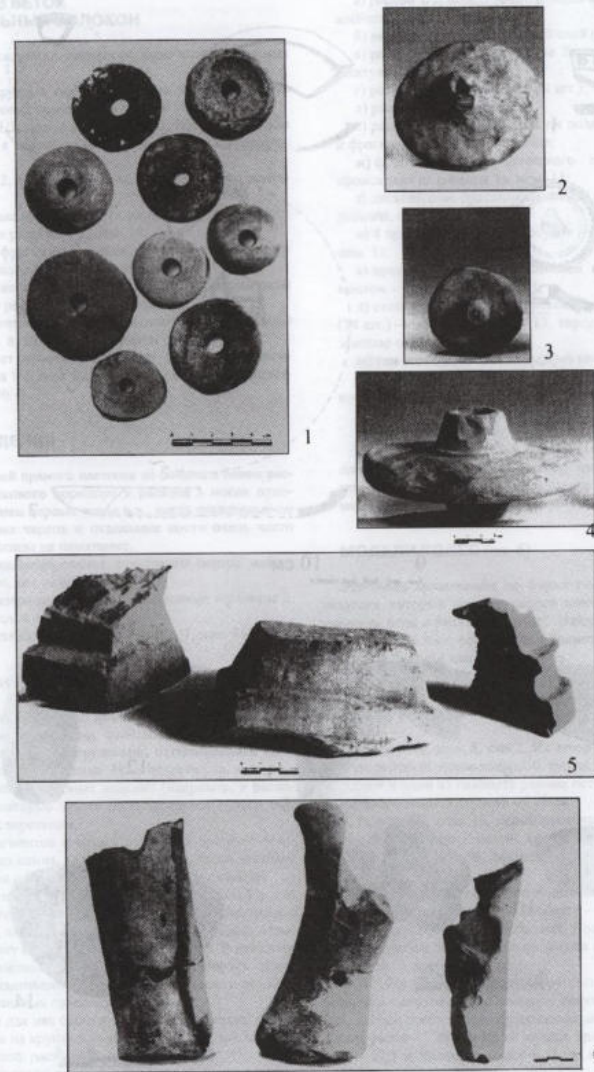

Рис. 4/10. а) керамические изделия

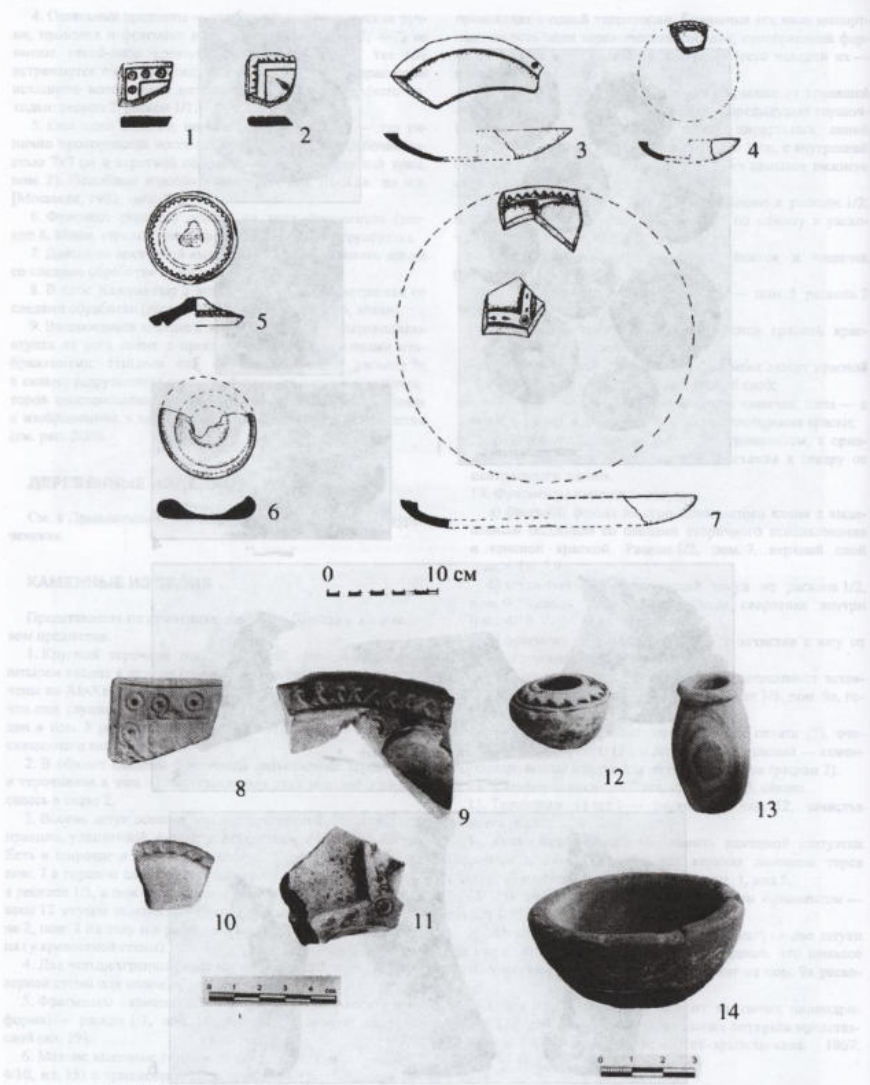

Рис. 4/10. б) каменные изделия

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ВЕТОК И РАСТИТЕЛЬНЫХ ВОЛОКОН

Горелый слой сохранил некоторое количество подобных изделий:

1. Фрагменты круглых плетеных корзин из тонких веток встречены в различных помещениях (рис. 4/11): а) в раскопе 1/1, пом. 1 пара таких корзин стояла рядом с зернотеркой, в одной из них были остатки сгоревшего проса; б) в раскопе 2, пом. 1 были найдены фрагменты плетеной корзины; в) аналогичные фрагменты (4 шт.) были обнаружены в горелом слое в раскопе 1/1, пом. 14.
2. Обугленные фрагменты плетня из растительных волокон найдены в раскопе 1/1, пом. 2, в яме.
3. Обугленный же плетень жгут из растительных волокон (3 фрагмента) — в раскопе 1/1, пом. 5, над полом.
4. Фрагменты веревок из растительных волокон найдены в раскопе 1/1, пом. 8, 12, 14, 15, в горелом слое.
5. Особо следует отметить фрагмент веревки от несовершенна из раскопа 1/1, пом. 8а, на нижнем полу (см. о нем в приложении № 4).

ТКАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Фрагменты тканей прямого плетения из бойниц в башне раскопа 2 и из стрелкового коридора в раскопе 3 могли относиться к погребениям первых веков н.э., когда очищенные по обряду выставления черепа и отдельные кости очень часто помещались в бойницы на памятнике.

К периоду функционирования культового центра можно отнести, бесспорно, две находки:

1. Фрагменты ковра из шерсти (?), найденные в раскопе 2, пом. 3, в горелом слое.
2. Фрагменты тканого шнура из раскопа 1/1, пом. 16.

ПРЯСЛИЦА И ГРУЗИКИ

Эти изделия вряд ли можно разделить, так как многие изделия, называемые пряслицами, особенно плоские диски из стенок сосудов, могли быть грузиками, оттягивающими нити в вертикальном ткацком станке. Нам встретились при раскопках целые стопки подобных изделий (например, в раскопе 1/1, пом. 13), которые могли использоваться только так, а не в сочетании с веретеном.

Несколько фрагментов и целых каменных пряслиц отмечено в изделиях из камня. Они, скорее всего, были действительно пряслицами и использовались для прядения нитей.

Интересный комплекс был найден в пом. 2 раскопа 1/1, где в разрушенной шкатулке-ящике в горелом слое был найден набор предметов, явно связанных с каким-то обрядом, относящимся к ткацкому производству (см. рис. 4/13). В него входила статуэтка жирнохвостого (курдючного) барана, деревянные гребень, маленькие веретена или их модели и два «бочковидных» глиняных пряслица.

1. Новшеством для нас были и пряслица или легкие грузики, изготовленные из крупных рыбных позвонков (раскоп 1/1, пом. 5, горелый слой; раскоп 1/2, пом. 6, на полу).

2. Наиболее массовая находка — пряслица-грузики, выточенные из стенок гончарных сосудов:

- а) раскоп 1/1, пом. 5 (6 шт.). Здесь же были пряслица из алебастра и рыбьего позвонка;
- б) раскоп 1/2, пом. 7, верхний слой (2 шт.);
- в) раскоп 1/1, пом. 2, там же была найдена «ткацкая» шкатулка;
- г) раскоп 7в, котлован № 2 (2 шт.);
- д) раскоп 1/2, пом. 9;
- е) раскоп 1/2, пом. 13, обмазки пола (2 шт.), там же был и фрагмент каменного пряслица;
- ж) фрагмент полусферического глиняного пряслица происходит из раскопа 7в, пом. 11;
- з) дисковидное пряслице из стенки сосуда — из того же раскопа, пом. 12;
- и) 4 пряслица из стенок сосудов — в том же раскопе, в пом. 13;
- к) пряслице с черным лощением и пуансонным орнаментом — раскоп 1/1, пом. 14;
- л) стопка сверленных дисков из стенок сосудов (14 шт.) — раскоп 1/1, пом. 13, горелый слой и один экземпляр отдельно;
- м) там же был найден сырцовый глиняный грузик;
- н) диск из ножки кругового сосуда происходит из раскопа 2, пом. 1, яма 5;
- о) грузило (?) глиняное — раскоп 1/1, пом. 8а, яма 1;
- п) диск из стенки сосуда — раскоп 1/1, пом. 16;
- р) из айвана в раскопе 6 (вблизи входа во входной комплекс) происходит целый набор изделий: биконическое глиняное пряслице, диски из стенок сосудов (6 шт.), каменные сверленные диски (2 шт.).

МОДЕЛИ КОЛЕС (ил. 6)

Это очень архаические по форме гончарные изделия, назначение которых неясно; скорее всего, они могли играть какую-то роль в ритуале (обряде). Найдено три целых экземпляра и несколько фрагментов. Диаметр их разный, втулка выступает с одной или обеих сторон.

1. Раскоп 7, пом. 5, горелый слой. Из этого объекта происходят многие культовые предметы.

2. Пять фрагментов из поверхностной зачистки того же раскопа.

3. Раскоп 1/2, пом. 8, яма 2. Из этого помещения происходит импортный чернолощенный ритон, из ям — каменные сосудики и один из наиболее ранних остраков. Диаметр колеса с односторонней втулкой — 11 см.

4. Раскоп 1/1, пом. 13, серый супесчаный слой. Это помещение «намянито» стопкой дисков-пряслиц. Изделие изготовлено ручной лепкой, диаметр — 7,5 см, втулка выступает на 2 см.

5. Может быть, к категории моделей колес можно отнести и диск с отверстием в центре (диаметр — 9,5 см, отверстие — 0,7 см) с двусторонней обработкой. Край подрезан, розовый ангоб и круглые пятна красного ангоба по окружности с обеих сторон.

6. В 1981 г. при раскопках круглого здания в одной из бойниц с черепами было найдено уникальное изделие, которое, скорее всего, имело функциональное назначение, но по конструкции — это модель колеса (рис. 4/14, 4). Диаметр его — 17,5 м, толщина диска — 2 см, высота втулок, выступающих с обеих сторон, — по 3 см, форма их усеченно-коническая. Тесто — розовое плотное, есть редкие включения

Рис. 4/12. Фрагменты из раскопанных валамов

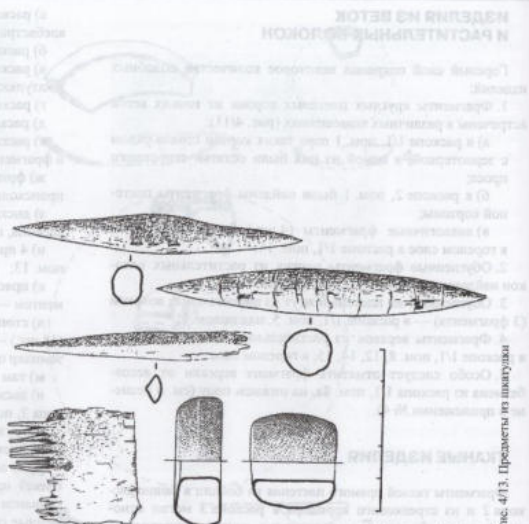

Рис. 4/13. Предметы из шакурдана

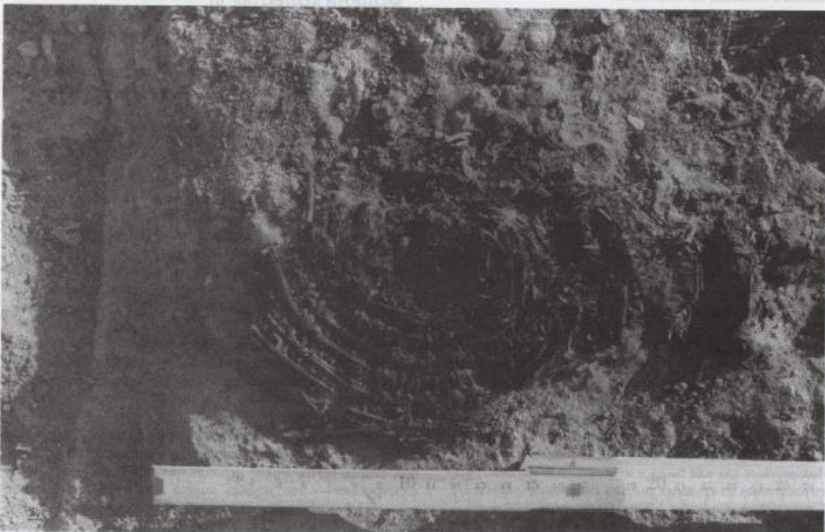

Рис. 4/11. Образцы ступенчатой пазеловой керамики

гипса. Ангоб светлый, покрывает обе стороны. Одна из них производит впечатление лицевой. Здесь невысокий валик охватывает основание втулки. Есть следы вращения при изготовлении этого «колеса». Обратная «сторона» несет следы подсыпки при изготовлении. Внутри втулка хорошо отполированная, следы трения четко фиксируются и на ободке «колеса». Хотя это изделие встречено в комплексе с черепами первых веков н.э., скорее всего, оно происходит из раннего культурного слоя круглого здания.

«ПОДСТАВКИ»

Эта категория изделий представлена фрагментами, которые весьма условно могут быть названы «подставками» и еще более условно отнесены к бытовым предметам. Скорее всего, большая часть их либо служила «алтариками», либо просто была культовыми предметами, употреблявшимися в разных обрядах. Все они глиняные, обожженные.

1. Фрагменты цилиндрической полой «подставок» — раскоп 7, траншея.
2. Аналогичное изделие с тремя рельефными валиками — раскоп 1/2, пом. 7, пол.
3. Фрагменты красноангобированной трехступенчатой «подставок» — раскоп 7, зачистка поверхности.
4. Навершие алтаря в виде четырехступенчатого глиняного, обожженного изделия. Верхняя плоскость самая широкая, в центре ее наибольшее округлое углубление для огня. Напоминает навершия алтарей на сасанидских монетах. Огонь пожара сильно повредил его, много трещин, но реставрация позволила сохранить его форму. Раскоп 7, пом. 5, горелый слой.
5. Ножка светильника (?), круговая, светлоангобированная — раскоп 1/2, пом. 8, верхний слой.
6. Отсюда же, из ямы, происходит светлоангобированная «подставка».
7. Фрагменты биконических (?) круговых красноангобированных со светлым ангобом подставок — раскоп 1/2, пом. 7, верхний и нижний слои.
8. Фрагменты четырехугольной «подставок» с двумя или более ступенями, ангоб светлый — раскоп 1/2, пом. 7, нижний слой.
9. Три фрагмента глиняных «подставок» из раскопа 7, пом. 6, горелого слоя.
10. Фрагмент круглой трехступенчатой «подставок» из раскопа 7в, котлована № 1, нижнего слоя.
11. Фрагмент цилиндрической «подставок» — раскоп 7в, котлован № 1.
12. Оттуда же происходит фрагмент цилиндрического (?) многоступенчатого изделия.
13. Фрагмент нижней части «подставок» с отверстием в центре — раскоп 1/2, пом. 6, яма А.

УКРАШЕНИЯ

- Украшения редко встречались в слоях памятника.
1. Костяные подвески в виде грибочков, уже отмеченные нами в разделе о костяных изделиях. Повторим, что их было три штуки с отверстием в ножке. Найдены они в раскопе 1/2, пом. 7, на нижнем полу.
 2. Подвеска в виде рога из синего матового стекла (рис. 4/8). Найдена в раскопе 1/2 в поверхностном слое у входа в круглое здание.

3. Проволочное кольцо из желтого металла (рис. 4/8) — раскоп 1/2, пом. 7, нижний слой.
4. Сердоликовые бусины:
 - а) мелкая бочонковидная — раскоп 1/1, пом. 2;
 - б) сферическая — из раскопа 1/2, пом. 9, верхнего горелого слоя, яма № 2, диаметр — 0,5 см.
5. Фрагмент янтарной (?) бусины — раскоп 7, пом. 6.
6. Пастовые бусины:
 - а) цилиндрическая, может быть, коралл — раскоп 1/1, пом. 14, горелый слой над полом.
 - б) сферическая бусина — раскоп 7, пом. 6. Последняя, возможно, каменная, сильно расслоившаяся.
7. Коралловая цилиндрическая — раскоп 1/1, пом. 12.
8. Бисер из стеклянной пасты — раскоп 1/1, пом. 12, он, скорее всего, связан с поздними захоронениями.
9. Раковина каури — из раскопа 2, ямы № 5.
10. Подвеска из лазурита в виде раковины каури. Длина — 1,5 см, раскоп 6, айван, горелый слой.

У нас есть возможность проверить хронологию находок с Калалы-гыр 2, предложенную выше по аналогиям с сарматскими (прохоровскими) материалами, с датировками с еще более удаленного от Хорезма памятника — городища Ай-Ханум в Бактрии (Северный Афганистан, при слиянии рек Пяндж и Кокча). На этом греческом городе хронология слоев была определена не только по керамическим комплексам, выделенным ранее Ж. Гарденом [Gardien, 1957], но и по монетным находкам [Bernard, 1985], и надписям. Исследователи Ай-Ханум выделили восемь периодов (слоев) от конца IV в. до н.э. до 145–125 гг. до н.э. Считается, что греческий город погиб между 147 и 145 гг. до н.э., а потом лишь около 20 лет развалины использовались местными жителями [Veuve, 1987, chap. IX, с. 97–101]. В детальной публикации А.П. Франкфора, посвященной изданию храма с уступчатыми нишами и всего инвентаря, найденного там [Francfort, 1984], представлены многие изделия, аналогичные калалыгирским. Это бронзовые втульчатые, трехлопастные и трехгранные наконечники стрел со скрытой и выступающей втулкой (там же, табл. 19 и XIX; XXVII), изделия из железа (там же, табл. XXIII–XXV, XXX — ножи) и, что имеет особое значение, уникальные для памятников Средней Азии каменные плакетки квадратной формы с орнаментом по бортику и небольшие каменные жетончики с прочерченным орнаментом и с мелкой инкрустацией (иногда металлические вставки) (см. там же, табл. XIV, IX). На этом памятнике найдены и небольшие круглые каменные терочки, подобные калалыгирским, предназначавшиеся, по нашему мнению, для растирания священного растения — хаоми (см. там же, табл. 30, VI и XXXVIII, VI). Храм с уступчатыми нишами занимал центральное положение в городе и был, вероятно, одной из главных его святынь. Основной период функционирования этого храма датирован временем Селевка [Bernard, Francfort, 1978, с. 13], разрушен он был после 150 г. до н.э., когда был сожжен. Наиболее поздний пол отнесен к посттретичному времени [Francfort, 1984].

Таким образом, датировка по аналогиям с двумя независимыми и удаленными друг от друга комплексами дает основание определить время существования Калалы-гыр 2 в пределах от конца IV в. до н.э. до середины II в. до н.э. К вопросу о начальной дате всего постахеменидского периода в Хорезме мы уже обращались [Вайнберг, 1991, с. 22–24, 32, 84] и вынуждены будем повторить некоторые наиболее важные выводы в Заключение к настоящей работе.

Глава 5

КУЛЬТОВАЯ КЕРАМИКА И ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА

ПАРАДНАЯ И КУЛЬТОВАЯ КЕРАМИКА

Мы объединили эти две условные группы керамики, так как не всегда их можно разделить.

К этой категории отнесены: ритоны в виде рога и амфоровидные двухсосковые оригинальные по форме сосуды типа ритонов; флаги с рельефами, сосуды необычного оформления (с граффито, крышка с рельефом), светильники и разного вида алтарники; кувшинки с налепами на ручках и некоторые типы бытовой посуды, употреблявшейся, несомненно, при некоторых ритуалах.

Ритоны роговидной формы местного производства относятся к известным по уникальным образцам типам с протоной в виде коня (рис. 5/1, 2). Целый экземпляр такого сосуда был найден на Калалы-гыр I в слое пожара позднего освоения помещения дворца. На нашем памятнике найден один археологически целый экземпляр (был в сильном пожаре, расстрескался на мелкие куски, цвет теста изменился от огня), он несколько ниже калалыгырского, протома тоже несколько уменьшена. Под венчиком ритона проходят две небольшие рельефные полоски. Отверстие для питья расположено на груди лошади. У нее смоделированы уши, бугорки надбровий и намечены подогнутые ноги. Детали отсутствуют, если какие-то изображения и были нанесены ангобной краской, они при пожаре не сохранились. Ширина ритона по венчику около 14 см, высота — 24 см, над протомой ширина сосуда — 7 см.

Остальные экземпляры имели еще худшую сохранность, хотя стоит отметить, что каждый ритон отличает индивидуальная манера изготовления. Общие признаки: два валика ниже края сосуда и одинаковые пропорции (соотношение ширины и высоты). Встречены совсем мелкие формы, высотой не более 16–17 см. У груди лошади иногда на месте суставов подогнутых ног сделаны шишечки-выступы типа упоров, обращенные вниз.

Представляется, что ритоны в Хорезме в это время были как красноангобированные, так и светлые. На протомах могли четко выделяться глаза, иногда ребром изображалась грива. Морда лошади часто имеет вытянутые пропорции.

Амфоровидные ритоны (рис. 5/2, 3, 4). Ранее были известны нижние части сосудов с двумя сосками [Кой-крылган-кала, 1967, табл. V, 23, 24], но общий облик подобных сосудов был неизвестен.

Мы сейчас располагаем двумя целыми сосудами подобного типа и рядом фрагментов от других. Целые экземпляры были найдены в бесспорно культовых помещениях. Первый художественно оформленный амфоровидный ритон был найден перед культовой нишей на верхней площадке входного

этого или иного здания, который был разрушен в результате пожара, который произошел в конце VII в. н. э. В результате пожара были разрушены все здания, которые находились в этом дворе. В результате пожара были разрушены все здания, которые находились в этом дворе. В результате пожара были разрушены все здания, которые находились в этом дворе.

«КВАТРОПОЛ»

комплекса, он попал в пожар уже после того, как был разбит, фрагменты частично обгорели. Сосуд красноглиняный с ярко-красным ангобом, высота сосуда от венчика до дна — 27 см, ширина дна без сосков — 10 см, ширина венчика по внешнему краю — 8 см, наибольший диаметр тулова около 18 см. Два симметрично расположенные ручки прикреплены к плечикам и краю венчика сосуда, над которым возвышались на 3,5–4 см. Ручки оформлены прорезанными по сырой глине полосками, имитировавшими, вероятно, витые металлические. Верх ручек имел оригинальные налепы, тоже украшенные прорезными линиями. Налепы изображали головы каких-то фантастических животных с гривой, располагавшейся наискосок и повернутой на одну сторону (свисающей), есть обломки от рога или морды этого существа. Может быть, это были рогатые кони с большими гривами. Во всяком случае, навершия ручек могут быть сопоставлены, как и сами сосуды, с металлическими амфоровидными ритонами ахеменидской поры, известными как по переспольским рельефам, так и по случайным находкам из разных районов Ближнего Востока и Фракии [Ghirshman, 1964; Porada, 1965; Венедиктов, 1961; Маразов, 1980].

В отличие от этих амфор на нашем сосуде по плечикам располагались попарно на каждой стороне по две фигурки животных. Головки и часть туловища от них утеряны, на туловах сохранились насечки, передававшие шерсть, по-разному показаны лапы каждой пары: в одном случае кружками (пуансон), а в другом — черточками (типа когтей). Животные были обращены головами друг к другу, а хвостами к основанию ручек сосуда. Под фигурками животных на верхней части тулова сосуда имеется два ряда пуансонного орнамента из нехрупких кружков, а ниже до самого дна идут вертикальные извивающиеся линии, прорезанные, как и весь орнамент, по сырой глине. Создается впечатление, что передана картина трех уровней мироздания: верх ручек с какими-то животными с развевающейся гривой символизировал небесную сферу, налепы на плечиках — земной уровень, который олицетворяли две пары животных, и тулово сосуда, как бы украшенное водяными струями с пузырьками над ними, — нижний мир. Подобное деление сфер на сосудах из Фракии отмечалось исследователями.

Нам удалось при склейке сосуда проследить технику его изготовления. На круге изготовлялся обычный хорезмийский кувшинчик с небольшим дном, затем у края дна острым предметом прокалывались два симметрично расположенных отверстия, которые снаружи уже оформлялись налепами в виде небольших сосков. Специальное назначение двухсосковых ритонов не вызывает сомнений, скорее всего, они предназначались для каких-то церемоний (ритуалов), в кото-

Рис. 5/1. Ритоны местного производства.

КУЛЬТОВАЯ КЕРАМИКА И ПАМЯТНИКИ

ПАРАДАЧНАЯ КЕРАМИКА

Мы исследовали как по форме, так и по стилю керамику, сделанную в Хорезме, в частности, в Бухаре и Самарканде. В Бухаре, например, мы обнаружили, что керамика, сделанная в Бухаре, отличается от керамики, сделанной в Самарканде. Это связано с тем, что в Бухаре была своя традиция изготовления керамики, которая отличалась от традиций Самарканда. В Самарканде же керамика была более простой и функциональной. В Бухаре же она была более декоративной и сложной. Это связано с тем, что в Бухаре была своя традиция изготовления керамики, которая отличалась от традиций Самарканда. В Самарканде же керамика была более простой и функциональной. В Бухаре же она была более декоративной и сложной.

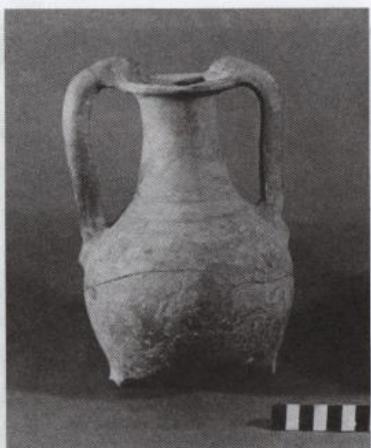

Рис. 5/2. Амфоровидный керамический ритон. Фото

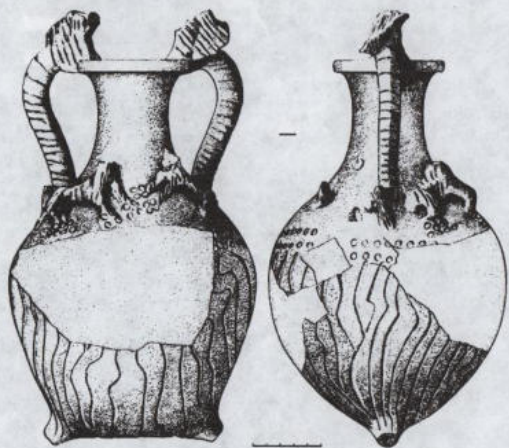

Рис. 5/3. Амфоровидный керамический ритон с верхней алтарной площадкой

рых должно было участвовать два персонажа: клятвы, договоры, свадебные церемонии и т.д. Рядом с описанным ритонном, как и с другим целым экземпляром из пом. 2 раскопа 3, были найдены кубки. Это обычное сочетание встречается на изображениях с роговидными ритонами. Вероятно, при использовании сосуда в него наливалась жидкость из кубка, так как сам ритон независимо от формы держать (удерживать) жидкость не мог. В связи с этим следует вспомнить изображенные в руках у широко известной терракотовой статуэтки с Кой-крылган-калы (табл. XXV, 4) два сосуда — двуручный кувшинчик и сосуд типа кубка-горшочка. Вероятно, перед нами также пара сосудов, а двуручный кувшинчик — это бесспорно амфоровидный двухсосновый ритон.

Как уже отмечалось, второй целый амфоровидный ритон найден в пом. 2 раскопа 3. Это специально охранявшееся двойной дверью помещение, где, по нашему мнению, хранился священный напиток (вдоль стены стояли в ряд крупные сосуды, а посередине помещения находились амфоровидный ритон и усеченно-конический кубок на ножке — вернее, на подставке). Этот ритон был оформлен скромнее: у него на довольно тонких прямых ручках сверху сделаны налесты в виде львиных головок, как бы закусивших край сосуда. М.Г. Воробьева детально анализировала этот прием украшения в кувшинках, в частности, она в качестве прямой аналогии приводила двуручный металлический сосуд из амударьинского клада с головами львов на ручках [Воробьева, 1958], наш же ритон с такими же налестами представляет еще более близкую аналогу амударьинскому.

В нашей коллекции есть еще два очень оригинальных ритона. Один — это кольцевой ритон диаметром около 30 см. Сохранилась часть корпуса, сделанного из прямой глиняной полосы, соединенной в нижней части кольца. Диаметр трубки ритона — 4,5 см, в верхней ее части сделано отверстие, в которое был вставлен маленький традиционный конический бокал без дна. Через этот «раструб» в ритон наливалась жидкость, для питья которой внутри кругового корпуса был сделан тонкий трубчатый сосок. По форме этот ритон напоминает очень архаические античные аски. Не вызывает сомнения местное изготовление этого сосуда, он имеет розовое местное глиняное тесто и красный ангоб, кубок-«раструб» известен широко в местной керамике.

Второй ритон имеет корпус в виде прямой трубки с внешним диаметром не более 3 см, длина его — 20 см. Отверстие сквозное, на нижнем конце была протомы в виде головки какого-то животного, устье ритона имело «раструб» диаметром в 10 см. Трубка-корпус ритона была помещена в керамический же футляр, от которого сохранились лишь следы облома. Он начинался примерно в 2 см от края сосуда и, очевидно, конусом заканчивался у протомы. О бесспорном существовании такого футляра кроме обломов свидетельствует и отсутствие ангоба и вообще какой-либо отделки поверхности на трубке основного корпуса. Изготовление подобного сосуда, как нам представляется, происходило по индивидуальному заказу человека, который был обязан пить, но по состоянию своего здоровья не мог этого делать.

Кроме местных сосудов типа ритонов в культовом центре в употреблении были и импортные ритоны. Найдено два великолелпных целых ритона и очень выразительная протомы от третьего (ил. 10, 11, 20). Все они происходят из одного культурного центра (области), они серого теста, чернолощенные и украшены прорезными геометрическим орнаментом, заполненным красной пастой. Наиболее крупный ритон имеет вы-

соту 38 см, диаметр устья около 16 см, ствол его резервуара около 10 см в диаметре, он очень слабо сужается к устью. Верхняя часть (около 12 см высоты) ритона имеет вид чаши, слегка сужающейся к стволу. Внизу тулова ритона поворачивалось под прямым углом и завершалось протомой животного. На повороте сохранился налестный орнамент, передававший, скорее всего, гриву льва, сама протомы обломана, отверстие для питья располагалось в гриве. Орнамент состоит из прорезных полос, ломаной зубчатой линии, прорезанной по сырой же глине, и ряда полукругий у места смыкания «раструба» со стволом ритона. Весь орнамент расположен тремя поясами: под венчиком, ниже «раструба» и примерно в середине ствола ритона. Прорезные линии расположены в нижней части орнаментального пояса, их в каждом случае разное количество.

Второй целый ритон несколько короче, но в общем повторяет форму описанного: «раструб» сверху, сужающийся к стволу ритона, но у него очень оригинально оформлена протомы, изображающая козлиногого сатира с рогами, фигура последнего образует ручку сосуда (прим редкий в ритонах). Этот ритон попал в сильный огонь, в результате большая часть его изменила цвет черепка на бежево-серый. Украшают его такие же прорезные полосы орнамента.

От третьего ритона имеется только протомы в виде головки коня в упряжи с бляхами на перекрестках ремней. Моделировка коня в отличие от ритонов местного производства очень детальная и высокохудожественная. Грива разделена зубчиками и показана ровно подстриженной, хорошо проработаны уши коня, глаза, рот и ноздри, показаны два повода и оголовье, наверху удили. Прорезные линии, которыми изображена упряжь, были заполнены красной пастой, которая очень эффектно выделялась на черной лощеной поверхности ритона.

Фляги встречаются как простые бытовые, так и парадные, среди них особого внимания заслуживают те, на уплощенной стороне которых были помещены рельефные композиции. Анализ этих композиций предлагаем нам в главе 7, здесь же мы остановимся на технической характеристике этого типа керамики.

Фляги появляются именно в эту эпоху в керамическом комплексе Хорезма. Возможно, что здесь, как и в ряде других случаев, сказалось влияние древневосточной традиции, но прототипов для фляг с рельефами мы указать не можем, это, скорее всего, чисто хорезмийское изобретение, в котором синтезированы были некоторые приемы изготовления металлических сосудов, каменной резьбы (особенно композиции в глиптике), и керамических рельефов на отдельных пластинках (известны в эту эпоху во Фригии).

Мы возлагаем большие надежды на то, что, как и в последние десятилетия, в северной части Ирана, на территории древней Мидии будут найдены новые памятники искусства, которые смогут объяснить некоторые истоки для древнехорезмийских памятников. Уже сейчас можно отметить, что именно для северных районов Ирана в эпоху, предшествующую Ахеменидам, известен прием сочетания чеканки и рельефа при изготовлении металлических сосудов [Лукоцкий, 1977]. Представляется, что влиянием такой техники можно объяснить и появление на хорезмийском амфоровидном ритоне налестных фигурок на плечиках. Но и в этом очень своеобразном районе Северного Ирана не известны керамические рельефы какого бы то ни было типа.

Рис. 5/4. Ритоны. Фото

Фляги на Калалы-гыр 2 встречены разных размеров: крупные, до 50–60 см в диаметре (огромных экземпляров типа тех, что были найдены на Кой-крылган-кале, у нас нет), и помельче, вплоть до 18–20 см в диаметре. Среди крупных и средних по размерам есть не только красноангобированные с рельефами, но и светлоангобированные с росписью. Последние бывают и богато оформлены сложной росписью красным ангобом. Кроме традиционных «солярных» композиций разных типов, есть и геометрические в виде сетки, всевозможные завитки (см. главу 3 и ил. 13, 18). Роспись располагается на обеих сторонах фляг. Простейший тип росписи — крест на каждой стороне фляги. Иногда мастера изощрялись в фантазии — есть экземпляр, где ушки-ручки были сняты в сыром виде и им была придана антропоморфная форма (схематическая голова), росписью эта обработка дополнялась, и сомнения в случайности подобного изображения полностью отпадают.

Техника моделирования рельефов на флягах достаточно хорошо видна по изломам плоской стороны этих изделий. На сформованную из двух половинок флягу на уплощенную сторону накладывался тонкий слой глины с оттиснутым на ней по калыбу рельефом. Край его прижимался и часто подрезался или подравнивался ножом или острой палочкой. В изломе видна характерная слоистая структура уплощенной стороны фляги с рельефом.

Иногда наложенный на флягу рельеф в сыром виде правился тонким острым предметом, в одном случае (календарный миф). При изготовлении фляги с календарным мифом использовался уникальный прием изготовления рельефа по частям: явно первоначально был наложен слой глины с оттиском части изображения, а потом повторяющиеся изображения Митры с вихревыми розетками вокруг него, олень с деревом были нанесены отдельным штампом. В этих местах слой глины несколько выше, видны и следы его соединения с остальным рельефом. Неясно, был ли изображен изначально на рельефе центральный персонаж — большая птица, она выполнена почти без рельефа, перья и контуры фигуры прочерчены или изображены наколами. На других изделиях такие приемы нами не наблюдались.

Рельефы теперь известны и на уплощенной сверху крышке сосуда (Гопатшах). Поверхность крышки практически ничем не отличается от уплощенной стороны фляг, так что дальнейшее увеличение числа подобных изделий вполне возможно.

Встречено несколько обычных по форме шаровидных широкогорлых горшков со светлым ангобом, необычно оформленных, вероятно в связи с их культовым назначением. В пом. 5 раскопа 1/1 был найден такой сосуд с прочерченным по сырой глине изображением, вероятно, раженой фигуры (рис. 5/5, 6). Изображение было прочерчено не очень глубоко. Высота фигуры — 15 см. Туловище ее развернуто в фас, голова — в профиль, руки разведены в стороны, согнуты в локтях, пальцы показаны условно растопыренными. Ноги слегка согнуты в коленях, повернуты вправо, как и голова персонажа. Общее впечатление, что персонаж изображен танцующим. На голове, изображенной очень схематично (может быть, это маска), кружком передан глаз, контуром — нос и подбородок, рта нет. По затылочной части и верху головы расположен валик волос (?), расчлененный поперечными насечками. Он выступает надо лбом, и здесь в нем помещена точка. Персонаж одет в кафтан, завершающийся на бел-

рах, штаны специально не прорисованы. Кафтан имеет черту, передающую, очевидно, сам пояс. Торе перекрещен двумя «лентами», правая из которых украшена овальными выступами. Один такой же выступ расположен под правой рукой персонажа. Интересно отметить, что этот сосуд найден в помещении, где, по нашему мнению, изготавливался священный напиток или компоненты его (растиралась трава, готовилась напиток).

В раскопе 3, где в пом. 2 хранился, очевидно, культовый напиток, был найден другой шаровидный горшок без дна, на котором ангобом были нарисованы стоящие в ряд деревья. Рисунок схематичный, похож на детский.

Найденные в большом количестве в раскопе 3 тазы, расписанные внутри крестами, предназначались для коллективных трапез во входном комплексе, которые могли совершаться во время ритуальных праздников, поэтому в известном смысле это культурная керамика, тем более что в рядовых бытовых комплексах керамики, как нам известно, этот тип керамики не встречался. Роспись на этих светлоангобированных тазах от края сосуда в виде креста пересекает его внутреннюю часть.

Велико количество миниатюрных сосудов, найденных на памятнике, часть из них встречена во входном комплексе и даже непосредственно вблизи ворот в крепость. В некоторых из них находилось зерно или сгоревшие остатки пористой структуры. Бесспорно, что это votивные приношения в культовый комплекс.

Среди многообразия миниатюрных сосудов представляются, как правило, формы столовой посуды (см. главу 3), они повторяют обычную местную керамику (ил. 7). Больше всего горшочков, кувшиновидных сосудиков без ручек. Все сосуды, как гончарные (круглые), так и лепные, и в отделке поверхности повторяют обычную посуду. Встречены фляжки, крышки, плоски. Нет тарелок, ритонов, кубков на ножке, редки и формы, близкие к коническим кубкам. В общем, создается впечатление, что в миниатюрном виде изготавливались сосуды, повторявшие не крупные формы бытовой посуды, предназначавшиеся для хранения зерна, жидкостей и т.д., но не было посуды для еды и питья, что лишний раз подтверждает вывод о votивном характере этой керамики. При выделке миниатюрных сосудов мастера-керамисты проявляли максимум фантазии: есть очень изящные вытянутые типы кувшиновидных сосудов, в некоторых кувшинчиках с ручками сделаны сливы, что не характерно для хорезмийской посуды этого времени, есть формы спаренных по высоте горшочков, фляжки с горлом на выпуклой стороне.

Среди серии миниатюрных сосудов немало импортных, принадлежавших, как и ритоны, к серии черлопозной керамики с прорезным орнаментом. В отличие от подобной керамики с Кой-крылган-калы (табл. XII) она имеет красную пасту в строгом геометрическом орнаменте и очень мелкие размеры самих сосудов (рис. 5/7, ил. 7). В Кой-крылган-кале к тому же эта черлопозная керамика с белой пастой отнесена к среднему и верхнему горизонтам. Можно отметить, что количество миниатюрных сосудов на Калалы-гыр 2 во много раз превышает койкрылганские.

Подставки, алтарники и т.д. Среди керамических изделий с памятника немало фрагментов от не всегда ясных изделий, явно не связанных с бытовым комплексом посуды. Есть нижние части довольно крупных гончарных сосудов типа куврильниц или ваз, некоторые из них имеют полый поддон. См. список подобных изделий в главе 4. См. также ил. 5.

Рис. 5/5. Сосуд с граффити

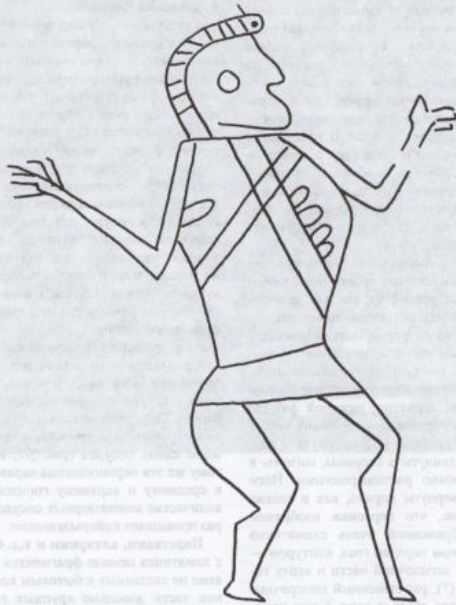

Рис. 5/6. Фигура, подтерченная по сырой глине на граффити

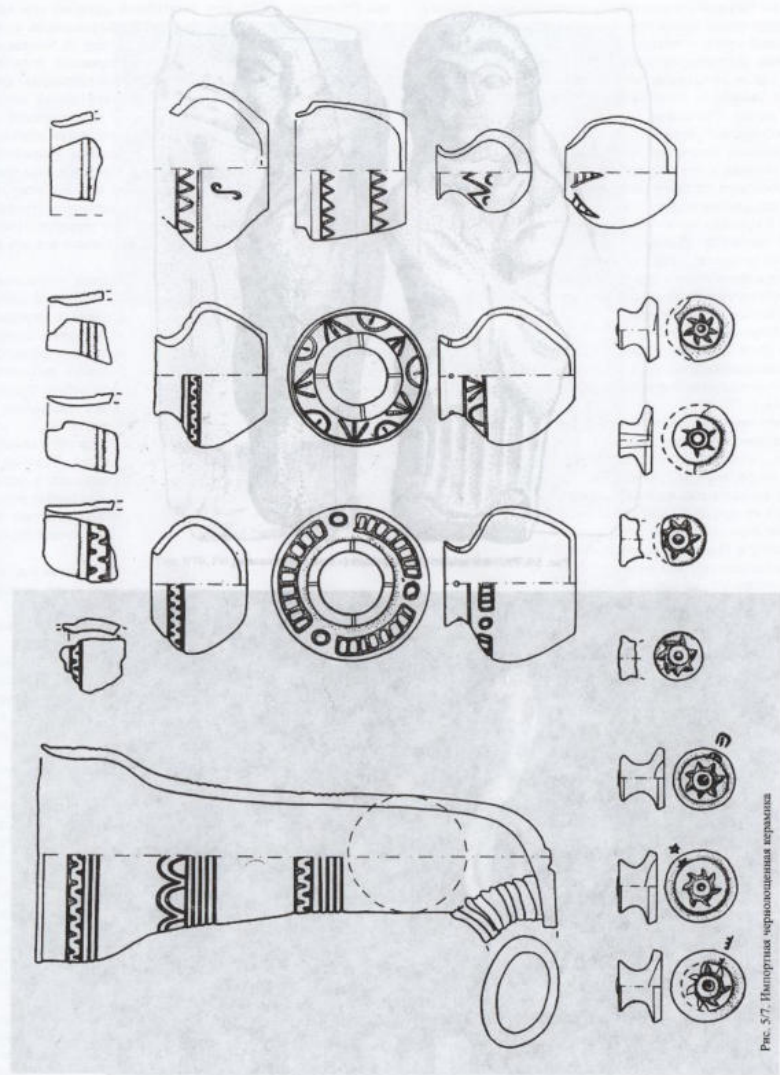

Рис. 5/7. Иллюстрия червополоченная керамика

Рис. 5/8. Рисунок нового типа терракот («дидма с флясками»)

Рис. 5/9. Терракотовая статуэтка с одноручным кувшином

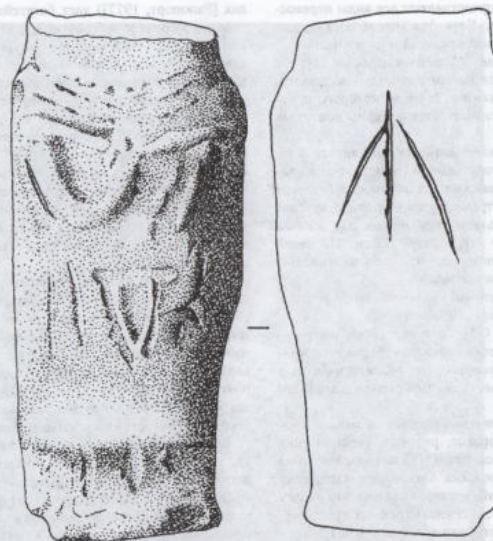

Рис. 5/10. Рисунок терракотовой статуэтки в нераспашной одежде

Рис. 5/11. Мужская терракотовая статуэтка. Фото

Для нас большой интерес представляют все виды переносных керамических алтариков. Есть фрагменты подквадратных изделий с трех- и четырехступенчатой верхней частью.

В очень разрушенном виде сохранился алтарь круглой формы, где на невысоком основании возвышается трехступенчатое квадратное «сооружение», ступени которого сужают его кверху. По своему смыслу этот алтарь повторяет символику круглого храма.

В комплексе сгоревших помещений, примыкавших с западной стороны к центральному зданию (пом. 5), было найдено уникальное глиняное навершие от переносного алтаря (ил. 3). Это расширяющееся тремя ступенями вверх круглое изделие с круглым же небольшим углублением для огня на верхней плоскости. Диаметр верха около 12 см. По своей форме это навершие алтаря повторяет те, что нам известны в сасанидской глинянке и нумизматике.

Технике изготовления культовой керамики была посвящена специальная статья [Вайнберг, 2000].

Терракотовые статуэтки. С.П. Толстов в своем монументальном труде «Древний Хорезм» специальный раздел посвятил древнехорезмийским терракотам, где рассматривал их в контексте историко-культурных проблем Средней Азии [Толстов, 1948, с. 196–210].

Над изучением и классификацией предметов мелкой пластики древнего Хорезма (терракот, ритонов, керамических рельефов, налепов на ручках сосудов и т.д.) позднее в течение многих лет работала М.Г. Воробьева. Она начала подготовку сводного каталога этих изделий, но, к сожалению, эту работу завершить не успела. С 1999 г. в течение трех лет продолжением этой темы занимались сотрудники сектора этноархеологии Института этнологии и антропологии РАН (бывшая Хорезмская экспедиция) при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 99-01-00302а, руководитель Б.И. Вайнберг). Работы М.Г. Воробьевой о терракотовых изделиях были восприняты нами как базовые (раздел в коллективной монографии [Кой-крылган-кала, 1967; см. также [Воробьева, 1958; 1981]).

Уникальное собрание терракотовых изделий, полученных при раскопках культового центра Калалы-гыр 2, однослойного памятника, относящегося к IV–II вв. до н.э. позволило уточнить классификацию этого материала (см. ниже Приложение 3) и выделить ряд хронологических определителей, которыми не располагала М.Г. Воробьева.

Материал с Калалы-гыр 2 дает основание говорить и о территориальных особенностях терракотовых статуэток в пределах левобережного и правобережного Хорезма. Представляется, что этот факт может найти объяснение в хозяйственном своеобразии каждого из этих регионов: в левобережном Хорезме большое место занимало оседлое и полукочевое скотоводство, своеобразным здесь было и формирование населения, а соответственно и идеологические традиции.

Выше мы подробно остановились на описании культовых сосудов с Калалы-гыр 2 и технике их изготовления. О верованиях, связанных с ритонами с протомами коней, мифологических сюжетах на флягах, символах орнамента на сосудах мы подробно пишем ниже в главе 7. Гораздо меньше можно сказать о терракотовых статуэтках и их роли в верованиях древнего населения Хорезма.

Анализ изображений на рельефах (первая попытка реконструкции космогонического мифа по материалам из Кой-крылган-калы была предпринята Ю.А. Рапопортом еще в 70-х го-

дах [Рапопорт, 1977]) дает богатейший материал для исследования культуры и верований древних хорезмийцев во второй половине I тысячелетия до н.э. (см. главу 7). Мелкая пластика, как и весь комплекс культуры (керамика, погребальный обряд и т.д.), показывает, что в I в. н.э. происходят существенные изменения в культовой практике (этому вопросу специально посвящена наша статья о хорезмийской эре [Вайнберг, 2000а]). В терракотах появились новые образы, на которых можно иногда проследить отголоски эллинистических или кушанских влияний. Вместе с тем некоторые традиционные образы (например, обнаженные женские статуэтки) продолжают развиваться с новыми деталями (головной убор — бант). Появляется новая категория терракот — музыканты. В типологии мы постарались отобразить все эти новшества.

Впервые нам удалось в раннем комплексе терракотовых статуэток выделить типы, характерные только для левобережного Хорезма: это так называемая «дама с физжмами» и цветком у груди (рис. 5/8, 14), женская фигурка с одноручным кувшином (рис. 5/9), серия терракот в нераспашной верхней одежде типа «кофты», одетой поверх складчатого платья (рис. 5/10). Подобная одежда в этом районе Хорезма, как можно судить по отдельным находкам в подвешенном материале, отмечается и на более поздних терракотах.

Вместе с тем некоторые типы статуэток раннего комплекса, известные с памятников правобережного Хорезма, не встречаются в левобережье (прежде всего терракоты с «щепочкой» ромбов на одной стороне фигурки). Покрывала различных видов, в которые были задропированы фигурки «богинь», богато представлены в материалах правобережной части страны.

По материалам женских терракотовых статуэток довольно хорошо прослеживается эволюция одежды — от довольно плотных и массивных, слегка драпирующихся изделий до явно легких, лежащихся даже мелкими складками покрывал, а также шарфов, закрывавших только часть фигурок.

Четко прослеживается и изменение жестов на этих изделиях. Если в раннем комплексе есть только фигурки с поднятой к лицу правой рукой, то позднее подобный жест выполнен левой рукой. На многослойном памятнике Кургаши-кала найдена при раскопках статуэтка явно раннего типа (по одежде) с поднятой левой рукой — очевидно, переходный тип.

По аналогии с терракотовыми статуэтками можно уточнить и датировку одного из ранних статуарных оссуариев, передающих стоящую женскую статую (в виде цилиндрического сосуда), так как на нем орнамент на одежде полностью повторяет тот, что имеется на терракотовых фигурках (треугольники по подолу и треугольники-ромбы по центру). Эта аналогия подтверждается и анализом теста оссуария — оно типично для керамических изделий первых веков н.э. Слегка выпуклое дно сосуда-оссуария правомерно сопоставить с бытовавшими в широком диапазоне в Хорезме сосулами (см., например, сводные таблицы античной и средневековой керамики в томе IV Трудов Хорезмской экспедиции [Воробьева, 1959]), а не с цилиндрическими изделиями архаического периода.

Серия мужских статуэток в коллекции вообще гораздо беднее женских. Она представлена ограниченным количеством типов и рядом уникальных головок. Пока мы не можем предположить сколько-нибудь убедительное объяснение этому факту. Возможно, что в системе домашних культов и ритуалов, с которыми, бесспорно, были связаны терракотовые

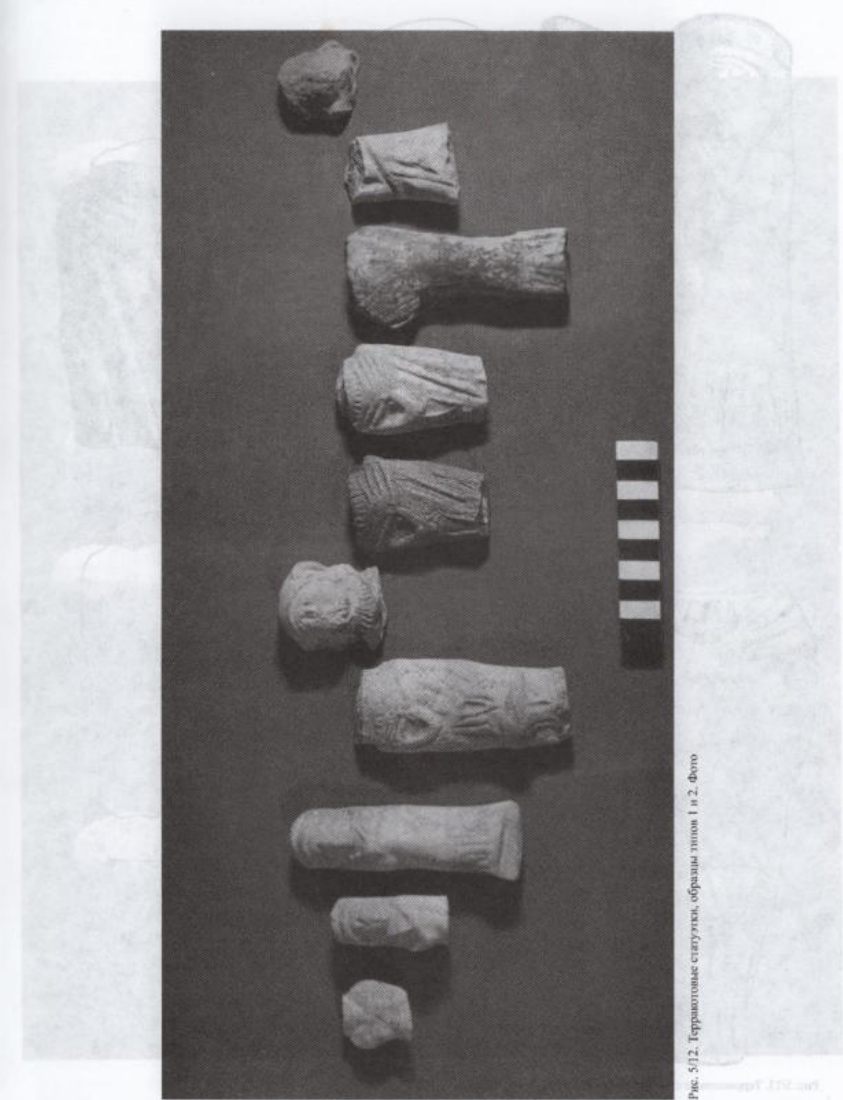

Рис. 5/12. Терракотовые статуэтки, образцы типов 1 и 2. Фото

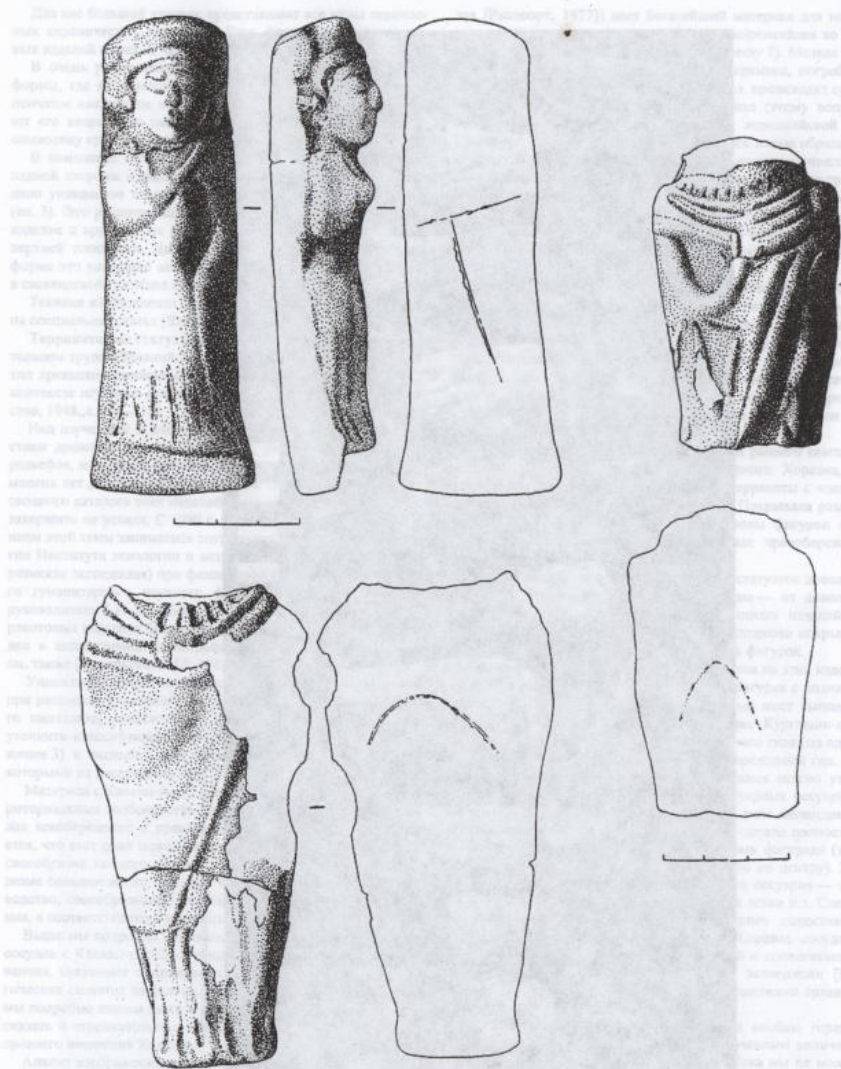

Рис. 5/13. Терракотовые статульки, образцы типов 1 и 2. Рисунки

Два из них (рис. 5/13, образцы типов 1 и 2) имеют антропоморфную форму. Они выполнены из глины и имеют форму женской фигуры. У образца типа 1 голова закрыта, а у образца типа 2 голова открыта. Оба образца имеют вытянутое тело и короткие ноги. В нижней части тела образцы имеют декоративные элементы, напоминающие складки или узоры. Рисунки выполнены в виде контурных линий, за исключением декоративных элементов, которые показаны с помощью штриховки. Под рисунками образцов типа 1 и 2 имеются небольшие горизонтальные штрихи, обозначающие масштаб.

Рис. 5/14. Терракотовые фигурки типа 3

Рис. 5/15. Обожженные глиняные статульки. Тип 4. Фото

Рис. 5/16. Обнаженные женские статуэтки. Рисунки

Рис. 5/17. Терракотовая статуэтка типа 5. Фото

Рис. 5/17. Рисунок терракотовой статуэтки типа 5

Рис. 5/18. Статуэтка лошади. Фото

Рис. 5/18. Статуэтка лошади. Фото
 Рис. 5/19. Терракотовая статуэтка лошади. Фото

статуэтки, женские «божества»-покровители играли большую роль. В связи с этим следует отметить, что нет достаточных оснований связывать какой-либо из образов женских терракот с авестийской богиней Анахитой (это неоднократно отмечалось и в литературе — см., например, работы Л.А. Лелекова, Г.А. Пугаченковой). Представляется, что фигурки изображали «божества» низшего ранга (ср. многочисленных апар в вельдской мифологии), покровительствовавшие семье и ее членам в разных случаях. Если использовать широкий круг аналогий, и прежде всего сопоставление с греческой мифологией и религией, то обнаженные женские статуэтки явно молодой девушки (узкобедрая, со слабо выраженной грудью) могут передавать образ, близкий Артемиде или Гестии. Дева выступала покровительницей домашнего очага и рождения, что могло иметь аналогичное значение и в древнем Хорезме.

На Калалы-гыре 2 найдена только одна бесспорно мужская терракотовая статуэтка (без головы) — мужчина в опущенной поверх штанов рубашке, подпоясанной завязанным спереди поясом. На рубашке различимы прямые швы на предплечье (рис. 5/11).

На Калалы-гыре 2 встречены следующие типы женских терракотовых статуэток (класс V, подкласс а) (рис. 5/12–17):

1. Стоящая фигурка, задрапированная в покрывало (тип 1, подтип б, в).
2. Стоящая фигурка в нераспашной верхней одежде (тип 2, подтип а).
3. Стоящая фигурка в пышной накидке (с «фигмами») и трилистником или цветком в правой руке (тип 3, характерен только для памятников) левобережья, точнее, известен по материалам с Калалы-гыра 2 и «печку» на Кюзели-гыре.
3. Стоящие обнаженные фигурки (тип 4, подтип а, б и особенно в, последние известны только на нашем памятнике).
5. Стоящая фигурка с кувшином в руках (тип 5, известно только два экземпляра, оба найдены на Калалы-гыре 2).

Подробное описание всех изделий приведено в Приложении 3, куда мы и отсылаем заинтересовавшегося читателя. Все отмеченные выше статуэтки, вероятнее всего, связаны с домашним культом. Случайно или нет, но одна статуэтка обнаженной узкобедрой девушки с кулоном на груди и поднятой к нему правой рукой (тип 4, подтип в) была найдена в очаге пом. 8 раскопа 1/1, она сильно обожжена, но от очага или за счет пожара, от которого погиб памятник, неясно. В другом очаге в том же помещении был найден небольшой идоличек из необожженной глины.

Обработка новых материалов по зооморфным статуэткам позволяет уточнить их характеристику, предложенную М.Г. Воробьевой в V томе Трудов Хорезмской экспедиции [Кой-кырган-кала, 1967, с. 214 и сл.].

В серии ранних фигурок лошадей из Калалы-гыра 2 четко выделяются три типа по экстерьеру: длинноногие с высокой шеей и маленькой головкой; массивные «тяжеловозы» с широкой спиной и довольно короткими и массивными ногами; и небольшие лошади с округлым и довольно массивным крупом (рис. 5/18, 19). Мастера, изготовлявшие эти изделия, явно старались подчеркнуть особенности отдельных пород лошадей, а не изобразить просто абстрактное животное. Интересно отметить, что современные специалисты-зоологи (М.И. Белоногов) отмечают наличие в Ташаузской области среди конских пород наряду с высокопородистыми номул-

скими и ахалтекинскими конями лошадей более мелких (по росту), «коротких округлых форм, которые возникли в результате скрещивания с казахскими лошадьми» (см. [Гундогдыев, 1999, с. 22]). Во всяком случае, изучение статуэток лошадей позволяет сделать важный историко-культурный вывод о том, что в IV–II вв. до н.э. в Хорезме уже существовало несколько разновидностей высокопородистых лошадей и бесспорно проводилась работа по их выведению. Это заключение может быть подтверждено и анализом изображений лошадей на керамических рельефах. Дельтовая область, где было достаточное количество сочных кормов, развито земледелие (зерновые и люцерна), являлась идеальным местом для разведения высокопородистых лошадей, требовавших стойлового содержания. Традиция сохранила значение этой области хозяйства в Хорезмском оазисе вплоть до XX в. (разведение лошадей для войска хивинских ханов и т.п.).

Первые образцы статуэток лошадей с мягким седлом-попоной известны в раннем комплексе терракот, но всадники появляются только в наиболее поздней группе.

В разделе Б нашей классификации мелкой пластики («Идеи из необожженной глины») есть как довольно крупная необожженная женская фигурка обычного типа терракот типа (рис. 5/20), так и весьма примитивные небольшие необожженные глиняные идолы, встреченные в культурном слое вместе с терракотовыми фигурками.

Необожженная глиняная фигурка в нераспашной одежде и выступающем из-под нее складчатом платье является уникальной во всей нашей коллекции, так как обработана с тыльной стороны (обработка костюма), что указывает на возможность обзора ее со всех сторон. К сожалению, она лишена головы, возможно, еще в древности.

Среди зооморфных терракот с Калалы-гыра 2 кроме фигурок лошадей есть фрагменты от терракотовых изображений козлов, бычка, баранов, оленя и, возможно, верблюда (рис. 5/19). Один из баранов принадлежит к породе жирнохвостых (курдючных), что специально подчеркнуто. У другого на спине есть часть налепа, возможно от всадника. Бык (или корова) представлен только одной головкой (рис. 5/22).

Техника исполнения терракот та же, что и у всех подобных изделий из Хорезма, — все антропоморфные изображения изготовлены в односторонней форме. Одна подобная форма найдена на памятнике (раскоп 7а, котлован № 1). Рельеф их достаточно высокий, изображение головок статуэток более рельефное (горельеф) и несколько больших пропорций (см. рис. 5/22) по отношению к туловищу. Спинка фигурок плоская, иногда подрезана ножом, на ней встречаются и прочерченные знаки. Поверхность терракот покрывалась красным или светлым ангобом. Отмеченное М.Г. Воробьевой [Кой-кырган-кала, 1967, с. 175] отличие ранних групп терракот от поздних — красный ангоб, по материалам Калалы-гыра 2 не подтверждается. У нас, пожалуй, большая часть изделий имеет светлый ангоб.

Трудно признать справедливыми и датирующие признаки зооморфных статуэток, выделенные М.Г. Воробьевой [Кой-кырган-кала, 1967, с. 178, 184, 191, 214 и сл.].

Нет определенной закономерности в изменениях пропорций туловища лошадей, но, как отмечалось выше, можно выделить несколько различных пород таких животных, с этим, возможно, и связаны пропорции фигурок.

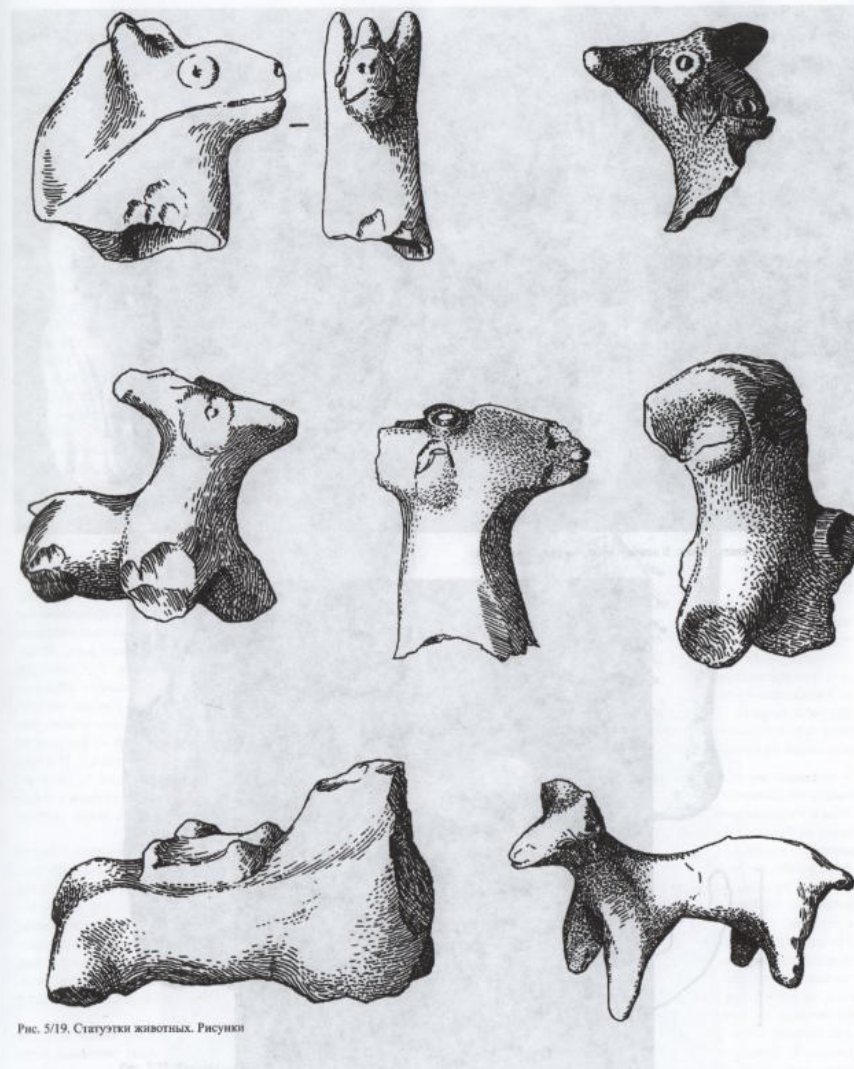

Рис. 5/19. Статуэтки животных. Рисунки

Этим же объясняется, вероятно, и наклон шеи. Высокопородистые лошади имеют вертикально поставленную шею. Короткий хвост изображен и на ранних фигурках лошадей. В терракотах Хорезма у копей вообще нет длинных хвостов.

Постриженная грива, стоящая гребешком, и «султанчик» между ушами есть как на ранних терракотах, так и на керамических рельефах.

На некоторых калалыгырских фигурках лошадей есть налетные седла с четырьмя выделенными углами, но всадников нет.

Продольный разрез на животе лошадок в ранней группе изделий, как это предполагала и М.Г. Воробьева, не зафиксирован.

Что же касается ручек с напеями львиных голов, то предложенная М.Г. Воробьевой [Воробьева, 1958] их классификация на материале с Калалы-гыра 2 получает подтверждение (рис. 5/23). У нас есть только ранние, по хронологии М.Г. Воробьевой типы изображений. Выделяется несколько групп:

1. Как правило, пряди на головах этой группы львов все равные, ушей практически нет. У начала гривы сделана ложбинка, надбровье часто передано валиком с углом в середине, глаза впадины, а щеки выпуклые. Нижняя часть головы часто обрезана прямо.

2. В этой группе можно выделить несколько подгрупп:

А. Грива прямая, но боковые пряди отходят несколько наискосок. Уши изображены в виде заостренных сверху черточек, между которыми есть дуговидный валик. Сами уши расположены наискосок.

Б. Грива прямая, уши расположены вертикально (вверх), между ними остатки надбровья в виде валика с заостренным углом, обращенным вниз в середине. Щеки — пухлые.

В. Грива из прямых прядей (есть иногда и слегка наклонные боковые), от которых по сторонам почти под прямым углом «отходят» уши.

3. Головки с боковыми косыми прядями гривы при прямых — в ее средней части.

4. Уникальная крупная головка льва с высунутым языком. Впервые встречен двуручный амфоровидный ритон с напеями львиных головок на обеих ручках и женские головки вместо львов на ручках кувшинов (ил. 21, рис. 5/23, 7/18).

К отмеченному М.Г. Воробьевой материалу, который мог повлиять на сложение этого типа изделий, можно добавить: напелы с изображением женской головки (лица) на античных знаках из Фракии [Маразов, 1980, № 20] и указание в тексте шумерского гимна Тумузи на «львиную» чашу богини («Дай ей пиво испить из „львиного лица“» [Кramer, 1977, с. 143]).

Указать прямые прототипы терракотовым изделиям и рельефам из Хорезма мы не можем, хотя явные древневосточные реплики.

Металлические образцы, которым следовали керамические роговидные и амфоровидные ритоны из Хорезма, известны по ахеменидским рельефам и изделиям из драгоценных металлов, на это мы указывали выше. Вместе с тем персонажи, изображаемые на изделиях хорезмийских мастеров, явно местные. Прежде всего отличается костюм, особенно женских персонажей. Драпировки женских статуэток отличаются от ахеменидских изображений, хорошо представленных в глиптике [Никулина, 1994]. Нет аналогий и в эллинистических памятниках.

Попытки выявить какие-либо закономерности в распределении изделий по археологическим комплексам (по помещениям) не дали результатов. В качестве казуса можно указать, что туловище одной из статуэток (с «фигмами») было найдено в раскопе 1/1, пом. 13 (это с западной стороны круглого здания), а головка от нее — в раскопе 7в, в квадрате Г4 (а это на восточной стороне памятника вообще).

Форма (кальб) для изготовления терракотовых статуэток, задранированных в покрывало, была найдена в раскопе 7в, в котловане № 1. Она обломана в нижней части. В этот котлован, очевидно, «захоронили» вышедшие из употребления предметы после первого пожара на памятнике. Кальб этот сделан из плотной глиняной массы с примесью песка. Стенки его плотные, толстые.

Вторая найденная на Калалы-гыре 2 форма (рис. 5/20) в отличие от первой — тонкая, легкая. Она изображает стоящую женщину с ребенком у груди. По характеру предметов и конструкций, обнаруженных рядом с ней (зернотерка на подставке, корзины с зерном, мелкие печи (кички) в пом. 1 раскопа 1/1, мы сочли ее формой для изготовления ритуальных хлебцев. Сам иконографический тип этой формы уникален — в Хорезме ни в это время, ни позже нет стоящих женских фигурок с ребенком. В I в. н.э. есть *сидящие* женские статуэтки с детьми. К тому же детали этого изображения тоже уникальны. Руки женщины практически не поддерживают младенца, который припал к ее груди. На платье женщины прочерчено изображение дерева, голова ее украшена «коронной» или шапкой с орнаментом в виде «вовов», что могло быть и символом зерен. Вся символика этого уникального изображения, бесспорно, связана с культом плодородия.

Костяное навершие с гравировкой (рис. 5/24). Помимо художественных изделий и керамики на памятнике было найдено уникальное костяное (роговое) изделие с прекрасно выполненными резьбой сценами. Изделие, которое мы называем условно «навершием», изготовлено из оленьего рога, от которого взята та часть, где он раздваивается. Рог вычищен внутри и имеет хорошо заглаженную поверхность. Внизу — один канал, а в верхней части их уже два. Трудно сказать, каково было его назначение. В качестве аналогии можно указать на предмет, изображенный в руках одной из фигурок на оссуариях из Бия-наймана [Ставиский, 1961, табл. I, 1] и часто называемый «рогоулькой». В руках персонаж держит довольно длинное «древко», входящее верхним концом в выделенную на изображении «муфту», из которой вверх отходят уже две «палочки».

Аналогичный предмет, но меньших размеров иногда встречается в руках танцовщицы на изделиях торевтики (см., например, [Тревер, Луконин, 1987, с. 117, № 34, табл. 104]). Изделие это — трещотка (систр). Возможно, что аналогичным образом использовалась и наше роговое изделие. Тонкая резьба на нем предполагала, что его можно было разглядывать вблизи. Может быть, особый смысл заключается и в том, что каждая уплощенная сторона его имела иное изображение. Во всяком случае, вряд ли можно рассматривать всю сцену как единый сюжет.

Нижний и верхний края изделия ограничивали полосы бордюров: внизу между двумя прорезанными полосами были довольно густо прорезаны вертикальные полосы, а сверху между такими же полосками шел орнамент из цепочки углов со срезанными вершинами.

На одной стороне кальбы из раскопа 7в. Видна на поверхности кальбы терракотовая статуэтка, сформованная в форме львиной головы. На другой стороне кальбы из раскопа 7в. Видна на поверхности кальбы терракотовая статуэтка, сформованная в форме львиной головы. На третьей стороне кальбы из раскопа 7в. Видна на поверхности кальбы терракотовая статуэтка, сформованная в форме львиной головы. На четвертой стороне кальбы из раскопа 7в. Видна на поверхности кальбы терракотовая статуэтка, сформованная в форме львиной головы. На пятой стороне кальбы из раскопа 7в. Видна на поверхности кальбы терракотовая статуэтка, сформованная в форме львиной головы. На шестой стороне кальбы из раскопа 7в. Видна на поверхности кальбы терракотовая статуэтка, сформованная в форме львиной головы. На седьмой стороне кальбы из раскопа 7в. Видна на поверхности кальбы терракотовая статуэтка, сформованная в форме львиной головы. На восьмой стороне кальбы из раскопа 7в. Видна на поверхности кальбы терракотовая статуэтка, сформованная в форме львиной головы. На девятой стороне кальбы из раскопа 7в. Видна на поверхности кальбы терракотовая статуэтка, сформованная в форме львиной головы. На десятой стороне кальбы из раскопа 7в. Видна на поверхности кальбы терракотовая статуэтка, сформованная в форме львиной головы.

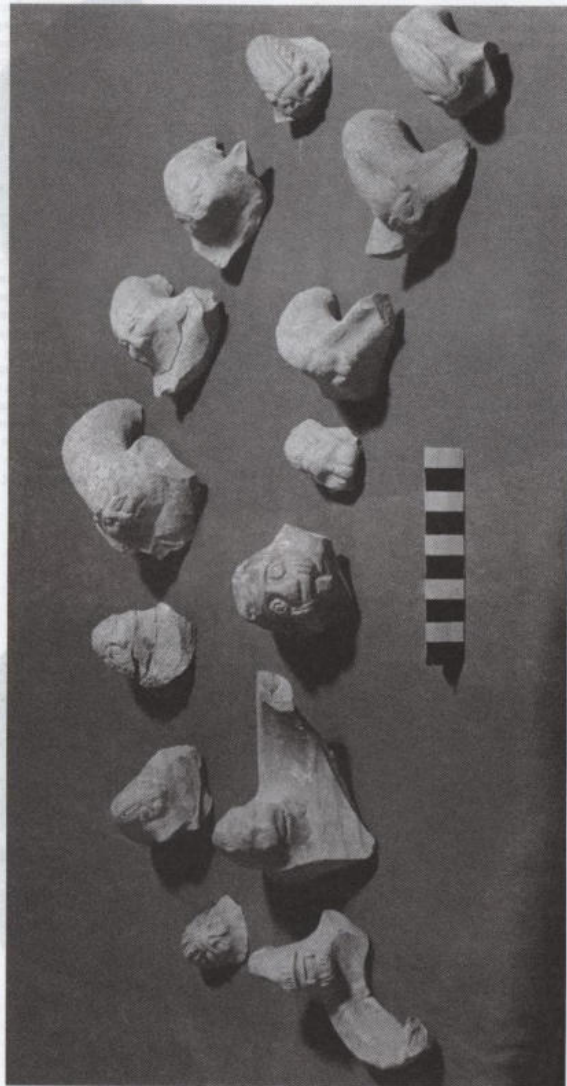

Рис. 5/23. Образцы ручек с напеями львиных голов

Рис. 5/24. Навершие из рога оленя

На одной стороне «навершия» изображена сцена охоты всадника на льва. Резьба разной глубины, различными деталями. Всадник на галопирующей лошади направляется вправо. Детально изображены его одежда и снаряжение (колчан и португя), упряжь лошади. Лицо всадника, обращенное вправо, удлиненное, с бородой и усами, волосы длинные (до плеч), на голове шапка (?) (из-за повреждения форма головного убора неясна). Кафтан с треугольным вырезом на груди, запах справа налево. Носок ноги оттянут вниз, видны ремни у обуви (на цыпочке и стопе). К правому боку приторочен колчан, украшенный вертикальными прочерченными полосами. Всадник стреляет из натянутого лука, находящегося за головой лошади. Правая рука натягивает тетиву, левая — держит лук.

Стрела, выпущенная из лука, поражает в грудь льва, движущегося навстречу всаднику. Фигура животного — поджарая, хвост поднят вверх, шерсть на туловище передана мелкими штрихами. Гривы у льва нет, но это явно не львица. Рот животного открыт, нос особо выделен кружком. Часть изображения льва переходит на другую сторону изделия, где помещен человек, сидящий в весьма живописной позе — с поджатыми ногами, опираясь руками на бедра, расставив руки. Изображение дано в фас. Лицо безбородое, но с большими усами. Волосы пышные, длинные (до плеч), верх головы не сохранился. Одежда: кафтан с треугольным вырезом на груди, запах справа налево, он подпоясан широким поясом. Покрой кафтана — с прямым швом между плечом и рукавом. Все полоски отделки — по краю и подолу кафтана, на плечах и у стыка с рукавом украшены волнистой линией. Манжеты

или отделка рукавов — тонкие. На кафтане ниже пояса не обозначен разрез (запах) кафтана. Штаны облегающие, заправлены в высокие сапоги-ноговицы, доходящие почти до колен; они, вероятно, были меховыми, так как покрыты черточками, очень похожими на шкуру льва. Верх сапог выделен полоской, на подъеме и стопе были какие-то ремни. На шее персонажа видны полоски от нижней рубахи или какого-то украшения типа гривны.

В главе 7, посвященной верованиям древнейших хорезмийцев, мы специально анализируем позу этого персонажа. Скорее всего, она символизировала печаль или траур (см. ссылки на О.М. Фрейденберг и Л.С. Липец).

Что же касается сцены охоты на льва, то этот сюжет был широко распространен в восточном искусстве во все времена. Чаще всего на львов охотились правители или популярные герои.

На памятнике в центральном здании были обнаружены в тощем и малом по площади слое, сохранившемся над нижним полом завала, фрагменты сюжетной живописи. Малые остатки ее не позволяют дать анализ сюжетов. Можно лишь констатировать, что в сценах на стенах здания были изображены фигуры (в том числе и всадник на лошади) разных размеров. Живопись, очевидно, уже была распространена в постахеменидское время в Хорезме и использовалась для украшения храмов. Свидетельство этому мы находим кроме Калалы-гыра 2 и в Елхарасе (Древности..., 1991, с. 89 и сл., 270–276), но там не было обнаружено «сюжетных» фрагментов.

Хорезмийские документы на остраках и костях и надписи на глиняных сосудах и керамических флягах, открытые в 80–90-х годах прошедшего столетия в ходе раскопок археологических памятников левобережного Хорезма — крепости Калалы-гыр 2 и поселения Гяур-3, составляют важную часть немногочисленного собрания раннехорезмийских эпиграфических текстов, начертанных письмом арамейского происхождения.

Название «раннехорезмийский» — условное, оно употребляется в данной работе, чтобы отличить памятники хорезмийской письменности арамейского происхождения от текстов на модифицированной арабо-персидской графике (хорезмийские календарные, ботанические и фармакологические термины в сочинениях ал-Беруни, X–XI вв.; хорезмийская версия арабского толкового словаря «Мукаддима ал-адаб» ал-Замашари, XII в.; хорезмийские глоссы в арабских юридических сочинениях XII–XIV вв., см. [Фрейман, 1951; Benzling, 1983; MacKenzie 1990]).

Согласно принятой в иранистике классификации, раннехорезмийский и позднехорезмийский относятся к восточной группе среднеранских языков. Памятников, отражающих древний период истории хорезмийского языка (предположительно — начало I тыс. — IV в. до н.э.), до сих пор не найдено. «Среднехорезмийский» (т.е. ранне- и позднехорезмийский) существовал дольше, чем другие среднеранские языки — среднеперсидский, парфянский, согдийский, хотанско-бактрийский. Хорезмийский был ассимилирован тюркскими и новоперсидскими языками, процесс этот шел в течение по меньшей мере трех столетий и завершился в XIV в. Хорезмийский язык не оставил потомков, лишь несколько хорезмийских слов сохранилось в хивинских узбекских диалектах.

Сколько-нибудь точная датировка хорезмийских текстов из Калалы-гыр 2 и Гяур-3 невозможна, поскольку они (в отличие от документов из дворца Топрак-калы II–III вв., надписей на серебряных чашах VI–VIII вв., хранящихся в Гос. Эрмитаже, Гос. Историческом Музее, и надписей на оссуариях из некрополя Ток-калы, VII–VIII вв.) не привязаны к хорезмийской эре, введенной в I в. н.э., и найдены в комплексах, не имеющих монет. Я пытался датировать документы и надписи из Калалы-гыр 2 и Гяур-3 по палеографическим данным, прежде всего по эволюции начертаний буквы *aleph*, постепенно отклонявшихся от арамейского прототипа и получивших в монетных легендах I–VIII вв., документах из Топрак-калы, надписях на серебряных чашах и оссуариях надписей некрополя Ток-калы формы острого угла и короткого горизонтального штриха¹. По этому признаку публикуемые

¹ См. палеографическую сводку [Вайнберг, 1977, табл. VIII].

тексты я склонен относить к периоду от второй половины или конца III в. до н.э. (предполагаемая дата создания хорезмийской письменности арамейского происхождения) до II в. н.э. Эта датировка отличается от предложенной Б.И. Вайнбергом, согласно которой на Калалы-гыр 2 и Гяур-кале-3 нет материалов позднее II в. до н.э.² Я полагаю, что датировки, выводимые из сопоставления керамики, найденной на каком-либо памятнике, с керамическим набором, добытым на другом хорезмийском памятнике, не являются достаточно обоснованными, тем более что эти датировки не подкреплены нумизматическими материалами³.

Документы на остраках и надписи из Калалы-гыр 2 и Гяур-калы-3 не содержат данных, связанных с деятельностью храмов (так определяет Б.И. Вайнберг наиболее крупные здания, вскрытые на этих памятниках)⁴ и религиозными ритуалами. Документы, часть которых дошла до нас лишь в небольших фрагментах, к тому же плохо сохранившихся (многочисленные выломы в черепках; обломы начала и конца строк текста; утраты, связанные с отслоением ангоба и выцветшими чернилами), фиксируют выдачи и доставки каких-то продуктов или предметов, связанные, обозначения этих продуктов/предметов выражены аббревиатурами (одна буква) — раскрытые обозначения не встретились ни разу. Об операциях выдачи и доставки можно судить по арамейским идеограммам для предлогов ('L «к» — адресат, MN «из» — источник) и по единственной в документах глагольной идеограмме YBLw «принес, принесено» (Калалы-гыр 2, 1985 г., док. 3, Verso).

Среди надписей, начертанных на стенах хумов, наиболее интересны № 4 (Калалы-гыр 2, находка 1981 г.), показывающие, что хумы служили сокровищницами — в этих надписях упоминаются золото, серебро и геммы.

Тексты документов и надписей приводятся в транслитерации, принятой в иранистике. В круглые скобки заключены поврежденные буквы (или цифровые знаки), в квадратные — полностью восстанавливаемые. Знак] указывает на облом начала строки, знак [— на облом ее конца. Обозначение (x+1) применяется в случаях, когда начальные строки текста отсутствуют.

Переводы приводятся лишь в случаях, когда удается понять хотя бы один сегмент связанного текста. В комментариях к текстам уделено много места анализу личных имен, прежде

² [Вайнберг, 1991, с. 32, 37] и Заключение.

³ Замечу попутно, что датировке Кой-крылган-калы периодом IV в. до н.э. — IV в. н.э., принятой С.П. Толстовым и его учениками, противоречат фрагменты документа на остраконе, найденном в яме № 1 в пом. № С 33, — этот документ был написан не ранее V–VI вв. [Кой-крылган-калы, 1967, с. 221, рис. 83, 6].

⁴ [Вайнберг, 1991, с. 28, 30].

всего теофорных — важному источнику для изучения религии древнего Хорезма, в частности — пантеона богов, характерного для хорезмийского зороастризма.

Я пытался восстановить раннехорезмийские соответствия для арамейских идеограмм, встречающихся в публикуемых текстах. Эти реконструкции, как правило, гипотетичны — они построены на сопоставлении древнеиранских прототипов соответствующих словоформ с лексикой позднехорезмийских текстов и данными по исторической фонетике, лексикологии и грамматике других иранских языков.

Подготовка данной публикации была бы невозможна без постоянной помощи, которую мне оказывал П.Б. Лурье, взявший на себя все трудности перепечатки и технического оформления рукописи.

Все документы, найденные на Калалы-гыре 2, имеют порядковую нумерацию и указание на год и месяц находки.

КАЛАЛЫ-ГЫР 2

1) 1981 г. Раскоп 1/1. Зачистка за стеной круглого здания. Яма на месте пом. 3 и 4.

Документ на остраконе, найденный в раскопе 1/1 («Круглое здание») в зачистке за стеной храма (яма на месте пом. 3 и 4). Текст на внутренней стороне остракона, 3 строки. Крупный почерк, лигатур нет, но палеографически ранней дате противоречит форма *aleph*, напоминающая острый угол и появившаяся в хорезмийском письме в I в. н.э.⁵

Текст:

- (1) ršwδtky hr'y (?) 3
- (2) whšwδtky hr'y 3
- (3) 'L KL bntk r(?)h('y) 5

(1) Рашидатку налог (?) 3 (меры продукта или денежные единицы?)

(2) Вахшдатку налог (?) 3 (меры продукта или денежные единицы?)

(3) Всем рабам (или «слугам») налог (?) 5 (мер продукта или денежных единиц?)

В этом кратком регистрационном документе не вызывают сомнений лишь личные имена, предлог — идеограмма 'L «к, по направлению» (соответствует, очевидно, р.-хор. **av*, п.-хор. *f*, из др.-ир. **abi*, авест. *abi*, *aiui*, др.-п. *abi*, ср.-п., парф. *b*) и местоимение-идеограмма *KL* «все, каждый», соответствующая р.-хор. *wisp*, п.-хор. *wsp*, **wsp* /*ūsp*/, мн.ч. *wsp*, из др.-ир. **wispa*-, авест. *vispa*, др.-п. *vispa*, ср.-п., парф., согд. *wisp*. Обе эти идеограммы встречаются в хорезмийских документах II–III вв. из дворца Топрак-калы [Лившиц, 1984, с. 260, 264].

Значение всех остальных слов в тексте на остраконе сомнительно. *bntk* может иметь значение «раб, слуга», р.-хор. *bandak* (с аллофоном [d] в сочетании *-nd-*, подобно согд. *bnt'k*, *bnty* при согд.-манях. *bndy(h)*), п.-хор. *bndk*, *bydk* /*b(n)dek*/. Ср. в документах из дворца Топрак-калы 'BDn' /*bandaki* /*na* / (с *i* /*i* /), известным как флексия прямого падежа мн.ч. в п.-хор.

В первой строке последнее слово перед единицами — *hr'y*, во второй — вариант *hr'y*, в третьей, возможно, ошибка пис-

⁵ Такое начертание *aleph* появляется уже на самых ранних монетах хорезмшахов, имеющих легенду хорезмийским письмом, — монеты типа Б'1 по классификации Б.И. Вайнберга [Вайнберг, 1977, с. 52 и сл.].

Рис. 6/1. № 1 — раскоп 1/1. Зачистка за стеной круглого здания. Яма на месте пом. 3 и 4. Фото

Рис. 6/2. № 2 — раскоп 1/1, пом. 1, верхний слой. Фото

Рис. 6/3. № 3 — Verso. Раскол 1/2, пом. 8, яма 2. Фото

Рис. 6/3. № 3 — Recto. Раскол 1/2, пом. 8, яма 2. Фото

тернали соответствуют представлениям историков и археологов о распространении авестийского зороастризма в Хорезме по крайней мере с III в. до н.э. К пантеону Авесты в Хорезме были добавлены божества Вахшу и Хшум.

2) 1985 г. Раскол 1/1, пом. 1, верхний слой.

Фрагмент крупной керамической фляги с надписью, вырезанной до обжига. Крупный почерк, лигатур почти нет. Надпись содержит личное имя (очевидно, владельца фляги):

lyrn = *Tirān*.

По форме — патроним от теонима *Tīr*, др.-ир. **Tīrī-*, **Tīri-*, **Tīra-* (ср. выше).

3) 1985 г. Раскол 1/2, пом. 8, яма 2.

Регистрационный документ на остраконе. На одной стороне (Recto) — два столбца текста, в 1-м — 3 строки, во 2-м — 10, из которых в первой верхней части буквы срезаны, а в последней сохранились остатки одной или двух букв (на Verso — см. ниже). Четкий почерк, лигатур почти нет. Форма *asefa* в 'wsyky (2-й столбец, 5-я строка) еще довольно архаична; позднее *asefa* приобретает форму острого угла. По палеографии документ может быть отнесен ко II-I вв. до н.э.

В 1-й строке 1-го столбца личному имени предшествует идеограмма 'L («к, по направлению»). Этот предлог, несомненно, отнесен к всем именам, перечисленным в документе, указывая на то, что перед нами реестр выдач каких-то предметов.

Во 2-м столбце после каждого имени выписан полукруглый или углообразный короткий штрих. На цифру 10 он не похож; по-видимому, это своего рода «галочка» — знак, показывающий, что это имя уже упомянуто в документе (для сводных реестров). Аналогичную функцию выполняет знак единицы после личного имени в арамейских надписях на каменных ритуальных предметах (ступки, пестики, чаши, блюды), сделанных в V в. до н.э. в Арахосии и доставленных в сокровищницу Персеполя [Bowman, 1970], а также в некоторых арамейских текстах из Элефантины [Cowley, 1923, с. 124–126, № 33]. М.Н. Боголюбов предположил, что этот знак может указывать, что данное лицо занимает более «низкую ступень сравнительно с другими лицами, упоминаемыми в надписи» [Боголюбов, 1973, с. 176]. Однако более вероятно, что это чисто регистрационный, мнемонический знак. В транслитерации мы будем обозначать его кружком (o).

Текст:

1-й столбец	2-й столбец
(1) 'L wtybyk	(x+1) (sk.)k/n [o]
(2) srwtk Z'YR	(2) skwhk Z'YR o
(3) skwhk RB	(3) srk o ¹¹
	(4) wtyky o
	(5) 'wsyky o
	(6) wy(r)wky o ¹²
	(7) rbytyšy o
	(8) wswy(r?) [o]
	(9) nryšky o
	(10) [x:]

Для имени *Wtybyk* этимологии я не нашел. *Srwtk* = *Srutak* «Известный, знаменитый, главный, прославленный», гипокористик, ср. аналогичные суффиксальные варианты в др.-п.

¹¹ После -k след смытого знака.

¹² -tw- поверх смытого текста.

**Suta-*, **Sutaka-*, **Sutina-* (знам. передачи *Sudda*, *Sudaka*, *Šutena*), др.-инд. *Śrūta*, греч. *Klytas* [Mayrhofer, 1973, с. 235–236, № 8, 1567–1568, 1590]. Ср. еще весте. имена *Srutā spāda-* «Имеющий прославленное войско», *Srutat fōdri-* «Имеющий знаменитого отца», *Daighu srūta* «Знаменитый в стране» [AWb, стб. 683, 1648; Mayrhofer, 1977, с. 35, 79, № 98, 297–298]¹¹. — *Skwhk=Skwāk*: Это имя родственно *Skunxa* (знам. *Ikunika*) — имени вождя саков-тиграхауд, восставшего против Дария I в 519 г. до н.э. (Бехистунская надпись, стб. V). А.А. Фрейман отметил, что сакское *Skunxa-* этимологически связано с осет.-ирон. *skwuxyn*, диг. *ask'wānxyn* «отличаться, совершать подвиг», *sk'uxl* «отличившийся, прославленный, герой» [Фрейман, 1948, с. 235–240]. Засвидетельствованные в сакском, осетинском и хорезмийском, эти слова восходят к восточноиранской основе **sku(n)x*, **sku(n)k* «быть заметным, выделяться», от корня **skau-k-*, **sku-k-*, дигорская форма от **skwa-u-k-* [Абаев, 1979, с. 119–120]. К той же др.-ир. базе восходит ср.-п. *skōh*, н.-п. *šukōh* «величие, великолепие, блеск, слава». В.И. Абаев пишет: «Разительное совпадение осетинского **sku(n)x-* и сакского имени *Skunxa-* представляется... одно из ярких свидетельств языковой близости осетин и саков» [Абаев, 1979, с. 120]. Теперь по этому признаку в круг близкого родства мы вправе ввести и хорезмийский.

Документ различает *skwhk RB* и *skwhk Z'YR*, «Скухак старший» и «Скухак младший»; р.-хор. соответствия араб. *z'yt* (*zō ʿēr*, St. abs. Sg. m.) и *rb* (*rab*, *rob*, St. abs. Sg. m.) мне неизвестны. — *srk* = *Sarak* «главный», от **sar-*, вест. *sarah* «голова». — *wtyky*, от **wi-tak* «стремиться»? Конечное -y либо относится к основе (<**wi-takya-*), либо является примером флексии косвенных падежей. Нерегулярность этого показателя такая же, как и в хорезмийских документах из дворца Топрак-кала [Лившиц, 1984, с. 258]. — 'wsyky — этимология имени не ясна. — *wtykyt* тот, у которого мощь мужичина», вест. *vīra* «мужчина, воин», *taiuah-* «сила, мощь». — *gutyšy* или *bytyšy*. Возможно, что конечное -h — орфографическая примета женских имен, как в парфянском и согдийском. При чтении *bytyšy* первая часть может быть связана с др.-ир. **daitar* «глядящий, видящий» -yš- может передавать суффикс *Viš* или *šē* (<**Vīša-*, *-aiša-*). Примечательно, что в этом имени начертание буквы *t* (*may*) переходное к более поздней, «закруглой» форме этой буквы (см. начертания *t* на монетах I в. н.э. и более поздних, см. [Вайнберг, 1977, табл. VIII]). — *nryšky* = *Narišak* или *Narēšak*, от вест. *nar-* «мужчина», *nairyā-* «мужской», др.-инд. *nārya-*, ср.-п.-хор. *nrk* «мужчина».

Verso

Мелкий почерк, лигатур нет.

Текст:

'L thyšh¹⁴ YBLw (hšt)r 10+5
«Тахитше(?) принес Хшхр 15»

¹¹ М.Н. Боголюбов предлагает видеть **sruita-* в слове *hštrst*, *hštrst* в арамейских (?) надписях Артаксия (Артаксеса I, 189–161 гг. до н.э.) на стенах из Тегута и Зантегура и понимать это слово как «Прославленный в царстве» [Боголюбов, 1987, с. 32, 36, примеч. 3]. А.Г. Перехания, издавшая эти надписи, истолковала (*Axšahršari* как «Соединений, связанной с божеством Хшхр» [Perkhanian, 1966, с. 19–20; 1971, с. 172]. Следует иметь в виду, что (*Axšahršart* не личное имя, а апеллатив, один из элементов в титулатуре Артаксия.

¹⁴ Или *Tbwhš*.

Как и во многих других документах из Калалы-гир 2 и Гяур-3, нет никаких указаний о том, имеются ли в виду меры каких-то продуктов, предметы или денежные единицы.

Thyšh (или Thyšh) может быть женским именем с орфографической приметой *-h*: *Taxiša*, *Taxiša?* Этимология имени мне не ясна.

YBLw («он принес») — единственная глагольная идеограмма в документах и надписях из Калалы-гир 2 и Гяур-3. Ср. ср.-п. YBLWN, YBLWN — *burdan*, *bar* «нести, приносить», от имперско-арамейского *yabbel* (*na'el*) [Nyberg, 1995, с. 94, № 22; Hofijzer, Jongeling, 1995, с. 431–433]. Происхождение конечного *-w*, иранского компонента при идеограмме, остается загадочным. Он служит показателем одной из форм прошедших времен и хорошо известен по ранним парфянским памятникам — документам из Нисы (II–I вв. до н.э.), контракту Авроман III (53 г. н.э.), греко-парфянской билингве на бронзовой статуе Геракла из Селевкии на Тигре (151/2 г. до н.э.). В документах из Нисы идеограммы с *-w* выступают в том же значении, что и идеограммы с компонентом *-i*, обозначающие формы претерита, возникшие из древнеиранских причастий перфекта пассива, например HN*Lu/HN*Lw «внесено, внес», Q*YLU/Q*YLw «считано» (см. [Diakonoff and Livshits, 2001, с. 184–208]). Ср. также в греко-парфянской билингве: MRDPw «он преследовал», 'HDw «он захватил» [Mogano, 1990, с. 236–237]. Можно предполагать, что парфянские формы с *-i* принадлежали претериту, формы с *-w* — имперфекту, образованному по древнеиранской модели — от основы презенса исчезнувшему к III в. н.э. (в парфянских манихейских текстах следов имперфекта нет).

В.Б. Хеннинг, рассматривая глагольные идеограммы в тексте Авроман III, предполагал, что *-w* является формантом презенса, *-i* — приметой претерита [Henning, 1958, с. 30], однако документы из Нисы и греко-парфянская билингва на статуе Геракла ясно показывают, что формы с *-w* выражают прошедшее действие.

Ф. Альтхайм считал ZBNW «он купил», MZBNW «он продал» в Авроман III арамейскими формами (он полагал, что иранские тексты появляются лишь в III в. н.э., с приходом Сасанидов) и объяснял конечное *-W* как передачу энклитического местоимения 3 л. ед. ч. муж. р. *hw/hū*, выступавшее в поздних восточноарамейских диалектах — сирийском и еврейско-арамейском — в роли глагольной связи. При этом *hū* теряло начальный согласный и в таком виде присоединялось к арамейским формам перфекта: **ebad-(h)ū* «он сделал» или к причастиям **ābed-(h)ū* «делавший есть > сделал» (так объяснял Альтхайм происхождение среднеперсидской идеограммы *'BYDWN* «делать» [Altheim, 1963, с. 38]).

Рассуждения Альтхайма о сочетании с энклитикой *-hū* несостоятельны: такие сочетания редки и в восточноарамейских диалектах, а в раннем западноарамейском («имперском арамейском»), к которому восходят идеограммы в иранских письменностях, их не было вовсе. Странным образом П.О. Шёрге, один из выдающихся современных иранистов, разделяет гипотезу Альтхайма [Skjærvø, 1986, с. 433–434; 1995, с. 289].

В раннехорезмийском идеограммы с *-w* засвидетельствованы в документах из дворца Топрак-калы (II–III вв. н.э.): NYTYw MND' (3...) 'L 'wh'z «оставлено (или „он доставил“) Охазу 3...» [Livshits, 1984, с. 258] и в надписи на серебряной чаше (вторая половина III–II вв. до н.э.), найденной

при раскопках Исаковского могильника (Омская обл.): tšt ZNH wtkny MN brz'wuy thwmkn WKN 'HRY MR'Y MLK' 'mwrzm BR MLK' wrdn mzd'hy 'BDw... «эта пиришественная чаша от Барзавана, (сына) Тахумака. И вот затем: государь царь Амуржам, сын царя Вардана, (в) дар ему (сосуд) сделал...»¹⁵.

Можно полагать, что идеограмме YBLw в р.-хор. соответствовала форма одного из прошедших времен от глагола *br-ivar-*, др.-ир. **bara-*, п.-хор. *br-* «принести» (имперфект 3 л. ед. ч. *bryd*, будущее время 1 л. ед. ч. *br'mk'myu*, ср. также *'dyuk br-* «праздновать пятницу»), см. [Benzing, 1983, с. 200; MacKenzie, 1990, с. 102, 107].

hštr = *Xšahr*, теофорное имя «(Созданный) божеством власти», подобно 'trw, hwm, усеченное из двухосновного имени. Ср. авест. *Xšahrō.šmah-* «(Имеющий) стремление к власти» [AWb, стб. 547; Mayrhofer, 1977, с. 100, № 396], др.-мид. *Xšahrta-*, гипокористик с суффиксом *-ta-*, засвидетельствованный в Бехистунской надписи (II, 15; IV, 19; о суффиксе *-ta-* см. [Schmitt, 1973, с. 296]); др.-п. **Xšāçaka-* в злам, передаче *ikšāçaka* [Benveniste, 1966, с. 93; Mayrhofer, 1973, с. 229, № 8, 1482]; др.-мид. **Xšabraka* в злам, передаче *šaklaka* [Benveniste, 1966, с. 93; Mayrhofer, 1973, с. 232, № 8, 1526]; скифское *Xšabraka* в греч. передаче *Satrakās*, согласно Арриану, «царь скифов, живших к северу от Согдианы» (Anab., IV, 4, 4), осет. *Xšarāg/Ašsarāg* — герой нартовских сказаний [Абаев, 1949, с. 189].

4) 1981 г. Раскоп 1/2, пом. 10, хум во вторичном употреблении.

Надпись на стенке хума, вкопанного в землю; отверстие хума внизу, дно хума отбито.

Три строки, крупный почерк. Лигатур нет, начертания букв близки к импер.-арам., исключения составляют формы *s* (*самех*) и *p* (*пэ*).

Текст:

- (1) KSPH
- (2) (левее и ниже) hmkn BYN
- (3) HMRN (или HMDN)

«Серебряные монеты, те же самые (?) среди гемм»¹⁶.

Хум, очевидно, некогда служил хранилищем для сокровищ. KSPH — арамейская идеограмма «серебро» (арам. *kašpā*), уже известная в ср.-п. (KSP', KSP = *asēm* «серебро», арз «цена, стоимость»), парф. (KSP = *asēm* (?) «серебро, личная сумма»), согд. (KSP = *ary* «аналичная сумма», KSP' = *p'krt'k*, *p'krtk*, *p'krt'y* *'nākarā*, *nākarā* «серебро»), п.-хор. (KSPH = *'zyd / z'idl* «серебро, серебряная монета»), из др.-ир. **rzata-*, авест. *razata*. Точно установить р.-хор. Форму трудно, поскольку неизвестно время завершения развития *-rz->-z-*. Очень условно можно предположить для III–II вв. до н.э. форму *'arza*.

hmkn «те же самые»? Такой перевод — только гипотеза, ибо он предполагает написание с *h-* как ошибочное вместо ожидаемого *h-*, scr. def. *-n-* для *'na/ina* (флексия имен. п. мн. ч. м. р., известная из п.-хор.); непонятна также функция конечного *-y*. Со всеми этими оговорками hmkn предлагается сопоставить с п.-хор. *hmk /hamk/* «тот же самый», родственным н.-п. *hamin* [MacKenzie, 1990, 112].

¹⁵ Публикация надписи [Livshits, 2002].

¹⁶ Или «драгоценных вещей».

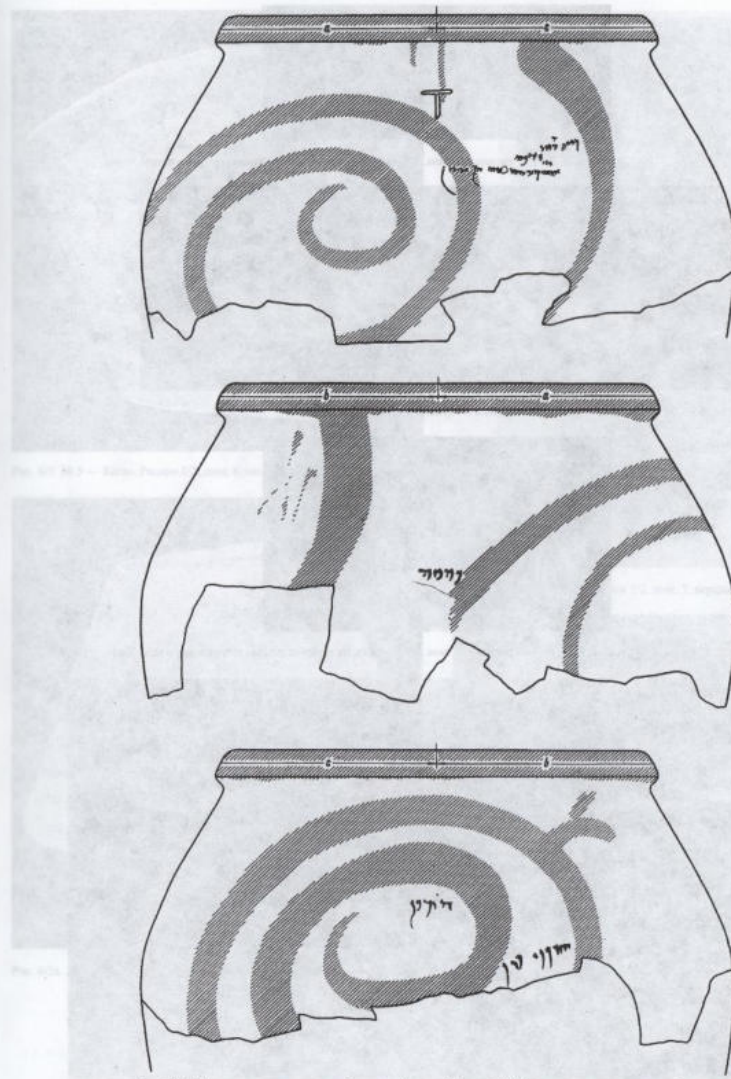

Рис. 6/4. № 4 — прорисовка надписей на хуме. Раскоп 1/2, пом. 10. На прорисовке хума сверху обозначены буквами сектора для ориентации в расположении надписей

Рис. 6/4а. № 4 — раскол 1/2, пом. 10. Надпись на хуме (на стыке секторов «а» и «в»). Фото

Рис. 6/4б. № 4 — раскол 1/2, пом. 10. Надпись на хуме (сектор «а»). Фото

Рис. 6/4в. № 4 — раскол 1/2, пом. 10. Надпись на хуме (на стыке секторов «а» и «в»). Фото

Рис. 6/4г. № 4 — раскол 1/2, пом. 10. Надпись на хуме (сектор «а»). Фото

Рис. 6/5. № 5 — Recto. Раскол 1/2, пом. 8, нижний слой. Фото

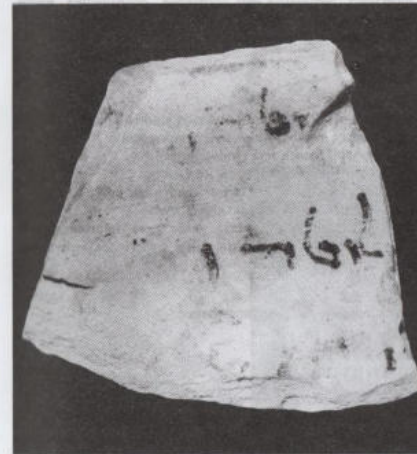

Рис. 6/5а. № 5 — Verso. Раскол 1/2, пом. 8, нижний слой. Фото

Рис. 6/6. № 6 — раскол 1/2, пом. 7, верхний слой. Фото

Рис. 6/7. № 7 — раскол 1/1, пом. 1. Фото

Рис. 6/8. № 8 — раскоп 1/1, пом. 6, верхний слой. Фото

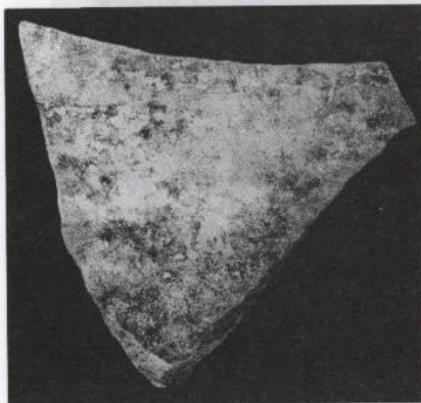

Рис. 6/9. № 9 — раскоп 1/1, пом. 6, восточная часть. Фото

BYN — идеограмма (арам. *bēn* «между, внутри», ср.-п. BYN = *andar*). Соответствие этой идеограммы в р.-хор. неизвестно; в п.-хор. 'ndryc «внутренности» ('ndyc у [Benzing, 1983, с. 67]; 'ndrycy [MacKenzie, 1971a, с. 314]).

HMRN или HMDN — идеограмма, мн.ч. от арам. *hmg* или от *hmd*. HMRN — арам. *hmg* — «перстень-печать, гемма». Это слово засвидетельствовано в импер.-арам. лишь один раз — в надписи, опубликованной в *Corpus Inscriptionum Semiticarum* (t. I, fasc. 1, № 102), см. [Винников, 1962, с. 221; Hoftijzer, Jongeling, 1995, с. 385]. При чтении HMDN — арам. *hmd* «дорогая вещь» (импер.-арам., с суффиксальным местоимением 3 л. ед.ч. жен.р. *hmdyh*), см. [Kraeling, 1953, док. 7/9; Hoftijzer, Jongeling, 1995, с. 380–381].

Надпись на том же хуме, правее вышеописанной.

Три строки, выше 1-й текста не видно. Лигатур очень мало, II–I вв. до н.э.?

Текст:

- (1) KSPH DHB
 - (2) LY(N?)K (β?)km ('L)¹⁷
 - (3) 'y rwrwy(?)r(n?)k¹⁸ wr(št) [вылом] mt(y?) BYN 'wyr(.)¹⁹ [BY?]²⁰
- «Серебро, золото (2) им (?)... (3) между (или «внутри»)....».

5) 1985 г. Раскоп 1/2, пом. 8, нижний слой.

Фрагмент документа на остраконе, сохранились части 8 строк, большая часть текста смыта или выщелена. Стреловидная форма *azeфа* указывает на I в. до н.э. — I в. н.э.

Текст:

Recto

- (x+1) [(s)rk 5²¹]
- (2) [(s)wtk 4 (k?)1] (далее 5–6 знаков уничтожены)
- (3) [следы 4 знаков, далее текст уничтожен]
- (4) [(.)wy(ht) (далее текст уничтожен)]
- (5) [уничтожены 6–8 знаков] (nk?)²²
- (6) [(š?) n kw(t?)šnk 1 o²³ (текст уничтожен)]
- (7) [уничтожено 2–3 знака] k(m?)'z/w 5[
- (8) [слабые следы 2–3 знаков, далее текст уничтожен]

Имена Swtk, Srk встречаются и в других документах из Калалы-гыр 2.

Verso

По-видимому, учебное упражнение:

- (x+?) (1) LYK 10+1
 - (2) LYK 10+1
 - (3) (L)Y[K] (10+1)
- «Тебе 11»

Для LYK — косв. падежа личного местоимения 2 л. ед. ч. «тебе, с тобой» ср. в документах из Нисы LYK (6 раз)/LK (10 раз). В п.-хор. этой идеограмме соответствует *tw'rōr* [Боголюбов, 1962, с. 91].

¹⁷ Или (GL) 7, эти две буквы ниже уровня строки.

¹⁸ Или βwry(?)š(n?)k.

¹⁹ Или 'wyδ(.)

²⁰ Возможно, что вертикальную черту следует считать не буквой и, а заключительным штрихом.

²¹ Верхние части знаков для единиц отломаны.

²² Или «галочка» — мнемонический знак.

²³ «Галочка».

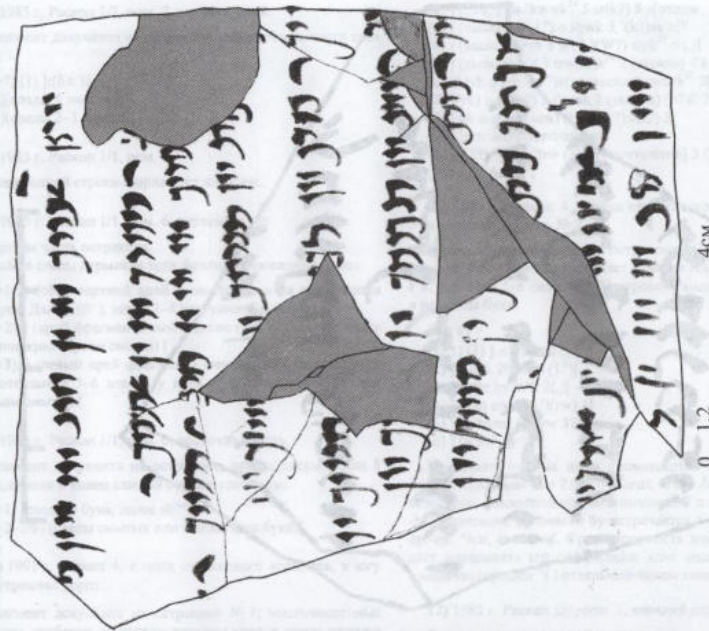

Рис. 6/10. № 10 — раскоп 4, с поля стреловидного остракона. Фотография

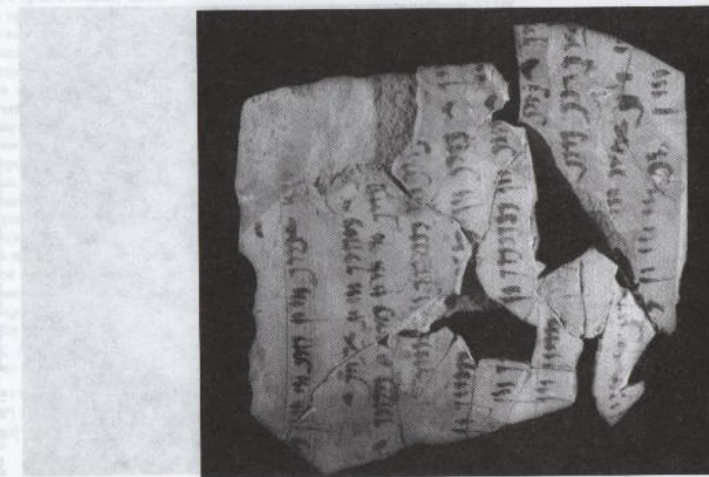

Рис. 6/10. № 10 — раскоп 4, с поля стреловидного остракона. Фото

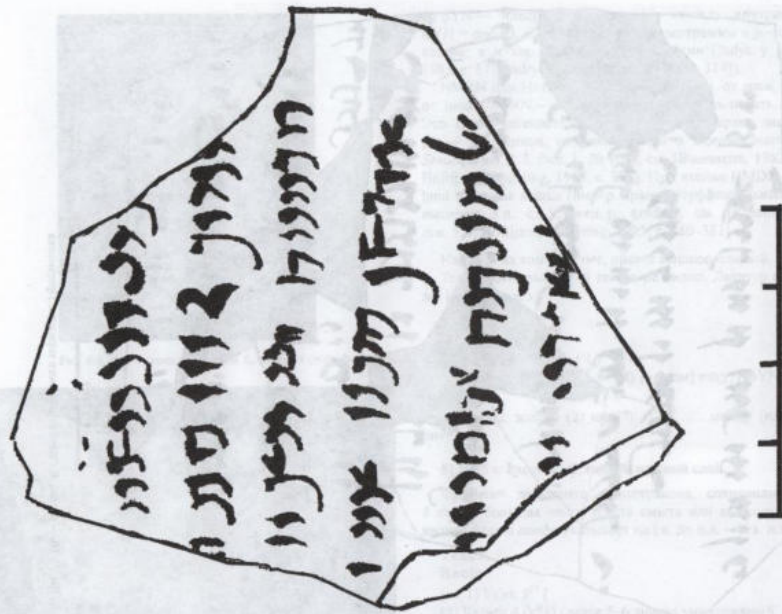

Рис. 6/11а. № 11 — раскоп 4, с пола стрелкового коридора. Прорисовка

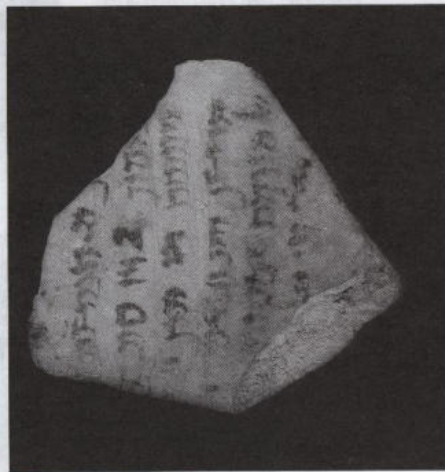

Рис. 6/11. № 11 — раскоп 4, с пола стрелкового коридора

6) 1985 г. Раскоп 1/2, пом. 7, верхний слой.

Фрагмент документа на остраконе, сохранились части трех строк:

- (x+?) (1)]r(δ)k 3[
- (2)](следы 4 знаков)[
- (3)](следы 2-3 знаков)[

7) 1985 г. Раскоп 1/1, пом. 1.

Следы одной строки и орнамент ангобом.

8) 1985 г. Раскоп 1/1, пом. 6, верхний слой

Верхняя часть остракона.

Слабые следы отрывков трех фрагментированных строк:

- (x+1)] (сбит верхний край и смыта тушь на протяжении 5-6 букв. Далее: (t[?]), затем 3-4 разрушенных знака) [
- (x+2)] (край фрагмента смыт, далее (s[?]), остальные знаки до конца края строки смыты) [
- (x+3)] (левый край фрагмента смыт, после чего следует (s[?]), остальные 5-6 знаков у края фрагмента строки почти целиком смыты).[

9) 1985 г. Раскоп 1/1, пом. 6, восточная часть.

Фрагмент документа на остраконе, видны следы 7 или 8 строк, начало и конец каждой строки отломаны:

- (x+1) (следы 9 букв, далее sk[?]) [
- (x+2-7/8) (следы смытых или выцветших букв)[

10) 1991 г. Раскоп 4, с пола стрелкового коридора, к югу от внутренних ворот.

Фрагмент документа на остраконе № 1; многочисленные выбоины, особенно на правом верхнем крае, в левом нижнем крае и в правой нижней части.

На прорисовке Б.И. Вайнберг текст виден гораздо лучше и, что важно, полнее, особенно в последних трех строках.

В хозяйственном документе содержится 10 или 11 неполных строк. 1-я (или x+1) строка содержит в правой части только горизонтальный короткий штрих — цифра 10 или «галочка» (мнемонический знак). Последние три строки, по мнению Б.И. Вайнберг, добавлены позднее, другой рукой и «другим инструментом» (цитата из ее объяснительной записки к прорисовке текста); здесь, по ее мнению, буквы более толстые, почерк небрежный, «в нижней части букв тушь не ложилась сплошным слоем, а выглядела отдельными штрихами (подобно рисунку, сделанному плохой или полусухой кистью)».

Все эти соображения, изложенные Вайнберг в ее объяснительной записке, не кажутся мне убедительными. Весь текст фрагмента, как можно судить по фотографиям и прорисовке Вайнберг, написан одним и тем же лицом.

Текст написан на черепке от крупного сосуда — хума или хумчи; орнамент в виде ангобных спиралевидных полос. Помимо выбоины текст пострадал от утрат в этих полосах.

Текст:

- (x+?) (1) ?] Цифра 10 или «галочка» (o) в правой четверти черепка[

- (2)] (...10?) kn 'kwwk²⁴ 5 sr(k?) 8 s[отлом
- (3)] (вылом) (k 1?) o shwk 5 '(k?)sk o[?
- (4)] (вылом) sryk 8 s(t)[.(W?) styk²⁵ o (.)[
- (5)] (вылом) (st) 3 trw(m)k²⁶ 2 (вылом) 4 k 3[
- (6)] .lyk o srk 3 (t?)k(y) (вылом) swzyk²⁷ 2[
- (7)]lyk) o (srk ?) 3 tkwsk 2 (вылом) (n?)k 3[
- (8)] hk o st (вылом) (k) 2 s(t?)w(r?) 3[
- (9)] 'rkrtr s(t) [уничтожено]
- (10)](2?) '(L)K 'trw (3)²⁸ [уничтожено] 3 (k?)²⁹ (s?)ryk) 2 [
- (11) 4 (m)k 8 r³⁰[

11) 1991 г. Раскоп 4, с пола стрелкового коридора, к югу от внутренних ворот, № 2.

Фрагмент документа на остраконе. Сохранились части 6 строк. Форма *alepha* позволяет отнести текст к I в. до н.э. — I в. н.э. Над 1-й (или x+1-й) строкой, видимо, пятна грязи, а не следы букв.

Текст:

- (x+1) (1)]-n³¹ mtntš (...)³²[
- (2)](.)hvk 20+3 st (1?)[
- (3)] sktht hy m'k 2(.)[
- (4)]'ryšn srk 2(.)'(rw) 1[
- (5)] 'L twntš ('.kyw 3?)[
- (6)] (n'm? hy 'L)[

Несколько личных имен упоминаются и в других документах из Калалы-Гыр 2 (srk — *Sarak*, 'trw = *Aiar*, m'k); h y, возможно, энклитическое местоимение 3 л. ед. ч. (п.-хор. -h, -hy; написание hy вместо hu встречается в р.-хор. часто) *hē*, др.-ир. **hai*, авест. *hē*. Фрагментарность документа не позволяет определить его содержание; ясно лишь, что речь идет о выдачах (предлог 'L) отдельным лицам каких-то предметов.

12) 1985 г. Раскоп 1/1, пом. 1, верхний слой. Фото нет.

Фрагмент однострочной надписи:

-]ky stw(r) 10[

13) 1985 г. Раскоп 1/2, пом. 7, верхний слой.

Фрагмент документа. В 1-й строке присутствует стандартное адресование — идеограмма ŠLM «благополучие, здравие, мир», однако сохранившиеся части остальных трех строк показывают, что текст содержал хозяйственные или финансовые распоряжения. Лигатур почти нет; если правильно прочтена 3-я строка, по форме *alepha* возможная дата документа — II-I вв. до н.э.

- (1)] ŠLM[
- (2)] t 10+1[
- (3)](.)'? š(m?)n(.)'³³[
- (4)] (sw)škh 1(...)[

²⁴ Или 'kwbr, 'kwrk. Форма *alepha* — переходная к угловидной. Лигатур очень немного. II в. до н.э. — I в. н.э.?

²⁵ htyk?

²⁶ šw(m)k?

²⁷ swynk, swywk?

²⁸ Срезаны верхушки шифр

²⁹ Или h (?)

³⁰ Или š?

³¹ Или -k.

³² Или mtntš.

³³ Или r(m?)n(.), š(h?)n(.), r(h?)n(.).

Рис. 6/12. № 13 — раскол 1/2, пом. 7, верхний слой. Фото

Рис. 6/13. № 14 — раскол 1/2, пом. 8, зеленый слой. Фото

Рис. 6/14. № 15 — раскол 1/2, пом. 8, нижний слой. Фото

Идеограмма ŠLM (арам. *šalām*) присутствовала во всех среднеиранских письменностях арамейского происхождения. В ср.-п. ее соответствие *drōd*, то же в парф.-маних.; в раннем парф. (документы из Нисы, II-I вв. до н.э.) ŠLM могло иметь эквивалентами *drōt* или *drūstif*. В согд. ŠLM (засвидетельствована только в ранних памятниках — т.н. «Согдийских старых письмах», нач. IV в. н.э.) соответствовало *drwth /drūt/* или *drwt't /drūtāt, drūtāt'*, см. [Reichelt, 1931, с. 54; Gharib, 1995, с. 143, № 3615]. В р.-хор. и п.-хор. соответствия для ŠLM мне неизвестны. Одним из «кандидатов» в п.-хор. могло бы быть *yšy'k'w /yāšiyākāw/* «счастье, удовольствие» [Фрейдман, 1951, с. 80; MacKenzie, 1990, с. 58, 111], п.-хор. *drwō* «хвала, благословение» — заимствование из и.-п.

В (sw)škh конечное *-h* может быть орфографическим показателем женского личного имени **Sācāka* или **Sōcāka* «Светлая», ср. авест. *sūka- sūka-, sūca-* «светлый», от *saok-* «гореть светлым пламенем» [AWb, стб. 1581–1582].

14) 1986 г. Раскол 1/2, пом. 8, зеленый слой.

Остатки одной строки на фрагменте венчика хума:

(x+?) (1) (MN??), далее — следы знаков [

Под строкой — косая черта.

15) 1985 г. Раскол 1/2, пом. 8, зеленый слой.

Фрагмент документа на остраконе. Части 4 или 5 строк. Текст смыт или уничтожен в результате отслоения ангоба. В последней строке видны следы 3 знаков:

](h2?)[

16) 1985 г. Раскол 1/2, пом. 8, нижний слой.

Фрагмент документа на остраконе, смытый или выцветший текст в строках (x+1), (x+2), три буквы в (x+3):

(x+1, x+2) [слабые следы уничтоженного текста]

(x+3)]sth -][

17) 1987 г. Раскол 1/2, пом. 8, нижний слой.

Слабые следы 2–3 фрагментарных строк текста.

18) 1985 г. Раскол 1/2, пом. 8, нижний слой.

Фрагмент документа на остраконе. Часть одной строки, начало и конец отломаны. Мелкий почерк, лигатур нет. По форме *alepha* — II в. до н.э.

](t?)kw²⁴ -LK 4 h[

«...тебе 4 h».

19) 1981 г. Круглое злание, пом. 2.

Документ на остраконе, одна строка, сохранившаяся, видимо, полностью, полностью. Чернила выцветли:

'y twy ('?)š'k 3 LKN art(.

'y — в п.-хор. артикль муж. р. ед. и мн. ч., из др.-ир. **(hi)ya-* [MacKenzie, 1990, с. 105]. — *twy /tōy/* в п.-хор. «подушная податъ, джизья» [Henning, 1956, с. 436], ср. согд. *twy* «выкуп, контрибуция (?)» [Лившиц, 1962, с. 89], из др.-ир. **taug-*, **tañ-*, арм. (из парф.) *toyč* «штраф, наказание», ср.-п. *tāxtan, tōš-* «искупать, выкупать», согд. *twz, tw'z, twy'z* «выплачивать, выкупать». — 'š'k — личное имя? — Идеограмма

²⁴ Или (t?)knt.

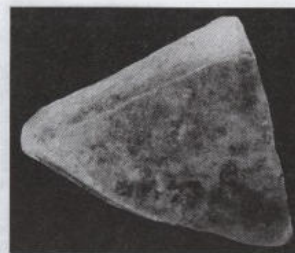

Рис. 6/15. № 16 — раскол 1/2, пом. 8, нижний слой. Фото

Рис. 6/16. № 18 — раскол 1/2, пом. 8, нижний слой. Фото

Рис. 6/17. № 19 — круглое злание, пом. 2. Фото

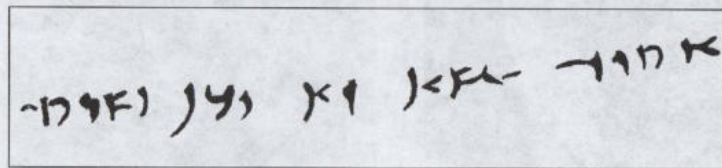

Рис. 6/18. № 19 — круглое злание, пом. 2. Прорисовка

Рис. 6/19. № 20 — раскоп 1/2, десна и коридора у угловой балки. Фото

Рис. 6/21. № 22 — раскоп 1/2, пом. 11. Фото

Рис. 6/20. № 21 — раскоп 1/1, пом. 10, горелый слой. Фото

Рис. 6/22. № 23 — раскоп 1/1, пом. 1, над слоем последнего пожара. Надпись на керамической фляге под рельефом (увеличено). Фото

Рис. 6/23. Надпись на фляге (увеличено). Фото

Рис. 6/24. № 24 — раскоп 1/1, пом. 1, верхний слой. Фото

LKN содержит предлог L (арам. *la*) и суффиксальное местоимение, которое трудно точно определить — это может быть 2 л. мн. ч. муж. р. *kōn* (сравнительно поздняя форма в библейской книге Даниила), или 2 л. мн. ч. жен. р. *kan*, или 3 л. мн. ч. жен. р. *kin*(*ī*), см. [Segert, 1986, с. 173].

20) 1989 г. Заклад коридора у угловых башен.

Фрагменты документа, начертанного на ребре. Сохранились 3 неполные строки. Крупный почерк, лигатур нет. Чернила расплылись, часть текста смыта или выцвела, от многих букв остались лишь следы:

- (1) [(.s?dkn) rst(kn?)²⁵ [...] (h?) [...] (p?rt s1?) [...] (n?)t h(w?)m (h 10+1? 'L prh?wn'²⁶) spt 10 (s)]
 (2) [...] b(.10)š s(i) [(m?10+1, далее следы 6–8 смытых или выцветших букв)]
 (3) [...] thgwtdk²⁷ Wsprt 10 (далее текст уничтожен)

Среди нескольких личных имен в этом тексте можно опознать *Hwm/Hōm*, усеченное от **Nauma*-*š*..., и очень интересное *thgwtdk* (*phgwtdk* и т.д.), в котором, очевидно, *thrw* — теоним: **Taxruddātak* «Созданный Т».

21) 1989 г. Раскоп 1/1, пом. 10, горелый слой.

Фрагмент стенки сосуда с процарапанной надписью, от которой сохранились первые 4 буквы:

L wht(.) [
 «Для Waxt(?)»]

Идеограмма L (арам. *la* «для») встречается в парфянской письменности (парф. версия надписи Шапура I на «Ка'бе Зороастра», строки 16, 17; документы из Нисы), где соответствует, вероятно, предлогу *pat/pad* [Diakonoff and Livshits, 2001, с. 194] (ср. [Gignoux, 1972, с. 56], где для L в парф. предлагается соответствие *δ*). В п.-хор. древнеиранский предлог **pat* отразился как *p*- (с артиклем муж. р. *pu*, жен. р. *p*'), ср. папто *pa* [MacKenzie, 1990, с. 118]; в р.-хор., возможно, еще сохранился смычный — *pa?*

22) 1991 г. Раскоп 1/2, пом. 11.

Надпись на черепке, содержащая, вероятно, имя владельца сосуда. Крупный почерк, лигатур нет.

**pr*(*r*), менее вероятно **st*(*r*).
 Форма *asefa* датирует надпись I в. до н.э. — I в. н.э.

23) 1985 г. Раскоп 1/1, пом. 1, над слоем последнего пожара (в переложном виде).

Надпись на керамической фляге с рельефным изображением человека, поражающего копьём животное (фантастическое?) с туловищем быка.

Надпись, расположенная под рельефом, была сделана одновременно с ним. При изготовлении калыба надпись была отнцнута как позитив, поэтому на оттиске находится ее зеркальное отражение («негатив»). Надпись содержит 6 букв, сохранившихся целиком: *wštkm*. Отсутствие пробелов позволяет искать в надписи одно слово или аналитическую форму, содержащую два компонента. Это не может быть

²⁵ Или *šst*(kn?), *Wst*(kn?).

²⁶ Или *pōh?wn*, *trhwn*, *tōhwn*.

²⁷ Или *phgwtdk*, *thšwtdk*, *phšwtdk*.

личным именем, поскольку рельеф и надпись предназначались для тиражирования по крайней мере в нескольких экземплярах.

Можно попытаться интерпретировать *wštkm* как глагольную форму 3 л. ед. ч. будущего времени: «он поразит, сразится»; *wšax-* из др.-ир. **wi-šax-* или *wi-šax-* «поражать, сражаться», ср. согд.-христ. *sx-* «сражаться, бороться»; согд.-будд. *sx'k(k)* «драка, ссора», н.-п. *šax* «битва», *šaxidan* «оборотиться, драться» (заимствование из согд.?), ормури *šaxa* «битва», папто (вазири) *šax* «участвующий в битве» [Benveniste, 1955, с. 264, 299, 333; 1959, с. 134].

Будущее время, образуемое в п.-хор. сочетанием личных форм презенса с аффиксальной глагольной частицей -*k'm* (из др.-ир. **kāma* «желание», ср. -*k'n*, -*kā* в согд.), могло существовать и в р.-хор. В этом случае форма *wšaxit* (или **wšaxit*)-*kām* имела бы значение «он поразит, сразит» — в надписи под сценой борьбы такая форма кажется вполне уместной.

24) 1986 г. Раскоп 1/1, пом. 1, верхний слой.

Следы 5 строк на остраконе:

- (x+?) (1)(... 'L)
 (2)(... h 10?..
 (3–5) следы знаков

ГЯУР-КАЛА-3

1) 1980 г. № 1. Из прямоугольного зала центрального здания.

Надпись на хуме, одна строка:

MN swtk Wbrwt
 «От Сутака и Хрута».

По-видимому, надпись донаторов, принесших в качестве дара хум (или его содержимое?). — Личное имя *Swtk/Sūtak* этимологически может быть связано с др.-ир. **saw-* «принести пользу» либо, скорее, с др.-ир. **saw-*, авест. *sauuah-* «сила, мощь», др.-инд. *śavas-*. Ср. авест. имена *Sauuah-* «Обладающий силой», *Aiśrasauuah-* «(Обладающий) силой божества огня» [Mayrhofer, 1977, с. 29, № 71, с. 74, № 276].

Имя *Hrwt* = *Xrūt* сопоставляется с авест. *xrūta-* «ужасный, страшный, свирепый». Суффиксальный вариант этого имени *Hrvtk* представлен в документе на остраконе из Хумбуз-тене [Лившиц, Мамбетуллаев, 1986, с. 39]. Др.-ир. **Xrūtīca-* из **Xrūtīca-*, **Xrūtīyaca-* реконструируется по элам. передаче *Kurtutezza* [Hinz, 1973, с. 111]²⁸.

2) 1980 г. Прямоугольный зал центрального здания. Объект № 2 (Хум № 2). Надпись сохранила одну строку; в последнем слове чернила расплылись, особенно сильно пострадала первая и последняя буквы. Под строкой следы 5–6 смытых (?) знаков.

Текст:
 (M)N škwk 'L (z?)w(rkn)²⁹
 «От Шкохака Заваркану (?)».

²⁸ Иные объяснения значения др.-ир. имени, передаваемого элам. *Kurtutezza*, предлагает И. Гершевич [Gershevitch, 1969-a, с. 186; 1969-b, с. 189].

²⁹ Или (z?)w(škn).

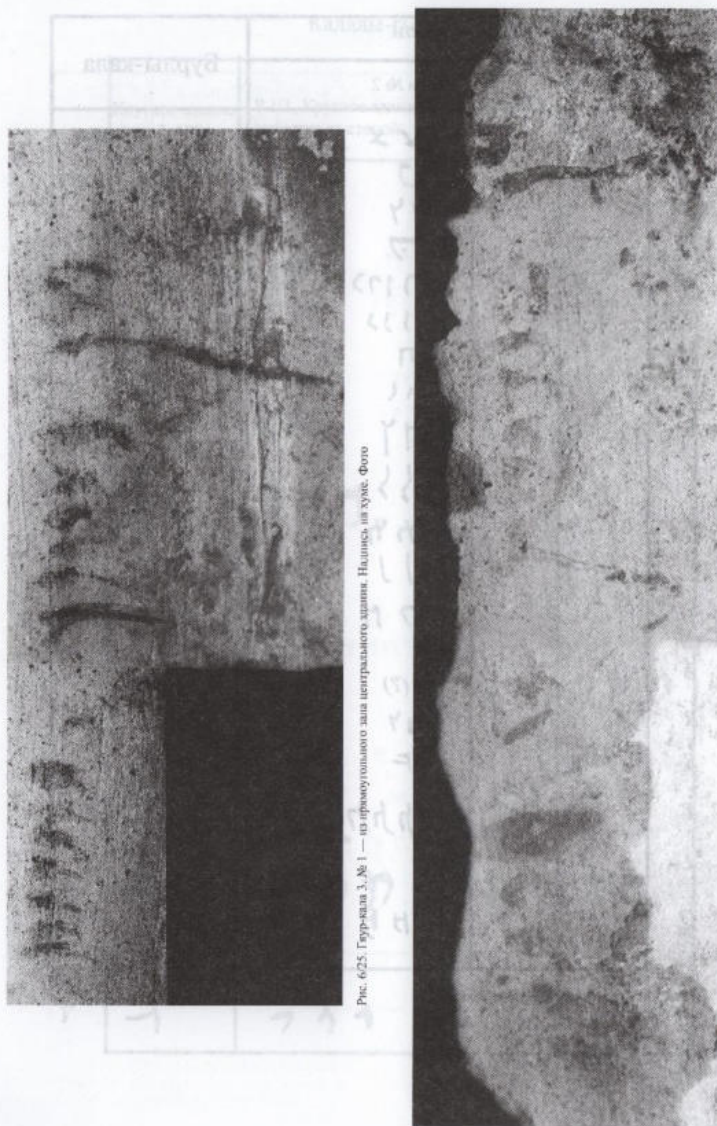

Рис. 6/25. Гяур-кала 3, № 1 — из прямоугольного зала центрального здания. Надпись на хуме. Фото

Рис. 6/26. Гяур-кала № 2 — из прямоугольного зала центрального здания. Надпись на хуме. Фото

	Исаковские чаши		Бурлы-кала
	Чаша № 1	Чаша № 2	
9	צ	צ צ	← ← ←
B	י	י	י
D		י י	י
H	ה	ה	י
W	ו	ו ו ו	ו
Z	ז	ז ז ז	ו
H		ח	ח ח ח
Y		י	י י י
K		כ	כ
L		ל	
M	מ	מ מ	מ מ
N	נ	נ נ	נ נ
S		ס ס	ס ס
C		ס(?)	ס
R		ר	ר ר
Š	ש	ש	ש ש
T	ת ת	ת ת ת	ת ת ת
'L			
Q		ח ח	

Рис. 6/27 (а-г). Палеографические таблицы

Калалы-гыр 2

	Круглое здание пом. 2, 1981г.	P 1/1, Круглое здание, зачистка за стеной 1981г	P 1/1, пом.8 нижний	P 12, надпись на ребре. Заклад коридора у башен.
9	← ←	← ←	←	
B		י		
D		י		י
H		ה		ה
W	ו	ו ו		ו
Z		ז		ז
H		ח		ח
Y	י	י		י
K	כ	כ כ כ	כ	כ
L		ל	ל	ל
M		מ		מ
N	נ	נ נ		נ
S	ס			ס ס ס
C				
P		פ פ פ		פ פ פ
R	ר	ר ר ר		ר
Š	ש	ש ש ש		ש
T	ת	ת ת ת	ת	ת ת ת
'L				
Q	ח			
Y	י	י י י		

6

Калалы-гыр 2

	Хум P1/2, пом.10	P1/2 пом. 8, яма 2	P1/2, пом.8 нижний слой	P 1/2 п.7 в.с.
А	⤵ (?) ⤵	⤵	⤵⤵	
В		⤵ ⤵		
Д				
Н	⤵	⤵ ⤵		
W		⤵⤵⤵	⤵⤵	
Z		⤵	⤵	
И	⤵⤵	⤵ ⤵		
У	⤵⤵	⤵⤵⤵	⤵⤵	⤵
К	⤵⤵	⤵⤵		
L		⤵⤵	⤵	⤵
M	⤵⤵		⤵(?) ⤵	⤵
N	⤵⤵	⤵⤵	⤵	
S	⤵	⤵⤵⤵⤵⤵		
C				
P	⤵			
R	⤵	⤵ ⤵ ⤵	⤵	
Š		⤵⤵⤵	⤵	⤵⤵
T		⤵⤵⤵⤵⤵	⤵(?) ⤵	⤵⤵
'L				
Q		⤵⤵		

Топрак-кала

	К - 4	Г - 15/2 201-209 гг. X. Э.	К - 3	К - 4
А	⤵		⤵⤵	⤵⤵
В		⤵	⤵	⤵
Д	⤵			
Н		⤵	⤵⤵	⤵
W				⤵
Z				
И	⤵		⤵⤵	⤵⤵
У	⤵		⤵	⤵
К		⤵		⤵
L				
M	⤵		⤵	⤵
N	⤵	⤵	⤵	
S			⤵	⤵⤵
C				
P				
R	⤵			⤵⤵
Š		⤵⤵	⤵⤵	⤵
T	⤵	⤵⤵	⤵	⤵
'L		⤵⤵	⤵	⤵
Q				
Y			⤵	
tw			⤵⤵	

Надпись зафиксировала передачу (возможно, дар) сосуда. Для личного имени Škwkh, если предположить написание с -h вместо -h-, возможно либо толкование «Бедняк», либо «Величие, Достоинство». Эти значения базируются на сопоставлении с др.-п. *skauh-* «бедный», ср.-п. *škōh* «1. бедный; 2. величие, достоинство», ср.-п. маних. *iskōh* «бедный», н.-п. *šukōh* «величие, пышность» (также женское имя *Šukōh*), парф.-маних. *iskōh* «бедный», согд.-маних. *škwrd /škōrb/* «трудный, грубый, резкий»; р.-хор. и п.-хор. соответствия мне не известны.

Второе имя, если принять чтение *zwtkn*, можно попытаться трактовать как патроним с суффиксом *-akān* от **zāwar* или **zūr* «сила, мощь, насилие», ср. авест. *zurah-, zūrah-*, др.-п. *zūrah-*, ср.-п., н.-п. *zōr* с этими же значениями, парф.-маних. *zāwar* «сила, мощь», *zūr* «обман, ложь, лживый», согд. *z'wr/ zāwar/* «сила, мощь». И в этом случае р.-хор. и п.-хор. соответствия мне не известны.

Сокращения

а) Языки

авест. — авестийский
авест.-гат. — авестийский Гат
акк. — аккадский
арам. — арамейский
арм. — армянский
бактр. — бактрийский
вед. — древнеиндийский Вед
диг., дигор. — дигорский диалект осетинского
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ир. — древнеиранский
др.-п., др.-перс. — древнеперсидский
импер.-арам. — имперско-арамейский (арамейский канцелярий империи Ахеменидов)
индоар. — индоарийский
иран. — иранский диалект осетинского
ишк. — ишканинский

мундж. — мунджанский
н.-п., н.-перс. — новоперсидский
орм. — ормури
осет. — осетинский
парф. — парфянский
парф.-маних. — парфянский манихейских текстов
пехл. — книжно-пехлевийский (среднеперсидский)
п.-хор. — позднихорезмийский (хорезмийских текстов на арабо-персидской графике)
р.-хор. — раннехорезмийский (хорезмийских текстов на письменности арамейского происхождения)
рус. — русский
согд. — согдийский
согд.-будд. — согдийский буддийских текстов
согд.-маних. — согдийский манихейских текстов
согд.-христ. — согдийский христианских текстов
ср.-п., ср.-перс. — среднеперсидский
талм.-евр. — талмудический древнесаревский
хот., хот.-сак. — хотано-сакский
элам. — эламский

б) Грамматические формы

ед. ч. — единственное число
ж. р., жен. р. — женский род
л. — лицо
мест. — местоимение, местоименный
мн. ч. — множественное число
м. р., муж. р. — мужской род
п., пад. — падеж
р. — род
суф. — суффикс
f., fem. — женский род
m., masc. — мужской род
Scr. def. — scriptio defectiva (неполное письмо — написание, в котором опущено обозначение гласного)
Sg. — единственное число
Pl. — множественное число
St. abs. — status absolutus (абсолютное состояние — арамейская форма изолированного существительного)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВЕРОВАНИЙ ДРЕВНИХ ХОРЕЗМИЙЦЕВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Религиозные верования и ритуальная практика отражают отношения людей к экономическим, политическим и социальным реалиям их страны, к природному окружению, в котором протекает человеческая деятельность. Поэтому изучение их даже на том ограниченном материале, которым мы располагаем в настоящее время, представляет значительный интерес. Особенно в связи с тем, что у нас практически совсем нет данных об экономических, политических, правовых и социальных структурах в Хорезме в изучаемую эпоху. Мифы и ритуалы обнаруживают ценности народных масс, так как люди выражают в ритуале то, что больше всего касается их в реальной жизни.

Поэтому, несмотря на то что мы можем только реконструировать основное содержание тех немногих мифов, которые дошли до нас в изображенных на рельефах, понять только основное их содержание, изучение религиозных представлений с привлечением археологических материалов (планировок, инвентаря, погребальных обрядов, орнаментации и т.д.) может иметь большое значение для общей характеристики культуры Хорезма во второй половине I тысячелетия до н.э.

Ниже мы предлагаем реконструкцию тех мифов, которые запечатлены на рельефах, найденных при раскопках Калалы-гъра 2. Помимо этого обобщаем полученные данные об отдельных категориях предметов и ритуалах, связанных с верованиями. Часть этих вопросов рассматривалась выше (в гл. 2) в разделе о функциональных зонах на памятнике.

Все эти материалы, рассмотренные на фоне тех данных, которые были получены исследователями до нас, позволяют более полно охарактеризовать верования древних хорезмийцев, выделив два периода в их развитии — вторая половина I тысячелетия до н.э. и первые века н.э. (в краткой форме об этом см. [Вайнберг, 2001а]).

Мы постарались минимально обращаться к данным Авесты и других зороастрийских сочинений, чтобы соблабы более четко хронологический принцип существования отдельных обрядов, мифов и религиозных представлений. Последние привлекались в тех случаях, когда там мы обнаружили полное тождество или максимальное совпадение с данными наших материалов.

При публикации материалов с Кой-крылган-калы [Кой-крылган-кала, 1967] М.Г. Воробьева в разделе о фрагментах керамических рельефов высказала заключение, что на них были представлены персонажи древнехорезмийской мифологии, эпоса или сцен из придворной жизни и «не только многие сцены, но и орнаментальные композиции в свое время служили выражением тех или иных религиозно-мифологических представлений хорезмийцев» [Кой-крылган-кала, 1967, с. 201].

Справедливость этого заключения подтвердил Ю.А. Рапопорт, предложивший реконструкцию космогонического мифа по двум крупным фрагментам фляг с Кой-крылган-калы [Рапопорт, 1977].

Полная сохранность целого ряда рельефов на флягах с Калалы-гъра 2 позволяет нам предложить реконструкцию еще нескольких мифов, известных хорезмийцам во второй половине I тысячелетия до н.э. (предварительное сообщение см. [Вайнберг, 1992; Vainberg, 1996]).

Наибольшую информацию несет рельеф с календарным мифом (найден на раскопе 7, в пом. 6 за западной стеной центрального здания, вместе с рядом других культовых предметов).

На рельефе (рис. 7/1 и 2) выделены три зоны, которые, очевидно, передают основной общий смысл изображения: внизу волнообразными линиями передано представление о первоначальном «хаосе» или водной стихии. Средняя и верхняя части рельефа отделены рельефной полосой с округлыми выступами, передающими горы, — мотив, известный и по другим нашим рельефам. В средней части отражена идея организации природного космоса, а в верхней — повторением основного содержания центральной сцены подчеркивается цикличность основного мифа и ритуального действия, где солярное божество убивает оленя, из крови которого вырастают стебли с колосьями. Перед оленем, как и в основной сцене, помещено дерево с обломанной веткой. Последняя является символом оленя и его жизни, что поясняет другой рельеф с Калалы-гъра 2 с оленем на ветке дерева (рис. 7/3 и 4).

В хорезмийском мифе и соответствующем ритуале, изображенном на нашем рельефе, получило отражение основной индоевропейский миф, а в средней части рельефа передана та часть мифа, которая относилась к организации природного космоса. Ритуал, как известно, должен был ежегодно заново его обеспечивать.

В правой половине изображения помещен бегущий влево молодой персонаж, стреляющий из лука. Его сопровождают три вихревые розетки, которые могут быть сопоставлены с тремя священными огнями иранцев. В Авесте в «Яштах» (Яшт 10, XXXI, 127) отмечается, что перед Митрой летит «пылающий огонь, могущественный фарн кави». Случайно или намеренно, вихревые розетки различаются по размеру, самая малая из них помещена между ногами персонажа. Несмотря на большую потертость изображения, различается кинжал или короткий меч, закрепленный ремнями выше колена на его левом бедре. Нам представляется, что сопоставление вихревых розеток со священными огнями, базирующееся на данных Авесты, дает основание считать стрелка из лука Митрой. За его спиной, по нашему мнению, изображено растение-божество Хаома (Ясна 9), тесная связь Митры с ко-

Рис. 7/1. Рельеф с календарным мифом. Фото

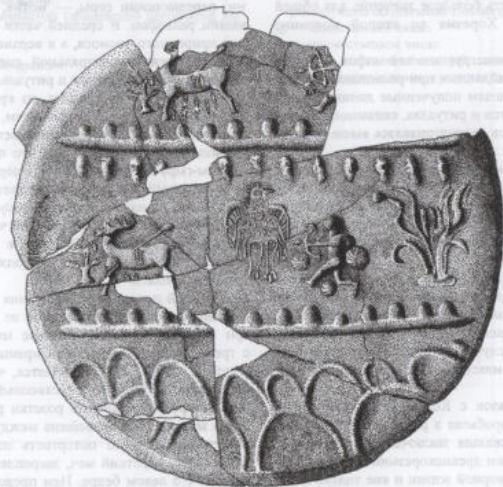

Рис. 7/2. Рельеф с календарным мифом. Рисунок

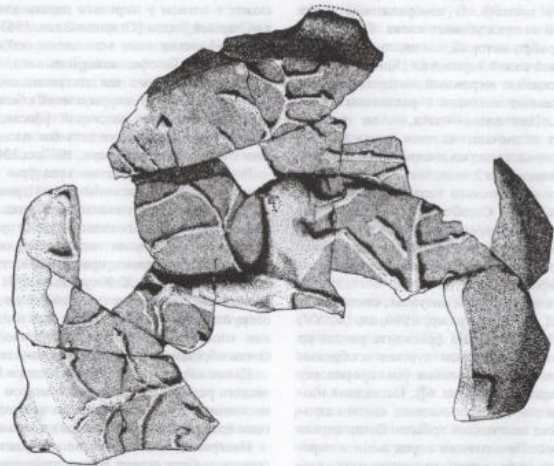

Рис. 7/4. Рельеф с осликом на ленте дерева. Рисунок

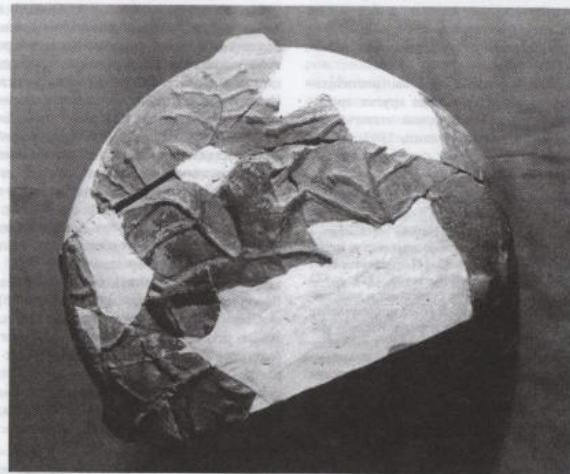

Рис. 7/3. Рельеф с осликом на ленте дерева. Фото

водки [Гулямов, 1957], с которыми и мог совпадать этот праздник.

В тексте Беруни при описании календаря и праздников у персов есть следы и иных календарных традиций.

Одна связана, вероятно, с мусульманско-библейской — о сотворении мира за шесть дней, в нее вместе с тем включены некоторые сведения из позднэорастрийских сочинений (например, о трехкратном расширении земли Аллахом) [Беруни, 1957, с. 224 и сл.].

Другая приписывается Заратуштре и относится к шести праздникам в течение года (*гаханбарам*), которые, по словам Беруни, применительно к Хорезму «нужны им в делах их веры» (там же, с. 258). При начале года в период летнего солнцестояния порядок *гаханбаров* в Иране нарушился, они начинаются с третьего, а первый и второй помещаются в конце года. Вместе с тем все эти праздники связаны с этапами перетворения и переноса первого и второго в них механически на конец года нарушают космогонический порядок. Первый *гаханбар*, приходящийся на Дей-мах (десятый месяц), отмечен сотворением неба. Второй — на месяц Исфендермах, когда была сотворена вода (вспомним праздник божества Вахша в Хорезме, о котором говорилось выше). В третьем *гаханбаре* (Ардйбашит-мах) — земля, в четвертом (Хурдал-мах) — деревья и растения, в пятом (Шахривар-мах) — животные, в шестом (пять добавочных дней зимой) — люди. Таким образом, *гаханбары* указывают на начало года в день весеннего равноденствия и связывают его с месяцем богатыря Дей-маха. В преданиях, относимых к праздникам в месяце Дей-маха (Богат-гюрия), по Беруни, есть и следы основного индоевропейского мифа: разрушение преград и «освобождение» коров, событие традиционно связываемое с началом года.

Это явно иная традиция, отличная от «эорастрийского» календаря, но повторим, согласно Беруни, установление *гаханбаров* предание связывает с именем Заратуштры (там же, с. 231 и 239). Когда существовал календарь с подобными праздниками, вряд ли можно сейчас установить, но он явно предшествовал «эорастрийскому» младоавестийскому календарю.

Согласно Ригведе, Новый год совпадал с зимним солнцестоянием, когда свершался основной космогонический акт — Индра с помощью Агни, Сомы или Вишну побеждал Вритру [Кейпер, 1986, с. 49, 148, 153, 158, 212–213]. По мнению Ф.Б.Я. Кейпера, разделяемому многими специалистами, Ригведа по сути своей является руководством по обрядам праздника Нового года. Может быть, эта традиция родилась еще на родине индоиранцев и была связана с рождением солнца. Кейпер приводит интересные сведения исследователей о том, что кафиры Гиндукуша до сих пор отмечают Новый год 17 января (там же, с. 99). Вишну, помощник Индры в космогоническом акте, обладает многими солнечными функциями, а иногда прямо отождествляется с солнцем [Кейпер, 1986, с. 102 и сл.]. Все это делает вполне закономерным появление мифа о рождении Митры-солнца в день зимнего солнцестояния, с которым связан и один из важнейших праздников иранцев — Михриган. Может быть, Митра (Михр) заменяет здесь в древнейшем варианте календарного мифа и праздника Индру, обеспечивая восстановление макрокосмоса и его обновление. Интересно замечание Беруни: «...говорят, в этот день бог простер землю и создал тела как вместилища для души» [Беруни, 1957, с. 234], что, по его мысли, должно соответствовать акту перетворения.

Как уже отмечалось выше в связи с анализом сюжета о жертвоприношении оленя Митрой, между Михриганом и Наурузом, по Беруни, проходит шесть месяцев. Это два «ока» года, причем многие отдают предпочтение празднику Михриган перед Наурузом (там же), подтверждая тем самым, что Науруз в «эорастрийском» младоавестийском календаре, скорее всего, отмечался в день летнего солнцестояния.

Учитывая данные ведийской традиции о связи Индры и его поединка с Вритрой с зимним солнцестоянием, можно предположить и что калалыгирский рельеф с Вретрагной, сражающимся с Вритрой — быком (?), тоже входит в ритуал праздника, связанных с зимним солнцестоянием (Михриган в нашем случае).

Остановимся подробнее на анализе отдельных сюжетов и деталей рельефа с календарным мифом (рис. 7/1 и 2).

Внизу изображен ли первозданный «хаос», то ли вода. Это не свойственно иранской мифологии, где космоическое устройство базировалось на представлении о первичности Огня и Воды. Вместе с тем в Ригведе (10.129 с описанием первых фаз становления космоса), как и у древних греков, изначальными являются Тьма — Хаос и Вода (см. [Кейпер, 1986, с. 117–118, 156; МНМ, II, с. 581–582; обзор литературы по этому вопросу см. [Лелеков, 1992, с.141 и сл., 176 и сл.]. Согласно Ригведе, мир предшествовал богам и их деятельности. Сам космогонический миф, представленный на другом хорезмийском рельефе с Кой-крылган-калы, был детально проанализирован Ю.А. Рапопортом [Рапопорт, 1977]. Выводы автора представляются довольно убедительными: о господстве в это время в религии древних хорезмийцев Митры и, очевидно, Зервана. В качестве замечания можно лишь обратить внимание на необычность персонажа, названного грифоном. Ю.А. Рапопорт характеризует этот полиморфный фантастический персонаж как грифона с ногами льва, хотя мне более убедительной представляется характеристика этого существа, предложенная М.Г. Воробьевой: «...с туловищем хищника кошачьей породы, хвостом льва, ногами и стриженой гривой коня, передняя часть тела и морда с большим загнутым клювом — ушастого грифона» [Кой-крылган-кала, 1967, с. 205, рис. 78, табл. XXXII, 1] (разрядка моя. — Б.В.). Аналогичный образ встречен нами на фрагментах рельефа с «Заратуштрой» (о нем см. ниже). Там тоже изображены бесспорно ноги коня. Впрочем, возможно, что и туловище этих фантастических животных тоже было конским, таких поджарых быков и лошадей традиционно изображали на хорезмийских керамических рельефах. Для понимания этого образа следует, на наш взгляд, привлечь данные из ведийской мифологии. Так, в древнеиндийской мифологии есть образ божественного коня — Таркшья (он считается «даром Индры»). В поздневедических текстах Таркшья, который предположительно был воплощением солнца, идентифицируется со сказочной птицей Гарудой [МНМ, II, с. 266; с. 495]. Сам же сюжет, описывающий космогонический акт как союз неба и земли, — древнейшая индоевропейская и даже вселенская универсалия. Тема неразделенности изначального мира характера и для ведийской мифологии [Кейпер, 1986, с. 121 и сл., 153].

Следующий этап космогенеза — отделение земли и организация природного космоса — получил отражение в нашем рельефе с календарным мифом в его средней части. Земля на нем, как и практически почти на всех рельефах с Калалыг-гяра 2, передана рядом небольших рельефных овалов, поме-

щенных на одной линии, — вероятно, так символически изображены горы. Вызывает удивление, что именно такой прием изображения «земной тверди» применен в сугубо равнинном оазисе низовьев Амударьи. Возможно, в этом сказывается влияние искусства Мидии и Северного Ирана. Но нельзя исключить, что здесь отражено представление о первоначальной горе (холме), который Индра закрепил в водной стихии, когда совершил свой первый подвиг — освободил воды и солнце (там же, с. 122 и сл.). Ф.Б.Я. Кейпер обратил внимание на очень образное выражение в тексте «Ригведы» (VI, 30,3): «Горы уселись, как мужи» [Кейпер, 1986, с. 124], аллюзией которого можно с известной долей вероятности признать и прием передачи земли в рельефах древнего Хорезма.

Средняя часть рельефа посвящена роли Митры в организации жизни на земле (ср. Яшт X, 61). Митра совершает жертвоприношение оленя, обеспечивающее возрождение природы в ежегодном цикле. Три вихревые розетки вокруг него — священные огни, очевидно символизирующие три сословия общества, свидетельствуют, что он выступает покровителем всех хорезмийцев (или даже шире — иранцев).

Средний уровень изображений на рельефе построен по принципу симметрии по сторонам изображения крупной птицы типа орла, голова которой повернута вправо, в сторону Митры. Рядом с птицей (по сторонам от нее) присутствуют два божества — справа Митра, стреляющий из лука, а слева бог умирающей и воскресающей природы в образе оленя, которого убивает стрелой Митра. Из крови оленя вырастают колосья, что несомненно указывает, что сюжет этот сложился уже в земледельческом обществе. Подробнее об олене мы писали выше (см. также [Вайнберг, 2000а]). Сюжет с оленем повторен в верхней части рельефа, что дает основание четко восстановить изображение.

Митра на рельефе изображен очень молодым, таким образом подчеркивается, что акт жертвоприношения оленя происходил непосредственно вслед за «рождением» Митры-солнца (зимнее солнцестояние). Можно отметить, что в ведийской мифологии Индра тоже убил дракона «сразу же после рождения» [Кейпер, 1986, с. 31], что тоже связано с зимним солнцестоянием (о рождении солнца-мальчика см. [Фрейденберг, 1997, с. 136]).

По краям сцену обрамляют два растения: перед мордой оленя — дерево с обломанной веткой, символом жизни самого оленя, а за спиной Митры — растение с выходящими побегами и шишкой на конце одного из них. Мы уже отмечали выше, что есть все основания отождествлять это растение с Хаомой, божеством, растением и священным напитком древних иранцев. Сведения о Хаоме содержатся в ранних и средневековых зороастрийских сочинениях (сводку их см. [Рак, 1998, с. 141 и сл., 314, 512]; см. также статью Топорова В.Н. в [МНМ, II, с. 578–579], здесь же литература).

Вполне закономерно, что в контексте календарного мифа на рельефе с Калалыг-гяра 2 особое место около бога Митры отведено Хаоме. Согласно сведениям, содержащимся в «Хом-Яште» и Ясне 9, Хаому почитали как господина — владельца дома, общины, округа, страны (Ясна 9, 27–28); он совмещал ипостаси бога Митры (стража мирового закона) и жреца, приносящего ему жертву, и роль самой жертвы (Ясна 9, 1–32). Ритуал приготовления Хаомы был очень важен в зороастризме и, очевидно, наследовал более древние верования иранцев. Предполагается, что в древности существовал миф о гибели божества Хаомы, которого убили и рас-

Рис. 75. Скарбеонд с Гигур-калы 3 с оленем, пораженным стрелой

Рис. 76. Фрагмент рельефа со схематичным изображением хаома

Рис. 77. Схематический рисунок рельефа из кургана на Шахсенемском гыре

Рис. 7/8. Рельеф с Гопатшахом. Фото

Рис. 7/9. Рельеф с Гопатшахом. Рисунок

Изображение на рельефе с Калалы-гыра 2 дает основание утверждать, что Гопатшах, во-первых, быкочеловек, божественный персонаж, был одним из первотворений на земле после того, как небо было разделено с землей.

Во-вторых, Гопатшах в образе первостроителя (на что указывает «корзинка» на его голове) может быть отождествлен, как это и предполагала К.В. Тревер, с Гайомартом [Тревер, 1940, с. 82]. Аналогичным образом характеризуется и Каюмарс в «Шахнамэ».

И в-третьих, если Гопатшах = Гайомартану, то, согласно зороастрийским текстам, появление животных, растений и людей — это последующая стадия, а поэтому функция первостроителя представляется преждевременной. Во всяком случае, в мифе уже второй половины I тысячелетия до н.э. явно смешались разные (разновременные) мифологические представления.

Бесспорно, что образ первочеловека к этому времени уже отождествился с мифическим существом Гопатшахом. Существует мнение, что подобное представление отражает позднюю традицию «младозвестийского» времени, когда Гопатшах-Гайомарт вытеснил первопредка человечества Йиму (см. сводку [Рак, 1998, с. 465]).

Иконография Гопатшаха на рельефе из Хорезма — оригинальная и сложилась в местной среде на базе смешения мифологических представлений, бытовавших здесь или, что менее вероятно, заимствованных у магов Мидии (но там и в Иране вообще нет подобных иконографических образов).

Сцена единоборства человека с быкоподобным существом (рис. 7/10 и 11).

К сожалению, рельеф сохранился частично, обломана верхняя и частично правая сторона. Рельеф найден в свалке керамики над пом. 1 раскопа 1/1. Сюда, судя по всему, был выброшен археологический материал из круглого здания в первых веках н.э., когда его преобразовывали в дахму для выставления трупов.

Сохранившаяся часть рельефа тем не менее позволяет, как нам представляется, реконструировать очень интересный вариант мифа.

Изображение по периметру ограничивает окружность, с внутренней стороны к которой примыкает ряд треугольников, передающих представление о горах, которые окружают весь иранский мир (Авеста, Яшт XX, I; Бундахиши, гл. 5, 8, 12). Это, возможно, подчеркивает, что содержание мифа имеет отношение ко всей иранской общности.

Внутри этого круга на прямой полосе изображены округлые «горы» (см. рельефы, описанные выше), что символизирует поверхность земли, на которой и происходит действие мифа. На фоне двух растений, скорее всего довольно высоких деревьев, борются два персонажа. Справа находится человек, поражающий большим копьем, которое он держит двумя руками (правая ближе к наконечнику, левая — у конца древка), быка или фантастического животного с туловищем быка. Голова этого существа обломана, как и голова человека, что затрудняет их идентификацию.

Животное, бесспорно, имело бычье туловище, о чем свидетельствуют ноги с раздвоенными копытами и хвост быка. Туловище, как и у Гопатшаха, поджарое. Правая передняя нога поднята и бьет (ударяет) человека по правой ноге (выше колена). Приподнята и левая передняя нога. Эти детали показывают, что животное борется с человеком, а не пассивно подчиняется ему в момент заклания, как, например, это пред-

ставлено на памятниках митраизма [Кюмон, 2000, гл. II, IV, рис. 2, 3, 5, 7, 9, 15, 18, 19].

Космогонические главы Бундахиши дают картину вечно происходящей борьбы демонов зла против сил природы и человека. Один из эпизодов подобной борьбы изображен, скорее всего, и на этом рельефе. Небольшой фрагмент от головного убора человека на рельефе (слева от головы в правой его части) дает основание предполагать, что это могло быть крыло птицы, так и позднее на кушанских монетах передавался головной убор бога Вертрагны (см. [Зеймаль, 1967, с. 66–69, рис. 8, 6]). На тех же монетах это божество изображено с длинным копьем. Магическая сила перьев птицы Варган — одного из основных символов этого божества Войны и Победы, особо отмечается в Авесте («Побивающий защиту»), образ этот восходит к эпохе индоиранской общности, считается, что его имя соответствует эпитету Индры в ведийской мифологии — Вритрахан, «убийца Вритры» (демона). Именно этим демоном, воплощенным в образе быка, и мог быть второй персонаж на рельефе (см. об этом ниже).

Под сценой борьбы помещена надпись, сделанная еще в форме для оттиска рельефа (см. главу 6, № 23). В.А. Лившиц считает, что надпись была изображена как позитив и в связи с этим на рельефе находится ее зеркальное изображение. Анализ текста позволяет ему предложить перевод этого небольшого текста как «он поразит, сразит».

Большой интерес в связи с интерпретацией сцены на рельефе представляют отдельные пассажи из Яшта XIV, посвященного Вертрагне, где на вопросы Зартуштры отвечает бог Ахурамазда.

Характеристика птицы Варгани:

Явился Зартуштре
Седьмой раз так Вэртрагна,
Создание Ахуры:
Летя как птица Варган,
Терзая жертву сингу,
Дробящий жертву сверху,
Быстрейший из всех птиц,
Скорейший из пернатых... (Яшт XIV, VII, 19).
Летит, топорща перья (там же, 20).

Перья этой птицы обладают волшебной силой, они снимают враждебное заклятие:

Сказал Ахура-Мазда:
«Возьми перо, Спитама,
Ширококрылой птицы,
Перо от птицы Варгани,
И, проводя по телу,
Пером заклятье снимешь
Ты своего врага.
Дают нам благо перья
И кости сильной птицы,
Могучей птицы Варгани.
Никто того не может
Сразить, повергнуть в бегство,
Кому дает удачу,
Кому дает поддержку
Перо той птицы птице» (Яшт XIV, 35–36).

И наиболее значимый, на наш взгляд, для реконструкции мифа на рельефе пассаж:

Спросил Ахура-Мазду
Спитама-Зартуштра:
«Скажи мне, Дух Святейший,

Рис. 7/10. Рельеф со сценой борьбы и надписью. Фото

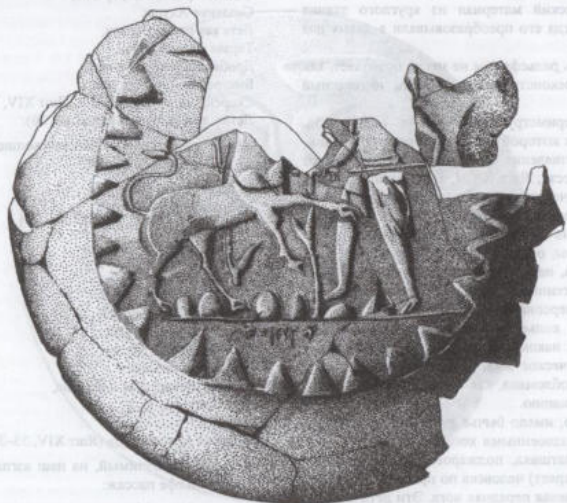

Рис. 7/11. Рельеф со сценой борьбы и надписью. Рисунок

Создатель жизни плотской,
 Когда призвать Вэртрагну
 Нам следует на помощь,
 Когда ему молиться,
 Когда его хвалить?
 Сказал Ахура-Мазда:
 «Когда войска сойдутся,
 Спитама-Заратуштра,
 Стоят друг против друга,
 Свои ряды ровняя —
 Никто не побеждает,
 Никто не побежден,
 Возьми тогда четыре
 Пера от птицы Вараги
 И перед каждым войском
 Те перья подержи.
 И первым, кто помолится,
 Кто призывает Вэртрагну
 И всеблагу Силу,
 Тому тогда и будет
 Принадлежать победа» (Яшт XIV, XVI, 42–44).

Представляется, что именно в связи с такой особенностью — необходимостью первым помолиться богу Вэртрагне для победы над врагом — можно объяснить и уникальное появление надписи под описываемым рельефом. Тем более что сама надпись связана с ожиданием победы персонажа.

О.М. Фрейденберг особо анализирует семантику «победы» в мифологическом восприятии разных явлений в жизни общества [Фрейденберг, 1997, с. 69–72 и сноски 143, 145]. Она показывает, что «враг» — это «носитель образа смерти, тот аспект тотема, который будет побежден в рукопашной и умрет» (там же, сноска 143, в Египте «для победителя побежденный уже с самого начала поединка является побежденным», со ссылкой на работы В.В. Струве и И.Г. Лившица). С этим связаны, по ее мнению, и сцены борьбы, победы и триумфа на гробницах в античном мире. Она обращает внимание на надписи *vika* — «победи», начертанные на катакомбах, церковных сосудах и монетах, связываемых ею с семантическим тождеством образов «победы» и «жизни» (там же, с. 72 и сноски 145).

Представляется, что надпись под рельефом со сценой единоборства с Калалы-гыра 2 полностью «укладывается» в этот контекст, что подтверждает наше предположение об отождествлении персонажа с кольцом с богом Вэртрагой, одним из помощников бога Митры.

Несколько сложнее истолковать образ его противника — быка или быкоподобного существа. Если исходить из индоиранских корней Вэртраги, то общепринятым является заключение, что имя его тождественно эпитету Индры в ведийской мифологии — Вритрахан, «убийца Вритры», или общепринадлежит к *вртасхан*, «сокрушитель вражды» (см. [МНМ, I, с. 233] — И.С. Брагинский). Тогда логично видеть в его противнике демона Вритру, олицетворявшего косный, каутический принцип (см. там же, с. 253 — В.Н.Топоров). Согласно Ригведе, демон этот — «первороденный» (РВ 1,3 2, 3, 4). Предназначение Индры — убить Вритру. Последний обычно характеризуется как змеобразный зверь (дикий и зигрий), «не-человек» и «не-бог», связан, как правило, с водой (его мать — Дану). Но вместе с тем, что представляется интересным в связи с нашим рельефом, он поκειται на горе.

В тексте Ригведы (1, 32) описывается поединок Индры с Вритрой, где он и был сражен. В.Н. Топоров обращает осо-

бое внимание на текст, характеризующий последствия этого поединка: «схолошенный, хотевший стать быком, Вритра лежал, разбросанный по разным местам» [МНМ, I, с. 253]. Победа над Вритрой — это космогонический акт, переход от хаоса к космосу, к процветанию и плодородию. Индра сражается с Вритрой за солнце.

Исходя из текста Ригведы (1,32), одним из образов Вритры мог быть бык, что соответствует рельефу с Калалы-гыра 2 и объясняет активную позицию этого персонажа в сцене поединка.

Сообщение о том, что «Вритра лежал, разбросанный по разным местам», находит параллели как в индоевропейской мифологии, так и вне этой традиции. В индоевропейской мифологии Громовержец, убивая противника (существо змеиной породы), рассекает его на части и разбрасывает в разные стороны (там же, с. 530). В кельтской мифологии в эпическом повествовании «Похищение быка из Куальнге» описывается поединок быков Финдбенаха и Донн Куальнге. Последний, победив противника, разбрасывает остатки его тела по всей Ирландии. Оба персонажа приняли облик быков, пройдя через серию превращений, в том числе бывавая и в облике водных животных (там же, с. 635 — С.В. Шкунаев).

В одном средневековом мистическом трактате сообщается, что от большого изначально первочеловека — Адама бог отсекал части и разбрасывал куски по всему миру (там же, т. II, с. 300).

Все изложенное выше позволяет, как нам кажется, видеть в рельефе со сценой единоборства с Калалы-гыра 2 хорезмийский космогонический миф о победе бога Вэртраги над демоном Вритрой, который был аналогичен ведийскому основному мифу о победе Индры над Вритрой. К сожалению, сцена, запечатленная на этом изображении, много беднее по содержанию, чем тексты Ригведы, но тождество их или близкое родство не вызывает сомнения.

Рельефы с изображением всадника на верблюде (рис. 7/12 и 13).

С этим персонажем известно на Калалы-гыре 2 два сюжета на рельефах.

Полностью сохранились два рельефа на маленьких флягах с всадником на двугорбом верблюде, подвезающем к дереву. Одна из фляжек хорошей сохранности найдена в верхнем слое пом. 1 раскопа 1/1. Как мы уже отмечали, здесь находился в переложном виде материал из круглого здания, куда он был перемещен в первых веках н.э. при превращении круглого здания в дахму. Вторая фляжка, несколько больших размеров, но с рельефом тех же параметров, была найдена в восточной части раскопа 7в. Сохранность ее очень плохая, она расслаивается.

В левой половине изображения помещено схематически переданное дерево. Ветви его подняты вверх. Ствол и ветви имеют одинаковую толщину, листьев нет. К дереву вплотную подвезает всадник на верблюде. Есть несколько сколов, повредивших «картинку», но кроме отмеченных двух целых экземпляров мы располагаем фрагментами аналогичных рельефов, по которым можем полностью восстановить изображение.

Всадник на верблюде передан в движении, он приближается к дереву справа. На шее верблюда сверху и снизу выпуклыми черточками изображена длинная шерсть, что свойственно именно двугорбому верблюду — бактриану. В остальной фигуре животного передана обобщенно. Подчеркнут

Рис. 713. Фрагменты рельефов с композицией всадник на двугорбом верблюде. Фото

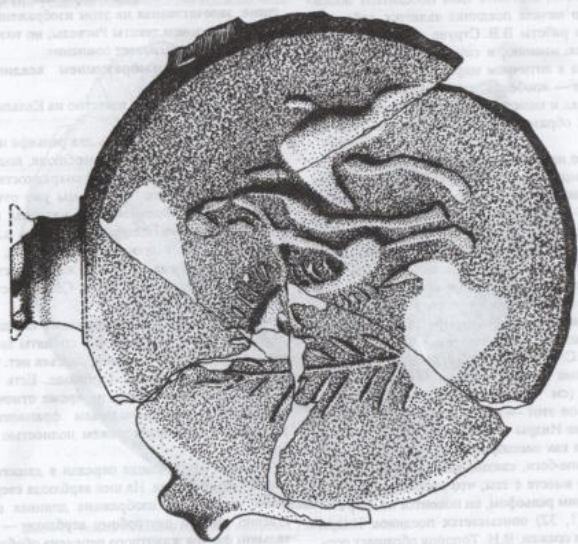

Рис. 712. Флага с изображением на двугорбом верблюде, установленном к дереву. Рисунок

поднятый вверх хвост, что, по мнению современных скотоводов, характерно для верблюдов-самцов в период гона. Между двух горбов находится всадник, держащий животное за повод. Левая нога, возможно в каком-то чехле, опущена очень низко (почти до копыт животного). Голова персонажа изображена схематично, не имея каких-либо особых признаков. Волосы спускаются до плеч, головной убор если и был, то имел вид округлой шапочки, плотно облегающей голову. Четко видна борода. К истолкованию этого изображения мы обратимся ниже.

Группа фрагментов от нескольких керамических рельефов (рис. 713) позволяет восстановить рельефное изображение другого мифологического сюжета. Один крупный фрагмент его был обнаружен на памятнике в 1953 г., он опубликован С.П. Толстовым [Толстов, 1958, рис. 73] как сцена охоты. Найденные другие фрагменты, частично соединившиеся с ним, дают основание считать «сцену» мифологической и позволяют реконструировать содержание мифа (или предания).

Визуально на всех вариантах рельефов изображена земля в виде полосы, на которой расположены треугольники — горы. От центра этой «горной полосы» вверх и в стороны с одной горы расходятся побеги выходящего растения, внутри которых находится основное изображение (побеги подобно распахнутым крыльям птицы охватывают его). На побегах много листьев разной формы.

Над ними и внутри них находится крупная фигура всадника на двугорбом верблюде, движущемся вправо. Фигура верблюда передана очень натуралистично: ноги, копыта, загнутый вверх хвост, горбы, шея и большая часть головы. Гораздо меньше повезло всаднику — голова его обломана, в правой руке он держит повод. Нога его слегка согнута в колене и доходит до правой передней ноги верблюда. К правому бедру всадника приторочен короткий меч типа акинака (от верха бедра до колена). На крупе верблюда, возможно, был изображен круг. Под всадником была помещена еще одна человеческая фигура, от нее сохранились рука, держащая большое копье, и нога (человек был также передан в движении вправо). Это, очевидно, был копьеносец всадника на верблюде. Перед мордой верблюда в прыжке изображено какое-то копытное животное.

По сторонам всей описанной «картины» стоят два дерева (по одному спереди и сзади). Вырастают они из треугольников типа горы, изображенных ниже. Ветви дерева отходят от более массивного в сравнении с ними ствола. На ветвях черточками по обе стороны изображены листья или более мелкие побеги.

Завершает всю сцену наверху слева фигура конегрифона типа того, что был проанализирован нами выше на рельефе с космогоническим сюжетом с Кой-крылган-калы. Изображение на описываемом рельефе с Калалы-гыра 2 более скромное и схематичное, чем на Кой-крылган-кале. Четко видны копыта, фигура существа больше всего похожа на конючую, но хвост скорее всего львиный или подобный ему. Крылья у персонажа сложены вместе, отходят от основания шеи вверх и назад. Среди фрагментов с Калалы-гыра 2 не сохранилось изображения головы этого «грифона». Но нам повезло — среди редких фрагментов с рельефными изображениями на Гяур-кале 3 была именно недостающая часть изображения, скорее всего выполненная в той же форме, что и основное изображение с Калалы-гыра 2. Здесь видны клюв и ухо грифона и верхняя часть крыльев. Все изображение

окружено тонкой рельефной полосой (может быть, это след от оттиска формы, в которой был изготовлен рельеф).

Если учесть, что двугорбый верблюд-бактриан в иранских языках именуется «шутра» и большинство иранистов предполагают, что, вероятно всего, имя пророка Заратуштры буквально означало «Староверблюдый» или «Тот, чьи верблюды стары» (это довольно обычное древнеиранское имя типа обитателей — см. предисловие И.М. Стеблян-Каменского в [Авеста, с. 3–4]), то можно сделать вывод, что на рельефах изображен именно пророк Заратуштра. Ко второй половине I тысячелетия до н.э., когда изготовлялись рельефы, это был уже явно легендарный персонаж. Композиция, представляющая собой второй миф во фрагментах, может быть сопоставлена с мифологическим преданием, известным по поздним зороастрийским сочинениям «Данкрат» (VII, 1, 14) и «Затсгиром» (VI, 14), где отмечается, что Ахурамазда создал фравашу Заратуштры в начале бытия и поместил его в ствол дерева жизни хаомы, а через шесть тысяч лет в период ожесточенной вселенской борьбы добра и зла Заратуштра получил телесное воплощение и был озарен неземным светом истины. Конегрифон и символизирует сошествие этого огня (света) истины. Два дерева на горе по сторонам всадника могут символизировать переход из одного мира в другой. В этой связи можно указать на сходную семантику двух деревьев, поставленных друг против друга, в иной культурной традиции — мифологии киданей [Герасимова, 1989, с. 171]. Там они обозначали священные ворота. «Троекратный и семикратный обход священных ворот, вероятно, символизировал рождение или возвращение умерших... (там же). Эти «священные ворота» были границей между мирами живых и потусторонних существ (там же, с. 173). Изображение помещено внутри разведенных побегов выходящего растения, очевидно хаомы. Остальные персонажи и детали подчеркивают аспекты деятельности пророка — правителя, пастыря и т.д. (Яшт 13, 89, 91; см. [МНМ, I, с. 563–564] — Л.А. Лелеков).

Всадник на том же двугорбом верблюде, подвезающий к дереву, — это, вероятно все, тот же пророк. До средних веков сохранились легенды о свяшенном дереве кипарисе, на котором было вырезано слово Ахурамазды, и об отростке кипариса, принесенном Заратуштрой с небес.

Всадник на лошади (рис. 714 и 15).

Изображение это, передающее ясно образ героя мифа или эпического сказания, не содержит каких-либо деталей, позволяющих предложить его истолкование.

Рельеф сохранился в двух фрагментах от разных не крупных фляг. Наиболее выразителен фрагмент с передней частью изображения: всадник на скачущей влево лошади. В отличие от довольно схематично переданного всадника (тонкие руки и ноги, массивная нижняя часть фигуры) лошадь выполнена с любовью и большим знанием деталей. Изображена явно высокопородистая лошадь с маленькой головой и длинной шеей, которую она высоко держит при движении (передние ноги выгнуты вперед). грива ее подстрижена, между ушами виден «султанчик». Детально изображена упряжь коня с раздвоенным поводком. Визуально шею охватывает ремень, очевидно крепившийся к седлу. Есть штрихи на боку лошади, вероятно, от попоны или украшений у седла. Здесь же на боку изображены два крупных фалара (подобных изделий в археологических комплексах Хорезма не встречено). Более крупный фалар (у колена всадника) околесен валиком и имеет в центре круглое «возвышение». Именно эта деталь

позволяет нам отнести к этому же сюжету фрагмент другого рельефа, на котором сохранилась только задняя часть коня (рис. 7/16).

Всадник держит в правой (?) руке длинное копье с выделенным наконечником. Возможно, что левой рукой он держит древко у его конца.

Туловище всадника развернуто в фас, детали костюма различны, кроме пояса, к которому подвешен короткий меч типа акинака, закрепленный у бедра выше колена. Меч имеет антенновидное навершие, на его ножнах есть округлая обойма, через которую пропущен ремень, закреплявший оружие на ноге. Нога всадника выгнута вперед. Лицо изображено в профиль: выделены глаз, нос, рот и, очевидно, небольшая борода. Лоб закрыт волосами, спускающимися на плечо.

Всадники известны на рельефах Хорезма второй половины I тысячелетия до н.э., но все эти изображения различны [Кой-крылан-кала, 1967, с. 203, рис. 6; Мамбетуллаев, 1977, с. 278–281], поэтому и нельзя предложить истолкование сюжета этого рельефа с Калалы-гыре 2.

Следует отметить, что среди фрагментов рельефов от фляг на памятнике есть очень разные сюжеты (рис. 7/17): задняя часть туловища козачьего, лежащего посередине плоскости мелкой фляги; небольшая часть явно культовой сцены с боногоним человеком, держащим какой-то «светильник» или «курительницу» и стоящим между двух столиков со стилизованными под копыта ножками; малая часть многофигурной композиции с быком (возможно, в короне в виде лежащего верблюда типа той, что известна на монетах III–IV вв. н.э. в Хорезме) и другим более мелкими животными и т.д. В силу большой ущербности этих изображений мы не можем позволить себе предложить их интерпретацию.

Есть еще и другие иконографические сюжеты, о которых говорилось в гл. 5, несомненно имевшие определенный мифологический (религиозный) смысл. Но мы не можем предложить сколько-нибудь удовлетворительного истолкования их.

Костяное навершие со сценой охоты на льва подробно описано в гл. 5, сцена эта достаточно часто встречается в героическом эпосе разных народов и в широком хронологическом диапазоне.

Еще меньше информации мы можем извлечь из изображения сидящего персонажа на другой стороне этого уникального предмета. Может быть, некоторую информацию может «сообщить» не совсем обычная его поза. В казахском фольклоре скорбь по табунам лошадей или по умершим мужьям выражают определенным жестом — «подбоченившись» на бедрах [Дилец, 1984, с. 157]. Но даже эти сведения не помогают нам объяснить общее содержание изображений.

Еще сложнее обстоит дело с терракотовыми антропоморфными статуэтками. Многие исследователи разных исторических областей предпринимали попытки истолковать смысл этих изделий и их особенности в разные хронологические периоды, но, как правило, эти усилия вряд ли можно признать успешными. Очень часто женские статуэтки без должного основания отождествляют с образом Анахиты, иранской богини Ардвисуры Анахиты, богини воды и плодородия. Подобная практика неоднократно вызывала возражения исследователей (Г.А. Пугаченкова; Л.А. Лелекова). Более приемлемой для нас представляется точка зрения о том, что терракотовые статуэтки передают местные представления об образах преимущественно женских божеств «нижнего порядка», на которые разделяется в ходе исторического развития

первоначальный мифологический образ богини-матери [МНМ, I, с. 178–180]. Без письменных данных можно высказать лишь общие предположения — о них см. в гл. 5.

Мужские изображения в Хорезме второй половины I тысячелетия до н.э. были, судя по археологическим находкам, единичными и поэтому совсем не поддаются истолкованию.

Помимо иконографических данных мы располагаем довольно большим по объему фактов материалом, характеризующим верования древних хорезмийцев.

Погребальный обряд и связанные с ним представления
Для знакомства с разными погребальными обрядами, бытовавшими в Хорезме во второй половине I тысячелетия до н.э., мы отсылаем читателей к уже опубликованным работам по этой теме [Вайнберг, 1999, ч. III; Яблонский, Коляков, 1992, с. 62–117; Яблонский, 1999].

Нужно оговорить, что выдвинутое в свое время Ю.А. Рапопортом [Рапопорт, 1971] предположение о том, что первые статуарные оссурии в Хорезме содержали трупосождения и датировались со II в. до н.э., не получило подтверждения при раскопках в 70–80-е годы (см. об этом [Вайнберг, 1999, ч. III]). Особо следует обратить внимание на то, что ранняя дата статуарных оссуриев основывалась на утверждении, что погребальный сосуд в виде стоящей женщины (точка 13/70) восходит к цилиндрико-коническим хумчам архаического времени [Рапопорт, 1971, с. 38 и сл., рис. 3; особо см. с. 40, 58]. Вместе с тем тело этого сосуда полностью идентично тому, что известно только в керамике первых веков н.э. (это подтверждает и консультация С.Б. Болелова, специально занимающегося гончарством древнего Хорезма). Ранней date этого оссурия противоречит и полное сходство орнамента «платя статуи» с тем, что известно по терракотовым статуэткам первых веков н.э. (треугольники по подолу и спереди в виде полосы). А округлость дна, которую Ю.А. Рапопорт считает ранним признаком, свойственна многим крупным сосудам не только античного времени, но и даже средневековым.

Нас же в связи с этим привлекает лишь часть связанных с этой темой обстоятельств.

Во-первых, разнообразие погребальных обрядов может быть связано с традициями разных групп ираноязычного населения, оказавшегося к IV–III вв. до н.э. на территории оазиса в низовьях Амударьи (подробнее см. [Вайнберг, 1999], разделы о низовьях Амударьи в каждой из четырех частей книги). Это обстоятельство может объяснить и территориальные особенности погребальных сооружений.

Во-вторых, наибольшую информацию содержат подобные материалы из левобережного Хорезма, но при этом они значительно отличаются от известных в правобережье погребений (см. [Гудкова, Маньшов, 1981]). Левобережный материал, как нам представляется, больше всего коррелируется с тем, что получен на Калалы-гыре 2, расположенном в том же районе.

Среди потомков куусайцев в IV в. до н.э. распространился обряд захоронения очищенных от мягких тканей костей всего скелета (вплоть до мелких фаланг, что, очевидно, было условием будущего возрождения) в сосудах, поставленных в курганы [Вайнберг, 1979; Вайнберг, 1991, с. 85–87, 21 и сл.; Яблонский, Коляков, 1992]. Как правило, в центре кургана находилась, очевидно, сосуд с наиболее ранним захоронением, а по периферии располагались остальные. Иногда такую четкую картину проследить не удалось. Во всяком случае, напрашивается вывод, что каждый курган был семейным не-

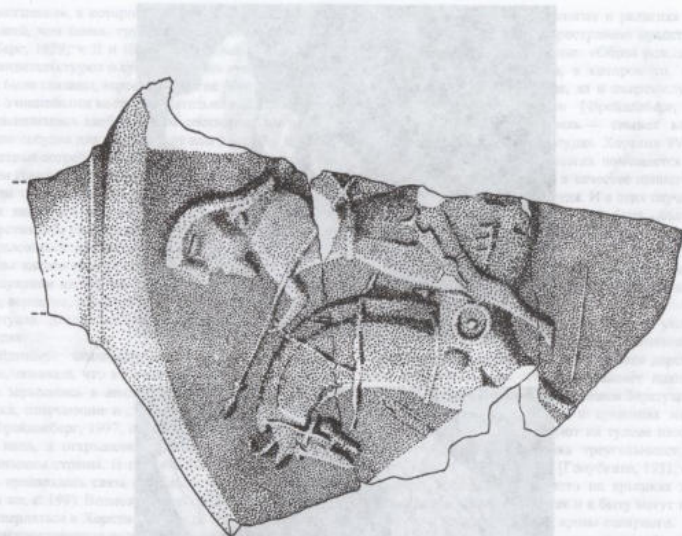

Рис. 7/15. Фрагмент рельефа с всадником. Рисунок

Рис. 7/14. Фрагмент рельефа с всадником. Фото

Рис. 7/16. Рельеф на фаяге. Фото

Рис. 7/17. Фрагменты рельефов. Фото

Рис. 7/18. Налепы на ручках сосудов в виде женской головы. Фото

ропом, а могильник, в котором они располагались был овален большей, чем семья, группой родственников (см. об этом [Вайнберг, 1999, ч. II и III, погребальный обряд]). Все эти факты свидетельствуют о существовании культа предков, с которым и были связаны, вероятно, многие обряды.

Сосуды с очищенными костями тщательно изолировались: крышки примазывались алебастровым раствором, им же покрывалось дно сосудов для изоляции от влаги и солей из почвы (все известные погребения находились на возвышенностях с каменистым грунтом). Для захоронения взрослых использовались сосуды типа хумчей, скорее всего изготовленные специально, так как в них на шейке, как правило, сделано по четыре отверстия. Мы уже отмечали, что подобные отверстия могли использоваться для установки на небольших опорах типа «шестов» какого-то перекрытия типа того, что изображено над оссуарием на Бартыском блюде [Рапопорт, 1977, рис. 56], что, вероятно, сопутствовало какому-то этапу погребального ритуала. Детские захоронения совершались в кухонных сосудах.

О.М. Фрейденберг, анализируя роль вещи в фольклоре и мифологии, отмечала, что в Греции крупные сосуды-бочки до плечиков зарывались в землю. По ее мнению, «это могильные бочки, означающие и „храм“, и „брачную комнату“, и „небо“» [Фрейденберг, 1997, с. 198]. Одновременно они — сосуды для вина, а открывали их в день брака божества и первой женщины страны. В глиняных горшках погребали детей, в чем проявлялась связь образа сосуда с материнской утробой (там же, с. 199). Возможно, что сходные представления могли утвердиться в Хорезме в IV в. до н.э., и следствием этого было распространение сосудов-оссуариев.

Внутри запечатанных сосудов с погребениями иногда есть следы еще каких-то ритуальных действий: красной краской на черепе наносились пятна или полосы [Вайнберг, 1979; Яблонский, Коляков, 1992]. Общеизвестно, что красная краска часто является символом крови. Нанесенная на череп, она, очевидно, должна была способствовать возрождению погребенного.

В одном случае (в кургане № 1 группы у тригопункта в могильнике Тарым-кая 1) в глазницы черепа были вложены кусочки черной бараньей шерсти. Но самую большую информацию можно извлечь из орнаментации сосудов-оссуариев, подавляющее большинство их имеет изображение спирали на тулове, а небольшая часть — орнамент из треугольников [Вайнберг, 1979; Яблонский, Коляков, 1992]. Крышки, закрывающие сосуды, украшал орнамент в виде креста².

Ю.А. Рапопорт неоднократно высказывал точку зрения о том, что спирали в орнаменте на керамике передают воду, треугольники — лучи солнца, крест символизировал само солнце [Рапопорт, 1977, рис. 13, с. 50–51; 2000, ил. 9]. Нам в свете материалов из могильников, полученных в 70–80-х годах, это объяснение не кажется верным.

Спираль, как правило, не является символом воды. На памятниках искусства разных стран Востока вода изображается волнистой линией. А наиболее существенным нам кажется, что именно спираль доминирует на сосудах-оссуариях, что никак не может символизировать воду, от которой все эти сосуды тщательно изолировались. Более верным может быть истолкование этого символа как идеи возрождения погребен-

ных в этих сосудах. В мифологии и религиях разных стран и народов повсеместно распространено представление о рождении, смерти и возрождении: «Образ рождающей смерти вызывает образ круговорота, в котором то, что погибает, вновь нарождается; рождение, да и смерть служат формами вечной жизни, бессмертия» [Фрейденберг, 1997, с. 63, с. 306 — литература]. Спираль — символ возрождения — широко представлена на сосудах Хорезма IV–I вв. до н.э. (см. гл. 3 о керамике), она всегда помещается в их нижней части или на крупных хумах в качестве единственного орнамента на плечиках и боку сосуда. И в этих случаях этот орнамент (и его местоположение) может быть объяснен как символ возрождения, плодородия, связанный с землей и хтоническими силами.

Треугольники, как мы отмечали при описании композиций на рельефах, символизируют землю, особенно когда они объединены в цепочки.

Силуэтные треугольники в орнаменте уже с глубокой древности символизируют землю (см. [Антонова, 1981, с. 10–11]); там же фиксируется орнамент в виде дерева, вырастающего из треугольника, что представляет полную аналогию изображениям на рельефе с рождением Заратуштры).

На амфоровидных ритонах и кувшинах из Мингечаура в Закавказье тоже присутствуют на тулове изображения, нанесенные краской, — цепочка треугольников, на которой растут деревья и стоят птицы [Голубкина, 1951, с. 103–140].

Кресты, изображаемые часто на крышках хорезмийских сосудов, как в погребениях, так и в быту могут иметь довольно широкий спектр значений, кроме солнечного.

В древности, по мнению исследователей, крест заменяет изображение дерева [Антонова, 1981, с. 8]. В.Н. Топоров отмечает ряд наиболее существенных для нас значений креста. Это модель человека или антропоморфного божества, вариант мирового дерева, символ смерти, особенно в цепи рождений и смертей. Это почти универсальный символ единства жизни и смерти, присутствующий в различных мифологических и религиозных системах [МНМ, II, с. 12–14]. Последние значения представляются нам наиболее оправданными при интерпретации керамики из погребений левобережного Хорезма.

Практически, как мы попытались показать выше, еще символика орнаментальных мотивов в сосудах-погребениях (да и во всей расписной бытовой посуде) Хорезма IV–I вв. до н.э. была связана с идеей возрождения, нового рождения через смерть, а шире — с идеей плодородия и связи земли и хтонических сил.

Особо следует отметить, что на крупных открытых сосудах типа тагора, которые в значительном количестве употреблялись при коллективных трапезах во входном комплексе на Калалы-гьре 2, крест красно-коричневой ангобной краской наносился на внутреннюю поверхность сосуда и должен был закрываться едой. Здесь он, скорее всего, был символом плодородия и благополучия, а может быть, учитывая, что крест был вписан в круглый сосуд, — символом соединения мужского и женского начал (там же, с. 14).

Интересно отметить, что крест как символ внутри круглого открытого сосуда оказался очень живучим в среднеазиатской среде. Он изображен на миске из Пенджаикента, как и на более крупных и более ранних сосудах Хорезма [Древности..., 1985, с. 204, № 517].

О других вариантах орнамента в росписи на сосудах см. в гл. 3.

² Часть сосудов без орнамента или с прочерченным орнаментом относится к более позднему времени, как и оссуарии в могильниках Тарым-кая 2 и 3.

Мы практически не рассматривали с культовой точки зрения окружающую памятник местность. Хотя здесь фигурирует много объектов, которые несли определенный смысл в контексте культового места. Ворота (вход) на Калалы-гыр 2 были обращены к реке, от которой, скорее всего, и поднимались на возвышенность (горку) верующие. Какая-то часть обрядов совершалась перед воротами, о чем свидетельствует обнаруженное нами сиденье-ниша, обложенная кирпичом (такая же, как внутри входного комплекса). Она обращена к воротам. Здесь же, у крепостной стены, были какие-то легкие постройки.

Существовало ли открытое поселение на этом склоне возвышенности и у ее подножия, сказать трудно, так как сейчас здесь располагается огромный массив песков. Правда, из-под края песчаных барханов на такыр все время выдуваются фрагменты керамики, что, может быть, свидетельствует о наличии какого-то поселения.

С северной, северо-западной стороны от памятника в петле русла Даудана находились ирригационные сооружения,

поля и, очевидно, постройки (см. рис. 2/1). Если следы первых довольно хорошо различимы на аэрофотоснимках, то постройки перекрыты слоем глиняных намылов, чему немало способствовало соседство возвышенности. Следы культурного слоя недалеко от возвышенности были обнаружены нами при рытье погребов на значительной глубине. В одном месте против западного отрезка северной стены крепости (примерно в 500 м от нее) были зафиксированы в 60-х годах М.Г. Воробьевой остатки кирпичной постройки и фрагменты керамики, идентичной той, что происходит с памятника. При обследовании этого объекта во время раскопок дополнительно я установила, что это размытые остатки цоколя постройки, между стенами которой засыпался грунт с возвышенности (ярко-рыжий крупный песок с каменными вкраплениями). Дальше от памятника на такырах лежит массив песков. Но то, что река и вода несомненно были включены в круг ритуалов культового центра, вряд ли может быть подвергнуто сомнению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследованию материалов, полученных в результате раскопок Калалы-гыр 2, следует отметить, что мы смогли предложить только схематическую картину жизни такого уникального образования, каким является культовый центр вообще, а особенно на территории периферийной цивилизации древнего Хорезма, так как не располагаем письменными источниками, освещающими разные стороны его деятельности. Археологические материалы из раскопок Калалы-гыр 2 содержат много новых данных по истории культуры Хорезма в IV–II вв. до н.э., но круг вопросов, которые они освещают, все же довольно ограничен. Мы стремились обратить внимание как на уточнение уже утвердившихся в научной литературе представлений, так и на вводимые вновь в науку материалы, особенно связанные с верованиями, ритуалами и обрядами, которые могут быть реконструированы на их основании. Самым сложным остается вопрос о месте культового центра и жречества в системе древнехорезмийского государства. Если исходить из общего положения, что «социально-экономические и политические институты и культурные традиции, сложившиеся в ахеменидский период, сыграли большую роль в мировой истории и сохранились в течение многих столетий, обеспечивая государства Александра Македонского, Селевкидов, Птолемея, Парфия, Сасанидов и т.д.» [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 351], то можно привлечь ахеменидские материалы для выяснения этой проблемы.

К моменту выхода Хорезма из состава Ахеменидской империи все институты этого государства уже сложились. Сатрапские канцелярии копировали царскую (там же, с. 125). Храмы в разных частях империи были частью крупных земельных владениями, им принадлежало большое количество скота. Вся храмовая собственность была коллективным имуществом граждан округа (храмовой общины). Частью доходов храмов была десятина (там же, с. 344 и сл.). Сатрапы часто назначали жрецов, некоторые сатрапии создавались на базе племенных объединений (там же, с. 109, 112, 113, 115).

В Малой Азии существовало большое количество полуавтономных храмовых общин [Периханиан, 1959]. Храмовые чиновники иногда были наделены значительной судебной властью, особенно при совершении сделок с недвижимостью, при решении вопросов, связанных с брачными и имущественными делами [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 133].

При тѣжбах в храмах приносились клятвы именами богов и персидских царей (там же). А.Г. Периханиан на материалах Малой Азии показывал, что там храмовые общины складывались на базе изолированных оазисов, но их значение и функции в разных районах в разное время были различны [Периханиан, 1959, с. 5]. По ее мнению, они восходят к сельской общине, сконцентрированной вокруг святилища (там же,

с. 83). В ахеменидский период храмовые объединения в Малой Азии использовались в качестве полуавтономных единиц внутри сатрапии (там же, с. 147).

Храмы и храмовые объединения могли появиться в Хорезме скорее всего только в ахеменидский период. Калалы-гыр 2 воздвигнут не ранее середины IV в. до н.э., когда Хорезм уже стал независимым государством, но унаследовал очень многое от Ахеменидов, в том числе, очевидно, и значительную часть их институтов, поскольку собственной традиции государственного устройства в этой стране к концу ахеменидской эпохи еще не сложилось. Вряд ли в эту эпоху в Хорезме существовал институт царской власти. Фратаферна, управлявшего сатрапией в период войн Александра Македонского, Квинт Курций Руф назвал просто «стоившим» в главе Хорезма» [Квинт Курций Руф, кн. VIII, т. 8]. Первый (и единственный!) царь Хорезма, упоминаемый древними, — Фарасман [Арриан, IV, 15, 4], при этом его имя фигурирует в эти годы. Но сведения о Фарасмане в источнике вызывают сомнения не только в связи с совпадением его имени с именем иберийских царей первых веков н.э., но и потому, что границы его государства (с его слов) как раз совпадают с иберийскими (он живет по соседству с племенем колхов и амазонками, что не имеет отношения к реальной территории Хорезма). Скорее всего, сведения о Фарасмане ошибочно попали в сочинение Арриана о походе Александра Македонского, так как во II в. н.э. сам он был римским наместником в Каппадокии и современником Фарасмана иберийского.

Скорее всего, институт царской власти в Хорезме складывался в постахеменидскую эпоху.

В этих исторических условиях в конце ахеменидской эпохи сатрапы могли не только не ограничивать власть нарождавшихся храмов и храмовых объединений, но и использовать их поддержку в управлении страной. Жречество же, вероятно, в свою очередь, воспользовалось подобной ситуацией для получения известной самостоятельности.

В Хорезме в постахеменидскую эпоху известно четыре храма и, очевидно, несколько храмовых объединений.

Это — Кой-крылган-кала, считающаяся государственным храмовым сооружением. В связи с тем, что его связь с царскими погребениями не получила подтверждения, как и вопрос о практике обряда трупосожжения в IV в. до н.э., можно заключить, что это был крупнейший в стране храм плодородия — *бразман*, как и другие круглые сооружения на Калалы-гыре 2 и Гяур-кале 3, что получает обоснование в фундаментальном исследовании В.Н. Топорова [Топоров, 1974], посвященном лингвистическому анализу понятия «бразман» (иран. *бразман*).

Вокруг Кой-крылган-калы обнаружено много одновременных поселений, возможно, относившихся к его хозяйству [Андрянов, 1969, с. 116 и сл.]. Ведь вблизи от храма нет развалин одновременных городов. Городище Базар-кала, расположенное на том же канале, возникает несколько позже. Представление о его ранней датировке базируется на неправильном истолковании подземных материалов с его территории. Архаические (кузельгирские) материалы, найденные на части территории памятника, относятся к большому поселению этого времени, частично попавшему под стены и застройку (?) памятника. Основная часть развалин этого поселения находится за пределами Базар-калы. С этим же поселением на последней стадии его существования, возможно, связан и грунтовый могильник в окрестностях памятника [Гудкова, Манылов, 1981].

Что же касается постахеменидского времени («кангойская» культура по классификации С.П. Толстова, см. [Толстов, 1948]), то во время работ архитектурно-археологического отряда Хорезмской экспедиции 1968 г. (руководитель — М.С. Лапиров-Скоблов, археолог — Б.И. Вайнберг) нам удалось зафиксировать, что в сводах цитадели Базар-калы в качестве расклінок использовалась керамика этого времени (материал этот был массовым, так как верхняя часть свода на тот момент была оголена). Подобная практика в Хорезме была распространена: для расклінок брали крупные черепки из развалин находившихся рядом памятников. У стены Базар-калы находилось сооружение, получившее название Базар 2 (исследование его проводилось М.Г. Воробьевой и А.Н. Гертманом), нижний слой его датируется именно «кангойским» временем. На территории городища Базар-калы в подземном материале, собранном нами в 1968 г., были в основном материалы первых веков н.э. (особенно разнообразным был комплекс терракотовых изделий).

Второй явно государственный храм постахеменидской (или конца ахеменидской) эпохи в Хорезме — это Елхарас [Древности..., 1991]. Он расположен у теснины Тюя-Муюн (сейчас это водохранилище), ниже которой от основного русла Амударьи расходились дельтовые протоки, а позднее и магистральные каналы. В силу зависимости жизни страны от вод реки это место традиционно вплоть до нового времени почиталось местным населением и правителями страны [Гулямов, 1957, с. 32–38] и было связано с культом воды и ежегодными обрядами (в эпоху Хивинского ханства они совершались на расположенном на реке в этом же месте острове Аралча-аулия, затопленном сейчас водохранилищем).

Вероятно, Елхарас был возведен для отправления культа реки, от которой зависела жизнь всего оазиса, расположенного в ее низовьях. Разрушение этого сооружения связано с катастрофическим наводнением. Памятник расположен на небольшой плоской возвышенности, но помещения его были затоплены, а стены подмыты. Подобное наводнение на Амударье последний раз наблюдалось в конце осени холодной зимы 1968–1969 гг., когда в среднем течении вода потекла поверх льда, еще сковывавшего реку, и смыла значительную часть г. Чарджоу. Еще Ибн-Фадлан отмечал, что река в Хорезме долгое время бывает скована льдом. После катастрофы, постигшей храм Елхарас, он был заброшен, так как

разрушение его было, очевидно, воспринято как «гнева богов», покровителей реки. Вероятно, именно тогда место для отправления его культа и было перенесено на остров в излучине Тюя-муюн.

Круглый храм на Гяуре-кале 3 (см. Приложение 1) по его месту в поселении, на котором он был сооружен, явно может рассматриваться как общинный, связанный с особой этнографической группой населения страны, проживавшей на юго-западных ее окраинах. Это были оседлые скотоводы, потомки «кузсайцев», появившихся в Хорезме не позже начала VII в. до н.э. Поселение и могильники их в левобережном Хорезме фиксируются вплоть до полного осушения этого района в IV в. н.э., когда прекращается обводнение всех русел в Присарькамьшской дельте [Вайнберг, 1999, ч. I и III]. Гяуркалинский храм, очевидно, обслуживал всю систему «кузсайских» поселений в юго-западной части Хорезма, где административным центром была, несомненно, Канга-кала, крепость с прилегающим открытым поселением.

Калалы-гыр 2 существенно отличается от всех этих памятников. Здесь мы встретились с целой системой культовых объектов, объединенных в стенах одной крепости на возвышенности, к которой примыкает сельскохозяйственный оазис и уголья храма. Все сооружения на памятнике возведены одновременно, удалось выявить функции почти всех объектов внутри крепостных стен. Два сооружения типа *бразманов* — круглый храм и массивные ворота, — скорее всего, были основными в системе ритуалов, которые проходили как в публичной части памятника — входном комплексе, так и в его сакральной (собственно крепости). Они были связаны с культом плодородия.

Особенностью сооружений на Калалы-гыре 2 является и символика архитектурных планировок, и способы их построения, свидетельствующие о высокой культуре и профессионализме строителей.

Впервые в восточноиранском мире обнаружена постройка для совершения обрядов с участием большого количества людей, которые могли сопровождаться музыкой, пением, громким чтением молитв и т.п. Для этого строители сумели создать своего рода «акустическую» среду, которая частично сохранила свои свойства до наших дней. Входной комплекс Калалы-гыр 2 бесспорно уникален по всем своим характеристикам, хотя он сильно разрушен, засыпан песками, а раскопки охватили только небольшую часть его территории.

Довольно значительный объем информации получен нами и о верованиях древних хорезмийцев в постахеменидскую эпоху, чему посвящена гл. 7 настоящей работы. Сейчас уже можно реконструировать основные мифологические представления жителей Хорезма в это время, получившие отражение не только в рельефах, но и в символике орнамента на керамике.

Довольно ясно выявляется роль огня в культуре и ритуалах, хотя на памятнике и нет храма огня, но центром его был бесспорно алтарь огня на открытой площадке, на возвышении, в сакральной части комплекса. Можно говорить и о культовом напитке, который готовился и хранился здесь же. Есть сведения и об обрядах очищения, жертвоприношениях, разных сторонах храмового хозяйства.

Можно предположить, что во входном комплексе на верхней площадке перед специальной небольшой алтарной нишей совершались юридические сделки, связанные с брачным или имущественным правом, когда они должны были подкрепляться «уклятой богов». Вероятно, последние подкреплялись и питьем священного напитка из амфоровидных ритонов (они имели два соска-отверстия и должны были обслуживать «две договаривавшиеся стороны»).

Достаточно сложный выглядит в целом и система верований, так как она включает как понятия зороастризма, так и религиозные представления дозороастрийской эпохи, иногда восходящие не только к индоиранскому периоду, но и даже к индоевропейскому. Подобной точки зрения придерживался и С.П. Толстов, располагавший значительно меньшим материалом [Толстов, 1948]. Ко всем этим сведениям приложена характеристика верований иранских народов на младоавестийской стадии (см., например, [Бойс, 1987]). Но комплекс верований в каждой исторической области обладал своими особенностями, что на материалах Калалы-гыр 2 мы попытались вскрыть применительно к постахеменидскому Хорезму.

Не повторяя выводов, к которым мы пришли и которые изложены в специальной главе, отметим, что, бесспорно, главным богом в верованиях хорезмийцев той поры был Митра. Как показали многие исследования, этот бог был центральной фигурой иранской мифологии до Заратуштры (обзор литературы по этому вопросу см. [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 326 и сл.]). Сохранил он эту роль и в Мидии в эпоху Ахеменидов (там же, с. 334) и, вероятно, в религии магов (там же, с. 330–331). Последние уточнения представляются нам существенными, так как в силу особых культурных связей с Мидией, возникших в связи с обводнением Узбоа и водным путем через него и Каспийское море, религия магов могла оказать влияние и на религиозные верования хорезмийцев. Но не имея археологических материалов для сравнения, мы не можем этого подтвердить конкретными данными.

Отметим ряд фактов, свидетельствующих о распространении зороастризма в постахеменидском Хорезме. Прежде всего, это имя божества, известного по «зороастрийскому» календарю, который мог попасть в Хорезм только в ахеменидскую эпоху его истории (см. гл. 6). Впрочем, у нас нет полной уверенности, что этот календарь хорезмийцы не получили от магов Мидии уже в постахеменидское время.

При анализе изображений на керамических рельефах мы отмечаем ряд почти прямых цитат из Яхтов Авесты, что свидетельствует о том, что они были известны и жителям Хорезма (во всяком случае, его жрецам).

Наш материал указывает, что к IV–II вв. до н.э. личность Заратуштры уже была мифологизирована и мифы о нем, зафиксированные в средневековой зороастрийской литературе, были известны еще в Хорезме в постахеменидскую пору. Интересно отметить, что в древнем, дозороастрийском, наследии верований обнаруживаются несколько уровней; многие представления отражают общие закономерности развития мифологического мышления у индоевропейских народов [Калинина, 1995; Фрейденберг, 1997; Маковский, 1996].

Культура постахеменидского Хорезма («кангойская») в начале исследований памятников этой страны С.П. Тол-

стовым выделялась своим ярким обликом, свидетельствовавшим об особом ее взлете. Позднее это было подтверждено материалами, полученными при раскопках Кой-крылган-калы. Материалы с Калалы-гыра 2 подтверждают эту характеристику, мы получили богатый набор практически целых форм керамики, большое количество керамических рельефов с мифологическими сюжетами и традиционных терракотовых статуэток (среди них есть и новые типы).

Мы уже отмечали, что в связи с водным путем, образовавшимся после обводнения Узбоа, в конце ахеменидской эпохи Хорезм выделился в отдельную сатрапию и здесь началось строительство ее центра — Калалы-гыр 1 [Вайнберг, 1991, с. 21 и сл.; 1999, 45–46]. Эта монументальная крепость располагалась на возвышенности на южном берегу одного из русел Южного Даудана в 20 км к западу от их разделения в системе этой реки на северное и южное (последнее обеспечивало наиболее короткий путь к южной части Сарькамьшского озера и отсюда в Узбой). Центр сатрапии был расположен на территории левобережного Хорезма, где к этому времени не было сколько-нибудь значительных земельных оазисов, а крупнейшее поселение ахеменидской эпохи — Кузель-гыр было заброшено за полвека до этого. Вблизи сатрапской резиденции вновь создавалась большая сельскохозяйственная оазис и возникают крупные местные центры. На противоположном от Калалы-гыра 1 берегу Южного Даудана сооружается мощный магистральный канал протяженностью 50 км, подобного сооружения в левобережном Хорезме, как показали последние исследования, больше нет до начала н.э., времени сооружения Чермен-яба. Созданный вдоль этого канала оазис с севера охраняла система небольших укреплений. Вблизи его головного сооружения строится в то же время Куна-Уаз, крупный город левобережного Хорезма, который оказывается на противоположном от центра сатрапии Калалы-гыра 1 берегу Южного Даудана. Крепость первых веков н.э., возникшая на развалинах этого раннего города, занимала лишь внутреннюю часть его территории (подробнее см. [Вайнберг, 1991, с. 25–26]). С помощью аэрофотосъемки и небольших археологических работ удалось установить, что внешние валы рва вокруг поздней крепости скрывают ранние стены, связанные с так называемой пристройкой, которая была цитаделью, возведенной на цоколе. В переделах Присарькамьшской дельты Амударьи больше нет ни одного памятника столь раннего времени с цитаделью. Расположение его может указывать, что в конце ахеменидской эпохи, когда строился центр сатрапии или чуть позже, когда это строительство прекратилось, это был центр (столица?) всего Хорезма. Археологический материал с «пристройки» Куна-Уаза тоже свидетельствует, что мы получили на Калалы-гыре 2. Возможно, что там есть и несколько более ранние формы сосудов. Нельзя только по археологическим материалам определить, когда началось строительство Куна-Уаза и Калалы-гыра 2 — двух крупных центров хорезмийской культуры в этом «микрорайоне» — еще при Ахеменидах, в период строительства Калалы-гыра 1 или после получения Хорезмом независимости, такой точности в датировках, как правило, археологические артефакты не дают. Но представляется, что все эти памятники могли быть связаны. Напомним, что они расположены у одного и того же русла Южного Даудана в 10–15 км друг от друга, каждый из них можно

увидеть при хорошей видимости, находясь среди развалин другого.

Исходя из этого можно предположить, что Калалы-гыр 2 был основан как государственный культовый центр, а также и юрисдикция которого в постахеменидское время распространялись, скорее всего, на весь левобережный Хорезм (Присарыкамьшскую дельту). Возможно, что существовала не только связь, но и какая-то система «суподчинения» между ним и храмами сельских общин типа гауркалинского.

Среди тех немногих документов, которые найдены на памятнике (см. гл. 6), в круглом здании в пом. 2 обнаружена однострочная надпись, где могли упоминаться подати. Довольно большое количество импорта (керамика, каменные и деревянные изделия) свидетельствует о том, что культовый центр был и значительным торговым пунктом на водном пути, который проходил по Амударье, Узбою и Каспию от Бактрии через Хорезм и Восточный Прикаспий в Южный Прикаспий, Мидию и Закавказье. Одно из ответвлений этого пути могло идти через Каспий в Куру и далее до Понта Эвксинского.

В Малой Азии практически все храмовые центры тоже располагались на торговых путях и ярмарки около них проводились в дни храмовых праздников [Периханян, 1959]. По аналогии с ними, мы можем отметить по соседству с Калалы-гыром 2 храмовые угодья (виноградник и сад к востоку от возвышенности, на которой расположен культовый центр). Об общественных трапезах, связанных с культом, мы писали выше. Они также известны в храмовых общинах Малой Азии (там же, с. 94–97).

Материалы с Калалы-гыра 2 позволили выделить функциональные зоны в культовом центре и даже отдельные комплексы храмового хозяйства, обслуживающие разные обряды и ритуалы.

Хронология памятника может быть определена по сочетанию разнообразных материалов. Начальную дату постахеменидской («кангийской») культуры Хорезма мы специально рассмотрели в связи с новыми материалами и исторической ситуацией [Вайнберг, 1991, с. 21 и сл.; 1999, с. 157], при этом были пересмотрены в сторону омоложения даты, предлагавшиеся нашими коллегами.

Сложение этого культурного комплекса, по нашему мнению, завершилось к последней трети IV в. до н.э. или несколько ранее. Поэтому за начальную дату постахеменидской («кангийской») культуры Хорезма можно принять середину IV в. до н.э., когда и было предпринято строительство культового центра Калалы-гыр 2. В связи с анализом инвентаря с памятника (гл. 4) мы сравнили датировки, полученные по аналогиям разных категорий материалов из памятников сарматской прохоровской культуры и греко-бактрийского города Ай-Ханум. Они совпали и дают возможность определить время функционирования Калалы-гыра 2 в пределах от IV в. до н.э. до середины II в. до н.э., а учитывая начальный период существования всего культурного комплекса, можно предложить дату от второй половины — середины IV в. до н.э. Верхняя дата гибели памятника может быть сопоставлена с той, что определена в Ай-Хануме, так как пожар и разрушение культового центра тоже могли совпасть с новым нашествием кочевников на Хорезм или борьбой укреплявшегося

государства с самостоятельностью жречества (см. [Вайнберг, 2001а]). Оснований для первого заключения материалы, которыми мы располагаем, не дают. Первые памятники собственно кочевников, пришедших в Хорезм, относятся к концу IV в. до н.э. или рубежу IV–III вв. до н.э. (обзор данных см. [Вайнберг, 1999, ч. III–IV]). Каких либо фактов, свидетельствующих о появлении кочевников и во II в. до н.э., когда они появляются и в южных областях Средней Азии, нет. Наоборот, очевидно, что к этому времени кочевники уже были включены в систему государственного управления страной, так как не позже рубежа II–I вв. до н.э. здесь появляется монетный чекан, сочетающий явно местный древневосточного стиля портрет царя и кочевническую тамгу [Вайнберг, 1977].

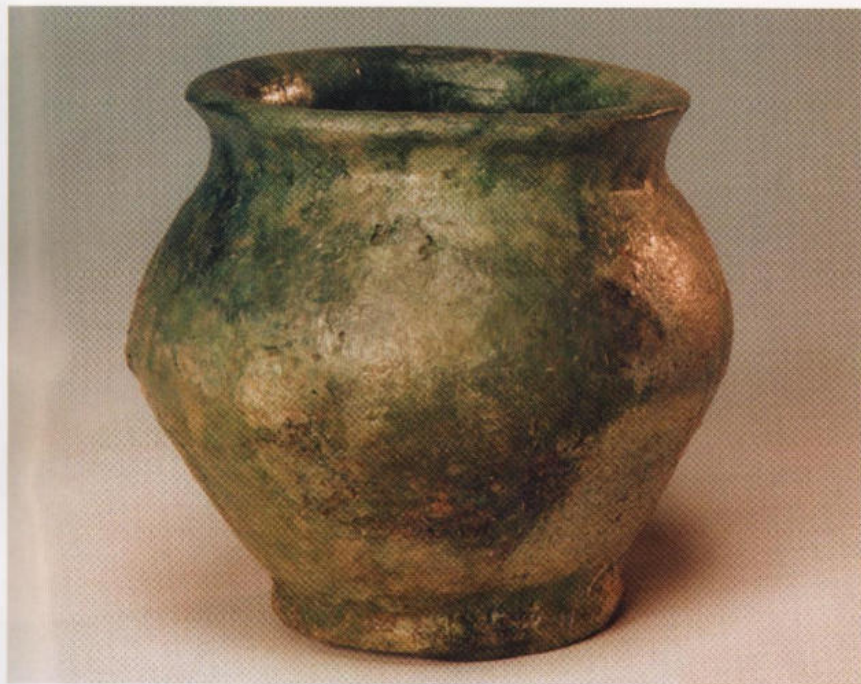
На Калалы-гыре 2 зафиксированы два пожара и следы разрушения, связанные с первым пожаром, после чего культовый центр был восстановлен, хотя и с некоторыми потерями. Первый пожар произошел вскоре после постройки Калалы-гыра 2, и есть основания связывать его с приходом кочевников в Хорезм на рубеже IV–III вв. до н.э. или в конце IV в. до н.э. Но этот разгром не препятствовал восстановлению комплекса, а после второго пожара особо сакральные части культового центра были законсервированы и сам памятник был оставлен обитателями.

Не имея письменных свидетельств каких-либо военных походов на Хорезм в парфянскую эпоху, обычно исследователи не учитывают такой возможности. Но Хорезм мог находиться в тылу у тех саков, с которыми на востоке воевали парфянские цари (см. [Вайнберг, 1992]), тем более что и позднее он считался расположенным «к востоку» от южных подгорных районов и практически во всех географических сочинениях относился к Хорасану.

Поэтому, допуская все-таки возможность парфянских походов, можно предположить, что политическое давление парфянских царей на Хорезм и стало причиной разрушения культовых центров на Калалы-гыре 2 и Гаур-кале 3. Произошло это после середины II в. до н.э., но, возможно, и несколько позднее, так как для эпохи от конца II в. до н.э. до середины I в. н.э. мы не имеем сколько-нибудь надежных хронологических ориентиров не только в Хорезме, но и в других областях Средней Азии.

В «кангийской» культуре Хорезма выделяются два периода, основанием для чего служит развитие типов керамики [Воробьева, 1959]. Второй этап этой культуры датируют II в. до н.э. — I в. н.э. и даже I в. до н.э. — II в. н.э., что явно отражает объективное отсутствие четких хронологических ориентиров. Работы на Кой-крылган-кале скорректировали первоначальные представления о хронологии культурных комплексов (омоложение комплекса Джанбас-калы, например), а сейчас мы можем до некоторой степени уточнить их в связи с находками с Калалы-гыра 2.

Во-первых, на Кой-крылган-кале тоже есть следы двух пожаров, следы первого — в материковых ямах, в которых был найден инвентарь со следами огня ([Кой-крылган-кала, 1967, с. 100] и личные наблюдения автора). Но их часто связывали с погребальным инвентарем, предполагая, что на верхней площадке совершались трупосожжения. Мы уже отмечали выше, что это предположение не получило подтверждения.

1. «Вавилонский фалис». Раскол 1/1

2. Столовая керамика

3. Наверхние алтари из раскопа 7

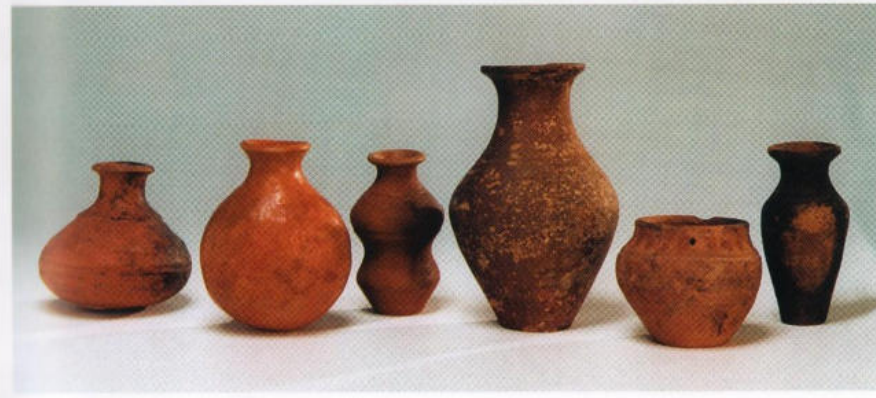
5. Алтарные подставки

6. Модели колес

4. Каменные сосуды

7. Миниатюрные сосуды

8. Фрагменты «рогатых кирпичей» — подставок под вертела

10. Протома импортного ритона в виде конской головки

9. «Крышки» от импортных миниатюрных сосудов

11. Импортный керамический ритон

12. Керамический ритон. Раскол 1/1, пом. 2

13. Расписная фляга

14. Фрагменты сосудов с поливой

15. Фрагменты каменных сосудов

16. Изделия из кости

17. Сосуд с отверстиями в дне. Раскол 2

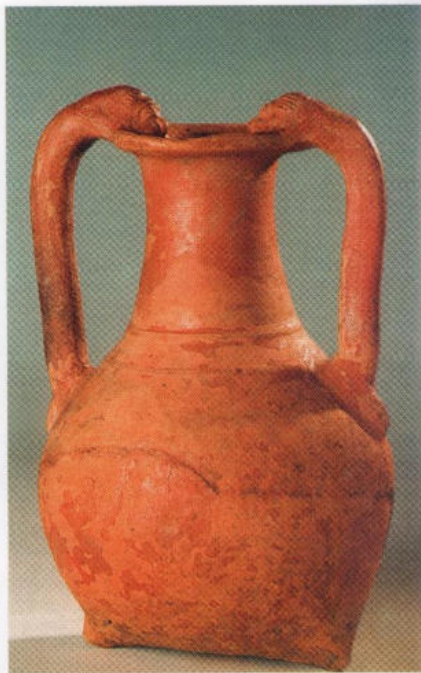
18. Расписная фиалга

19. Прислца (керамика и камень)

20. Импортный ритон с фигурой Ахелоя

21. Амфоровидный ритон. Раскоп 3, пом. 2

22. Фрагмент керамического ритона с протомой коня

Во-вторых, Кой-крылган-кала погибла, судя по керамическому материалу, несколько позже Калалы-гыра 2. Индикатором нам служит особенно яркая керамическая форма — бокалы на тонкой ножке. Их еще нет в калалыгырском комплексе, но они представлены в материалах с Кой-крылган-калы и некоторых других памятников (например, в ранней усадьбе Нурумского оазиса в левобережном Хорезме).

М.Г. Воробьева убедительно показала эволюцию львиноголовых ручек кувшинов в Хорезме. Изменение изображений происходит именно во втором этапе развития «кангюйской» культуры. В Калалы-гыре 2 представлены только ранние типы.

Ориентироваться на калалыгырский комплекс позволяют нам несколько обстоятельств: однослойность памятника, большое количество целых сосудов или археологически целых форм (однотипная верхняя часть может принадлежать разным по пропорциям сосудам).

Изучение терракотовых изделий с разных памятников Хорезма тоже позволяет выделить позднекангюйские формы (см., например, материал из Топрак-калы Шавадской, где данному слою дана датировка с конца V по III в. до н.э., притом что там найдены только позднекангюйские женские терракоты — см. рис. 13, 3, 4, 6 в статье [Мамбетулаев, 1986]).

Следует также учесть, что крупные формы керамики (хумы, хумчи) бьются еще некоторое (иногда очень продолжительное) время после того, как подобные типы перестали изготавливать. Мы имеем довольно яркие примеры подобной практики: при раскопках Малой Кыркыз-калы (А.Н. Гертман) рядом с «кангюйским» хумом была найдена кушанская монета чекана Васудевы; на Кургаши-кале (С.М. Коляков) подобные хумы находились в одном слое с керамикой «кушанского» комплекса. В связи с этим особо внимательно следует относиться к датировкам по подъемному материалу, так как в нем присутствуют чаще всего крупные формы, которые лучше сохраняются.

Слой пожара часто встречается в памятниках, относящихся к «кангюйской» культуре, но относить их все к одному времени нет оснований, так как в основном раскопки этих объектов производились на малой площади. Опыт раскопок Калалы-гыра 2 позволяет сделать заключение, что первый разрушительный пожар на памятнике был выявлен только после раскопок разных объектов комплекса.

В связи с тем, что В.А. Лившиц в гл. 6 «Надписи и документы» высказал отличную от других авторов (Вайнберг, Болелов) точку зрения о хронологии найденных на Калалы-гыре 2 письменных памятников, я вынуждена подробно проанализировать его доводы.

Прежде всего нужно обратить внимание, что В.А. Лившиц основывает свои выводы на материалах палеографии. Вместе с тем хорезмийская палеография еще не дает достаточных оснований для определенных хронологических выводов. Наиболее ранние хорезмийские надписи на чашах из Исаковских курганов вблизи Омска, датированные В.А. Лившицем III–II вв. до н.э., происходят из погребения, дата которого дискутируется (материал, к сожалению, не опубликован), авторы раскопок предлагают и более позднюю дату (основываясь на докладе Л. Погодина на конференции в Гос. Эрмитаже в 1992 г.).

В.А. Лившиц, предлагая датировки для надписей с Калалы-гыра 2, ориентируется на нумизматику и даты по хорезмийской эре. Но эти материалы относятся уже к первым векам н.э. и сопутствуют более позднему археологическому комплексу находок. Вызывает сожаление резкое отрицание В.А. Лившицем вообще возможности датировок по керамике (остальной материал им вообще не учитывается). Представляется, что аналогии могут быть одинаково использованы в палеографии и археологии.

В Хорезме регулярный выпуск серебряных монет происходит не ранее I в. н.э., а медных — во II–III вв. н.э. (подробнее см. об этом [Вайнберг, 1977]). В период жизни Калалы-гыра 2 монет в Хорезме вообще еще не было (ни местных, ни импортных), что само по себе исключает сопоставление палеографии надписей с памятника с одновременными монетными выпусками, а привязка их к более позднему материалу в этом случае представляется необоснованной. Не было в Хорезме до I в. н.э. и какого-либо исчисления по местной или заимствованной эре.

Следует напомнить, что ни наличие «эры Канишки», ни обильные выпуски кушанских монет не дали достаточных оснований для определения кушанской хронологии, дискутируемой очень долгое время.

Хорезмийские монеты с местными надписями ранних выпусков (группа Б1) представлены единичными экземплярами, что снижает, на наш взгляд, возможность использования их для палеографических выводов. В качестве примера можно указать на то, что серебряному выпуску монеты Б1, II (царь Артав), судя по всему, соответствует экспериментальный чекан медной монеты (типы Б², 20, 21), несущей те же имя (без титула), при этом на типе Б² 20 вся надпись написана слитно, буквы все преднамеренно объединены в одно слово — это вообще не характерно для надписей на монетах в Хорезме, что пока исключает возможность говорить о каких-то четких палеографических закономерностях.

Характерное написание алефа, известное нам по монетам, могло сложиться еще раньше — ориентировочно, во II–I вв. до н.э., но мы не располагаем монетными материалами этого времени и поэтому не можем исключить этот период вообще из хронологических определений для появившихся памятников хорезмийской письменности¹.

Весь комплекс археологических находок «кангюйской» культуры в Хорезме исчезает к I в. н.э., а уже упоминавшимся монетным находкам и надписям из дворца Топрак-калы с датами по хорезмийской эре (III в. н.э.) сопутствует иной по всем характеристикам археологический материал [Топрак-кала, 1984], что полностью исключает датировку находок с Калалы-гыра 2 первыми веками н.э.

Разработка четкой палеографической схемы развития хорезмийского письма в древности и раннем средневековье, как нам представляется, дело будущего, поэтому ориентироваться в хронологических заключениях на палеографию

¹ Предлагаемая В.А. Лившицем передатировка одной из поздних надписей с Кой-крылган-калы IV–V вв. по палеографии также вызывает удивление, так как для этого периода вообще нет ни четко датированных монет, ни надписей с датами. Для монет после рубежа III–IV вв. н.э. предложена лишь относительная хронология выпусков (см. [Вайнберг, 1977, гл. 3]).

надписей в настоящее время вряд ли оправданно, можно делать заключение только об относительной хронологии материалов.

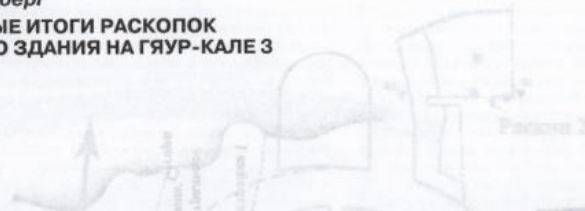
Мы уже высказывали мнение о том, что целая серия фактов свидетельствует о том, что в I в. н.э. в Хорезме происходила своего рода религиозная реформа, сопровождавшаяся распространением «эзоастрийского канона». Сопадение ее по времени с введением хорезмийской эры вряд ли было слу-

чайным. Летоисчисление по этой эре встречено пока только на культовых памятниках (Топрак-кала, наусы Ток-калы). В это же время (с I в. н.э.) в археологических материалах Хорезма исчезают все культовые предметы, характерные для предшествующей эпохи: керамические рельефы с мифологическими сценами, ритоны, многие типы ранних терракот, миниатюрные сосуды (для votivных приношений), росписи на сосудах и т.д. (подробнее см. [Вайнберг, 2001а]).

Приложение 1

Б.И. Вайнберг

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК КРУГЛОГО ЗДАНИЯ НА ГЯУР-КАЛЕ 3

Поселение Гяур 3 (рис. 1) расположено в 6 км к востоку от крепости Гяур-кала Черменьянская у восточного края южного обрыва возвышенности Гяур-гыр. «Поселением» мы назвали весь комплекс памятников, обнаруженных на площади около 4 кв. км, относящихся к одному времени и отделенных от соседних оазисов полосой чистых такыров. Центр поселения образует усадьба, обозначенная как Гяур-кала 3 в силу монументальности развалин, окруженных стенами. В усадьбе Гяур-кала 3 выделяется круглое здание, раскопки его в связи со строительством Ильялинского коллектора, трасса которого должна пройти через памятник, были начаты осенью 1979 г. Х. Юсуповым и Д. Дурдыевым (АН Туркменистана) [Юсупов, 1980; Вайнберг, 1981; Коляков, 1985; Коляков, 1986]. Впервые этот памятник был зафиксирован Б.В. Андриановым в 1953 г. при обследовании античного русла канала Черменья, ранний период которого датировался по материалам поселения.

В 1979 г. Х. Юсупов и Д. Дурдыев во время разведочных раскопок выявили общий круглый контур центрального здания Гяур-калы 3 и направление основных стен внутри его, частично было вскрыто помещение типа овальной башни, примыкавшее к зданию с севера. Стратиграфия не была выявлена, датировка памятника «кангитойским» временем подтверждалась.

Уже в 1980 г. было выяснено, что оба русла Черменья на территории поселения, нарушив культурный слой, перерезали усадьбу и ряд мелких усадеб к западу от него и в силу этого бесспорно сооружены в более позднее время. Поселение же Гяур 3 располагалось в развилке двух небольших естественных протоков у правого берега крупного русла системы Южного Даудана, огибавшего возвышенность Гяур-гыр с юго-востока и функционировавшего в это время. Все постройки располагались у берегов протоков, а одна из крупных усадеб обнаружена на северном берегу основного русла. Протяженность оазиса около 4 км с юго-востока на северо-запад, с северо-востока его от господствующих в холодное время ветров прикрывала возвышенность. Обнаружено около полутора десятков домов-усадеб, располагавшихся на протяжении 150–250 м друг от друга. Несмотря на то что они сильно разрушены, почти в каждой из них различается постройка в виде однокомнатного прямоугольного дома, достигающего 100 кв. м и более. Подобный дом, частично разрушенный каналом, есть у западного края Гяур-калы 3 за стенами пристройки. Часть другого полуэмского пахсового дома такого типа была расчищена нами к северо-западу от Гяур-калы 3. Здесь были обнаружены остатки каменных опор от столбов перекрытия и небольшое количество гончарной и лепной посуды того же типа, что на всех остальных памятниках поселения. На восток от Гяур 3 остатки усадеб тянутся на протяжении 1 км вдоль до мыса возвышенности. Как в восточной, так и в западной части поселения мы фиксировали у каждого из протоков

«свою» цепочку усадеб. Кроме основного строения на некоторых из них были еще какие-то постройки, иногда возведенные из камня. Они, как правило, стояли изолированно от жилого дома. Наиболее сложной оказалась усадьба № 3 к юго-западу от Гяур-калы 3, где С.М. Коляков предпринял раскопки. Здесь вскрыта половина дома площадью 15×15 м, сырцовые стены которого были смыты, в развалины этого дома была встроена керамическая печь кушанского времени, остатки других печей этого же времени с мощными выходами шлака зафиксированы в 300 м к северо-западу от дома.

Следов ирригации, одновременной постройкам на поселении Гяур 3, обнаружено не было, за исключением узенького арыка (50 см шириной), соединявшего естественные протоки к западу от Гяур-калы 3. Полной уверенности, что это сооружение относится ко времени поселения, нет.

Гяур-кала 3 имеет сложную планировку, еще не выясненную раскопками. Пристройка 1, примыкавшая к круглому зданию, имела мощные обводные стены, возможно, с внутренним коридором. Мощность культурных отложений местами достигает 1,5–2 м, но в значительной части пристройки смыта полностью. К югу от пристройки 1 зафиксированы остатки жилищ, каменные опоры от столбов перекрытий, ямы, очаги, вкопанные в землю хумы.

На валу возвышенности к северо-западу от круглого здания на площади около 150 кв. м выявлены остатки наземных каркасных и слегка углубленных в материк сооружений с хозяйственными ямами, очагами и керамикой.

Отдельно стоящий сырцовый дом №1 был частично раскопан в 1980 г. Это бугор диаметром около 20 м и высотой более 1 м. Здесь на площади более 60 кв. м вскрыты частично шесть помещений большого жилого комплекса. Севернее дома № 1 на поселении есть еще один монументальный бугор диаметром около 10 м при высоте более 1 м. Западные этих построек за Черменьяном находится ограда (примерно 100×100 м), ориентированная углами по сторонам света. У северо-западной стены этого сооружения — большой вал — развалины остатков построек, в развале стен которых виден камень. Б.В. Андрианов назвал это сооружение парковым комплексом. У нас нет оснований поддержать это заключение. Все каналы, как мы отметили, относятся к более позднему времени, никаких следов мелкой оросительной сети, обычно свойственной парковым комплексам, нет. Темные полосы, фиксируемые на аэрофотосъемках, как показали наземные исследования, относятся к системе очень поздних водосборов, остатки которых в большом количестве обнаружены на территории поселения Гяур 3.

Основные работы, как отмечалось выше, велись на центральном здании Гяур-калы 3. Это остатки круглой монументальной постройки из сырцового кирпича и пахсы диаметром 25 м (внутренний диаметр — около 19 м). Планировка его, кроме несущественных деталей, совпадает (как и размеры)

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время в Хорезме, как и в других частях Средней Азии, продолжается активное изучение древней истории. Это способствует накоплению новых фактов, расширяющих наши представления о культуре и искусстве древних народов. В частности, изучение памятников Гяур-калы 3 позволяет лучше понять уровень развития материальной культуры населения того времени. Обнаруженные в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке постройки, а также различные предметы быта, свидетельствуют о высоком уровне культуры и искусства древних жителей. Это подтверждается наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке мощных обводных стен, а также наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке керамической печи кушанского времени. Обнаруженные в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке остатки жилищ, каменные опоры от столбов перекрытий, ямы, очаги, вкопанные в землю хумы, свидетельствуют о высоком уровне культуры и искусства древних жителей. Это подтверждается наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке мощных обводных стен, а также наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке керамической печи кушанского времени. Обнаруженные в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке остатки жилищ, каменные опоры от столбов перекрытий, ямы, очаги, вкопанные в землю хумы, свидетельствуют о высоком уровне культуры и искусства древних жителей. Это подтверждается наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке мощных обводных стен, а также наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке керамической печи кушанского времени.

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время в Хорезме, как и в других частях Средней Азии, продолжается активное изучение древней истории. Это способствует накоплению новых фактов, расширяющих наши представления о культуре и искусстве древних народов. В частности, изучение памятников Гяур-калы 3 позволяет лучше понять уровень развития материальной культуры населения того времени. Обнаруженные в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке постройки, а также различные предметы быта, свидетельствуют о высоком уровне культуры и искусства древних жителей. Это подтверждается наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке мощных обводных стен, а также наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке керамической печи кушанского времени. Обнаруженные в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке остатки жилищ, каменные опоры от столбов перекрытий, ямы, очаги, вкопанные в землю хумы, свидетельствуют о высоком уровне культуры и искусства древних жителей. Это подтверждается наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке мощных обводных стен, а также наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке керамической печи кушанского времени. Обнаруженные в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке остатки жилищ, каменные опоры от столбов перекрытий, ямы, очаги, вкопанные в землю хумы, свидетельствуют о высоком уровне культуры и искусства древних жителей. Это подтверждается наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке мощных обводных стен, а также наличием в усадьбе круглого здания и примыкающей к нему пристройке керамической печи кушанского времени.

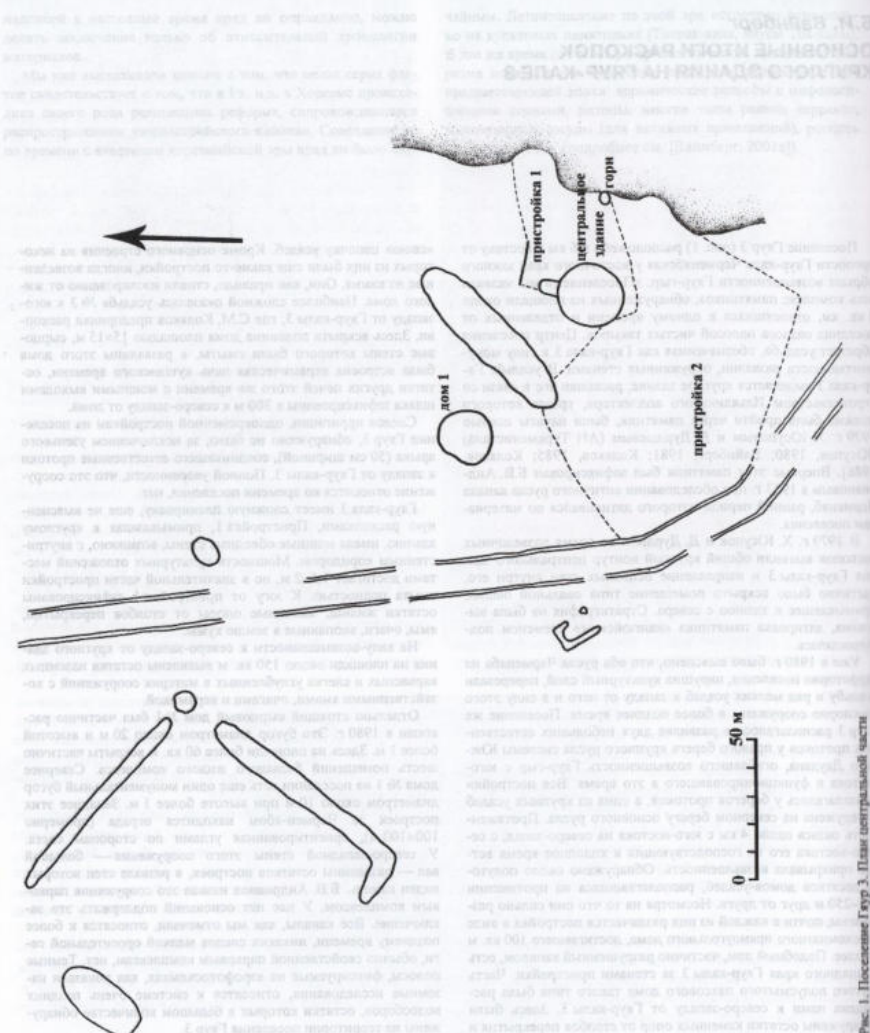

Рис. 1. Поселение Гяур 3. План центральной части

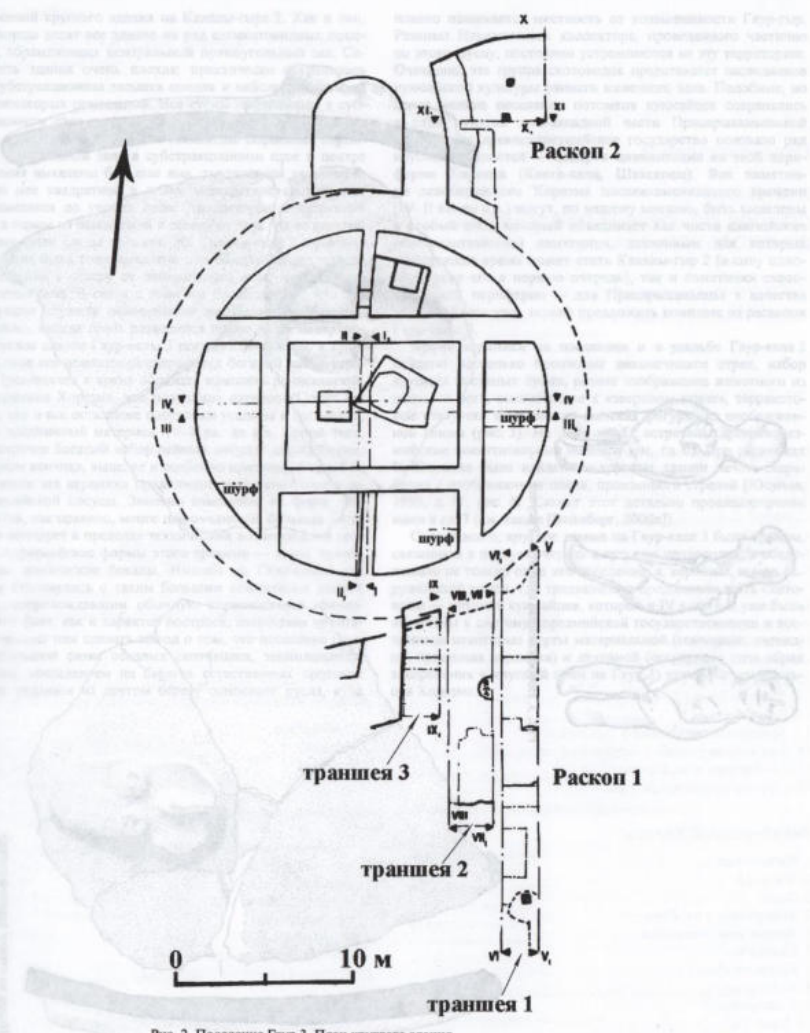

Рис. 2. Поселение Гяур 3. План круглого здания

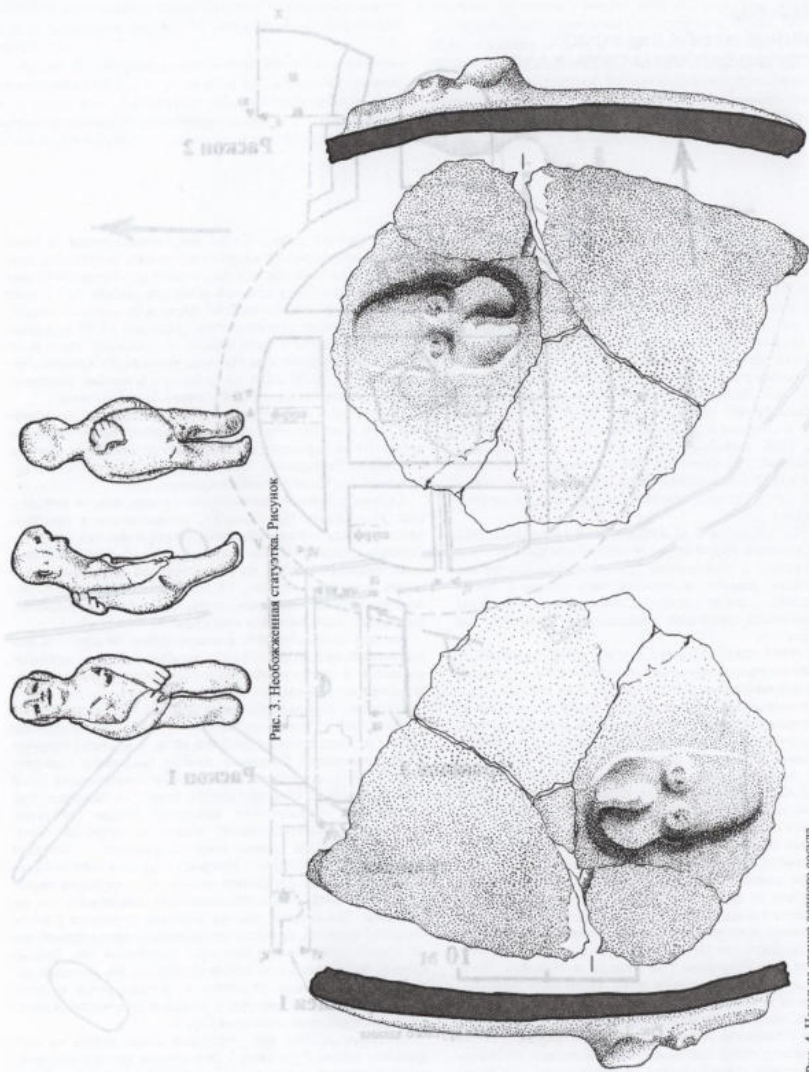

Рис. 3. Необожженная статуэтка. Рисунок

Рис. 4. Налеп на стене лепного сосуда

планировкой круглого здания на Калалы-гыре 2. Как и там, стены-хорды делят все здание на ряд сегментовидных помещений, обрамляющих центральный прямоугольный зал. Сохранность здания очень плохая: практически сохранилась лишь субстракционная засыпка цоколя и небольшой слой на полах некоторых помещений. Все стены продолжены в субстракционном слое до материка, на котором стоит здание. В ряде помещений полы были выложены сырцовым кирпичом. В центральном зале в субстракционном слое в центре помещения выявлены большая яма, заполненная керамикой, и около нее квадратное в плане моноклитное сооружение, поднимавшееся до уровня пола. Аналогичная конструкция была и в одном из помещений к северу от зала. На ее верхней площадке были следы прокала. На Калалы-гыре 2 подобная конструкция была тоже выявлена под обмазкой пола одного из помещений к северу от центрального зала, на ней тоже были следы огня. В связи с этим мы предполагаем, что эти конструкции служили основаниями жертвенников с огнем, а возможно, иногда огонь разводился прямо на их поверхности. Круглое здание Гяур-калы 3 погибло от пожара, в культурном слое его помещений сохранился богатый набор керамики. Представлен в ярких образцах комплекс раннекангюйской керамики Хорезма, что позволило датировать этот памятник, как и все остальные постройки усадьбы и поселения, давшие идентичный материал, IV–II вв. до н.э. Кроме того, здесь встречен богатый набор лепных сосудов для хранения. По формам венчика, выделке и особенно красному покрытию поверхности эта керамика продолжает традицию более ранней куосайской посуды. Заметно изменение ее форм, они становятся, как правило, менее шаровидными, большая часть сосудов копирует в пределах технических возможностей гончарные хорезмийские формы этого времени — хумы, хумчи, кувшины, конические бокалы. Именно на Гяур-кале 3 мы впервые столкнулись с таким большим комплексом лепной посуды, сопровождавшим обычную хорезмийскую гончарную. Этот факт, как и характер построек, отсутствие ирригации, позволяет нам сделать вывод о том, что поселение Гяур 3 — небольшой оазис оседлых скотоводов, занимавшихся, возможно, земледелием на берегах естественных протоков и в зоне разливов на другом берегу основного русла, куда

плавню понижается местность от возвышенности Гяур-гыр. Разливы Ильялинского коллектора, проведенного частично по этому руслу, постоянно устремляются на эту территорию. Очевидно, эта группа скотоводов представляет наследников куосайской культуры раннего железного века. Подобные, но более мелкие поселения потомков куосайцев сохранились в ряде пунктов юго-западной части Присарыкамьшской дельты, где древнехорезмийское государство основало ряд крупных крепостей — центров цивилизации на этой периферии Хорезма (Канга-кала, Шахсенем). Все памятники левобережного Хорезма послеахеменидского времени (IV–II вв. до н.э.) могут, по нашему мнению, быть выделены в особый этап, который объединяет как чисто кангюйские (раннекангюйские) памятники, эталонным для которых в настоящее время может стать Калалы-гыр 2 (в силу однослойности его в первую очередь), так и памятники скотоводческой периферии — для Присарыкамьши в качестве эталона, бесспорно, можно предложить комплекс из раскопок Гяур-калы 3.

Кроме керамики на поселении и в усадьбе Гяур-калы 3 найдено несколько бронзовых наконечников стрел, набор крупных костяных бусин, резное изображение животного из оленьего рога, выполненное в «зверином стиле», терракотовые статуэтки и маленькая женская фигурка из необожженной глины (рис. 3). На двух хумах встречены древнехорезмийские посвятельные надписи (см. гл. 6). При раскопках Х. Юсупова была найдена в круглом здании печать-скарабеид с изображением оленя, пронзенного стрелой [Юсупов, 1980, с. 77, рис. 4]. Сюжет этот детально проанализирован нами в гл. 7 (см. также [Вайнберг, 2000а]).

Скорее всего, круглое здание на Гяур-кале 3 было храмом, связанным в первую очередь с культом плодородия, и обслуживало не только одно это поселение, а, вероятно, и весь окружающий район, где традиционно продолжали жить скотоводы — потомки куосайцев, которые к IV в. до н.э. уже были включены в систему хорезмийской государственности и восприняли некоторые черты материальной (гончарная, очевидно, привозная керамика) и духовной (осуарного типа обряд захоронения и круглый храм на Гяур 3) культуры земледельцев Хорезма.

...и в то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена. В то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена.

Приложение 2

Б.И. Вайнберг

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПАМЯТНИКОВ ХОРЕЗМА СО СЛОЯМИ IV—I вв. до н.э.

...и в то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена. В то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена.

Правобережный Хорезм

1. Таш-кырманский оазис, Казаклы-яткан
2. Базар-кала
3. Базар 2
4. Ток-кала
5. Поселения в районе Барактама
6. Джанбас-кала
7. Кой-кырган-кала
8. Дингильдже
9. Кургаши-кала
10. Малый Кырк-кыз
11. Большой Кырк-кыз (?)
12. Аяз-кала 1
13. Аяз-кала 3
14. Бурлы-кала
15. Архаическое поселение у Базар-калы
16. Кангойская усадьба с оссуарием (в точке 13/70)
17. Кангойские дома в точке 631 и 641
18. Гяур-кала султануздагская

Левобережный Хорезм

1. Кюзели-гыр
2. Хазарасп
3. Хива
4. Топрак-кала у оз. Корп
5. Топрак-кала Шаватская
6. Каладжик
7. Кюнерли-кала
8. Калалы-гыр 1
9. Калалы-гыр 2
10. Куия-Уаз
11. Акча-гелин
12. Шахсенем
13. Канга-кала
14. Кырк-мулла (Куия-Ургенч)
15. Курган-кала

...и в то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена. В то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена.

...и в то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена. В то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена.

...и в то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена. В то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена.

16. Бутен-тау 1
17. Бутен-тау 2
18. Гяур 3
19. Канга 2
20. Канга 3
21. Поселения у подножия Тарым-кая
22. Поселение на юго-западном мысу Тарым-кая
23. Нурумский оазис
24. Тузгырское поселение
25. Кангойская постройка к западу от Турпак-калы
26. Айбугир
27. Хумбуз-тепе

Южный Хорезм

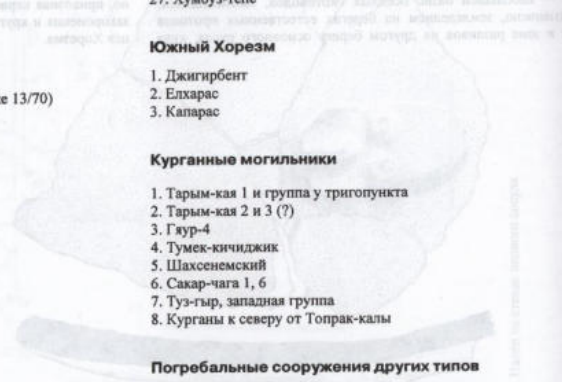
1. Джигирбент
2. Елхарас
3. Капарас

Курганные могильники

1. Тарым-кая 1 и группа у тригопункта
2. Тарым-кая 2 и 3 (?)
3. Гяур-4
4. Тумек-кичиджик
5. Шахсенемский
6. Сакар-чага 1, 6
7. Туз-гыр, западная группа
8. Курганы к северу от Топрак-калы

Погребальные сооружения других типов

1. Могильник у Базар-калы (грунтовой)
2. Оссуарии у Бурлы-калы
3. «Наусы» у Канга-калы
4. Сооружение на раскопе 3 на Кюзели-гыре

Приложение 3

Б.И. Вайнберг

КАТАЛОГ АНТРОПОМОРФНЫХ ТЕРРАКОТ ИЗ КАЛАЛЫ-ГЫР 2

...и в то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена. В то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена.

В результате обработки мелкой пластики древнего Хорезма¹ была разработана ее классификация. При этом был учтен опыт подобных разработок по материалам Согда, Маргианы, Парфии и других областей Средней Азии, а также принципы классификаций археологического материала.

КЛАССИФИКАЦИЯ МАТЕРИАЛА²

Раздел А — Изделия из обожженной глины

- класс I — Ритоны**
- класс II — Рельефы на флягах и крышках**
- класс III — Художественно оформленные сосуды (с напелами на стенках и ручках, носики в виде голов животных)**
- класс IV — Штампы на стенках сосудов**
- класс V — Антропоморфные терракоты**
- класс VI — Зооморфные терракоты**
- класс VII — Статуарные оссуарии**
- класс VIII — Уникальные (крупные терракотовые изделия)**

Класс III. Художественно оформленные сосуды (с напелами на стенках и ручках, носики в виде голов животных)

- Подклассы:**
- а) явниоголовые ручки на кувшинах
 - б) напелы на ручках в виде женской головы
 - в) напелы на стенках сосудов
 - г) носики в виде головок животных

Класс V. Антропоморфные терракоты

- Подклассы:**
- а) женские статуэтки
 - б) мужские статуэтки
 - в) музыканты
 - г) всадники

Подкласс «а» — женские статуэтки

Типы:

Тип 1. Стоящие фигурки, задрапированные в покрывало

¹ Грант РГНФ № 99-01-00302а, руководитель Б.И. Вайнберг.
² В Приложении 3 приведены описания изделий из раскопок Калалы-Гыра 2. Изделия, встречающиеся только в ранних комплексах (IV-I вв. до н.э.), подчеркнуты.

...и в то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена. В то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена.

...и в то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена. В то же время, как и в других случаях, не исключено, что некоторые из них могли быть выполнены в более поздние времена.

- Подтипы:**
- а) покрывало накинута на плечи и спину, в руках сосуд
 - б) фигурки в схематическом покрывале (с обилием горизонтальных полос)
 - в) фигурки со схематично расположенными «разновидными» складками
 - г) со схематическим покрывалом на левом боку и орнаментом из ромбов вдоль правой стороны платья
 - д) в схематическом покрывале и орнаментом по подолу платья
 - е) с зеркалом у груди
 - ж) с подпоятой левой рукой — «зеркальце»
 - з) фигурки с покрывалом, перекинутым через левую руку (может быть, это подтип «а», но нет целых изображений)

Тип 2. Стоящие фигурки в нераспашной верхней одежде

- Подтипы:**
- а) с головным убором
 - б) с зеркалом
 - в) с дополнительным покрывалом или шарфом
- Тип 3. Стоящие фигурки в пышной накидке (с «фигурками») и трилистником в правой руке**

Тип 4. Стоящие обнаженные фигурки

- Подтипы:**
- а) с рукой на лоне
 - б) с браслетами на ногах
 - в) узкобедрые с кулоном на груди
 - г) с кубком
 - д) с бантом на голове
 - е) с опущенными руками и веселье

Тип 5. Стоящие фигурки с кувшином в руках

Тип 6. Сидящие женские фигурки

- Подтипы:**
- а) кормящая мать
- Тип 7. Женские головки**

Класс VI. Зооморфные терракоты

- Подклассы:**
- а) фигурки лошадей
 - б) фигурки быков
 - в) фигурки верблюдов
 - г) фигурки баранов
 - д) фигурки ежей
 - е) фигурки обезьян
 - ж) фигурки слонов
 - з) прочие фигурки
 - и) напершия охваченные поставки («рогатые кирпичи»)

Пример подробной типологии:

- Тип 1. Некрупные лошади с выделенным крупом («ташаузские» лошади номудской породы)
- Тип 2. Длинноногие и длинношее лошади
- Тип 3. Массивные лошади с длинным туловищем

Размеры: 3,8x3,5 см. Кал-г 2/6. Место хранения — ГМИИВ.

84. Налеп на керамический сосуд в виде человеческой (женской?) головы. Оттиск в односторонней форме. Изображение сильно потерто.

Лицо широкое, нос затерт, рот неразличим. Глаза миндалевидные (валик с выделенным глазным яблоком), брови

прочерчены, уголки их опущены вниз. Верх головы слегка приподнят; может быть, это была попытка передать головной убор. Другие детали неразличимы.

Тесто розовое, мелкие примеси. Следы красного ангоба. Размеры изображения: 3,2x3,5 см.

Калалы-гыр 2, раскоп 1/2, пом. 7, верхний пол.

86. Кал-г 2/И-4. Место хранения — ГМИИВ.

Гибель памятника, как это неоднократно отмечалось выше, была связана с очень большим пожаром, следы которого есть во всех раскопах. Благодаря этому в культурном слое сохранился довольно богатый комплекс бытовой и художественной керамики и других категорий инвентаря.

Среди прочего выделяется комплекс изделий из дерева. Полностью или частично сохранились лишь те предметы, которые сгорели. Все они превратились в древесный уголь и сохранили свою первоначальную форму. После закрепления и реставрации удалось восстановить некоторые формы изделий до археологически целых и зафиксировать их графически.

Дерево как материал, а также изделия из него широко использовались на памятнике. В процессе раскопок зафиксировано его применение в строительстве. Так, часть перегородок в постройках состояла из деревянного каркаса, обмазанного глиной. Он изготовлялся из вертикальных жердей, переплетенных камышом и тонкими ветками. Были также зафиксированы базы столбов, поддерживавших перекрытия, и остатки обгоревших балок от перекрытий¹.

Большинство сохранившихся деревянных изделий относится к бытовой утвари. Посуда представлена чашами, мисками, ложками, предметами туалета — миниатюрными сосудами, фрагментами шкатулки, гребнями. В хозяйственной деятельности использовались также плетеные корзинки, шило, безмен. Отдельно стоит отметить находку двух колес. К ремесленному инвентарю предположительно можно отнести «веретена».

Миниатюрные сосуды (пиксиды) представлены фрагментами от шести изделий. Все они изготовлены на токарном станке с непрерывным равномерным вращением, о чем свидетельствуют частые спиралевидные следы реза. Точение производилось двумя способами — поперечным и пластинным. Первым способом было изготовлено четыре сосуда (рис. 1, 1, 2, 5, 9). Они вытачивались из отрезка ствола так, что волокна древесины располагались вертикально, а дно представляло собой поперечный срез ствола. Для предотвращения выпадения сердцевинки дно опущено, и его центр, как правило, не совпадал с природным центром ствола. Надо отметить, что данным способом изготавливались сосуды и открытой цилиндрической, и закрытой биконической формы. Пластинным способом изготовлены два сосуда (рис. 1, 8, 7). Они вытачивались из бруска с поперечным сечением колес — таким образом волокна древесины режутся в радиальном направлении, в плоскости их вращения на токарном

станке, и резец снимает стружку как вдоль, так и поперек волокон. Разнообразные по форме, часто сложные по профилировке и орнаментации, миниатюрные сосуды с горловиной Калалы-гыр 2 свидетельствуют о высоком качестве токарной работы. Так, например, сосуд закрытого типа (рис. 1, 5) при наибольшем диаметре тулова в 6 см и высоте не более 5 см имеет толщину стенок 3–4 мм, при этом на изгибе плечиков был размещен состоящий из пяти тонких желобков собранный орнаментальный поясок. Иначе решено оформление миниатюрного цилиндрического сосуда (рис. 1, 1), стенки которого орнаментированы разными по профилю и толщине выпуклыми поясками, что ярко иллюстрирует мастерство и безукоризненную точность, достигнутые в приемах обработки дерева.

Изделия рассматриваемой категории не имеют ни одной повторяющейся формы. Пять сосудов относятся к открытому типу. Они, в свою очередь, подразделяются на два варианта: чашевидные (рис. 1, 9) и цилиндрические (рис. 1, 1, 2, 8). Один чашевидный и один цилиндрический сосуд имеют характерный прямоугольный уступ с наружной стороны под крышку (рис. 1, 1, 9). В других случаях эта деталь отсутствует. Один сосуд относится к закрытому типу (рис. 1, 5).

Интересной особенностью четырех пиксид является их украшение различными сочетаниями орнаментальных поясков из близко расположенных кольцевых желобков, эта особенность наблюдается также и в изготовлении крышек (рис. 1, 5–9).

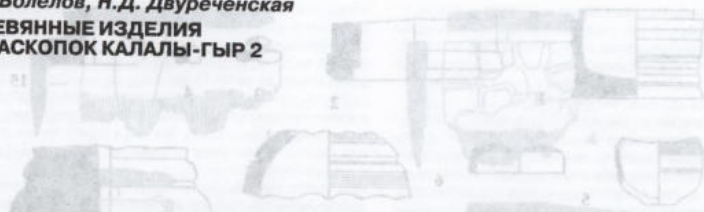
Крышки от миниатюрных сосудов. Всего четыре деревянные крышки различных форм и размеров удалось зафиксировать графически. Так же, как и миниатюрные сосуды, все они точеные. По форме и принципу действия крышки можно разделить на два типа: накрывающие и пробковые.

К первому типу относятся две крышки. Одна из них, которая представлена небольшим фрагментом, выточена пластинным способом (рис. 1, 7). Судя по сохранившемуся фрагменту, крышка была круглая, выпукло-полусферическая, имела диаметр не менее 9 см, с внешней стороны украшена двумя орнаментальными поясками из тонких, близко расположенных желобков, разделенных посередине более глубоким и широким.

Вторая крышка (рис. 1, 6) выпуклая, круглая в плане, в сечении чечевицевидная, т.е. с прогибом в середине, диаметром 5 см, была выточена также пластинным способом. С внешней стороны она украшена характерным орнаментальным пояском из пяти тонких, близко расположенных желобков. Две крышки второго типа были изготовлены поперечным способом. Волокна древесины расположены вертикально, и в плане они представляют собой поперечный срез ствола

¹ Описание строительных конструкций см. в гл. 2.

С.Б. Болелов, Н.Д. Двуреченская ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК КАЛАЛЫ-ГЫР 2

Гибель памятника, как это неоднократно отмечалось выше, была связана с очень большим пожаром, следы которого есть во всех раскопах. Благодаря этому в культурном слое сохранился довольно богатый комплекс бытовой и художественной керамики и других категорий инвентаря. Среди прочего выделяется комплекс изделий из дерева. Полностью или частично сохранились лишь те предметы, которые сгорели. Все они превратились в древесный уголь и сохранили свою первоначальную форму. После закрепления и реставрации удалось восстановить некоторые формы изделий до археологически целых и зафиксировать их графически.

Дерево как материал, а также изделия из него широко использовались на памятнике. В процессе раскопок зафиксировано его применение в строительстве. Так, часть перегородок в постройках состояла из деревянного каркаса, обмазанного глиной. Он изготовлялся из вертикальных жердей, переплетенных камышом и тонкими ветками. Были также зафиксированы базы столбов, поддерживавших перекрытия, и остатки обгоревших балок от перекрытий¹.

Большинство сохранившихся деревянных изделий относится к бытовой утвари. Посуда представлена чашами, мисками, ложками, предметами туалета — миниатюрными сосудами, фрагментами шкатулки, гребнями. В хозяйственной деятельности использовались также плетеные корзинки, шило, безмен. Отдельно стоит отметить находку двух колес. К ремесленному инвентарю предположительно можно отнести «веретена».

Миниатюрные сосуды

Миниатюрные сосуды (пиксиды) представлены фрагментами от шести изделий. Все они изготовлены на токарном станке с непрерывным равномерным вращением, о чем свидетельствуют частые спиралевидные следы реза. Точение производилось двумя способами — поперечным и пластинным. Первым способом было изготовлено четыре сосуда (рис. 1, 1, 2, 5, 9). Они вытачивались из отрезка ствола так, что волокна древесины располагались вертикально, а дно представляло собой поперечный срез ствола. Для предотвращения выпадения сердцевинки дно опущено, и его центр, как правило, не совпадал с природным центром ствола. Надо отметить, что данным способом изготавливались сосуды и открытой цилиндрической, и закрытой биконической формы. Пластинным способом изготовлены два сосуда (рис. 1, 8, 7). Они вытачивались из бруска с поперечным сечением колес — таким образом волокна древесины режутся в радиальном направлении, в плоскости их вращения на токарном

¹ Описание строительных конструкций см. в гл. 2.

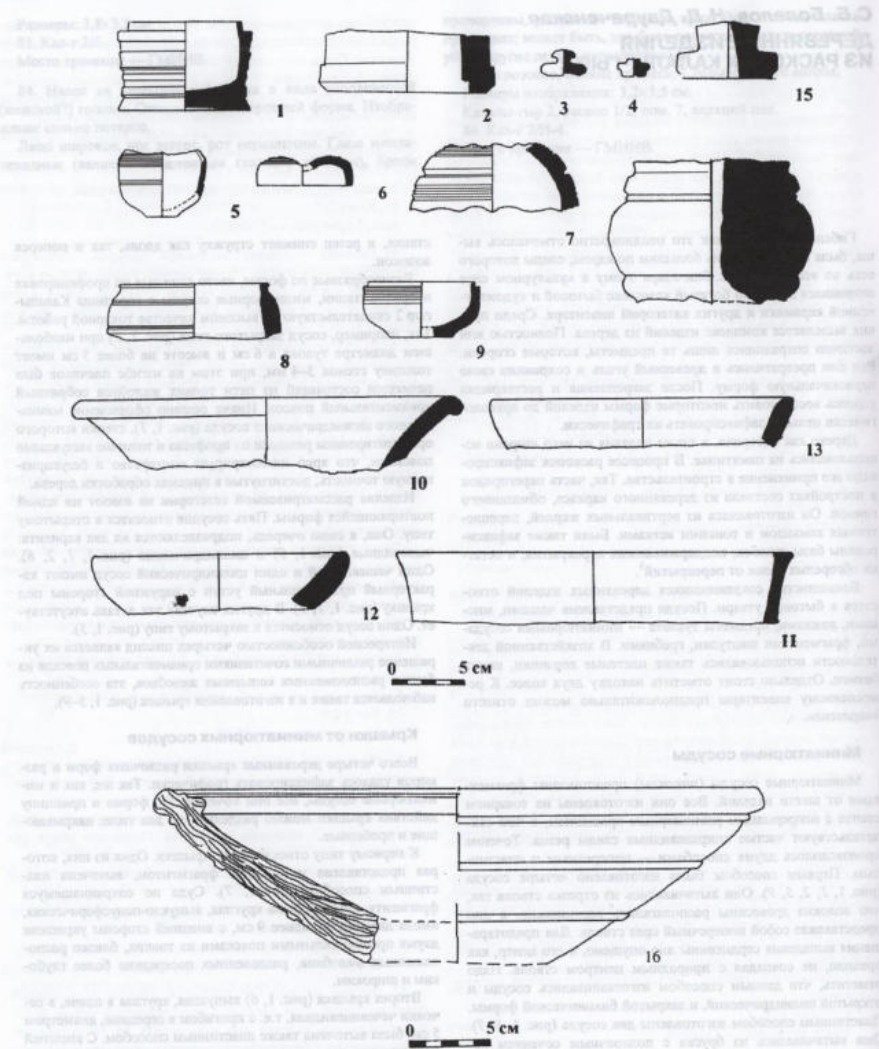

Рис. 1. Деревянная посуда и миниатюрные сосуды. Калалы-гыр 2

Виды: 1 - чаша; 2 - чаша; 3 - чаша; 4 - чаша; 5 - чаша; 6 - чаша; 7 - чаша; 8 - чаша; 9 - чаша; 10 - чаша; 11 - чаша; 12 - чаша; 13 - чаша; 14 - чаша; 15 - чаша; 16 - чаша.

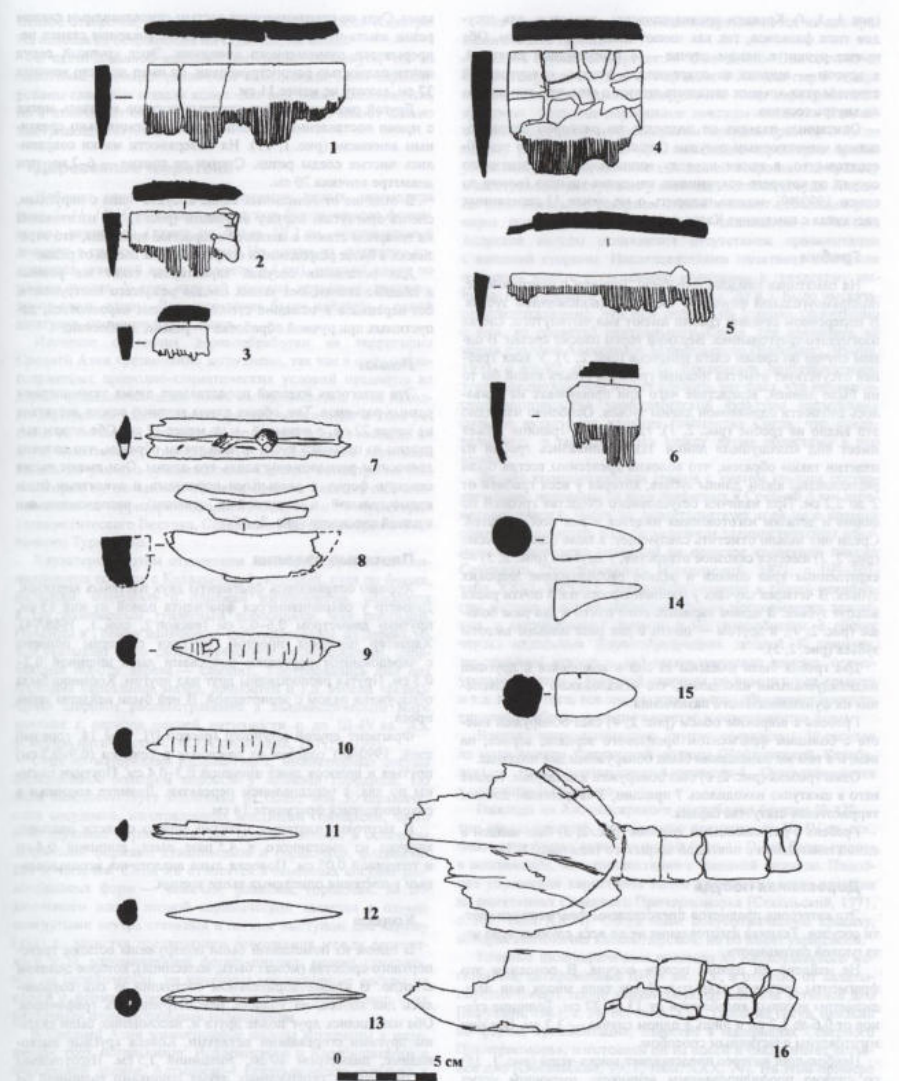

Рис. 2. Предметы туалета и веретена. Калалы-гыр 2

Виды: 1 - расческа; 2 - расческа; 3 - расческа; 4 - расческа; 5 - расческа; 6 - расческа; 7 - расческа; 8 - расческа; 9 - расческа; 10 - расческа; 11 - расческа; 12 - расческа; 13 - расческа; 14 - расческа; 15 - расческа; 16 - расческа.

(рис. 1, 3, 4). Крышки предназначались, вероятно, для сосудов типа флаконов, так как имеют диаметр 3 и 1,6 см. Обе имеют ручки: в одном случае — с грибовидной шляпкой, в другом — шляпка не сохранилась. Уступы с внутренней стороны этих крышек свидетельствуют о том, что они входили внутрь сосудов.

Описанные изделия не подходят по размерам сохранившимся миниатюрным сосудам (пиксидам). Учитывая это обстоятельство, а также находку миниатюрного деревянного сосуда, от которого сохранилась каменная крышка (номер по описи 1990/49), можно говорить о не менее 11 деревянных сосудах с памятника Калалы-гыр 2.

Гребни

На памятнике найдено 6 гребней. Все они односторонние, подпрямоугольной формы, с частым расположением зубьев. В поперечном сечении гребни имеют вид вытянутого, слегка изогнутого треугольника. Верхний торец плоско срезан. В одном случае он срезан слегка наискос (рис. 2, 5). У всех гребней отсутствует отметка нижней границы зубьев какой бы то ни было линией, вследствие чего при пропилке не удавалось соблюсти одинаковой длины зубьев. Особенно наглядно это видно на гребне (рис. 2, 1), где нижняя граница зубьев имеет вид «плавающей» линии. Изготавливались гребни из пластины таким образом, что волокна древесины всегда были расположены вдоль длины зубьев, которая у всех гребней от 2 до 2,2 см. При наличии безусловного сходства гребней по форме и деталям изготовления имеется ряд особенностей. Среди них можно отметить следующее: в поле одного гребня (рис. 2, 2) имеется сквозное отверстие; у другого (рис. 2, 3) — округленные края спинки и редкое расположение широких зубьев. В четырех случаях у гребней высота поля почти равна высоте зубьев. В одном варианте поле почти в два раза больше (рис. 2, 4), в другом — почти в два раза меньше высоты зубьев (рис. 2, 5).

Два гребня были найдены *in situ* в комплексе с другими индивидуальными находками, что немаловажно для выяснения их функционального назначения.

Гребень с широким полем (рис. 2, 4) был обнаружен вместе с большим фрагментом бронзового зеркала, вернее, на нем, и в том же помещении были обнаружены две пиксиды.

Один гребень (рис. 2, 6) был обнаружен в шкатулке. Кроме него в шкатулке находилось 7 пряслиц, 3 «веретена», шило и терракотная статуэтка барана.

Гребень с разреженными зубьями (рис. 2, 3) был найден в одном помещении с пиксидой закрытого типа (рис. 1, 5).

Деревянная посуда

Эта категория предметов представлена фрагментами шести сосудов. Техника изготовления не во всех случаях ясна из-за плохой сохранности.

Не найдено ни одного целого сосуда. В основном это фрагменты венчиков открытых форм типа мисок или чаш, диаметры которых колеблются от 13 до 37 см. Толщина стенок от 0,6 до 1,2 см и лишь в одном случае — 3,2 см. Все они изготовлены пластинным способом.

Наибольший интерес представляет миска-чаша (рис. 1, 16) со сложной профилированным венчиком, имеющим уступ внутрь, стенки которого плавно утолщаются ко дну, с наружной стороны они орнаментированы тремя рельефными вали-

ками. Судя по сохранившимся частым спиральным следам реза, миска-чаша была изготовлена на токарном станке непрерывного равномерного вращения. Этот крупный сосуд почти полностью реконструирован, он имел диаметр венчика 37 см, высоту не менее 11 см.

Другой разновидностью крупных сосудов являлась миска с прямо поставленным, утолщенным, горизонтально срезанным венчиком (рис. 1, 11). На поверхности миски сохранились чистые следы реза. Стенки ее тонкие — 6–7 мм при диаметре венчика 20 см.

В отличие от описанных выше сосудов чаша с округлым, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 1, 10) изготовлена на токарном станке с меньшей скоростью вращения, что отразилось в более разреженных спиральных следах от реза.

Для остальных сосудов характерны такие же ровные и гладкие стенки, без явных следов режущего инструмента, без перепадов в толщине стенок и мелких неровностей, допустимых при ручной обработке — резьбе, долблении.

Ложки

Эта категория изделий представлена двумя экземплярами разных размеров. Так, общая длина крупной ложки достигала не менее 22 см, а меньшей — не менее 12 см. Обе ложки вырезаны из цельного куска дерева таким образом, что волокна древесины расположены вдоль его длины. Они имеют также сходную форму с овальными черпаками и рукоятками (подпрямоугольной и округлой в сечении), расположенными в одной плоскости (рис. 2, 16).

Плетеные изделия

Хорошо сохранились фрагменты двух плетеных корзинок. Диаметр у сохранившегося фрагмента одной из них 15 см, прутьи диаметром 0,6–0,7 см (раскоп 2, пом. 1, 1988/94). Характер плетения простой, прутьи сплетены парно с чередованием перевязки полосками лыка шириной 0,2–0,3 см. Прутья расположены друг над другом. Корзинка была обнаружена рядом с зернотеркой. В ней были найдены зерна проса.

Фрагмент другой корзинки (раскоп 1/1, пом. 14, горелый слой, 1990/86) сплетен из овальных в сечении (0,9×0,7 см) прутьев и полосок лыка шириной 0,3–0,4 см. Прутики связаны по два, с чередованием перевязки. Диаметр корзинки в сохранившемся фрагменте 14 см.

К заготовке плетеных изделий можно отнести овальное колечко из смотанного в 4,5 раза лыка, шириной 0,4 см и толщиной 0,05 см. Полоска лыка аналогична использованной в плетении описанных выше корзинок.

Колеса

В одном из помещений были обнаружены остатки транспортного средства (может быть, колесница), которое целиком сгорело. В удовлетворительном состоянии *in situ* сохранились два колеса, их удалось реконструировать графически. Оба находились друг подле друга и, несомненно, были связаны другими сгоревшими деталями. Колеса круглые, дисковидные, диаметром 80 см, толщиной 3,5 см. Изготовлены из трех досок, скрепленных двумя шпонками толщиной по 2,5 см, длиной 50 см, шириной 8 см. Шпонки расположены на расстоянии 26 см параллельно друг другу, поперек плах.

Осевое отверстие, диаметром 10 см, располагалось в центре. На колесах не сохранились ни ступицы, ни обода.

В связи с данной находкой интересно упомянуть, что на памятнике в четырех различных помещениях были зафиксированы глиняные модели колес. Все они также дисковидные, но в отличие от описанных выше деревянных имеют сильно выступающие ступицы.

Деревянные «веретена»

Найдено всего три археологически целых экземпляра (рис. 2, 11–13). Они имеют вытянутую биконическую форму, концы заострены (длина не более 10,2 см, максимальный диаметр в центре тулова 1,4 см). На одном из «веретен» сохранился сквозной канал (диаметр 0,4 см), идущий вдоль по центру тулова. У всех изделий волокна древесины расположены вдоль длины. Все «веретена» были найдены в одной шкатулке, упоминавшейся выше.

Изучение состояния деревообработки на территории Средней Азии чрезвычайно затруднено, так как в силу неблагоприятных природно-климатических условий предметы из дерева сохраняются здесь очень плохо. В связи с этим находки деревянных изделий эпохи ранней античности в этом регионе исчисляются единицами. Немногим больше найдено их и на памятниках, относящихся к последующим периодам, вплоть до раннего средневековья. Однако, несмотря на это, некоторые из описанных выше предметов находят себе аналогию как на территории Средней Азии, так и на территории эллинистического Востока, Северного Причерноморья и Восточного Туркестана.

Характерен в этом отношении комплекс деревянных миниатюрных сосудов с Калалы-гыр 2, который, судя по форме, размерам, материалу и приемам изготовления, относится к так называемым туалетным корбочкам, или пиксидам. Пиксиды в Греции изначально изготавливались из дерева, на что указывает само слово греческого происхождения, означающее породу дерева — самшит. Употреблялись они для хранения украшений, мазей, пряностей и т.д. Имели чрезвычайно широкое распространение в эллинистическом мире начиная с периода ранней античности и до III–IV вв. н.э. [Словарь античности, с. 429; Сокольский, 1971, с. 199].

Судя по материалам Калалы-гыр 2, миниатюрные сосуды пользовались большим спросом у жителей городища. Об этом свидетельствует коллекция из более чем 50 керамических сосудов, изготовленных местными гончарами, часто имитирующих крупные сосуды, представленные в основном закрытыми формами кувшинчиков и горшочков, флакончиков и чашечек. Сюда же относятся 8 каменных сосудов разнообразных форм — чашечки, флаконы, горшочки. За исключением одной лепной керамической чашечки с плавно изогнутыми внутрь стенками и легким выступом дна наружу (1981 г., записка предвартного сооружения между раскопами 4 и 5), напоминающей форму пиксид, можно отметить, что ни керамические, ни каменные миниатюрные сосуды не схожи с формами деревянных. Возможно, это связано с их различным функциональным назначением.

В Средней Азии миниатюрные сосуды встречены в материалах трех могильников: Исфаринского и Карабулакского в Ферганской долине, Алтынасар-4 (джетынасарская культура в низовьях Сырдарьи), а также в погребальном сооружении Асар (чиркирабатская культура в низовьях Сырдарьи). Графически удалось зафиксировать лишь 12 туалетных корбочек.

Все среднеазиатские пиксиды подразделяются на две хронологические группы.

Ранняя группа датируется IV–II вв. до н.э. Она состоит из 6 миниатюрных сосудов и 4 крышек с Калалы-гыр 2 и двух пиксид из погребального сооружения Асар чиркирабатской культуры. Асарские деревянные пиксиды являются ближайшими аналогами калалыгырским сосудам (рис. 1, 1–9) по целому ряду признаков. Для них также характерен прямоугольный уступ на венчике с внешней стороны под крышку и заостренный выступ дна у цилиндрического сосуда. Пиксиды изготовлены на токарном станке и имеют небольшие размеры (цилиндрическая — 5х6 см, чашевидная — 7х4 см). Асарские сосуды отличаются отсутствием орнамента с внешней стороны. Исследователями памятника они были отнесены вместе с костяными изделиями к греческому импорту и датированы IV — началом III в. до н.э. Было высказано предположение, что они попали на данную территорию с юга, из областей центрального Согда, где появились во время походов Александра Македонского [Вайнберг, Левина, 1993, с. 89–90, рис. 65, 3, 4]. Косвенным подтверждением этого предположения может служить тот факт, что керамическое производство чиркирабатской культуры испытывало сильное культурное влияние гончарства Согда, что свидетельствует о тесных связях между двумя областями в это время.

Ранняя хронологическая группа с учетом крышек составляет более половины от всех известных в Средней Азии деревянных пиксид. Часть их свидетельствует если не о прямом греческом импорте, то о безусловном эллинистическом влиянии, что особенно очевидно на примере коллекции пиксид Северного Причерноморья [Сокольский, 1971, с. 199–203, табл. XXVI–XXVIII]. Это прослеживается в общей технологии изготовления на токарном станке непрерывного вращения, в выработанных формах и их разнообразии, в общих чертах отдельных формообразующих деталей. К примеру, заостренный выступ у дна цилиндрических пиксид, прямоугольный уступ с внешней стороны по венчику под крышку и т.д. Кроме того, все сосуды этой группы объединяет тонкость токарной работы, высокое качество и совершенство форм.

Вторую хронологическую группу составляют 10 сосудов из могильников Ферганской долины (Исфаринский, Карабулак), а также могильника Алтынасар-4. Они датируются в основном I–IV вв. н.э.

Пиксида из Алтынасарского погребения (курган № 420 — тип лмы с ишшкой), датируемого временем до III–IV вв. н.э., близка по форме калалыгырской (рис. 1, 1), но более проста в исполнении, без орнамента с внешней стороны. Подобное упрощение характерно также для пиксид этого времени на памятниках Северного Причерноморья [Сокольский, 1971, с. 207, табл. XXXI]. Сосуд имел полусферическую крышку, которая аналогична калалыгырской, но не имеет украшений.

Точные цилиндрические пиксиды из Карабулакского могильника, датированные III–IV вв. н.э., в отличие от калалыгырских имеют такую характерную деталь, как вставное дно [Баруздин, 1961, с. 59, 60, табл. XV]. Такой же сосуд, близкий по форме, орнаментации, известен в материалах Северного Причерноморья, изготовлен он из кости и также имеет вставное дно [Сокольский, 1971, табл. XXX, 14]. На этом примере видно, что проблема выпадения дна у сосудов, изготовленных поперечным способом, иногда была решена не за счет утолщения его или смещения природного центра ствола от-

ми». Одна треть — гладкая, зубья частые, отметка нижней границы их отсутствует. Датирован гребень II–III вв. н.э. и считается индийским импортom [Древности..., 1991, с. 269, 92; Дальверзинтепа, 1978, с. 136–137, рис. 97]. Аналогичный гребень меньших размеров, с пропорциями высоты поля к высоте зубцов 2:1, с тисненым рисунком на обеих сторонах, происходит из северо-запада «шахристана» Кампыртена (раскоп 8), датируется I–II вв. н.э. [Древности..., 1991, с. 285–286, 158].

Средняя Азия расположена между двумя регионами, где найдено сравнительно большое количество деревянных гребней. — Северным Причерноморьем и Восточным Туркестаном. Отличительной чертой причерноморских гребней является их преимущественно двусторонняя форма, высокое качество проработки, обязательное наличие отметки нижнего края зубьев, преобладающее использование одной породы дерева — самшита. Для Восточного Туркестана периода древности характерны в основном односторонние гребни различных типов без отметки нижней границы зубьев.

В рассмотренном выше среднеазиатском материале в настоящее время нельзя дать четкие характеристики параметров деревянных гребней: во-первых, в силу малочисленности материала; во-вторых, из-за его разрозненности, как региональной, так и хронологической. Тем не менее можно наметить некоторые тенденции: для периода древности более характерны односторонние гребни, часто с округлыми спинками, для раннесредневекового — двусторонние, ромбовидные в сечении.

Значительно шире представлена *деревянная посуда*. Она зафиксирована в погребениях целого ряда могильников — Кенкольского, Карабулакского, Боркоробозского, Исфаринского, Мунчакептинского, Мухгона, Чильхона, Истыка, Кызарты, Кургака, Памирской 1, а также могильников джетысарской и чиркирабатской культуры в низовьях Сырдарьи. Перечисленные памятники дали самые разнообразные формы деревянных сосудов: чаши, миски, блюда, тарелки, кружки, кувшины.

Можно отметить, что вне зависимости от принадлежности памятника к кочевой или земледельческой культуре преобладает точеная деревянная посуда. Одним из ранних памятников, где была зафиксирована деревянная посуда токарного изготовления, является могильник Чильхона, датированный III–I вв. до н.э. В его материалах наряду с резными сосудами был обнаружен один точеный [Литвинский, 1972, с. 42–43]. Кенкольский могильник, датированный I в. до н.э. — первой половиной II в. н.э., сохранил целый комплекс деревянной посуды, в основном изготовленной на токарном станке. Могильники карабулакской культуры также дали разнообразный набор точеной деревянной посуды I–IV вв. н.э. [Баруздин, 1961, с. 59, табл. XV; Сорокин, 1961, с. 159; Литвинский, 1978, с. 62–70, табл. 12, 7–16].

Резные сосуды известны по материалам могильников Чильхона, Мухгона (первые века до н.э.), а также мавзолея Асар чиркирабатской культуры (III–II вв. до н.э.), погребений джетысарской культуры.

Перечисленные памятники в совокупности дали самые разнообразные формы деревянных сосудов: Карабулакский могильник, как правило, — неглубокие большие блюда-тарелки, кружки или чашечки с плоским дном и петельчатой ручкой на боковине, крышки для сосудов, миски, все изготовлены на токарном станке [Баруздин, 1961, с. 59]; камен-

ные погребальные сооружения Мухгона — чашки, блюда, кружки и сосуды с плоским дном [Спришевский, 1956]; Боркоробозский могильник — чашки, миски, тарелки, блюда на ножках [Сорокин, 1961, с. 159]; Исфаринские могильники — кувшинчики, кружка-кувшин, миска на поддоне, тарелка-поднос на высокой ножке [Литвинский, 1978, с. 62–63, 68]; замок на горе Муг — блюдо на ножках, чашки разных размеров [Бентович, 1958, с. 360].

Среди деревянной посуды Калалы-гыр 2 обращает на себя внимание крупная миска-чаша со сложно профилированным венчиком (рис. 1, 16). По морфологическим признакам она полностью аналогична сероглиняным керамическим мискам, представленным в комплексе памятника в небольшом количестве (рис. 3/25). По всей видимости, эти миски либо являются импортom, либо изготовлены в подражание импортным сосудам такого типа. Для Хорезма IV–II вв. до н.э. подобная форма не характерна. Среди гончарных горнов, распавшихся на территории Присаракамышской дельты, выделяется вариант, конструктивные особенности которого предполагают восстановительный обжиг. Это позволяло получать сероглиняную посуду [Болелов, 1991, с. 80–81].

Наиболее близкой, но неполной аналогией калалыгырским мискам являются сосуды этого типа, найденные на Ай-Ханум [Rapin, 1992, Pl. 74, 17–19]. Можно предполагать, что рассматриваемая деревянная миска-чаша либо была изготовлена в подражание керамическим чашам местными мастерами, либо завезена вместе с керамическими сосудами. Если первое предположение верно, а оно кажется наиболее предпочтительным, это может свидетельствовать о высоком уровне токарного производства, а также, возможно, о его длительном развитии на территории Хорезма.

Наличие перелечек форм деревянных сосудов с керамическими — явление не редкое. Вероятно, это определялось повышенным спросом на определенные виды изделий, и изготовление их из более доступных материалов или более доступными средствами. Подобное совпадение форм было отмечено в Кенкольском могильнике [Бернштам, 1940, с. 30].

Глубокая миска с прямо поставленным, горизонтально срезынным венчиком находит близкую аналогию с деревянной чашей, найденной в погребении близ с. Олошети в Северном Причерноморье [Соколовский, 1971, 1981, табл. XXVI, 8]. Деревянный точеный сосуд отличается от калалыгырского несколько большим диаметром и имеет выступ венчика только внутри. Погребение датируется II в. н.э.

В отличие от описанных выше сосудов чаша с округлым венчиком несет разреженные следы реза, что свидетельствует об изготовлении ее на токарном станке с меньшей скоростью вращения. Интересно отметить, что сосуды с частыми следами реза не имеют аналогий среди местной керамики, а сосуд с разреженными следами, т.е. изготовленный на станке медленного вращения, находит таковые. В целом же из-за малочисленности как самих находок деревянной посуды на Калалы-гыр 2, так и сведений по ранней деревянной посуде на территории Средней Азии нет возможности на данный момент однозначно ответить на вопрос о происхождении этой категории изделий.

По этнографическим данным, большие глубокие деревянные миски широко применялись в быту населением Южной Киргизии. Они назывались «нара» и имели диаметр 40–50 см, изготавливались на токарном станке. В этих сосудах замешивали тесто, складывали куски мяса в сыром и вареном виде,

хранили молоко. В них же подавали разные кушанья [Антипина, 1962, с. 145]. У таджиков долины Хуф деревянные точеные чаши-миски служили для замешивания теста, ношения воды, складывания готовой пищи [Писарчик, с. 362, 363]. Сходные функции могли быть и у калалыгырских мисок-чаш.

Плетеные изделия широко распространены в материальной культуре народов Средней Азии с периода древности до современности. Обширные материалы по плетению были получены из ряда могильников: Кенкольского [Бернштам, 1940, с. 21, табл. XXIV], чиркирабатской культуры [Вайнберг, Левина, 193, с. 53, рис. 65, 17–18], джетысарской культуры [Левина, 1994, с. 62–63, рис. 142, 7–9, 12, 13], Карабулакского [Баруздин, 1961, с. 49, 59–60], Исфаринского [Литвинский, 1978, с. 70–71, табл. 14, 1–4]. Раннесредневековый период представлен материалами находок с горы Муг [Бентович, 1958, с. 360], а также Мунчакептинского могильника [Матбабаев, 199, с. 132, 137, рис. 5, 13, 14]. Их бытование зафиксировано также этнографическими материалами периода XIX — начала XX в.

К наиболее распространенному виду плетеных изделий относятся различного рода корзинки. Формы самые разнообразные: круглые, сферические, цилиндрические, прямоугольные и т.д. Размеры корзинок от миниатюрных до достаточно крупных. Форма и их размеры определяли функциональное назначение этих изделий. Миниатюрные корзинки были типичны в инвентаре женских погребений Исфаринского, Карабулакского могильников, различные крупные — для хозяйственных целей, хранения и переноски продуктов и маленькие — для хранения мелких предметов.

В могильниках джетысарской культуры в 12 погребениях выявлены плетеные корзинки с крышками. В них, как и в шкатулочках, лежали туалетные наборы и украшения [Левина, 1994, с. 62, рис. 142, 7–13].

В погребальном инвентаре мавзолея Асар чиркирабатской культуры были обнаружены две плетеные круглые корзинки диаметром 20 и 23 см, высотой 9–10 см, исполненные техникой спирального плетения, обтянутые снаружи кожей с плоскими плетеными крышками к ним, датированные III–I вв. до н.э. [Вайнберг, Левина, 1993, с. 53, рис. 65, 17–18]. В могильниках Ферганы — Ворухском и расположенном у Ворухского ущелья — плетеные корзинки являются частью погребального инвентаря. Корзинки различных форм часто встречаются в женских погребениях: овальные, прямоугольные, круглые; они имеют и разные размеры — от крупных до миниатюрных (8x8 см) [Литвинский, 1978, с. 70–71, табл. 14]. Последние, вероятно, служили туалетными коробочками.

На фоне минимума сведений об использовании дерева в древности на территории Средней Азии, коллекция деревянных изделий с городища Калалы-гыр 2, собранная из стратиграфически датированных культурных слоев, является интереснейшим археологическим комплексом, требующим пристального внимания и тщательного исследования. Благодаря сохранности и широкому применению дерева калалыгырский комплекс деревянных изделий позволил наметить ряд важных проблем: время возникновения местной токарной технологии, накопление опыта по деревообработке, применение отдельных технологических приемов, торговые связи, значение и место изделий из дерева в материальной жизни.

Уверительно ответить на вопрос об использовании местным населением токарного станка не представляется возможным, но напомним два существенных момента: сосуды

с городища изготовлены на токарных станках разных скоростей, причем изготовленные на станке быстрого вращения имеют аналоги в материалах эллинистических городищ; деревянная чаша-миска по форме аналогична айханумским керамическим чашам, которые либо импортировались сюда, либо изготавливались здесь местными мастерами; возможно, в подражание этой форме и была изготовлена деревянная чаша.

Использование пластинного и поперечного способа при точении свидетельствует не только о знании особенностей материала, но и о применении резов повышенной твердости. Причем поперечным способом изготавливались только изделия малого диаметра. Кроме точеных изделий все резные также учитывают особенности материала, так, к примеру, челноки-веретена, ложка и черпак вырезаны из цельных кусков, а древесные волокна их всегда расположены вдоль длин изделий.

Целая группа деревянных изделий с городища свидетельствует о тесной взаимосвязи с эллинистической культурой, импорте отдельных видов изделий — пикид, столовой посуды или изготовление ее на месте в подражание оригинальным эллинистическим формам. Необходимо отметить, что данное явление прослеживается не только в материалах деревянных изделий, но и на целом спектре других предметов материальной культуры. Среди них широко известны каменные туалетные диски, каменные же тарелочки с резным орнаментом по венчику, заполненные пастой, и т.д.

Малая толика сохранившихся пожаром деревянных изделий, дошедших до современного исследователя, заполняет вакуум, образованный в результате почти полного отсутствия артефактов, подтверждающих широкое применение дерева в различных сферах бытовой жизни.

Часть деревянных предметов с городища Калалы-гыр 2 удалось отделить на определение пород древесины, из которых они были изготовлены (см. табл. 1). Микроскопические исследования были проведены ст. научным сотрудником Института географии РАН канд. геогр. наук А.Л. Александровским. Пользуясь случаем, выражаем ему искреннюю признательность за экстренно проведенную работу и полученные в результате ценные сведения. А.Л. Александровским было отмечено, что самшит, из которого была изготовлена большая часть отданных на определение предметов, не произрастает в среднеазиатских пустынях. Он распространен в субтропических регионах с более влажным климатом: в Гималаях, в Малой Азии и Средиземноморье, в Абхазии и в лесах Тальша, а также по южному берегу Каспийского моря. Возможность произрастания крушины, из которой был изготовлен один миниатюрный сосуд, в пустынных условиях региона, по мнению А.Л. Александровского, маловероятна, хотя и не исключена. Остальные породы, указанные в таблице 1, вполне могли произрастать в районе городища Калалы-гыр 2.

Эти данные позволяют очертить круг возможных вариантов происхождения изучаемых изделий. Так, не вызывает сомнения местное изготовление резных изделий — черпака, веретена. Точеные сосуды из карагача оставляют возможность их среднеазиатского, но не местного происхождения, к примеру импорта из районов греческих колоний (Ай-Ханум). Применение самшита свидетельствует либо об импорте изделий, изготовленных из него, либо об импорте самой древесины. Не исключено также и сочетание обоих вариантов. И в том и в другом случае подтверждаются тесные связи

с районами, имевшими высокий уровень (для того времени) деревообрабатывающего производства. Нужно отметить, что из самшита изготовлены изделия, требующие наибольшего мастерства: гребни, миниатюрные сосуды и крышки, а также крупные сосуды, выполненные на токарном станке. Напомним, что если часть миниатюрных сосудов и крупная миска находят близкие аналоги в материалах Северного Причерноморья, то гребни не имеют таковых. Изготовление двух крупных сосудов из местных пород дерева говорит в пользу их местного происхождения. Это, в свою очередь, свидетельствует не только об использовании токарного станка, но и о высоком уровне мастерства.

Таблица 1

№	Наименование изделия	Порода древесины	Рисунок
1.	Сосуд миниатюрный	Самшит (<i>Viburnum sempervirens</i> , br. <i>hyrcana</i>)	Рис. 1, 7
2.	Сосуд миниатюрный	-.-	Рис. 1, 3

3.	Крышка от миниатюрного сосуда	-.-	Рис. 1, 3
4.	Крышка от миниатюрного сосуда	-.-	Рис. 1, 6
5.	Крышка от миниатюрного сосуда	-.-	Рис. 1, 7
6.	Сосуд миниатюрный	Крушина (<i>Rhamnus frangula</i> L.)	Рис. 1, 9
7.	Миска	Берест (карагач) (<i>Ulmus foenicasea</i> , G.)	Рис. 1, 10
8.	Миска	Самшит (<i>Viburnum sempervirens</i> , br. <i>hyrcana</i>)	Рис. 1, 11
9.	Гребень	-.-	Рис. 2, 1
10.	Гребень	-.-	Рис. 2, 2
11.	Гребень	-.-	Рис. 2, 3
12.	Гребень	-.-	Рис. 2, 3
13.	Веретено	Посадия аваяна (<i>Apollodendron Coniifol.</i> , Bgl.)	Рис. 2, 12
14.	Веретено	-.-	Рис. 2, 13
15.	Черпак	Тополь (<i>Populus alba</i> ? L.)	Рис. 2, 16
16.	Миска-чаша	Берест (карагач) (<i>Ulmus foenicasea</i> , G.)	Крупный сосуд

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев, 1949 — *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.—Л., 1949.

Абаев, 1958 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958.

Абаев, 1972 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. М.—Л., 1972.

Абаев 1979 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. М.—Л., 1979.

Абаев 1979а — *Абаев В.И.* Глава в кн.: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.—Л., 1979.

Абаев 1989 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. М.—Л., 1989.

Авеста — Авеста. Избранные гимны из Виспавдата. Пер. И.М. Стеблин-Камenskого. М., 1993.

Амударьинский клад — Амударьинский клад. Каталог выставки и вступительная статья Е.В. Зеймала. Л., 1979.

Андрианов, 1969 — *Андрианов Б.В.* Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969.

Андреев, 1958 — *Андреев М.С.* Таджик долины Хуф. — Труды АН ТаджССР. Вып. II. Сталинабад, 1958.

Антипина, 1962 — *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР. Фрунзе, 1962.

Античные государства.... 1984 — Античные государства Северного Причерноморья (серия «Археология СССР»). М., 1984.

Антонова, 1981 — *Антонова Е.В.* Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках ануской культуры (к проблеме значения). — Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М., 1981, с. 5–21.

Антонова, 1986 — *Антонова Е.В.* К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев. — Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986, с. 35–65.

Арешин, 1988 — *Арешин Г.Е.* Индоевропейский сюжет в мифологии населения междууречья Куры и Аракса II тыс. до н.э. — ВДИ. 1988, № 4.

Арриан, 1962 — *Арриан.* Поход Александра. Пер. с древнегреч. М.Е. Сергеева. М.—Л., 1962.

Аскаров, 1973 — *Аскаров А.А.* Сапалли-тепе. Ташкент, 1973.

Аскаров, Альбаум, 1979 — *Аскаров А.А., Альбаум Л.И.* Поселение Кучук-тепа. Ташкент, 1979.

Валер, Смирнов, 1954 — *Валер О.Н., Смирнов А.П.* «Серебро замкаское» первых веков нашей эры. М., 1954.

Варуздан, 1956 — *Варуздан Ю.Д.* Карабулакский могильник. — Труды Ин-та истории АН КиргССР. Вып. II. Фрунзе, 1956.

Варуздан, 1957 — *Варуздан Ю.Д.* Карабулакский могильник. — Труды Ин-та истории АН КиргССР. Вып. III. Фрунзе, 1957.

Варуздан, 1961 — *Варуздан Ю.Д.* Карабулакский могильник. — Изв. АН КиргССР. Сер. общественных наук. Т. III, вып. 3. Фрунзе, 1961.

Бентович, 1958 — *Бентович И.Б.* Находки на горе Муг. — МИА. № 66. М.—Л., 1958.

Бернштам, 1940 — *Бернштам А.Н.* Кенкольский могильник. — Археологическая экспедиция Гос. Эрмитажа. Вып. II. Л., 1940.

Бернштам, 1952 — *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА. № 26. М.—Л., 1952.

Бикерман, 1975 — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.

Бируни, 1957 — *Абурейхан Бируни.* Избранные произведения. Т. I («Памятники минувших поколений»). Ташкент, 1957.

Бируни, 1966 — *Абурейхан Бируни.* Избранные произведения. Т. III. Геодезия. Ташкент, 1966.

Бобринский, 1978 — *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Боголюбов, 1962 — *Боголюбов М.Н.* Личные местонахождения в хорезмийском языке. — Ученые записки ЛГУ, № 308. Серия востоковедческих наук, вып. 16. Л., 1962, с. 6–15.

Боголюбов, 1973 — *Боголюбов М.Н.* Арамейские надписи на ритуальных предметах из Персеполя. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 32, вып. 2. М., 1973, с. 172–177.

Боголюбов, 1987 — *Боголюбов М.Н.* Армазская эпитафия. — Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987, с. 30–37.

Бойс, 1987 — *Бойс Мэри.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987 (пер. с англ. И.М. Стеблин-Камenskого).

Болелов, 1991 — *Болелов С.Б.* Керамические обязательные печи Нурумского поселения в Северной Туркмении. — Новые открытия в Приаралье, вып. 1. М., 1991.

Болелов, 1997 — *Болелов С.Б.* Гончарство древнего Хорезма: формы организации производства. — ЭО. 1997, № 2.

Болелов, 1998 — *Болелов С.Б.* Крепость Аяз-кала 3 в Правобережном Хорезме. — Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Болелов, 1999 — *Болелов С.Б.* Некоторые итоги археологических работ на Хумбуз-тепе. — ОНУ. 1999, № 9–10.

Болелов, 1999а — *Болелов С.Б.* К вопросу о стандартизации среднеазиатской керамики в древности (по материалам Калалы-гыр 2 в левобережном Хорезме). — VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. ТДК. М., 1999.

Болелов, 2000 — *Болелов С.Б.* К вопросу о соотношении типов и орнаментов в керамике (по материалам Калалы-гыр 2 в левобережном Хорезме). — Средняя Азия. История. Археология. Культура. М., 2000.

Болелов, 2002 — *Болелов С.Б.* Керамические обязательные горны на территории южного и юго-восточного Приаралья (вторая половина I тыс. до н.э. — первые века н.э.). — ИМКУ, вып. 33. Ташкент, 2002.

Болелов, 2002а — *Болелов С.Б.* К вопросу о формах ремесленного керамического производства на территории Средней Азии в древности (конец I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э.). — Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.

Бонгард-Левин, Грантовский, 1974 — *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974.

Борисов, Луконин, 1963 — *Борисов А.Я., Луконин В.Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963.

Брагинский, 1956 — *Брагинский И.С.* Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.

Брагинский, 1972 — *Брагинский И.С.* Из истории персидской и таджикской литератур. М., 1972.

- Юсупов, 1986 — Юсупов Х.Ю. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
- Яблонский, 1996 — Яблонский Л.Т. Сакки южного Приаралья. М., 1996.
- Яблонский, 1999 — Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. М., 1999.
- Яблонский, Колков, 1992 — Яблонский Л.Т., Колков С.М. Могильник Тарым-кня. — Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневекое), вып. 2. М., 1992, с. 62–117.
- Якубов, 1988 — Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988.
- Altheim, 1963 — Altheim F., Stiehl R. Die arämaische Sprache unter den Achämeniden. Lief. I. Frankfurt am Main, 1963.
- Azarpay, 1969 — Azarpay G. Nine Inscribed Choresmian Bowls. — *Artibus Asiae*. Vol. 31, pt. 2–3. Ascona, 1969, с. 185–203.
- Benveniste, 1955 — Benveniste E. Etudes sur quelques textes sogdiens chrétiens I. — *Journal Asiatique*, t. 243. P., с. 298–335.
- Benveniste, 1959 — Benveniste E. Etudes sur quelques textes sogdiens chrétiens II. — *Journal Asiatique*, t. 247. P., 1959, с. 115–134.
- Benveniste, 1966 — Benveniste E. Titres et noms propres en iranien ancien. P., 1966.
- Benzing, 1983 — Benzing J. Chwaresmischer Wortindex. Wiesbaden, 1983.
- Bernard, 1985 — Bernard P. Les monnaies hors trésors, questions d'histoire Gréco-Bactrienne. — *Fouilles d'At-Khanoum*. 4. — MDAFA. T. 28, 1985.
- Bernard, Francfort, 1978 — Bernard P., Francfort H.-P. Etudes de géographie historique sur la plaine d'At-Khanoum (Afghanistan). — *CRA URA*. 1978, No. 10, 1.
- Bowman, 1970 — Bowman R.A. Aramaic Ritual Texts from Persepolis. Chicago, 1970.
- Boyce, 1977 — Boyce M. A Word-list of Manichaean Middle Persian and Parthian. Teheran-Liège (Acta Iranica 9a).
- Cattenat, Gardin, 1977 — Cattenat A., Gardin J.-C. Diffusion comparée de quelques genres de poterie caractéristiques de l'époque achéménide sur le Plateau Iranien et en Asie Centrale. — *Le Plateau Iranien et en Asie Centrale des origines à la conquête en Islamique*. P., 1977.
- Cowley, 1923 — Cowley A. Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C. Oxf., 1923.
- Delannay, 1974 — Delannay J.A. L'araméen d'empire et les débuts de l'écriture en Asie Centrale. — *Acta Iranica*, 2. Téhéran-Liège, 1974, с. 219–236, табл. 1–15.
- Dozy, 1984 — Dozy R. Supplément aux Dictionnaires Arabes par R. Dozy. T. 2, pt. 1, Leyde, 1881. [Цит. по: Бахадиров Р. Метрология в труде хорезмийского ученого Х в. «Мафтих ал-Удум» («Ключи науки»)] — *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования*. М., 1984.
- Diakonoff and Livshits, 2001 — Diakonoff I.M. and Livshits V.A. Parthian Economic Documents from Nisa. Texts I, с. 161–215. (Corpus Inscriptionum Iranicarum, pt. II, vol. II). L., 2001.
- Duchesne-Guillemin, 1962 — Duchesne-Guillemin J. Old Persian *artaca brazmaniy*. — BSOAS, vol. 25/2. L., 1962.
- Dupont-Sommer, 1979 — Observations paléographiques — *Fouilles de Xanthos*. T. 6. La stèle trilingue du Leion, с. 163–169.
- Francfort, 1984 — Francfort H.-P. Fouilles d'At-Khanoum. T. 3. Le sanctuaire du temple à niches indentes. 2. Les trouvailles. P., 1984. (MDFA. T. 27).
- Gardin, 1957 — Gardin J.-C. Céramique de Bactres (MDFA, t. XV). P., 1957.
- Gardin, 1973 — Gardin J.-C. Les céramiques. — *Fouilles d'At-Khanoum*. MDAFA, T. XXI. P., 1973.
- Gershevitch, 1954 — Gershevitch I. A Grammar of Manichaean Sogdian. Oxf., 1954.
- Gershevitch, 1969a — Gershevitch I. Amber at Persepolis. — *Studia classica et orientalia Antonio Pagliaro oblata*. Vol. II. Roma, 1969, с. 167–251.
- Gershevitch, 1969b — Gershevitch I. Iranian Nouns and Names in Elamite Gurb — *Transactions of the Philological Society*. Oxf., 1969, с. 165–200.
- Gharib, 1995 — Gharib B. Farhang-i Sughdi. Tehrân, 1995.
- Gignoux, 1972 — Gignoux Ph. Glossaire des Inscriptions Pehlévies et Parthes (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Supplementary Series. Vol. 1). L., 1972.
- Gignoux, 1986 — Gignoux Ph. Noms propres sassanides en moyen-perse épigraphique (Iranisches Personennamenbuch, Bd. II, Fasc. 2). Wien, 1986.
- Ghirschman, 1954 — Ghirschman R. Village perse-achéménide. — *Mémoires de la Mission Archéologique en Iran*. T. XXXVI. P., 1954.
- Ghirschman, 1958 — Ghirschman R. Notes iraniennes VIII. Le dieu Zurvan sur les bronzes du Luristan. — *Artibus Asiae*, 21, с. 37–42.
- Gnoli, 1974 — Gnoli G. Politique religieuse et conception de la royauté sous les Achéménides. — *Acta Iranica*, T. 2. Leiden, 1974.
- Gnoli, 1980 — Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980.
- Göbl, 1967 — Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Huccen in Baktrien und Indien, Bd. I–IV. Wiesbaden, 1967.
- The Golden..., 2000 — The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from Russian Steppes. The Metropolitan Museum of Art. N. Y., 2000.
- Grenet, 1983 — Grenet F. L'onomastique iranienne à At-Khanoum. — *Bulletin de correspondance hellénique*. T. 107. P., 1983, с. 373–381.
- Hallock, 1969 — Hallock R.T. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969.
- Henning, 1935 — Henning W.B. Arabisch *barâg*. — *Orientalia*, N.S., vol. IV. Roma, 1935, с. 291–293.
- Henning, 1951 — Henning W.B. Zoroaster, Politician or Witch-doctor? L., 1951.
- Henning, 1956 — Henning W.B. The Khwarezmian Language — Z.V. Togan'a Armağan. Istanbul, 1956, с. 421–436.
- Henning, 1958 — Henning W.B. *Mitteliranisch*—Handbuch der Orientalistik, I. Abt., 4. Bd.: Iranistik, 1. Abschnitt: Linguistik. Leiden-Köln, 1958, с. 20–130.
- Hinz, 1971 — Hinz W. Dantes persische Vorläufer — *AMI*, Bd. 4. B., 1971.
- Hinz, 1973 — Hinz W. Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973.
- Hoftijzer, Jongeling, 1995 — Hoftijzer J. and Jongeling K. Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions. Pt. 1. Leiden—New York—Köln, 1995.
- Humbach, 1985 — Humbach H. About Gopatšah, His Country and Khorezmian Hypothesis. — *Acta Iranica*, 2 série, LX. Papers in Honour of Professor Mary Boyce. Leiden, 1985.
- Ingraham, Summers, 1979 — Ingraham M.L., Summers G. Stelae and Settlement in the Mesckin Shahr Plain Northeastern Azerbaijan, Iran. *AMI*, Bd. 12. B., 1979.
- Kleiss, Kroll, 1976 — Kleiss W., Kroll S. Zweite Plätze des 6. JH. v. Chr. in iranische Aserbaïjan. — *AMI*, Bd. 9. B., 1976.
- Kleiss, Kroll, 1979 — Kleiss W., Kroll S. Vermessene uratische Plätze in Iran (West Aserbaïjan) und Neufunde (Stand und Forschung 1978). — *AMI*, Bd. 12. B., 1979.
- Kraeling, 1953 — Kraeling E.G. The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Haven, 1953.
- Lyonnnet, 1997 — Lyonnnet B. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. — *Prospeccions archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978)*, Vol. 2. P., 1997.
- Lyonnnet, 1998 — Lyonnnet B. Les Grecs, les Nomades et l'indépendance de la Sogdiane, d'après l'occupation comparée d'At-Khanoum et de Marakanda au cours des derniers siècles avant notre ère. — *Bulletin of the Asia Institute*. Michigan, 1998.
- MacKenzie, 1971 — MacKenzie D.N. A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.
- MacKenzie, 1971a — MacKenzie D.N. The Khwarezmian Glossary III — BSOAS, Vol. 34, Pt. 2, с. 314–330. L., 1971.
- MacKenzie, 1988 — MacKenzie D.N. Khwarezmian and Avestan. — *East and West*, Vol. 38. Roma, 1988, с. 81–92.
- MacKenzie, 1990 — MacKenzie D.N. The Khwarezmian Element in the "Qunyat al-munya". L., 1990.
- Markwart, 1938 — Markwart J. Wehrot und Arng. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
- Mayrhofer, 1973 — Mayrhofer M. *Onomastica Persepolitana*. Wien, 1973.

- Mayrhofer, 1977 — Mayrhofer M. Die avestischen Namen (Iranisches Personennamenbuch, Bd. I, Fasc. 1). Wien, 1977.
- Mayrhofer, 1979 — Mayrhofer M. Die Altpersische Namen (Iranisches Personennamenbuch, Bd. I, Fasc. 2). Wien, 1979.
- Mayrhofer, 1992 — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. I. Heidelberg, 1992.
- Morano, 1990 — Morano E. Contributi all'interpretazione della bilingue greco-parthica dell'Eraclé di Seleucia. — *Proceedings of the First European Conference of Iranian Studies*. Pt. I. Rome, 1990, с. 229–238.
- Morgenstierne, 1938 — Morgenstierne G. Indo-iranian Frontier Languages. Pamir Languages (Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashmi and Wakhi). Vol. II. Oslo, 1938.
- Nyberg, 1938 — Nyberg H.S. Die Religion des alten Iran. Lpz., 1938.
- Nyberg, 1995 — Nyberg H.S. *Frahang i pahlavik*, ed. by Bo Utas. Wiesbaden, 1995.
- Périkhanian, 1966 — Périkhanian A. Une inscription araméenne du roi Artasès trouvée à Zangéour (Siwnik). — *Revue des études arméniennes*, N.S., t. 3. P., 1966, с. 17–29.
- Périkhanian, 1971 — Périkhanian A. Les inscriptions araméennes du roi Artasès. — *Revue des études arméniennes*, N.S., t. 8. P., 1971, с. 169–174.
- Porada, 1965 — Porada E. The Art of Ancien Iran. N. Y., 1965.
- Rapin, 1983 — Rapin C. Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'At-Khanoum (Afghanistan). — *Bulletin de correspondance hellénique*, T. 107. P., 1983, с. 315–372.
- Rapin, 1992 — Rapin C. La trésorerie du palais hellénistique d'At-Khanoum. — MDAFA, t. XXXIII. P., 1992.
- Reichert, 1931 — Reichelt H. Die sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. Bd. II. Heidelberg, 1931.
- Rotroff, 1997 — Rotroff S. Hellenistic Pottery, Athenian and Imported Wheelmade. Table Ware and Related Material. — *The Athenian Agora*. Vol. XXIX. Princeton, New Jersey, 1997.
- Schmitt, 1973 — Schmitt R. Die Kosenamen suffixe *-ina-* und *-uka-*. — [Приложение к:] Mayrhofer, 1973, с. 287–298.
- Segert, 1986 — Segert S. *Altaramäische Grammatik*. 3. Auflage. Lpz., 1986.
- Seipel, 1999 — Seipel W. Schätze des Orients. Hrsg. von Wilfried Seipel. Wien, 1999.
- Sims-Williams, 1992 — Sims-Williams N. Sogdian and Other Iranian Inscriptions of the Upper Indus. II. L., 1992.
- Sims-Williams, 2000 — Sims-Williams N. *Bactrian Documents*. I. L., 2000.
- Skjærve, 1986 — Skjærve P.O. Verbs in Parthian and Middle Persian Inscriptions — *Studia*. Grammatica Iranica. Festschrift für H. Humbach. München, 1986, с. 425–439.
- Skjærve, 1995 — Skjærve P.O. Aramaic in Iran. — *Aram*, t. 7. L., 1995, с. 281–292.
- Stein, 1921 — Stein A. *Serindia*. Oxf., 1921.
- Stein, 1923 — Stein A. *Sand-Buried Ruins of Khotan*. L., 1923.
- Unvala, 1929 — Unvala J.M. *Gopatšah*. — BSOAS. L., 1929, Pt. III, с. 505.
- Vainberg, 1994 — Vainberg B.I. The Kalali-Gir 2. Ritual Center in Ancient Khwarazm. — *Bulletin of the Asia Institute*. Vol. 8, с. 67–80.
- Veuve, 1987 — Veuve S. *Fouilles d'At-Khanoum*. VI (MDAFA, t. XXX). P., 1987.
- Zav'lov, 1996 — Zav'lov V.A. Excavations of Kaladziik-tepe in Khoresm. — *Ancient Civilizations*, 3, 3–2. Leiden, 1996.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. М.
ВДИ	— Вестник древней истории
ГМИНВ, ГМВ	— Гос. Музей искусства народов Востока
ГЭ	— Гос. Эрмитаж
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Таш.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии РАН
КД	— Каракумские древности. Аш.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмени
МНМ	— Мифы народов мира
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции
ОНУ	— Общественные науки в Узбекистане
пом.	— помещение
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников

СААЭ	— Советско-афганская археологическая экспедиция
СДГМ	— Согдийские документы с горы Муг
ТДК	— Тезисы докладов конференции
ТИАЭ	— Труды Института археологии и этнографии
ТОВГЭ	— Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии
ФАН УзССР	— Филiaal Академии наук Узбекской ССР
ЭО	— Этнографическое обозрение
ЮТАКЭ	— Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
Awb	— Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. 2. Unveränderte Auflage. B., 1961.
AMI	— Archäologische Mitteilungen aus Iran. B.
BSO(A)S	— Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. L.
CRA URA	— Centre de Recherches Archéologiques. Unité de Recherches Archéologiques. P.
MDAFA	— Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. P.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Глава 1

- Рис. 1/1. Карта правобережного Хорезма. Памятники второй половины I тыс. до н.э.
 Рис. 1/2. Карта южного Хорезма. Памятники второй половины I тыс. до н.э.
 Рис. 1/3. Карта левобережного Хорезма. Памятники второй половины I тыс. до н.э.
 Рис. 1/4. Калалы-гър 2. Вид с самолета до раскопок
 Рис. 1/5. Калалы-гър 2. Перспективный рисунок памятника Н.П. Толстова. 1939 г.

Глава 2

- Рис. 2/1. План поселения около культового центра (сделан на базе аэрофотосъемки 1951 г.)
 Рис. 2/2. Аэрофотопламятник и ближайших окрестностей к северу от него (вид до раскопок. Съемка Н.И. Игонина 1971 г.)
 Рис. 2/3. Вид с севера на памятники с урвня такыров
 Рис. 2/4. План Калалы-гър 2. Раскопы отмечены буквой Р и номером, помещения — цифрой, функциональные зоны имеют номер, помещенный в кружок: 1 — ворота; 2 — входной комплекс; 3 — верхняя площадка с алтарными нишами; 4 — помещение, связанные с хранением хаюми (?); 5 — центральное здание; 6 — круглый храм; 7 — центральный алтарь; 8 — место перекидного моста
 Рис. 2/5. Виноградник в окрестностях культового центра
 Рис. 2/6. I-I — основной стратиграфический разрез (к юго-западу от круглого здания); II-II и III-III — разрезы по землянкам с остатками производства
 Рис. 2/7. Раскоп 5. Фасад и разрез стены. Вид снаружи
 Рис. 2/8. Вид участка стрелкового коридора крепости у места стыка с западной стеной входного комплекса
 Рис. 2/9. Контрфорс у внутренней стены стрелкового коридора
 Рис. 2/10. Раскоп 2. Башня — вид изнутри
 Рис. 2/11. Раскоп 2. Разрез через башню и стрелковый коридор
 Рис. 2/12. План восточных угловых башен (раскоп 12)
 Рис. 2/13. План южных башен
 Рис. 2/14. План западных башен
 Рис. 2/15. Разрез стрелкового коридора крепости у места стыка с восточной стеной входного комплекса
 Рис. 2/16. Раскоп 1 — круглое здание. Панорама со стороны помещений 6, 4 и 5
 Рис. 2/17. Общий анализ плана крепости Калалы-гър 2
 Рис. 2/18. Пандус к алтарной площадке (снята обвязка «полая пандуса»)
 Рис. 2/19. Входной комплекс. Разрез по линии С-Ю с видом на восточную стену
 Рис. 2/20. Входной комплекс. Разрез по линии В-З

- Рис. 2/21. Раскоп 10. Культовая ниша в восточной стене входного комплекса. Справа раскоп 3
 Рис. 2/22. Панорама раскопов 1, 1/1, 1/2. Вид с крепостной стены
 Рис. 2/23. План части застройки у круглого храма на стыке раскопов 1/1 и 1/2
 Рис. 2/24. Пом. 1 раскопа 1/1. Бровки с каркасными стенками
 Рис. 2/25. Застройка около круглого храма. Раскоп 1/1, пом. 1, 2, 5, 7
 Рис. 2/26. Раскоп 1/1, пом. 1 и 2. На переднем плане бровка со следами перегородки между помещениями
 Рис. 2/27. Развал кушников у стены пом. 5 раскопа 1/1
 Рис. 2/28. План западного участка застройки между круглым храмом, крепостной стеной и стеной, ограждающей застройку с запада
 Рис. 2/29. Разрезы через застройку западного участка около круглого храма
 Рис. 2/30. Разрез наслоений в раскопе 1/1, пом. 16
 Рис. 2/31. Разрезы культурных наслоений около круглого здания в южной части (по линии пом. 17-18)
 Рис. 2/32. Вид на круглое здание и застройку около него с севера
 Рис. 2/33. Раскоп 1/2. Вид на пом. 1-4, 7, 8. Пом. 7 перегородивает бровка
 Рис. 2/34. Раскоп 2. Справа крепостная стена
 Рис. 2/35. Раскоп 2. План вскрытой части застройки
 Рис. 2/36. Участок раскопа 2. План с развалами горелого дерева и растительных волокон
 Рис. 2/37. Раскоп 3. Вид с юга
 Рис. 2/38. План коридора «верхних» ворот
 Рис. 2/39. Нижняя обвязка «верхних» ворот
 Рис. 2/40. Входной комплекс. Верхняя площадка. План и фасад «культовых» нишек
 Рис. 2/41. Раскоп 7. Общий вид
 Рис. 2/42. Раскоп 7а. План северной части
 Рис. 2/43. Сгоревшие деревянные колеса. Фото
 Рис. 2/44. Сгоревшие деревянные колеса. Обмеры
 Рис. 2/45. Раскоп 7а. Котлован. Планы и разрезы
 Рис. 2/46. Ямки от строительных лесов с северной стороны от входной башни круглого храма
 Рис. 2/47. Раскоп 1/2, пом. 7. План
 Рис. 2/48. Проход к пандусу, ведущему на алтарную площадку. Видны «четверти» для дверной коробки
 Рис. 2/49. Вид на ворота на входной комплекс
 Рис. 2/50. Ворота во входном комплексе. План и разрезы
 Рис. 2/51. Камни в пом. 7 раскопа 1/2
 Рис. 2/52. Камни с завалившимися внутрь экраном
 Рис. 2/53. Раскоп 1/1, пом. 8. Приставной очаг
 Рис. 2/54. Анализ планов круглых храмов
 Рис. 2/55. а) круглый храм на Калалы-гър 2
 б) план круглого здания на поселении Гъур-кала 3
 Рис. 2/56. Раскоп 1/2. Пом. 10-14. План

Глава 3

- Рис. 3/1. Формы сосудов и виды венчиков
 Рис. 3/2. Керамика 1-й группы. Открытые формы
 Рис. 3/3. Керамика 1-й группы. Типы горшков
 Рис. 3/4. Керамика 1-й группы. Типы горшков
 Рис. 3/5. Керамика 1-й группы. Редкие формы
 Рис. 3/6. Керамика 2-й группы. Тагора
 Рис. 3/7. Керамика 2-й группы. Хумы и хумчи
 Рис. 3/8. Керамика 2-й группы. Кувшины без ручки
 Рис. 3/9. Керамика 2-й группы. Типы горшков
 Рис. 3/10. Керамика 2-й группы. Типы горшков
 Рис. 3/11. Керамика 2-й группы. Горшковидные сосуды
 Рис. 3/12. Керамика 2-й группы. Крышки
 Рис. 3/13. Керамика 2-й группы. Крышки
 Рис. 3/14. Керамика 2-й группы. Фляги
 Рис. 3/15. Керамика 3-й группы. Кубки
 Рис. 3/16. Керамика 3-й группы. Типы чаш
 Рис. 3/17. Керамика 3-й группы. Чаши и кружки
 Рис. 3/18. Керамика 3-й группы. Типы мисок
 Рис. 3/19. Керамика 3-й группы. Типы мисок
 Рис. 3/20. Керамика 3-й группы. Кратеры
 Рис. 3/21. Керамика 3-й группы. Ритоны I типа
 Рис. 3/22. Керамика 3-й группы. Ритоны II типа
 Рис. 3/23. Керамика 3-й группы. Кувшины I типа
 Рис. 3/24. Керамика 3-й группы. Кувшины II типа
 Рис. 3/25. Сероглиняная керамика, 3-я группа
 Рис. 3/26. Керамика Калалы-гыр 2
 Рис. 3/27. Миниатюрные сосуды
 Рис. 3/28. Фрагменты глазурированной посуды
 Рис. 3/29. Таблица 3. Соотношения линейных параметров закрытых форм 2-й группы
 Рис. 3/30. Таблица 4. Полигон распределения диаметров крышек
 Рис. 3/31. Таблица 5. Соотношения параметрических признаков открытых форм 3-й группы

Глава 4

- Рис. 4/1. План бронзолитейного производства в пом. 1, раскоп 3
 Рис. 4/2. Тигли из пом. 1, раскоп 3
 Рис. 4/3. Железные детали верхних ворот
 Рис. 4/4. Железные изделия
 Рис. 4/5. Бронзовые наконечники стрел
 Рис. 4/6. Пом. 10 раскопа 1/1. Развалы сосудов и олений рог в западной части помещения. Вид с юга
 Рис. 4/7. Изделия из кости
 Рис. 4/8. Каменные сосудики, форма для отливки колокольчиков, костяные и стеклянные подвески
 Рис. 4/9. Каменный терочник
 Рис. 4/10. а) керамические изделия
 б) каменные изделия
 Рис. 4/11. Образец сгоревшей плетеной корзины
 Рис. 4/12. Веревки из растительных волокон
 Рис. 4/13. Предметы из шкатулки

Глава 5

- Рис. 5/1. Ритоны местного производства
 Рис. 5/2. Амфоровидный керамический ритон. Фото
 Рис. 5/3. Амфоровидный керамический ритон с верхней алтарной площадки
 Рис. 5/4. Ритоны. Фото
 Рис. 5/5. Сосуд с граффити
 Рис. 5/6. Фигура, подчеркнутая по сырой глине на граффити

- Рис. 5/7. Импортная чернолощенная керамика
 Рис. 5/8. Рисунок нового типа терракот («дама с фижками») Фото
 Рис. 5/9. Терракотовая статуэтка с одноручьем кувшином
 Рис. 5/10. Рисунок терракотовой статуэтки в нераспашной одежде
 Рис. 5/11. Мужская терракотовая статуэтка. Фото
 Рис. 5/12. Терракотовые статуэтки, образцы типов 1 и 2. Фото
 Рис. 5/13. Терракотовые статуэтки, образцы типов 1 и 2. Рисунки
 Рис. 5/14. Терракотовые фигурки типа 3
 Рис. 5/15. Обнаженные терракотовые статуэтки. Тип 4. Фото
 Рис. 5/16. Обнаженные женские статуэтки. Рисунки
 Рис. 5/17. Рисунок терракотовой статуэтки типа 5
 Рис. 5/18. Статуэтка лошади. Фото
 Рис. 5/19. Статуэтки животных. Рисунки
 Рис. 5/20. Калалы и оттиски в них. В центре необожженная статуэтка
 Рис. 5/21. Головка бычка
 Рис. 5/22. Форма (кальб) для статуэтки
 Рис. 5/23. Образцы ручек с напелами львиных голов
 Рис. 5/24. Навершие из рога оленя

Глава 6

- Иллюстрации одного документа идут под одним номером с буквами а, б и т.д.
 Рис. 6/1. № 1 — раскоп 1/1. Зачистка за стеной круглого здания. Яма на месте пом. 3 и 4. Фото
 Рис. 6/2. № 2 — раскоп 1/1, пом. 1, верхний слой. Фото
 Рис. 6/3. № 3 — Verso. Раскоп 1/2, пом. 8, яма 2. Фото
 Рис. 6/3. № 3 — Recto. Раскоп 1/2, пом. 8, яма 2. Фото
 Рис. 6/4. № 4 — прорисовка надписей на хуме. Раскоп 1/2, пом. 10. На прорисовке хума сверху обозначены буквами сектора для ориентации в расположении надписей
 Рис. 6/4а. № 4 — раскоп 1/2, пом. 10. Надпись на хуме (на стыке секторов «а» и «в»). Фото
 Рис. 6/4б. № 4 — раскоп 1/2, пом. 10. Надпись на хуме (сектор «в»). Фото
 Рис. 6/4в. № 4 — раскоп 1/2, пом. 10. Надпись на хуме (на стыке секторов «в» и «с»). Фото
 Рис. 6/4г. № 4 — раскоп 1/2, пом. 10. Надпись на хуме (сектор «а»). Фото
 Рис. 6/5. № 5 — Recto. Раскоп 1/2, пом. 8, нижний слой. Фото
 Рис. 6/5а. № 5 — Verso. Раскоп 1/2, пом. 8, нижний слой. Фото
 Рис. 6/6. № 6 — раскоп 1/2, пом. 7, верхний слой. Фото
 Рис. 6/7. № 7 — раскоп 1/1, пом. 1. Фото
 Рис. 6/8. № 8 — раскоп 1/1, пом. 6, верхний слой. Фото
 Рис. 6/9. № 9 — раскоп 1/1, пом. 6, восточная часть. Фото
 Рис. 6/10. № 10 — раскоп 4, с пола стрелкового коридора. Фото
 Рис. 6/10а. № 10 — раскоп 4, с пола стрелкового коридора. Прорисовка
 Рис. 6/11. № 11 — раскоп 4, с пола стрелкового коридора
 Рис. 6/11а. № 11 — раскоп 4, с пола стрелкового коридора. Прорисовка
 Рис. 6/12. № 13 — раскоп 1/2, пом. 7, верхний слой. Фото
 Рис. 6/13. № 14 — раскоп 1/2, пом. 8, зеленый слой. Фото
 Рис. 6/14. № 15 — раскоп 1/2, пом. 8, нижний слой. Фото
 Рис. 6/15. № 16 — раскоп 1/2, пом. 8, нижний слой. Фото
 Рис. 6/16. № 18 — раскоп 1/2, пом. 8, нижний слой. Фото
 Рис. 6/17. № 19 — круглое здание, пом. 2. Фото
 Рис. 6/18. № 19 — круглое здание, пом. 2. Прорисовка
 Рис. 6/19. № 20 — раскоп 1/2, закладка коридора у угловых башен. Фото
 Рис. 6/20. № 21 — раскоп 1/1, пом. 10, горелый слой. Фото
 Рис. 6/21. № 22 — раскоп 1/2, пом. 11. Фото

- Рис. 6/22. № 23 — раскоп 1/1, пом. 1, над слоем последнего пожара. Надпись на керамической фляге под рельефом (увеличено). Фото
 Рис. 6/23. Надпись на фляге (увеличено). Фото
 Рис. 6/24. № 24 — раскоп 1/1, пом. 1, верхний слой. Фото
 Рис. 6/25. Гяур-кала 3. № 1 — из прямоугольного зала центрального здания. Надпись на хуме. Фото
 Рис. 6/26. Гяур-кала. № 2 — из прямоугольного зала центрального здания. Надпись на хуме. Фото
 Рис. 6/27(а-г). Палеографические таблицы

Глава 7

- Рис. 7/1. Рельеф с календарным мифом. Фото
 Рис. 7/2. Рельеф с календарным мифом. Рисунок
 Рис. 7/3. Рельеф с оленем на ветке дерева. Фото
 Рис. 7/4. Рельеф с оленем на ветке дерева. Рисунок
 Рис. 7/5. Скарabeонд с Гяур-калы 3 с оленем, пораженным стрелой
 Рис. 7/6. Фрагмент рельефа со схематичным изображением хаомы
 Рис. 7/7. Схематичный рисунок рельефа из кургана на Шахсенемском гыре
 Рис. 7/8. Рельеф с Гопатшахом. Фото
 Рис. 7/9. Рельеф с Гопатшахом. Рисунок
 Рис. 7/10. Рельеф со сценой борьбы и надписью. Фото
 Рис. 7/11. Рельеф со сценой борьбы и надписью. Рисунок
 Рис. 7/12. Фляга с всадником на двугорбом верблюде, ползущим к дереву. Рисунок
 Рис. 7/13. Фрагменты рельефов с композицией всадник на двугорбом верблюде. Фото
 Рис. 7/14. Фрагмент рельефа с всадником. Фото
 Рис. 7/15. Фрагмент рельефа с всадником. Рисунок
 Рис. 7/16. Рельеф на фляге. Фото
 Рис. 7/17. Фрагменты рельефов. Фото
 Рис. 7/18. Налепы на ручках сосудов в виде женской головки. Фото

Цветные иллюстрации

1. «Вавилонский фаянс». Раскоп 1/1
2. Столовая керамика
3. Навершие алтара из раскопа 7
4. Каменные сосуды
5. Алтарные подставки
6. Модели колес
7. Миниатюрные сосуды
8. Фрагменты «рогатых кирпичей» — подставок под вертела
9. «Крышки» от импортных миниатюрных сосудов
10. Протома импортного ритона в виде конской головки
11. Импортный керамический ритон
12. Керамический ритон. Раскоп 1/1, пом. 2
13. Расписная фляга
14. Фрагменты сосудов с поливной
15. Фрагменты каменных сосудов
16. Изделия из кости
17. Сосуд с отверстиями в дне. Раскоп 2
18. Расписная фляга
19. Пряслица (керамика и камень)
20. Импортный ритон с фигурой Ахелоя
21. Амфоровидный ритон. Раскоп 3, пом. 2
22. Фрагмент керамического ритона с протомай коня

Приложение 1

- Рис. 1. Поселение Гяур 3. План центральной части
 Рис. 2. Поселение Гяур 3. План круглого здания
 Рис. 3. Необожженная статуэтка. Рисунок
 Рис. 4. Налеп на стенке лепного сосуда

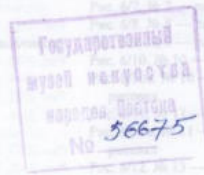
Приложение 4

- Рис. 1. Деревянная посуда и миниатюрные сосуды. Калалы-гыр 2
 Рис. 2. Предметы туалета и веретена. Калалы-гыр 2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Венецианский рынок

Глава 1	Историко-археологическая характеристика эпохи	3
Глава 2	Основные итоги раскопок на Калалы-гыре 2	12
Глава 3	Керамика	93
Глава 4	Производственные комплексы и бытовые предметы	148
Глава 5	Культовая керамика и памятники искусства	164
Глава 6	Надписи и документы	188
Глава 7	Реконструкция верований древних хорезмийцев по археологическим материалам	213
Заключение		237
Приложение 1	Б.И. Вайнберг. Основные итоги раскопок круглого здания на Гаур-кале 3	243
Приложение 2	Б.И. Вайнберг. Список основных памятников Хорезма со слоями IV—I вв. до н.э.	248
Приложение 3	Б.И. Вайнберг. Каталог антропоморфных терракот из Калалы-гыр 2	249
Приложение 4	С.Б. Болелов, Н.Д. Даурченская. Деревянные изделия из раскопок Калалы-гыр 2	265
Библиография		275
Список сокращений		282
Список иллюстраций		283

Научное издание

КАЛАЛЫ-ГЫР 2
 Культовый центр
 в Древнем Хорезме IV—II вв. до н.э.

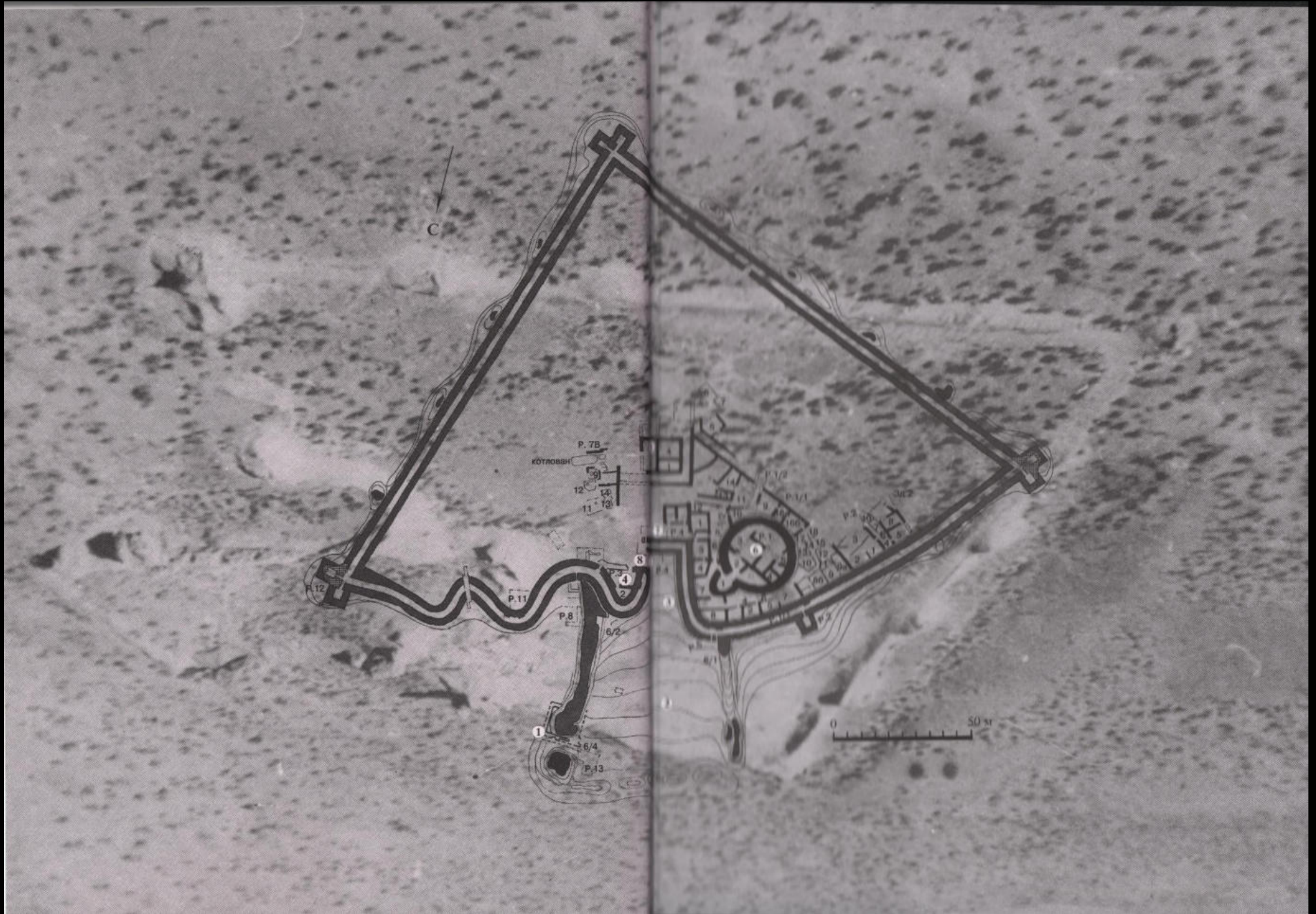
Утверждено к печати
 Институтом этнологии и антропологии РАН

Редактор В.И. Мартынюк
 Художник Э.Л. Эрман
 Технический редактор О.В. Волкова
 Корректор Е.В. Карюкина
 Компьютерная верстка Н.А. Важенкова

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	Подписано к печати 04.06.04	1
Глава 1. Методология исследования	Формат 60×90 ^{1/4}	2
Глава 2. Описание объекта исследования	Печать офсетная	12
Глава 3. Характеристика объекта исследования	Усл. п. л. 36,0 + 1,5 (вкл.)	17
Глава 4. Препаративная работа	Усл. кр.-отт. 42,0. Уч.-изд. л. 45,7	18
Глава 5. Косвенные признаки	Тираж 800 экз. Изд. № 8111	19
Глава 6. Заключение	Зак. № 10352	19
Глава 7. Заключение	Издательская фирма	19
Заключение	«Восточная литература» РАН	19
Приложение 1	127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21	213
Приложение 2	ППП «Типография «Наука»	237
Приложение 3	121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6	237
Приложение 4	К.И. Вайцман. Описание мшк и раскраски рукописи Лавина из Гурьевск 1	244
Приложение 5	К.И. Вайцман. Описание мшк и раскраски рукописи Лавина из Гурьевск 2	244
Приложение 6	К.И. Вайцман. Описание мшк и раскраски рукописи Лавина из Гурьевск 3	244
Приложение 7	К.И. Вайцман. Описание мшк и раскраски рукописи Лавина из Гурьевск 4	244
Приложение 8	С.А. Иванов, Н.В. Дурманова. Деревянные изделия из раскраски Колымск 1	285
Библиография		270
Список сокращений		282
Список иллюстраций		283

Издательство
 «Восточная литература» РАН
 Москва 127051
 36675

Настоящая книга посвящена публикации материалов из уникального археологического памятника — культового центра Калалы-гыр 2 в Древнем Хорезме, датируемого IV—II вв. до н.э.

Расположен он в пределах Присарыкамышской дельты Амударьи. Памятник погиб от пожара, что сохранило в культурном слое прекрасные образцы бытовой и культовой керамики.

В комплексе выделяются керамические рельефы с мифологическими сценами, что позволяет реконструировать круг основных верований населения. Анализ планировок памятника и отдельных его объектов дает основание сделать вывод о строгих закономерностях в архитектурных построениях, следовании определенному модулю

и общим принципам построения культовых сооружений типа иранского «бразмана» — объекта, связанного с основным в культуре индоевропейцев культом плодородия.

Впервые на территории Средней Азии выделяется часть памятника, где проводились публичные религиозные обряды;

это было своеобразное театральное действие, подобное греческому. В восстанавливаемых по археологическим материалам верованиях четко фиксируется влияние зороастризма младоавестийского толка, сочетающегося с весьма архаичными индоевропейскими, индоиранскими и древнеиранскими верованиями.

